

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 23. № 3

2024

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Главная тема номера: / Mainstream issue:

Современные речевые практики: междисциплинарные аспекты исследования

Modern Speech Practices: Interdisciplinary Aspects of Research

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 23. No. 3

2024

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2024

Том 23. № 3

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2024

Volume 23. No. 3

18+

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2024. Vol. 23. No. 3

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Mainstream issue:

Modern Speech Practices: Interdisciplinary Aspects of Research

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *D. Vovvodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, DPR);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Turin, Italy);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany);

PhD, Assoc. Prof. *Yan Kai* (Zhuhai, China)

Editors, Proofreaders: *A.O. Akimova, M.V. Gayval,*
I.V. Smetanina

Editors of English texts: *O.S. Volkova, D.A. Novak*
Making up and technical editing by *O.N. Yadykina*

Passed for printing on May 20, 2024.

Date of publication: Sept. 12, 2024. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 19.4. Published pages 20.9.

Number of copies 500 (1st printing 1–32 copies).

Order 64. «C» 19.

Open price

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2024. Т. 23. № 3

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Главная тема номера:

Современные речевые практики: междисциплинарные аспекты исследования

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);

д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохватилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, ДНР);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Турин, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шипелевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия);
PhD (филология), доц. *Янь Кай* (г. Чжухай, Китай)

Редакторы, корректоры: *А.О. Акимова, М.В. Гайваль, И.В. Сметанина*

Редакторы английских текстов: *О.С. Волкова, Д.А. Новак*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ябыкиной*

Подписано в печать 20.05 2024 г.

Дата выхода в свет: 12.09 2024 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 19,4.

Уч.-изд. л. 20,9. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–32 экз.).

Заказ 64. «С» 19.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

Теория и практика речевой коммуникации

- Пищальникова В.А., Степыкин Н.И.*
Речевое действие
как смыслообразующий компонент коммуникации:
психолингвистические параметры анализа 6
- Баранов А.Н.* Магические дискурсивные практики
в русском публичном дискурсе 17
- Комалова Л.Р.* Речевые практики протеста:
ассоциативное исследование понятия 29
- Котов А.А., Переверзева С.И.*
Автоматический анализ фреймов
для оценки воздействия текста 41
- Радбиль Т.Б.* «Язык ценностей»
в отечественных интернет-СМИ:
когнитивно-дискурсивный аспект 55
- Дзюба Е.В.* Транспарентность в языке и дискурсе:
модель междисциплинарного анализа 65

Симулятивные и конфликтогенные речевые практики

- Зайцева О.В., Катыхев П.А., Иванов П.К.*
Коммуникативная симуляция:
к разработке интерперсональной модели 80
- Ионова С.В., Махаева Е.В.* Социально-сетевые боты
в естественной коммуникации:
проблемы диагностики 93
- Огорелков И.В., Фролова Ю.А., Мятлик Т.В.*
Речевая маскировка авторства
в конфликтогенных текстах: лингвистические,
правовые и психологические аспекты 109
- Джунковский А.В.* Новые сферы применения методов
лингвистической стеганографии [На англ. яз.] 124
- Плотникова А.М.* Жанры новых медиа
в практике лингвистической экспертизы 134
- Иваненко Г.С.* Конфликтогенный потенциал
обозначений временных периодов
в деловом дискурсе: лингвоэкспертный подход 144

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Тупикова Н.А.* Этнолингвистические скрепы
в речи носителей донских и украинских говоров
Волгоградской области 156

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

- Мельник Н.В., Митякина О.В.*
Делегитимирующий потенциал
аксиологической оппозиции «свой-чужой»
(на материале англоязычных
политических интернет-комментариев) 172

CONTENTS

MAINSTREAM ISSUE

Speech Communication Studies

- Pishchalnikova V.A., Stepykin N.I.*
Speech Action
as a Meaning-Forming Component of Communication:
Psycholinguistic Parameters of Analysis 6
- Baranov A.N.* Magical Discursive Practices
in Russian Public Discourse 17
- Komalova L.R.* Speech Practices of Protest:
An Associative Research on Semantics 29
- Kotov A.A., Pereverzeva S.I.*
Automatic Frame Analysis
for the Evaluation of Text Influence 41
- Radbil T.B.* “Language of Values”
in Domestic Internet Media:
Cognitive-and-Discursive Aspect 55
- Dziuba E.V.* Transparency in Language and Discourse:
A Model for Interdisciplinary Analysis 65

Simulative and Conflict-Prone Speech Practices

- Zaytseva O.V., Katyshev P.A., Ivanov P.K.*
Communication Simulation: On the Development
of the Interpersonal Model 80
- Ionova S.V., Makhaeva E.V.* Social Network Bots
in Natural Communication:
Problems of Diagnostics 93
- Ogorelkov I.V., Frolova Yu.A., Myatlik T.V.*
Speech Masking of Authorship
in Conflict-Prone Texts: Linguistic,
Legal and Psychological Aspects 109
- Dzhunkovskiy A.V.* New Uses
for Linguistic Steganography 124
- Plotnikova A.M.* Genres of New Media
in Linguistic Expertise Practices 134
- Ivanenko G.S.* Conflict-Prone Time Frame Nominations
in Business Discourse:
Linguistic Expert Approach 144

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

- Tupikova N.A.* Ethnolinguistic Bonds
in the Speech of the Don and Ukrainian Dialects
of the Volgograd Region 156

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

- Melnik N.V., Mityakina O.V.*
Delegitimising Potential
of the “Friend-Foe” Axiological Opposition
(Exemplified by English-Language
Political Internet Comments) 172

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Токарев Г.В. Прагматическая природа идентичности
как лингвокультурологической категории 186

ДИСКУССИИ

Сидорова Е.Г. Аппозитивные сочетания
в русском языке: объем понятия
и синтаксическая характеристика 195

MATERIALS AND REPORTS

Tokarev G.V. Pragmatic Nature of Identity
as a Linguacultural Category 186

DISCUSSIONS

Sidorova E.G. Appositive Combinations
in the Russian Language: Concept Scope
and Syntactic Characteristics 195

www.volsu.ru

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.1>

UDC 81'23

LBC 81.006

Submitted: 31.01.2024

Accepted: 19.03.2024

SPEECH ACTION AS A MEANING-FORMING COMPONENT OF COMMUNICATION: PSYCHOLINGUISTIC PARAMETERS OF ANALYSIS

Vera A. Pishchalnikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Nikolay I. Stepykin

National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Moscow, Russia

Abstract. The paper focuses on identifying the number of Overlapping Associates (O) and Overlapping Associate Strength (OSG), as well as on demonstrating the possibilities of using these indices in the analysis of a speech action. The associative fields *bogatyj* and *bednyj* presented in the Russian Associative Dictionary and *rich* and *poor* indicated in the associative norms of the University of South Florida are used as research material. It has been established that *bogatyj* – *bednyj* and *rich* – *poor* are the most frequent cue – target pairs. The power of predication in different pairs can vary significantly. The overlapping associates, which may be different in number, represent semantic features that form the similarity basis for the meanings of the studied words. It has been proved that the level of similarity largely depends not on the number of overlapping associates, but rather on the strength of their overlap. The data obtained indicate that the psychological meaning of the words *bogatyj* and *bednyj* in the Russian thesaurus is closer than *rich* and *poor* in the American one. It is also found that the index of Overlapping Associate Strength for the associate *money* is higher than for the associate *dengi*. This emphasizes its relevance for the Americans.

Key words: predication, cue, target, speech action, number of overlapping associates, overlapping associate strength.

Citation. Pishchalnikova V.A., Stepykin N.I. Speech Action as a Meaning-Forming Component of Communication: Psycholinguistic Parameters of Analysis. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 3, pp. 6-16. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.1>

УДК 81'23

ББК 81.006

Дата поступления статьи: 31.01.2024

Дата принятия статьи: 19.03.2024

РЕЧЕВОЕ ДЕЙСТВИЕ КАК СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЙ КОМПОНЕНТ КОММУНИКАЦИИ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ АНАЛИЗА

Вера Анатольевна Пищальникова

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Николай Иванович Степыкин

Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», г. Москва, Россия

Аннотация. В статье продемонстрированы возможности использования значений индексов количества пересекающихся ассоциатов (параметр *O*) и силы пересечения ассоциатов (параметр *OSG*) для характеристики речевого действия. В качестве материала исследования привлекаются ассоциативные поля *богатый, бедный*, представленные в «Русском ассоциативном словаре» и *rich, poor*, извлеченные из ассоциативных норм Университета Южной Флориды. Установлено, что наиболее частотны соотношения *богатый – бедный* и *rich – poor*. Сила предсказания в разных парах «стимул – ассоциат» может существенно различаться; пересекающиеся ассоциаты, количество которых может быть разным, демонстрируют семантические признаки, формирующие основу сходства смысловых полей исследуемых слов, при этом доказано, что степень сходства в большей степени зависит не от количества пересекающихся ассоциатов, а от силы их пересечения. Полученные данные свидетельствуют о том, что психологическое значение слов *бедный* и *богатый* в русском тезаурусе ближе, чем *rich* и *poor* в американском, а индекс силы пересечения по ассоциату *money* выше, чем по ассоциату *money*, что показывает большую актуальность этого признака для американцев.

Ключевые слова: предсказание, стимул, реакция, речевое действие, количество пересечений ассоциатов, сила пересечения ассоциатов.

Цитирование. Пищальникова В. А., Степыкин Н. И. Речевое действие как смыслообразующий компонент коммуникации: психолингвистические параметры анализа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 6–16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu.2024.3.1>

Введение

Одна из главных задач, которую решают исследователи в рамках теории речевой деятельности (далее – ТРД), – установить характер и типы предикации между стимулом и реакцией, соотношение которых и есть речевое действие. ТРД как фундаментальная основа отечественной психолингвистики была сформулирована А.А. Леонтьевым в очень короткое время, поэтому для верификации ее положений не хватало эмпирических данных, демонстрирующих специфику ассоциативных вербальных связей: «Остановка за одним: располагаем ли мы в настоящее время этими объективными данными? Ответ будет совершенно определенный и неутешительный: пока не располагаем. Не случайно примеры на ассоциации мы приводим из английского, а не русского языка» [Леонтьев, 1977, с. 11]. Последующее развитие ТРД оказалось существенно связанным с необходимостью создания и описания значительных массивов ассоциативных данных, без которых невозможно ни выявление сущности речевого действия, ни точные дефиниции ее основных категорий и интерпретирующих терминов, ни характеристика психолингвистического содержания коммуникативных процессов. Усилия исследовате-

лей, направленные на сбор эмпирического материала (см.: [Пюрбеев, 2019; и др.]; (Пищальникова и др., 2020; Русский ассоциативный словарь, 2002; Васильева, Васильев, Мамаева, 2014; Гуц, 2004; Санчез Пуиг, Караулов, Черкасова, 2001; Степыкин, Миронова, 2020; Тарасов, Дронов, Ощепкова, 2017; Уфимцева и др., 2004; Черкасова, Уфимцева; Шапошникова, Романенко, 2015; и др.)), в настоящее время позволяют психолингвистам не только разрабатывать новые методики первоначального классифицирования такого материала, но и успешно демонстрировать специфику психолингвистического значения слова, определять актуальные личностные смыслы, исследовать специфику речевого действия, определять его этнокультурные особенности и т. д.

Однако в большинстве словарей по сложившейся традиции представлены только параметры, характеризующие непосредственные связи слов в составе ассоциативного поля: общее количество реакций, количество отказов от реагирования, количество разных и единичных реакций, то есть те параметры, которые не позволяют интерпретировать смысловые связи между ассоциатами и, следовательно, не могут стать основой для решения перечисленных выше задач. В некоторых издани-

ях содержатся данные по обратному входу: общее количество стимулов, вызвавших реакцию; количество различных стимулов, вызвавших реакцию, и количество стимулов, вызвавших данную реакцию один раз (Русский ассоциативный словарь, 2002), но это данные, на основе которых можно делать ограниченные выводы. Параметры, отражающие опосредованные и пересекающиеся связи между стимулом и реакцией, практически игнорируются в российских базах ассоциативных данных. Однако именно эти связи оказываются показательными для ассоциативно-вербальной сети [Nelson, Schreiber, 1992; Nelson, Bennett, Leibert, 1997]: они комплексно характеризуют предикацию, и интерпретация таких связей не только дает детальное представление о специфике ассоциативно-вербальной сети индивида, но и позволяет моделировать ее этнокультурные особенности. В тезаурусе ассоциативных норм университета Южной Флориды содержится 29 параметров, в которых отражена информация как о непосредственных связях между стимулом и реакцией, так и о других словах, определенным образом обуславливающих ассоциирование в паре «стимул – реакция» (USF). О важности эффективного применения ряда этих параметров мы неоднократно писали (см., например: [Пищальникова, 2019; Степыкин, 2020; 2021; Степыкин и др., 2023; Пищальникова, Степыкин, 2023; и др.]).

В этой статье представлена попытка качественной интерпретации параметров (=индексов) количества и силы пересечения ассоциатов.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили ассоциативные поля (далее – АП) *богатый* и *rich*, смоделированные на основе данных свободного ассоциативного эксперимента и представленные в словаре ассоциаций Университета Южной Флориды (USF) и Русском ассоциативном тезаурусе (РАТ). В качестве методов анализа используются общенаучные методы сравнения и количественного подсчета (при сопоставлении русских и американских показателей), индукции (при интерпретации полученных значений индексов). Количественный анализ данных позволяет определить чис-

ло пересекающихся ассоциатов и рассчитать ассоциативную силу пересечения, индукция – установить этнокультурную специфику соотношения «стимул – реакция» как речевого действия.

Результаты и их интерпретация

Обратимся к АП *богатый*, представленному в РАТ: *бедный* 12, *человек* 12, *мужик* 5, *кооператор* 3, *купец* 3, *тоже плачет* 3, *дом* 2, *муж* 2, *мужчина* 2, *толстый* 2, *урожаем* 2, *барин*, *бедняк*, *бездельник*, *бизнесмен*, *богач*, *Буратино*, *буржуй*, *Вольво*, *выбор*, *гражданин*, *дело*, *денди*, *деньги*, *додж*, *друг*, *дурак*, *душой*, *дядя*, *женех*, *зажиточный*, *злой*, *и бедняк*, *капиталист проклятый*, *край*, *крутится*, *машина*, *мен*, *мерин*, *наездник*, *наследник*, *небогатый*, *несчастный*, *обокрасть*, *опыт*, *отец*, *плачет*, *подлец*, *поклонник*, *помещик*, *разгильдяй*, *родственник*, *роскошный*, *сигара*, *скрипач*, *сноб*, *спонсор*, *умный*, *умом*, *усатый*, *Форд*, *щедрый*, *язык* (РАТ). Сопроводительная статистика АП в словаре такова: 101 – общее количество реакций; 64 – количество разных реакций; 52 – количество единичных реакций; 1 – количество отказов.

Индекс пересечения ассоциативных полей может быть установлен в любой паре «стимул – ассоциат». Для демонстрации порядка вычисления индекса в статье рассмотрим соотношение стимула с наиболее частотной реакцией *бедный*, сопоставляя содержание АП *богатый* и *бедный* и устанавливая количество одних и тех же ассоциатов в составе обоих полей.

АП *бедный*, по данным РАТ, таково: *богатый* 20, *человек* 5, *несчастный* 4, *старик* 4, *Ваня* 2, *голодный* 2, *Йорик* 2, *малый* 2, *мальчик* 2, *нищий* 2, *родственник* 2, *студент* 2, *Аноли*, *ангел*, *беднее*, *бездна*, *белый*, *больной*, *глухой*, *гном*, *голодный пес*, *двор*, *Демьян*, *деньги*, *друг*, *егерь*, *ежик*, *жалкий*, *кот*, *крестьянин*, *кролик*, *крот*, *маленький*, *мальчуган*, *машина*, *мой*, *небогатый*, *оборванец*, *папа Карло*, *поэт*, *пудель*, *разум*, *рваный*, *Рома*, *рыцарь*, *сборник*, *сирота*, *скупой*, *смерть*, *сын*, *тип*, *худой*, *шалаш*, *я* (Русский ассоциативный словарь, 2002). Сопроводительная статистика: 92 – общее количество

реакций; 55 – количество разных реакций; 42 – количество единичных реакций; 1 – количество отказов (Русский ассоциативный словарь, 2002).

Сопоставив АП *богатый* и *бедный*, обнаруживаем следующие общие (пересекающиеся) ассоциаты: *человек*, *деньги*, *друг*, *машина*. Количество пересекающихся ассоциатов в словаре ассоциаций Южной Флориды (USF) обозначается аббревиатурой O (Number of Overlapping Associates), и в нашем анализе мы пользуемся принятыми в этом словаре обозначениями индексов (параметров исследования отношений между стимулом и реакцией). Пересекающиеся ассоциаты являются маркерами смысловой (ассоциативной) близости психологического значения лексем *богатый* и *бедный*. Согласно результатам сопоставительного анализа полей, индекс пересечения АП *богатый* и *бедный* O = 4.

Рассчитаем индекс OSG (Overlapping Associate Strength) – параметр, характеризующий силу пересечения ассоциатов, по методике Д. Нельсона (USF). Такой параметр может стать одним из оснований моделирования ассоциативно-вербальной сети и ее этнокультурной специфики. Кроме того, знание числового значения индекса становится объективным основанием при исследовании семантических отношений лексем в составе разного рода лексических полей, синонимических рядов и т. д., то есть параметр OSG указывает на психологически актуальную для носителей языка близость семантики слов, что может стать определяющим фактором при решении проблем динамики содержания лексем, эффективности коммуникации, в том числе и межкультурной. Для расчета параметра OSG сначала определим индекс FSG (Forward Cue-to-Target Strength) – параметр, характеризующий прямую ассоциативную связь от стимула к реакции для вербальных пар *богатый* – *человек*, *богатый* – *деньги*, *богатый* – *друг* и *богатый* – *машина*. Индекс FSG вычисляется путем деления частотности того или иного ассоциата на общее количество реакций в составе исследуемого АП. Например, на стимул *богатый* было получено 12 реакций *человек* при общем количестве реакций, равном 101. Воспользовавшись приведенной выше формулой,

получаем индекс прямой ассоциативной силы для соотношения *богатый человек*:
 $FSG_{1 \text{ богатый-человек}} = 12 : 101 = 0,119$.

Аналогичным образом рассчитывается FSG₁ для других сочетаний со стимулом *богатый*:

$$FSG_{1 \text{ богатый-деньги}} = 1 : 101 = 0,009;$$

$$FSG_{1 \text{ богатый-друг}} = 1 : 101 = 0,009;$$

$$FSG_{1 \text{ богатый-машина}} = 1 : 101 = 0,009.$$

Далее вычислим индекс прямой ассоциативной силы для соотношений реакций *человек*, *деньги*, *друг* и *машина* со стимулом *бедный*, обозначив его как FSG₂:

$$FSG_{2 \text{ бедный-человек}} = 5 : 92 = 0,054;$$

$$FSG_{2 \text{ бедный-деньги}} = 1 : 92 = 0,011;$$

$$FSG_{2 \text{ бедный-друг}} = 1 : 92 = 0,011;$$

$$FSG_{2 \text{ бедный-машина}} = 1 : 92 = 0,011.$$

Для вычисления параметра ассоциативной силы пересечения (OSG) необходимо перемножить ранее рассчитанные индексы FSG₁ и FSG₂ по каждому из общих ассоциатов и сложить полученные числа:

$$OSG = FSG_{1 \text{ человек}} \times FSG_{2 \text{ человек}} + FSG_{1 \text{ деньги}} \times FSG_{2 \text{ деньги}} + FSG_{1 \text{ друг}} \times FSG_{2 \text{ друг}} + FSG_{1 \text{ машина}} \times FSG_{2 \text{ машина}}.$$

Результаты расчета OSG для слов *богатый* и *бедный* приведены в таблице 1.

Индекс OSG для слов *богатый* и *бедный* составил 0,0067. Подчеркнем еще раз, что этот индекс может быть интерпретирован как показатель близости значения слов, психологически актуальной для индивида: чем выше параметр OSG, тем более близки по смыслу анализируемые слова.

Представим зоны пересечения полей *богатый* и *бедный* по каждому из выявленных признаков графически (см. рис. 1).

Как показано на рисунке, наивысший коэффициент пересечения АП зафиксирован по ассоциату *человек* (0,0064), что отражает частотность такого типа предикации между прилагательным и существительным в русском языке как проявление его внутренней формы. При этом семантика лексем *богатый* и *бедный* позволяет реализовать одинаковую сочетаемость: *богатый / бедный человек*, *богатое / бедное воображение*, *богатый / бедный костюм*, *богатая / бедная фирма*, *богатые / бедные люди*, *богатый / бедный жених*, *богатый / бедный дом*, *богатый / бедный гость*, *богатый / бедный урожай*, *бога-*

Таблица 1. Расчет ассоциативной силы пересечения (OSG) для слов *богатый* и *бедный*
 Table 1. Calculation of the Overlapping Associate Strength (OSG) for the words *bogatyj* (*rich*) and *bednyj* (*poor*)

Пересекающиеся ассоциаты	FSG ₁	FSG ₂	OSG
Человек	0,119	0,054	0,0064
Деньги	0,009	0,011	0,0001
Друг	0,009	0,011	0,0001
Машина	0,009	0,011	0,0001
Индекс OSG для слов <i>богатый</i> и <i>бедный</i>			0,0067

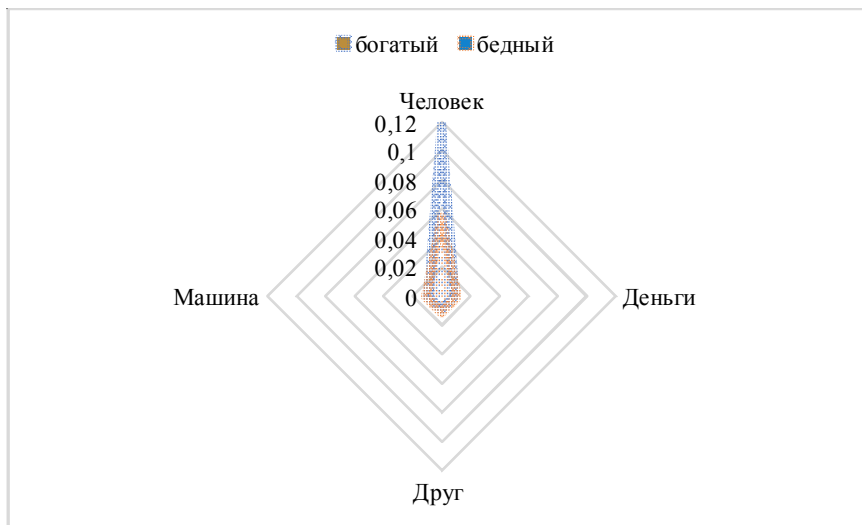

Рис. 1. Зоны пересечения ассоциативных полей *богатый* и *бедный*
 Fig. 1. Overlapping zones of associative fields *bogatyj* (*rich*) and *bednyj* (*poor*)

мый / бедный актер, богатый / бедный родственник, богатый / бедный лексикон, богатые традиции, богатая / бедная история и т. д. Вместе с тем результаты сопоставления АП показывают, что вероятность активации такого основания ассоциирования, как «носитель признака», у слова *богатый* в два раза выше, чем у слова *бедный*: 11,9 % vs 5,4 %. Если внутренняя форма языка и обусловленная ею структура языка не накладывают никаких ограничений на формально-семантическую сочетаемость слов, вероятно, причины такого показателя связаны с зависимостью актуализации смыслов от системы ценностей. Важность полученного результата подтверждается и следующим: обратное предсказание *бедный* – *богатый* значительно более вероятно, чем прямое (22 % vs 12 %). Однако ответить на вопрос, чем это вызвано, в настоящий момент считаем невозможным без дополнительных исследований.

Стимулы *богатый* и *человек* продуцируют восемь общих ассоциатов (*мужчина, гражданин, дело, друг, дурак, машина, умный, язык*), формирующих соответствующие области пересечения АП *богатый* и *человек*. Рассчитаем индекс ассоциативной силы пересечения для этих полей и сведем их в таблицу (см. табл. 2), где FSG₁ – индекс прямой ассоциативной силы по стимулу *богатый* и соответствующему ассоциату-пересечению; FSG₂ – индекс прямой ассоциативной силы по стимулу *человек* и соответствующему ассоциату-пересечению.

По данным таблицы 2, АП *богатый* и *человек* имеют низкий индекс ассоциативной силы пересечения – 0,0004. Это свидетельствует о том, что смысловые связи между словами *богатый* и *человек* значительно слабее, чем между словами *богатый* и *бедный*, хотя признаков для установления смысловой общности для слов *богатый* и *человек* выявлено больше. Наиболее существенные зоны

пересечения образуются по ассоциатам *друг* и *мужчина* (рис. 2).

Аналогичным образом были выявлены ассоциаты-пересечения других реакций со стимулом *богатый* и рассчитаны индексы ассоциативной силы пересечения. Сведем полученные результаты в таблицу, упорядочив данные по убыванию значения индекса ассоциативной силы пересечения.

Данные, приведенные в таблице 3, в числовом виде фиксируют иерархию смысловых связей между стимулом и реакциями в составе АП *богатый*. Несмотря на самое большее количество пересекающихся ассоциатов у стимула *богатый* и реакции *человек* (8), индекс ассоциативной силы пересечения для этой пары оказался, как уже указывалось, значительно ниже по сравнению с другими. Самый высокий индекс OSG зафиксирован для слов *богатый* и *толстый* и отражает частот-

ность и актуальность для носителей языка зрительного образа, когда *богатый человек* чаще всего изображается *толстым*. Это подтверждается актуализацией в реакциях такого основания ассоциирования, как «носитель признака»: *человек, мужик, муж, дядя*. Отметим, что практически во всех случаях пересечений исследуемых АП в качестве ассоциата-пересечения выступает *человек* как носитель предикативного признака. Исключение составляет АП под рангом 7, поскольку на стимул *муж* не дано реакции *человек*.

Индексирование пары «стимул – ассоциат» выявляет интересную зависимость: ассоциат может быть самым частотным (*богатый – бедный*), но при этом индекс пересечения полей *богатый* и *бедный* необязательно будет самым высоким, например, он наиболее высокий, как отмечалось, в паре *богатый – толстый*. Это свидетельствует, во-

Таблица 2. Расчет ассоциативной силы пересечения (OSG) для слов *богатый* и *человек*
 Table 2. Calculation of the Overlapping Associate Strength (OSG) for the words *bogatyj* (rich) and *chelovek* (man)

Пересекающиеся ассоциаты	FSG ₁	FSG ₂	OSG
<i>Мужчина</i>	0,018	0,006	0,00011
<i>Друг</i>	0,009	0,016	0,00014
<i>Гражданин</i>	0,009	0,006	0,00005
<i>Машина</i>	0,009	0,006	0,00005
<i>Дело</i>	0,009	0,003	0,00003
<i>Дурак</i>	0,009	0,002	0,00002
<i>Умный</i>	0,009	0,002	0,00002
<i>Язык</i>	0,009	0,002	0,00002
Индекс OSG для слов <i>богатый</i> и <i>человек</i>			0,0004

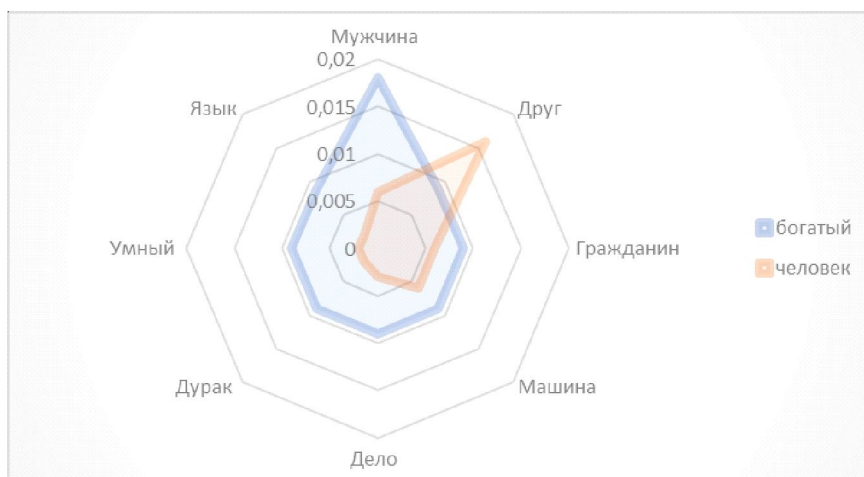

Рис. 2. Зоны пересечения ассоциативных полей *богатый* и *человек*
 Fig. 2. Overlapping zones of associative fields *bogatyj* (rich) and *chelovek* (man)

Таблица 3. Ранжирование ассоциатов на стимул *богатый* по индексу ассоциативной силы пересечения

Table 3. Ranking of associates to the cue *bogatyj (rich)* according to the Overlapping Associate Strength Index

Ранг	Стимул	Реакция	Ассоциаты-пересечения	Количество пересечений	Индекс силы пересечения
1	<i>богатый</i>	<i>толстый</i>	<i>человек, мужик, муж, дядя</i>	4	0,0763
2	<i>богатый</i>	<i>бедный</i>	<i>человек, деньги, друг, машина</i>	4	0,0067
3	<i>богатый</i>	<i>кооператор</i>	<i>человек, деньги, мужчина, бизнесмен</i>	4	0,0054
4	<i>богатый</i>	<i>мужчина</i>	<i>человек, мужик, умный, друг</i>	4	0,0026
5	<i>богатый</i>	<i>купец</i>	<i>человек, толстый, деньги, мужчина, барин</i>	5	0,0023
6	<i>богатый</i>	<i>мужик</i>	<i>человек, толстый, злой</i>	3	0,0014
7	<i>богатый</i>	<i>муж</i>	<i>мужчина, друг, отец</i>	3	0,0005
8	<i>богатый</i>	<i>человек</i>	<i>мужчина, гражданин, дело, друг, дурак, машина, умный, язык</i>	8	0,0004
9	<i>богатый</i>	<i>дом</i>	–	0	0
10	<i>богатый</i>	<i>урожай</i>	–	0	0

первых, об операциональности речевого действия *богатый – бедный*, во многом обусловленной наличием в языке антонимических отношений между лексемами; во-вторых, о том, что семантическая близость лексем только относительно связана с их частотностью и может быть детерминирована не только ядерными компонентами значения, но и внешними признаками реаллий, обозначенных словами.

Для выявления значимости пересечения ассоциатов и важности числового показателя коэффициента их силы в межкультурных сопоставительных исследованиях рассмотрим поле *rich*, представленное в словаре ассоциативных норм Южной Флориды: *poor 98, money 16, wealth 11, famous 3, luck 3, power 3, snob 2, affluent, bucks, chocolate, coins, green, jewelry, millionaire, person, satisfied, snotty, stuck-up*. Общая статистика АП: всего реакций – 148; количество разных реакций – 18; количество единичных реакций – 11 (USF).

Наиболее частотное соотношение *rich – poor* порождается в 66 % реакций, что значительно превосходит вероятность продуцирования соотношения *богатый – бедный* по данным РАС (всего 12 %). Это, вероятно, прежде всего обусловлено типологическими особенностями английского языка (преобладание аналитических способов выражения грамматического значения). Для определения пересекающихся ассоциатов АП *rich* и *poor* представим состав АП *poor* и произведем его анализ по заявленным выше пара-

метрам: *rich 73, bad 7, people 5, dirty 3, money 3, old 3, poverty 3, house 2, lonely 2, sad 2, welfare 2, baby, bag lady, black, boy, broke, bum, crowded, destitute, education, excellent, fat, fine, food, good, help, homeless, hungry, lowly, man, needy, negative, not wealthy, pauper, penniless, pity, quality, rice, scum, shabby, soul, taste, thin, trouble, ugly, well*. Общая статистика: всего реакций – 143; количество разных реакций – 46; количество единичных реакций – 35 (USF).

Вероятность активации соотношения *poor – rich* оказалась ниже, чем соотношения *rich – poor* (51 % vs 66 %), поэтому очевидно, что прямое предцирование *rich – poor* более характерно для американцев, тогда как для русских респондентов актуальнее *бедный – богатый*. Этот показатель должен быть интерпретирован с учетом других индексов, в том числе не упомянутых в данной статье, поскольку совокупность количественных показателей и их иерархия, на наш взгляд, отражают некие системные связи в организации ассоциативно-вербальной сети носителей разных языков. К этому тезису мы хотели бы привлечь внимание читателей, поскольку сейчас как никогда актуальна обработка имеющихся массивов ассоциативных данных, и она помогла бы найти ответы на многие давние проблемные психолингвистические и лингвистические вопросы.

Продолжая сопоставление АП *rich* и *poor*, отметим, что был выявлен только один общий ассоциат *money* (O = 1), при этом ин-

декс силы пересечения по данному ассоциату составил всего 0,0023. Столь низкое значение параметра OSG свидетельствует о том, что психологически актуальные смыслы, соотносимые американцами со словами *rich* и *poor*, не так близки, как смыслы, соотносимые носителями русской лингвокультуры со словами *богатый* и *бедный* (OSG = 0,0067). Это еще раз подчеркивает нетождественность значений даже частотных лексем в разных лингвокультурах и свидетельствует о несовпадении коммуникативных смыслов, репрезентированных в сочетаниях с этими лексемами.

Значительно выше показатель OSG (0,0763) для речевого действия *rich* – *wealth*, а количество пересекающихся ассоциатов в АП лексем *rich* и *wealth* равно двум (O = 2), как и в предикативной паре *rich* – *power*, где индекс ассоциативной силы пересечения, однако, существенно ниже – 0,0182.

Анализ показателей ассоциативной силы пересечения для всех ассоциатов АП *rich* позволяет представить их иерархию в таблице (табл. 4).

Согласно представленным данным, для носителей американской лингвокультуры психологически наиболее значимы смысловые связи слов *rich* и *wealth*. У слов *rich* и *luck* нет ассоциатов-пересечений, это позволяет предположить, что между удачей и богатством у американцев не устанавливаются психологически значимые связи, несмотря на 3 реакции *luck* на стимул *rich*.

Выводы

На материале ассоциативных полей *богатый* и *rich*, представленных в РАТ и слова-

ре ассоциативных норм Южной Флориды, во-первых, были выявлены параметры O (количество пересекающихся ассоциатов) и OSG (сила пересечения ассоциатов), важные для определения принципов устройства ассоциативно-вербальной сети и отражения в ней этнической специфики лингвокультуры. Во-вторых, показаны некоторые пути содержательной интерпретации исследованных числовых параметров АП и подчеркнута их значимость для психолингвистических и лингвистических исследований. Так, параметры O и OSG существенны для определения специфики организации ассоциативно-вербальных сетей. Чем больше количество пересекающихся ассоциатов для исследуемой пары слов, тем больше признаков, обуславливающих их смысловую близость, при этом степень смысловой близости слов зависит не столько от количества пересекающихся ассоциатов, сколько от силы их пересечения.

Наиболее частотна, по данным русско-го и американского словарей, предикация между словами *богатый* – *бедный* (12 %) и *rich* – *poor* (66 %). Столь значительная разница в основаниях ассоциирования обусловлена типологически: по преобладающим способам выражения грамматического значения русский язык является синтетическим, а английский – аналитическим.

В американском словаре прямое предикирование *rich* – *poor* на 15 % сильнее обратного, а в «Русском ассоциативном словаре» обратное соотношение *бедный* – *богатый* превосходит прямое на 10 %.

Для полей *богатый* и *бедный* выявлено четыре пересекающихся ассоциата (*человек*, *деньги*, *друг*, *машина*), при этом наивысший

Таблица 4. Ранжирование ассоциатов на стимул *rich* по индексу ассоциативной силы пересечения

Table 4. Ranking of associates to the cue *rich* according to the Overlapping Associate Strength Index

Ранг	Стимул	Реакция	Количество пересечения	Индекс силы пересечения
1	<i>rich</i>	<i>wealth</i>	2	0,0763
2	<i>rich</i>	<i>power</i>	2	0,0182
3	<i>rich</i>	<i>money</i>	1	0,0038
4	<i>rich</i>	<i>poor</i>	1	0,0023
5	<i>rich</i>	<i>snob</i>	1	0,0015
6	<i>rich</i>	<i>famous</i>	1	0,0010
7	<i>rich</i>	<i>luck</i>	0	0

коэффициент силы пересечения зафиксирован по ассоциату *человек*. Поля *rich* и *poor* имеют всего одно пересечение по ассоциату *money* с коэффициентом силы пересечения 0,0023. Этот же параметр по ассоциату *деньги* значительно ниже (0,0001), что свидетельствует об актуальности ассоциата *money* как признака, на основе которого устанавливается близость значений слов *rich* и *poor*. Напротив, низкий коэффициент силы пересечения по ассоциату *деньги* указывает на его незначительность для определения психологической актуальности смысловой связи слов *богатый* и *бедный*.

Этнокультурная специфика слова *богатый* и продуцируемых на его основе речевых действий проявляется в различной иерархии смысловых связей с другими словами. Наиболее высокий индекс силы пересечения в РАТ зафиксирован для слов *богатый* и *толстый*, в USF – для слов *rich* и *wealth*. Последний показатель демонстрирует, что частотность ассоциата необязательно автоматически означает высокую степень его семантической близости со стимулом. Данная зависимость еще раз подчеркивает важность экстралингвистического опыта в коммуникативной практике, в том числе и межкультурной. Эти выводы нуждаются в дополнительной интерпретации и верификации на основе исследования более широких массивов ассоциативных данных и использования большего количества параметров. Однако уже сейчас очевидно, что применение даже ограниченного количества новых для российской психолингвистики параметров АП эффективно при анализе опосредованных связей слов в ассоциативно-вербальной сети и установлении этнокультурной специфики речевого действия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Леонтьев А. А., 1977. Словарь ассоциативных норм русского языка. М. : Изд-во Моск. ун-та. 192 с.
- Пищальникова В. А., 2019. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. Т. 23, № 3. С. 749–761. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-23-3-749-761
- Пищальникова В. А., Степыкин Н. И., 2023. Речевое действие как реализация психологического значения (на материале ассоциативного поля *гражданин*) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 9 (877). С. 41–48. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_9_877_41
- Пюрбеев Г. Ц., 2019. Опыт создания ассоциативного словаря сравнений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 12, вып. 2. С. 223–226. DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.48
- Степыкин Н. И., 2020. Ассоциативное поле *вежливы*: динамика психологически актуального содержания в лексиконе индивида // Science for Education Today. Т. 10, № 2. С. 151–166. DOI: 10.15293/2658-6762.2002.10
- Степыкин Н. И., 2021. Потенциал применения формализованных параметров для моделирования речевого действия // Научный диалог. № 8. С. 112–127. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-112-127
- Степыкин Н. И., Багана Ж., Слободова Новакова К., Фуникова С. В., 2023. Исследование динамики ментального лексикона по данным свободного ассоциативного эксперимента // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Т. 9, № 2. С. 19–33. DOI: 10.18413/2313-8912-2023-9-2-0-2
- Nelson D. L., Bennett D. J., Leibert T. W., 1997. One Step is Not Enough: Making Better Use of Association Norms to Predict Cued Recall // Memory & Cognition. № 25. P. 785–796. DOI: <https://doi.org/10.3758/BF03211322>
- Nelson D. L., Schreiber T. A., 1992. Word Concreteness and Word Structure as Independent Determinants of Recall // Journal of Memory and Language. № 31. P. 237–260. DOI: [https://doi.org/10.1016/0749-596X\(92\)90013-N](https://doi.org/10.1016/0749-596X(92)90013-N)

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Васильева С. П., Васильев А. Д., Мамаева Т. В. и др. Электронный ассоциативный словарь Приенисейской Сибири. URL: <http://react.ftn24.ru/statistic>
- Гуц Е. Н., 2004. Ассоциативный словарь подростка. Омск : Вариант-Сибирь. 148 с.
- Пищальникова В. А., Адамова З. Г., Кошелева Ю. П. и др., 2020. Двухязычный ассоциативный словарь базовых ценностей. М. : Спутник+. 261 с.
- Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / под ред. Ю. Н. Караулова, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова. М. : Астрель : АСТ, 2002. 992 с.
- РАТ – Русский ассоциативный тезаурус. URL: <http://thesaurus.ru/dict/>

- Санчез Пуиг М., Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А. Ассоциативные нормы русского и испанского языков. М. ; Мадрид : Азбуковник, 2001. 496 с.
- Степыкин Н. И., Миронова Д. М. Проект мультилингвального ассоциативного тезауруса вежливости. Курск : Унив. кн., 2020. 205 с.
- Тарасов Е. Ф., Дронов В. В., Ощепкова Е. С. Учебный ассоциативный словарь русского языка. СПб. : Златоуст, 2017. 354 с.
- Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А., Караулов Ю. Н. и др. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. М. : Ин-т языкознания РАН, 2004. 792 с.
- Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус. URL: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evgas>
- Шапошникова И. В., Романенко А. А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). М. : Моск. ин-т лингвистики, 2015. 536 с.
- USF – The University of South Florida Word Association, Rhyme, and Word Fragment Norms. URL: <http://w3.usf.edu/FreeAssociation>
- iss. 2, pp. 223-226. DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.48
- Stepykin N.I., 2020. Assotsiativnoye pole vezhlivyy: dinamika psikhologicheskoi aktualnogo soderzhaniya v leksikone individa [Associative Field Polite: Dynamics of Psychologically Relevant Content in an Individual's Vocabulary]. *Science for Education Today*, vol. 10, no. 2, pp. 151-166. DOI: 10.15293/2658-6762.2002.10
- Stepykin N.I., 2021. Potentsial primeneniya formalizovannykh parametrov dlya modelirovaniya rechevogo deystviya [The Potential of Using Formalized Parameters for Modeling Speech Action]. *Nauchnyy dialog*, no. 8, pp. 112-127. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-8-112-127>
- Stepykin N.I., Baghana J., Slobodova Novakova K., Funikova S.V., 2023. Issledovanie dinamiki mentalnogo leksikona po dannym svobodnogo assotsiativnogo eksperimenta [Exploring the Dynamics of Mental Lexicon According to the Word Association Test Results]. *Nauchnyy rezultat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki* [Research Result. Theoretical and Applied Linguistics], vol. 9, no. 2, pp. 19-33. DOI: 10.18413/2313-8912-2023-9-2-0-2
- Nelson D.L., Bennett D.J., Leibert T.W., 1997. One Step Is Not Enough: Making Better Use of Association Norms to Predict Cued Recall. *Memory & Cognition*, no. 25, pp. 785-796. DOI: <https://doi.org/10.3758/BF03211322>
- Nelson D.L., Schreiber T.A., 1992. Word Concreteness and Word Structure as Independent Determinants of Recall. *Journal of Memory and Language*, no. 31, pp. 237-260. DOI: [https://doi.org/10.1016/0749-596X\(92\)90013-N](https://doi.org/10.1016/0749-596X(92)90013-N)

REFERENCES

- Leontyev A.A., 1977. *Slovar associativnykh norm russkogo yazyka* [Russian Association Norms]. Moscow, Izd-vo Mosc. un-ta. 192 p.
- Pishchalnikova V.A., 2019. Interpretatsiya assotsiativnykh dannykh kak problema metodologii psikholingvistiki [Interpretation of Associative Data as a Methodological Issue of Psycholinguistics]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], vol. 23, no. 3, pp. 749-761. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761
- Pishchalnikova V.A., Stepykin N.I., 2023. Rechevye deystvie kak realizatsiya psikhologicheskogo znacheniya (na materiale assotsiativnogo polya grazhdanin) [Speech Action as Realization of the Psychological Meaning (Based on the Associative Field of the Lexeme Citizen)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], iss. 9 (877), pp. 41-48. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_9_877_41
- Pyurbeev G.C., 2019. Opyt sozdaniya assotsiativnogo slovarya sravneniy [The Experience of Creating an Associative Dictionary of Comparisons]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], vol. 12,

SOURCES AND DICTIONARIES

- Vasileva S.P., Vasilev A.D., Mamaeva T.V. et al. *Elektronnyy assotsiativnyy slovar Prieniseyskoy Sibiri* [Electronic Associative Dictionary of Yenisei Siberia]. URL: <http://react.ftn24.ru/statistic>
- Guts E.N., 2004. *Associativnyy slovar podrostka* [The Association Vocabulary of a Teenager]. Omsk, Variant-Sibir Publ. 148 p.
- Pishchalnikova V.A., Adamova Z.G., Kosheleva Yu.P. et al., 2020. *Dvuyazychnyy assotsiativnyy slovar bazovykh tsennostey* [A Bilingual Associative Dictionary of Basic Values]. Moscow, Sputnik+ Publ. 261 p.
- Karaulov Yu.N., Sorokin Yu.A., Tarasov E.F., eds. *Russkiy associativnyy slovar: v 2 t.* [Russian Association Dictionary. In 2 Vols.]. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 2002. 992 p.

- Russkiy assotsiativnyy tezaurus* [Russian Association Thesaurus]. URL: <http://thesaurus.ru/dict/>
- Sanchez Puig M., Karaulov Yu.N., Cherkasova G.A. *Assotsiativnye normy russkogo i ispanskogo yazykov* [Associative Norms of the Spanish and the Russian]. Moscow, Madrid, Azbukovnik Publ., 2001. 496 p.
- Stepykin N.I., Mironova D.M. *Proyekt multilingualnogo assotsiativnogo tezaurusa vvezhlivosti* [Project of a Multilingual Associative Thesaurus of Politeness]. Kursk, Univ. kn. Publ., 2020. 205 p.
- Tarasov E.F., Dronov V.V., Oshchepkova E.S., 2017. *Uchebnyy assotsiativnyy slovar russkogo yazyka* [Educational Associative Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Zlatoust Publ. 354 p.
- Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A., Karaulov Yu.N. et al. *Slavyanskiy assotsiativnyy slovar: russkiy, belorusskiy, bolgarskiy, ukrainskiy* [Slavic Association Dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, and Ukrainian]. Moscow, In-t yazykoznaniiya RAN, 2004. 792 p.
- Cherkasova G.A., Ufimtseva N.V. *Russkiy regionalnyy assotsiativnyy slovar-tezaurus* [Russian Regional Association Dictionary-Thesaurus]. URL: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras>
- Shaposhnikova I.V., Romanenko A.A. *Russkiy regionalnyy assotsiativnyy slovar (Sibir i Dalniy Vostok)* [Russian Regional Associative Dictionary (Siberia and the Far East)]. Moscow, Mosk. in-t lingvistiki, 2015. 536 p.
- The University of South Florida Word Association, Rhyme, and Word Fragment Norms*. URL: <https://w3.usf.edu/FreeAssociation>

Information About the Authors

Vera A. Pishchalnikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, Bld. 1, 119034 Moscow, Russia, pishchalnikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0992-0466>

Nikolay I. Stepykin, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Languages, National Research University “Moscow Power Engineering Institute”, Krasnokazarmennaya St, 14, 111250 Moscow, Russia, nick1086@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2802-5686>

Информация об авторах

Вера Анатольевна Пищальникова, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, стр. 1, 119034 г. Москва, Россия, pishchalnikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0992-0466>

Николай Иванович Степыкин, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», ул. Красноказарменная, 14, 111250 г. Москва, Россия, nick1086@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2802-5686>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.2>

UDC 811.161.1:070
LBC 81.411.2-55

Submitted: 01.02.2024
Accepted: 09.04.2024

MAGICAL DISCURSIVE PRACTICES IN RUSSIAN PUBLIC DISCOURSE

Anatoly N. Baranov

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article examines the discursive practices of modern Russian public discourse, which includes political communication as a necessary part. The author considers first of all those discursive practices and the corresponding speech acts that are magical in nature. Such types of speech acts are proposed to be called “the acts of magical embodiment”. The pronunciation of the act of magical embodiment leads to a change in the world, resulting from the release of mystic forces associated with both the speaker’s supernatural abilities and the participation of mysterious forces. Among the acts of magical embodiment, there are vows, curses, tabooing and overcoming the taboos (use of euphemisms and concealment), prohibitions, benevolence, spells, and others. The use of magical practices in public discourse has a long tradition in political communication, especially in the creation of slogans. In modern public communication, many speech practices of magical nature have a legal basis. Current practice suggests that every mention of a prohibited political actor is accompanied by an indication of the prohibition. The curse as an act of magical embodiment sometimes adjoins the practice of imposing restrictions on “foreign agents”. Concealment (tabooing and overcoming the taboos) is enforced by the law on the “right to be forgotten”.

Key words: speech act, discursive practice, magic semantics, political discourse, language of the media.

Citation. Baranov A.N. Magical Discursive Practices in Russian Public Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 3, pp. 17-28. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.2>

УДК 811.161.1:070
ББК 81.411.2-55

Дата поступления статьи: 01.02.2024
Дата принятия статьи: 09.04.2024

МАГИЧЕСКИЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В РУССКОМ ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ

Анатолий Николаевич Баранов

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются дискурсивные практики современного русского публичного дискурса, включающего как часть политическую коммуникацию. Обсуждаются те дискурсивные практики (и соответствующие речевые акты), в которых передается магическая семантика. Такие типы речевых актов предлагается называть «актами магического воплощения». Произнесение акта магического воплощения приводит к изменению мира в результате высвобождения сил неясной природы, связанных как с сверхъестественными способностями говорящего, так и благодаря участию потусторонних сил. Среди актов магического воплощения различаются клятвы, проклятья, табуирование и преодоление табу (умолчание, эвфемизация), запреты, благопожелания, обереги и некоторые другие. Показано, что использование магических практик в публичном дискурсе имеет давнюю традицию в политической коммуникации – особенно в лозунговой. В современной публичной коммуникации многие речевые практики магической природы имеют юридическое основание. Отмечается, что упоминание запрещенных политических субъектов в текстах СМИ возможно только при указании на существование запрета; проклятье как акт магического воплощения иногда соседствует с практикой применения ограничений для «иностранных агентов»; умолчание (табуирование и преодоление табу) поддерживается законом о «праве на забвение».

Ключевые слова: речевой акт, дискурсивная практика, магическая семантика, политический дискурс, язык СМИ.

Цитирование. Баранов А. Н. Магические дискурсивные практики в русском публичном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 17–28. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.2>

Sine ira et studio.

Дискурс и дискурсивные практики

Согласно одному из распространенных пониманий дискурса, его основу составляют дискурсивные практики, принятые в данном языковом сообществе при функционировании языка в конкретной проблемной области. В такой интерпретации естественно говорить о политическом дискурсе, дискурсе Третьего рейха, дискурсе Великой французской революции, дискурсе Перестройки, а также о научном дискурсе, переговорном дискурсе, дискурсе зеленых. Индивидуальные речевые практики также образуют свои дискурсы. В этом случае часто говорят о дискурсе Горбачева, дискурсе Сталина, дискурсе Рейгана и т. п.

Под **дискурсивной практикой** в данном исследовании понимаются тенденции в использовании близких по функции альтернативных языковых средств выражения определенного смысла [Баранов, 2000, с. 246]. Эти тенденции находят отражение в частоте употребления соответствующих феноменов фонетического, морфологического, синтаксического и семантического уровней. Так, в языке математики *доказательство теоремы* можно было бы назвать и другими альтернативными номинациями: *аргументация теоремы, демонстрация теоремы, проверка теоремы, приведение исчерпывающих логически непротиворечивых аргументов в пользу тезиса* и пр. Тем не менее как дискурсивная практика закрепился термин *доказательство теоремы*. Остальные приведенные номинации достаточно случайны и не могут рассматриваться как норма для данного типа дискурса.

Таким образом, дискурс Горбачева – это совокупность дискурсивных практик Горбачева, проявляющихся в его политических выступлениях, интервью и т. д. Тоталитарный дискурс – это совокупность дискурсивных практик, характерных для политического языка тоталитарного общества, а дискурс о безопасности – совокупность дискурсивных практик, встречающихся в дискуссиях о бе-

зопасности государства и формирующих эти дискуссии как часть политического дискурса в целом.

В политическом дискурсе советской эпохи периода 30–50-х гг. XX в. к числу дискурсивных практик относилось обязательное упоминание в текстах публичной сферы классиков марксизма-ленинизма. Так, А.С. Чикобава в известной в свое время статье «О некоторых вопросах советского языкознания», инициировавшей дискуссию о «новом учении о языке» академика Н.Я. Марра, без указания страниц ссылается на Ленина и Сталина:

(1) В самом деле, раз все развитие человеческого общества обусловлено развитием производственных отношений, и язык, это – «важнейшее средство общения» (Ленин¹), «орудие борьбы и развития» (Сталин), естественно, должен быть обусловлен в своем развитии теми же отношениями (Чикобава А. С. О некоторых вопросах советского языкознания // Правда. 1950).

Характерная дискурсивная практика эпохи развитого социализма, широко использовавшаяся в советских СМИ, – вводный оборот *в частности*:

(2) На церемонии вручения наград тов. Л.И. Брежнев, **в частности**, сказал: – Не так давно мы говорили, что между нашими странами над бескрайними океанскими просторами перекинут широкий и прочный мост – мост мира и дружбы. Сегодня, товарищи, мы имеем полное право сказать, что этот мост проходит и через просторы космоса (Награды героям космоса // Огонек. 1980).

Еще одна характерная дискурсивная практика брежневских времен – обращение к генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу, которая предполагала полный вариант имени и отчества в сочетании с прилагательным *дорогой*. Распространенность этой номинации породила многочисленные саркастические шутки и анекдоты, один из которых воспроизводится у Александра Зиновьева:

(3) Или вот такой анекдот, например. В квартире Брежнева зазвонил телефон. Брежнев снял

трубку и сказал: «**Дорогой Леонид Ильич** слушает» (Зиновьев А. А. Русская судьба, исповедь отщепенца).

В приведенных примерах дискурсивные практики несут смысловую нагрузку. Так, упоминание классиков марксизма-ленинизма должно было свидетельствовать о приверженности автора соответствующей идеологии. Использование вводного оборота *в частности* отражало точность и объективность советских СМИ. Номинация *дорогой Леонид Ильич* демонстрировала пиетет, который как бы испытывал автор текста по отношению к генеральному секретарю, а по факту – к руководителю государства.

Дискурсивная практика не обязательно несет дополнительную смысловую нагрузку, связанную с идеологией. Так, словосочетание *ограничение стратегических вооружений* вряд ли можно рассматривать как идеологически мотивированное: это термин, использование которого показывало включенность говорящего в соответствующий дискурс – переговорный процесс. Появление в речи альтернативных, но не общепринятых номинаций типа *уменьшение ядерного оружия, редукция количества стратегических вооружений вплоть до элиминации* указывало на то, что говорящий по крайней мере в данной коммуникативной ситуации вышел за пределы специального дискурса.

Совокупность дискурсивных практик формирует дискурс как таковой – институционализирует его, если не формально, то по неписанным правилам и обычаям. В оформившийся дискурс, имеющий долгую историю существования, могут проникать практики других дискурсов – часто очень далеких по тематике и структуре. Так, в политической коммуникации присутствуют некоторые практики поэтического дискурса – метафоры, языковая игра, звуковой повтор и пр. (подробно см.: [Баранов, Северская, 2016]). Приведем характерный пример поэтической техники аллитерации в политической публицистике:

(4) **Пр**отив кого это НАТО и **пр**отив кого эта **ПРО**? Нам все время кажется, что **пр**отив нас. <...> Так кто у России **пр**отивник? (Веталь В. Так кто у России противник? // Newsland).

Магическая функция языка

Роман Якобсон, выделяя функции языковой системы, включил в набор функций магическую, или заклинательную, функцию. В известной статье «Лингвистика и поэтика» он писал: «...магическая, заклинательная функция – это, по сути дела, как бы превращение отсутствующего или неодушевленного “третьего лица” в адресата конативного сообщения. “Пусть скорее сойдет этот ячмень, *тьфу, тьфу, тьфу, тьфу!*” <...>. “Вода-водица, река-царица, заря-зорица! Унесите тоску-кручину за сине море в морскую пучину... Как в морской пучине сер камень не встает, так бы у раба божия имярека тоска-кручина к ретивому сердцу не приступала и не приваливалась, отшатилась бы и отвалилась”» [Якобсон, 1975, с. 200].

Приводимые Романом Якобсоном примеры очевидно относятся к перформативам, то есть речевым высказываниям само произнесение которых является совершением некоторого действия – дела (ср. название курса лекций основоположника теории речевых актов Дж. Остина «How to do things with words» [Austin, 1962]; русский перевод: [Остин, 1986]). К речевым актам с магической функцией относятся проклятия, клятвы, божба, молитвы, заговоры, славословия, наложение табу, обереги и пр. Назовем речевые акты с магической функцией «актами магического воплощения», имея в виду, что за ними нет собственно научно доказанной основы. В то же время говорящий, очевидно, перевоплощается в мага, волшебника и т. п., приписывая своим словам функцию непосредственного воздействия на действительность. Итак, произнесение речевого акта магического воплощения приводит к изменению мира в результате высвобождения сил неясной природы, что происходит по разным основаниям:

1) благодаря сверхъестественным способностям говорящего (эвфемизация как снятие или ограничение проклятья; клятва – один их типов иллокуции обещания; другие перформативные акты);

2) благодаря участию сверхъестественных сил (реализация санкции в клятве – *Провалиться мне на этом месте!*; речевые акты оберега и проклятья также апеллируют к неким силам, внеположным человеку);

3) благодаря 1) и 2).

В акте магического воплощения языковой знак в определенном смысле становится частью денотата, то есть приобретает неконвенциональные характеристики, отсутствующие в семантике обычных слов и речевых высказываний (см., например: [Мечковская, 1998, с. 42]). Воздействующая сила акта магического воплощения заключается в самих словах и не нуждается в посредниках – в адресате, которому направлены обычные речевые акты побуждения. В то же время адресат акта магического воплощения (если он есть) оказывается, скорее, объектом воздействия магических сил, то есть «пациентом». Самого акта произнесения (локуции) речевого сообщения может быть достаточно для высвобождения магических сил, однако в ряде случаев он включен в некоторый ритуал – в последовательность невербальных и, возможно, вербальных действий, – выполнение которого и позволят достичь необходимого перлокутивного эффекта. Как и перформативы Дж. Остина, акт магического воплощения стирает грань между словами и миром, превращая говорящего в демиурга языка в сильном смысле, то есть не просто в творца языка, а в человека одних слов которого достаточно, чтобы изменить мир.

Разумеется, акты магического воплощения воздействуют на мир по-разному. Так, речевой акт проклятья (в том числе наведения порчи) – *Чтоб ты сдох!*; *Ни дна, ни покрывки!* – порождает плохое, наводя его на адресата; благопожелания, славословия – *Слава КПСС!*; *Миру – мир!*; *Свят Свят Господь Саваоф!* – наоборот, наводят на адресата хорошее. Использование оберегов типа *Чур меня!*; *Не к ночи будь помянут!* отводит плохое от говорящего.

Некоторые типы клятв при нарушении предполагают санкцию со стороны сверхъестественных сил:

(5) – А мы будем бороться с голодом! Денег дам – сколько хочешь! – хрипел богатый человек, весь упакованный в поскрипывающую кожу. – Вот клянусь в небесах, пока не сели... **Да разрази меня Господь!**.. (Солнцев Р. Полураспад. Из жизни А.А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем // Октябрь. 2002);

(6) Трактирщик. <...> (*Придворной даме, шепотом.*) Под любым предлогом заставьте принцессу вернуться сюда, в эту комнату.

Придворная дама. Силой приволоку, **разрази меня нечистый!** (Шварц Е. Л. Обыкновенное чудо);

(7) – Ну, ты, помолчала бы. Ведь только языком виляешь, сволочь, а сама небось до смерти рада. Баба выпрямилась, стала креститься и клясться: – **Да разрази меня гром...** да **провалиться мне в тартарары...** да чтоб мне не видать отца с матерью... – Ладно, ладно. Замолчи (Эргель А. И. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги);

(8) На другой день в балашовский особняк пожаловал поэт Петр Орешин. – Дай, Серега, займи пять червонцев, – сказал он Есенину. – В субботу отдам. **Будь я проклят.** – Нет ни алтына, душа моя. И Есенин, вынув бумажник, бросил его на стол: – Все, что найдешь, твое (Мариенгоф А. Мой век, мои друзья и подруги).

В клятвах *Разрази меня гром / Господь / Бог!*; *Да провалиться мне в тартарары / сквозь землю!*; *будь я проклят* актуальное значение идиом-клятв кодируется во внутренней форме актом магического воплощения.

Так или иначе связаны с актом магического воплощения табуирование (операция изъятия номинации из дискурса) и преодоление табу в эвфемизации: *уборная* → *отхожее место* → *сортир* → *клозет* → *туалет* → *руки помыть*. Семантика ругательств – особенно в обценных формах – часто передается во внутренней форме актами магического воплощения: *пошел к черту / дьяволу; черт побери*. Ритуализованные формулы приветствия, речевые формулы вхождения в контакт и выхода из него (*доброе утро – до свидания*) также включают магический по своей сути компонент благопожелания.

Магические практики в публичном дискурсе: традиции

Магические практики в политическом дискурсе нельзя рассматривать как что-то новое и нестандартное. Как и в обычной речи, роль магического в политическом дискурсе, особенно в политической пропаганде, довольно высока. В ряде работ по лозунговой коммуникации советской эпохи выделялись лозунги-здравицы (благопожелания) и лозунги-проклятья [Левин, 1988; Баранов, 1993]. Так, лозунги (9)–(14):

(9) Да здравствует ленинизм – знамя революционной борьбы, коммунистического созидания и мира!

(10) Слава советским воинам!

(11) Слава советской науке!

(12) Да здравствует наш вождь и учитель ВЕЛИКИЙ СТАЛИН!

(13) Да здравствует великая партия Ленина-Сталина, ум честь и совесть нашей эпохи!

(14) Слава русскому народу – народу-богатырю, народу-созидателю! –

представляют собой характерные примеры здравниц, размещавшихся на носителях наглядной агитации. Кроме того, они могли произноситься диктором во время демонстрации.

Лозунги-приветы, в ситуации лозунговой коммуникации не могли использоваться в функции приветствия, поскольку экспозиция лозунга такого типа происходила не при встрече двух субъектов (даже персонифицированных), а как вид благопожелания дружественному актору (в том числе союзнику) политической сцены:

(15) Привет германскому народу, стонущему под игом гитлеровских черносотенных банд, – пожелаем ему победу над кровавым Гитлером! (Звезда. № 261. 04.11.1941);

(16) Братский привет нашим братьям украинцам, белоруссам, молдованам, литовцам, латышам, эстонцам, карелам, временно попавшим под ярмо немецко-фашистских мерзавцев! (Звезда. № 261. 04.11.1941).

Здесь очевидно реализуется акт магического воплощения, поскольку никакой реальной встречи с германским народом или с братьями украинцами, белорусами, молдованами, литовцами и т. д. нет. Иными словами, коммуникативная интенция лозунга-привета состоит в обнаружении экспонантом² своего хорошего отношения к другим политическим субъектам-адресатам речевого акта в форме волшебной передачи хорошего отношения этим субъектам.

В речевом акте проклятья, наоборот, сверхъестественным образом передается порча:

(17) Будь ты проклят, мир слез и несчастий, да погибнут в страшных мучениях анафемы человечества! [«Виселица»..., с. 162];

(18) Старый мир да захлебнется в нашей крови и погибнет! [«Виселица»..., с. 159].

Некоторые лозунги, по существу, соответствуют заклинаниям:

(19) Мы придем к победе коммунистического труда (Ленин В. И. От первого субботника на московско-казанской железной дороге ко всероссийскому субботнику-маевке // Полное собрание сочинений. Т. 41);

(20) Владыкой мира будет труд! Три года пролетарской диктатуры (плакат, худож. В. Белкин. М.: Гос. изд-во).

Закливание – характерный акт магического воплощения, само произнесения которого гарантирует изменение состояния мира (в широком понимании) так, как это предусматривает его пропозициональная составляющая. Для не верящих в магию такие речевые акты передают в дискурсе интенцию уверенности говорящего в изменении мира так, как это предсказывается в пропозициональной части заклинания.

Характерный пример заклинания реализуется в лозунге советского периода *Партия – бессмертие нашего дела*.

Не следует думать, что советские люди были склонны к мистике: ритуализация политического дискурса нивелировала любые искренние коммуникативные намерения – в том числе и имеющие магическое начало. Ритуализация политического дискурса, превращение его в «деревянный язык» (*langue de bois* – [Seriot, 1985; Thom, 1987]) приводили к возникновению побочных функций, не связанных с коммуникацией. Плакаты с заклинаниями широко использовались как средство декорирования унылых строений (см. рисунок).

Впрочем, и обычный – неполитический дискурс – показывает, что носители русского языка небезразличны к магии слова. Внутренняя форма языка всегда привлекала внимание как магический инструмент раскрытия «истинного смысла»: *семья* – осмысливается как «семь я», *шумовка* – как производное от слова *шум*, *студент* – как производное от слова *скудный* (версия А.С. Шишкова), *этруски* – как *это русские*, *хитрушки* (версия Тредиаковского) и т. д. Осознание мотивации актуального значения, основанное на желании носителя языка увидеть такую мотивацию, является решающим фактором возникновения народной этимологии. Часто наивная попытка мотивации приводит к изменению означаемого: *пиджак* превращается в *спинжак* (от слова *спина*), *поликлиника* – в *полукли-*

Размещение лозунга-заклинания на плакате, выполняющем политическую и декоративную функции
Location of the slogan-spell on a banner that performs political and decorative functions

нику, микроскоп – в мелкоскоп, фельетон – в клеветон (Лесков), лопатка – в копатку. Народная этимологизация нередко оказывается настолько устойчивой, что способствует формированию новых слов. Именно в результате наивной этимологизации в русском языке появилось слово *зонт*, которое на синхронном уровне рассматривается как производящее для слова *зонтик*, хотя реальный процесс заимствования направлен в противоположную сторону (от голландского *zondek*). Наивные этимологические рассуждения даже кладутся в основу идеологизированных систем, призванных компенсировать проблемы самоидентификации, существующие в российском обществе (таковы были имевшие широкий общественный резонанс выступления и публикации сатирика М. Задорнова).

Наконец, эксплицитная перформативная формула (1 л. ед. или мн. ч., наст. вр.) характерный пример акта магического воплощения. Кочующий из одного изложения теории речевых актов в другое пример перформативного употребления:

(21) Я объявляю вас мужем и женой [Серль, 1986, с. 191]–

выполняет именно такую функцию, поскольку брачующиеся с помощью «просто» слов меняют свой социальный статус с соответ-

ствующими правовыми, социальными и психологическими последствиями. Статус перформативного употребления речевых форм как магической практики подчеркивается невозможностью истинностной оценки эксплицитного перформатива.

Магические практики в публичном дискурсе: новаторство

Оберег относится к числу наиболее типичных актов магического воплощения. Е.Е. Левкиевская отмечает, что произнесение оберега гарантирует защиту от неблагоприятных факторов, связанных с действиями говорящего – уже совершенных или предполагаемых, – от негативного воздействия неожиданно возникшей ситуации, а также снимает возможные магические препятствия реализации планов говорящего: «Делаем *X*, чтобы не случилось *Y*» [Левкиевская, 2002, с. 16]. Часто оберег как речевой акт сочетается с выполнением действия (жеста): *Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить* (часто в сочетании с соответствующим жестом); *Стучу по дереву (три раза)* (часто в сочетании с соответствующим жестом). Разумеется, допустим и чисто вербальный вариант: *Чур меня*.

В публичном дискурсе (и в политической коммуникации) оберег может поддерживаться институционально – в виде соответ-

ствующих законодательных или подзаконных актов. Так, в ст. 4 Федерального закона РФ № 2124-1 «О средствах массовой информации» указывается:

«Запрещается... распространение информации об общественном объединении или иной организации, включенных в опубликованный перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ “О противодействии экстремистской деятельности”, или об организации, включенной в опубликованный единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими, **без указания на то, что соответствующее общественное объединение или иная организация ликвидированы или их деятельность запрещена**».

Из приведенного фрагмента новеллы закона следует, что упоминание запрещенных политических субъектов в текстах СМИ возможно только при указании на существование запрета:

(22) В Ираке суд приговорил к смертной казни двух граждан Франции за принадлежность к террористической организации «Исламское государство»* (**ИГ, запрещена в России**) (В Ираке двух французов приговорили к смертной казни за связи с ИГ // Известия. 28.05.2019);

(23) А ситуация для Башара Асада лично и для Сирии в целом становилась катастрофической: с одной стороны, на силы официального Дамаска напирала террористические дивизии ИГ, с другой – оппозиция с десятком других террористических группировок, самая крупная из которых – «Ан-Нусра» (**запрещена в РФ**) (Международный терроризм будет мимикрировать под «гражданские» движения // Парламентская газета, 2020.09.30);

(24) Сейчас он участвует в операции НАТО Resolute Support, ее цель скорее миротворческая –

обучение армии и полиции, помощь в борьбе против «Талибана» (**запрещен в РФ**) (Владимир Веретенников. Американцы считают себя супергеро-дом // lenta.ru. 07.04.2019).

В примерах (22), (23) и (24) упоминание соответствующей организации сопровождается пометами: *запрещена в России, запрещен / запрещена в РФ*. Разумеется, информационная функция о запретах в приведенных примерах реализуется, однако помета о запрете часто повторяется в тексте СМИ почти при каждом упоминании соответствующего политического субъекта:

(25) Террористическая группировка «Исламское государство» (**запрещена в РФ**) известна в мире под несколькими аббревиатурами. Изначально она называлась «Исламское государство Ирака и Леванта», сокращенно – ИГИЛ. Однако из-за особенностей перевода на различные языки названия группировки появились и другие аббревиатуры – ДАЕШ, ДАИШ. А после того, как движение переименовало себя в «Исламское государство» (**группировка запрещена в РФ**), стало использоваться еще одно сокращение – ИГ. <...> В итоге под знаменем ИГИЛ (**запрещена в РФ**) в определенный момент воевало до 80 тысяч человек. Своей целью ИГИЛ (**запрещена в РФ**) поставила создание исламского эмирата на территории Ирака, Сирии и Ливана. <...> Бывало так, что ответственность за одно и то же нападение брала и «Аль-Каида», и ИГИЛ (**запрещена в РФ**) (Откуда взялась **запрещенная в РФ** группировка «Исламское государство» // Российская Газета. 26.03.2024).

Небольшая по объему заметка – порядка 4000 знаков – содержит 10 упоминаний о запрете ИГИЛ. Очевидно, что столь частое упоминание запрета излишне информативно и нарушает Принцип Кооперации Г.П. Грайса, согласно которому коммуникативный вклад «на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [Грайс, 1985, с. 222]. Объяснить такое нарушение Принципа Кооперации можно, если исходить из того, что кроме собственно информационной функции, маркировка запрета передает акт магическо-

* Упомянутые в статье организации «Исламское государство», «Ан-Нусра», «Талибан», «Аль-Каида» включены в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. Деятельность данных организаций запрещена на территории Российской Федерации.

го воплощения – оберег. Частое повторение уведомлений о запрете меняет облик текстов современных российских СМИ.

К числу новых дискурсивных практик, выполняющих функции оберегов, относятся приемы ухода от правовых рисков по ст. 152 ГК РФ о защите чести, достоинства и деловой репутации. До последнего времени соглашение между участниками публичной коммуникации и правоприменителями относительно легитимных способов выражения мнения, если отвлечься от некоторых тонкостей, сводилось, в сущности, к тому, что эксплицитное введение в дискурс пропозиции лексически-ми маркерами мнения, предположения, оценки и т. п. признавалось правомерным и не подпадало под действие ст. 152 ГК РФ. Это обеспечивало необходимый баланс между положениями Конституции РФ о свободе мнения и слова и правом гражданина на защиту своего доброго имени – чести, достоинства, деловой репутации и пр. Иными словами, фраза *Петров ограбил банк* в существующей судебной практике будет признана утверждением, а фразы *видимо / вероятно / возможно* (и т. п. – группа 1), *считаю / думаю / полагаю* (и т. п. – группа 2), *Петров ограбил банк* – предположением (маркеры группы 1) и мнением (маркеры группы 2).

Поток публикаций негативного характера вызвал обратную реакцию со стороны тех, кто так или иначе затрагивался в соответствующих текстах и становился объектом пропагандистских кампаний и компаний черного пиара. Определенную роль в изменении отношения к формальным и неформальным соглашениям сыграло и изменение общественно-политической ситуации. Между тем обвинения в «злоупотреблении правом» в связи с делами о защите чести и достоинства небеспочвенны. Действительно, некоторые тексты современных СМИ в попытке уйти от правовых санкций обнаруживают признаки того, что называется злоупотреблением языком по Дж. Локку (*abuse of language* [Lock, 2009], см. также: [Kress, Hodge, 1979]).

Суть приемов ухода от правовых рисков по ст. 152 ГК РФ состоит в том, чтобы максимально использовать лексические маркеры предположения, мнения, вероятности и т. п. для эксплицитной маркировки потенциально

опасных фрагментов текста (см., например: [Осадчий, 2013]). Результатом таких магических действий, как и в случае маркировки запрета, оказывается существенное изменение облика текстов СМИ, которые в ряде случаев перенасыщены словами с семантикой мнения, предположения, вероятности и под. (подробно об этом см.: [Баранов, 2022]). Появляются стилистические и семантические «монстры», которые семантически или прагматически противоречивы. Например, в семантическую сферу действия выражения с семантикой факта попадает слово или словосочетание с семантикой предположения:

(26) **Назовем вещи своими именами:** сам Рыбкин **скорее всего** и передал своим юристам поддельные векселя для обращения в суд. А если это так, то именно Александру Рыбкину предстоит ответить за подделку документов.

В приведенном примере выражение *называть вещи своими именами* передает семантику факта. Действительно, странно выглядит фраза *Назовем вещи своими именами: он **возможно / вероятно / скорее всего** настоящий убийца* при норме *Назовем вещи своими именами: он и есть настоящий убийца*. Иными словами, введение в сферу действия модальности факта выражений, передающих семантику предположения, семантически некорректно.

Данные Национального корпуса русского языка подтверждают этот вывод. Во всех 324 примерах употребления выражения *назвать вещи / всё своими именами*, найденных в корпусе в различных формах, в семантической сфере действия обсуждаемой идиомы обнаруживается пропозиция (и связанная с ней номинация), которая представляется говорящему истинной (подчеркнуто в примерах), а модальностей предположения, вероятности нет: *Ее заботило мое отношение к его, **назовем вещи своими именами**, тунеядству; Агрессоры (**назовем вещи своими именами**); взяточдатели (**назовем вещи своими именами**) неохотно распространяются о том, кому пришлось сунуть; Вкладчики не хотят мириться с очередным грабежом и **называют вещи своими именами**. Они открыто обвиняют ЦБ в рейдерском захвате сво-*

его банка под предлогом «оздоровления» банковской системы.

Злоупотребление маркерами модальностей может повлечь нарушения прагматической природы. Например, обсуждение гипотетической ситуации в обычном случае не предполагает излишних подробностей, поскольку ситуация не реализовалась и не понятно, будет ли иметь место. Действительно, нереализованная ситуация не может быть известна говорящему в деталях. Между тем формальная расстановка маркеров с целью ухода от правовых рисков приводит к нарушению этого естественного ограничения, например:

(27) «...**Вероятно**, Дрегваль постарается донести до руководства “Россетей” необходимость возврата Лебедева, минуя совет директоров. Вторым **сценарий**: назначить Лебедева исполняющим обязанности, пока совет директоров не начнет задавать вопросы о временщиках в руководстве. Поэтому, **вероятно**, Дрегвалю **придется буквально вымолить у Бударгина** место для Лебедева для личного самосохранения», – считает собеседник «Правды УрФО» в госхолдинге (Энергобезопасность Екатеринбург подорвали крысы в ЕЭСК // Правда УрФО. 2017. 9 янв.).

Лексемы *вероятно* и *сценарий* указывают на гипотетические варианты развития ситуации, а грамматическая форма будущего времени (*постарается, начнет, придется*) вообще снимает вопрос о верификации описываемых событий – она невозможна, а неверифицируемые высказывания в соответствии с Постановлением Пленума Верховного суда РФ № 3 от 2005 г. не являются утверждениями в смысле ст. 152 ГК РФ. Однако подробное описание того, что *Дрегвалю придется буквально вымолить у Бударгина место для Лебедева для личного самосохранения* семантически аномально, поскольку экстраполяция в будущее таких подробностей отражает стремление автора статьи представить нынешнюю ситуацию угрожающей для Дрегваля.

Семантическая некорректность текста при использовании практик ухода от правовых рисков может быть связана с неудачными попытками преобразования грамматических утверждений в вопросы. Так, название статьи *Денег нет, но вы держитесь? Оффшорные миллионы чиновников Минобороны?* выгля-

дит довольно странным из-за вопросов, которые нарушают условия успешности данного типа речевого акта. В статье указывается, что миллионы у чиновников есть и что их вполне достаточно – чиновникам «держаться» не надо. Заголовок статьи в виде общего вопроса в такой ситуации выглядит аномально, но объяснимо, если иметь в виду попытку ухода от правовой ответственности.

Проклятье как акт магического воплощения иногда проявляет себя в практике применения еще одной новеллы законодательства – ФЗ № 121 от 20 июля 2012 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты российской федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента», согласно которому:

«Материалы, издаваемые некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента, и (или) распространяемые ею, в том числе через средства массовой информации и (или) с использованием информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, должны сопровождаться указанием на то, что эти материалы изданы и (или) распространены некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента».

Понятно, что появление соответствующих указаний имеет и информационный характер, однако согласно существующей практике, так маркируется, например, каждый пост в блоге иностранного агента. Часто текст указания превышает объем самой реплики, что опять-таки нарушает Принцип Кооперации, если только не видеть косвенной иллокутивной функции данного речевого акта.

Еще одна дискурсивная практика магического характера – умолчание. Ее суть состоит в том, что неупоминание кого-либо или чего-либо приводит к тому, что неупоминаемое исчезает из общего поля зрения участников ситуации общения и как бы перестает существовать. Функцию умолчания выполняет Закон о «праве на забвение»: ФЗ РФ от 13 июля 2015 г. «О внесении изменений в ФЗ “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статьи 29 и 402 ГПК РФ». Согласно этому закону, заявитель вправе обратиться к оператору поисковой системы Интернета с требованием изъять из

выдачи информационного поиска недостоверную или неактуальную информацию, потерявшую значение для заявителя.

Аналогичная практика используется в политическом дискурсе, когда политические противники не упоминаются по имени или их имена заменяются альтернативными описаниями (фактически эвфемизмами – *блогер, пациент берлинской клиники, этот гражданин, данная личность, этот персонаж*):

(28) По словам президента, российские спецслужбы знают, что американские коллеги отслеживают их геолокацию, и не считают нужным скрываться, когда пользуются телефонами, а слежку за Навальным, судя по расследованию, вычислили в том числе по биллингу телефонов сотрудников спецслужбы. «Но если это так – а это так, я вас уверяю, – то это значит, что этот **пациент берлинской клиники** пользуется поддержкой спецслужб США в данном случае», – заявил Путин (Владимир Путин увидел следы западных спецслужб почти повсюду // Ведомости. 2020.12.17);

(29) «... Эти сюжеты снимают за большие деньги спонсоров, берут разную муть, чушь всякую собирают про моих знакомых или людей, про которых я никогда не слышал; про места, где я бывал и о которых никогда не слышал. <...> ... За этим стоит определенная политическая цель – выгнать людей на улицы, в том числе несовершеннолетних, что вообще недопустимо, в том числе путем нарушения закона. **Этот персонаж**, кстати, судимый (премьер имел в виду **Алексея Навального** ** – «МК»), говорит: все плохие, изберите меня президентом. Это бесчестная позиция, способ достичь собственных шкурных целей», – ответил Медведев (Екатерина Пичугина. Медведев прокомментировал расследование Навального, осмотрев убойный цех свиней // Московский комсомолец. 04.04.2017).

Использование эвфемизмов – характерный вид магической практики умолчания, причем если умолчание в точном смысле не вводит в дискурс табуированный феномен, то эвфемизация вводит, хотя и с помощью иной номинации – чаще всего описательной (определенной дескрипции по Б. Расселу, позволяющей легко установить референт). Однако стандартная номинация остается под запретом, что подчеркивает ее магический статус.

** Данное лицо включено в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

Особенность современных актов магического воплощения в русском публичном дискурсе состоит в том, что некоторые из них имеют правовой фундамент. Последствия этого ожидают своего изучения.

Заключение

Возникает вопрос о реальности актов магического воплощения с точки зрения выполнения постулата искренности и перлокутивного эффекта, который они оказывают. Действительно, насколько говорящий искренне проклинает, восхваляет, отводит порчу и пр.? Каков результат этого вербально-магического воздействия на мир? Эти вопросы уместны, однако они выходят за пределы языкознания как науки. В рамках собственно лингвистического исследования важно, как оформляется коммуникативное намерение (иллокуция) тех или иных речевых высказываний, как сочетаются различные типы иллокуций в одном речевом акте и как внутренняя форма речевого акта влияет на его актуальное значение.

Реальное словоупотребление – дискурс – отражает наивную логику (*natural logic* – по Дж. Лакоффу) говорящих. Если носители языка продолжают разделять мифологические представления о магии, то эти представления обязательно воплотятся в дискурсивных практиках. Задача лингвистики – зафиксировать такие словоупотребления и исследовать их семантический и прагматический потенциал.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее выделение полужирным шрифтом в примерах сделано автором статьи.

² Экспонант лозунга – политический субъект и/или его представитель, вводящий в дискурс соответствующий лозунг. Иными словами, это аналог «говорящего» в обычном речевом акте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов А. Н., 1993. Языковые игры времен перестройки: феномен политического лозунга // Русистика. № 2. С. 64–72.

- Баранов А. Н., 2000. Введение в прикладную лингвистику. М. : УРСС. 360 с.
- Баранов А. Н., 2022. Корпусный эксперимент в лингвистической экспертизе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегод. Междунар. конф. «Диалог» (2022). Вып. 21. С. 42–49. DOI: 10.28995/2075-7182-2022-21-42-49
- Баранов А. Н., Северская О. И., 2016. Поэтические практики в современном политическом дискурсе // Общественные науки и современность. № 4. С. 159–170.
- «Виселица» – революционные листовки о Парижской Коммуне: подпольная печать 70-х годов, 1931 / предисл., публ. коммент. С. Валка // Литературное наследие. Т. 1. М. : [б. и.]. С. 157–164.
- Грайс Г. П., 1985. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. М. : Прогресс. С. 217–237.
- Левин Ю. И., 1988. Заметки о семиотике лозунгов // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 22. S. 69–85.
- Левкиевская Е. Е., 2002. Славянский оберег. Семантика и структура. М. : Индрик. 336 с.
- Мечковская Н. Б., 1998. Язык и религия. М. : Фаир. 352 с.
- Осадчий М. А., 2013. Управление правовыми рисками в публичной коммуникации // Фундаментальные исследования. № 10–3. С. 679–683.
- Остин Дж. Л., 1986. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М. : Прогресс. С. 22–129.
- Серль Дж. Р., 1986. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Вып. 17. М. : Прогресс. С. 170–194.
- Якобсон Р. О., 1975. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М. : Прогресс. С. 193–230.
- Austin J. L., 1962. How to Do Things with Words. Oxford : Oxford at the Clarendon Press. 167 p.
- Kress G., Hodge R., 1979. Language as Ideology. L. : Routledge. 182 p.
- Lock J., 2009. Of the Abuse of Words. L. : Penguin. 144 p. (Penguin Great Ideas.).
- Seriot P., 1985. Analyse du discours politique sovietique. Cultures et sociétés de l'Est. P. : [s. n.]. 364 p.
- Thom F., 1987. La Langue de bois. P. : Éditions Julliard, coll. «Commentaire». 225 p.
- Baranov A.N., 2000. *Vvedenie v prikladnyuyu lingvistiku* [Introduction to Applied Linguistics]. Moscow, URSS Publ. 360 p.
- Baranov A.N., 2022. *Korpusnyy eksperiment v lingvisticheskoy ekspertise* [Corpus Experiment in Forensic Linguistics]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: po materialam ezhegod. Mezhdunar. konf. «Dialog» (2022)* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue”], iss. 21, pp. 42-49. DOI: 10.28995/2075-7182-2022-21-42-49
- Baranov A.N., Severskaya O.I., 2016. *Poeticheskie praktiki v sovremennom politicheskom diskurse* [Poetic Practices in Modern Political Discourse]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and the Present], no. 4, pp. 159-170.
- Valk S., eds., 1931. «Viselica» – revolyutsionnye listovki o Parizhskoy Kommune: podpolnaya pechat 70-kh godov [“The Gallows” – Revolutionary Leaflets About the Paris Commune: The Underground Press of the 70s]. *Literaturnoe nasledstvo. T. I* [Literary Heritage. Vol. 1]. Moscow, s.n., p. 157-164.
- Grice H.P., 1985. *Logika i rechevoe obshchenie* [Logic and Conversation]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Lingvisticheskaya pragmatika* [New in Foreign Linguistics. Linguistic Pragmatics]. Moscow, Progress Publ., pp. 217-237.
- Levin Ju.I., 1988. *Zametki o semiotike lozungov* [Notes on the Semiotics of Slogans]. *Wiener Slawistischer Almanach*, Bd. 22, S. 69-85.
- Levkievskaya E.E., 2002. *Slavyanskiy obereg. Semantika i struktura* [Slavic Amulet. Semantics and Structure]. Moscow, Indrik Publ. 336 p.
- Mechkovskaya N.B., 1998. *Yazyk i religiya* [Language and Religion]. Moscow, Fair Publ. 352 p.
- Osadchiy M.A., 2013. *Upravleniye pravovymi riskami v publichnoy kommunikatsii* [Forensic Risk Management in Public Communication]. *Fundamentalnye issledovaniya* [Fundamental Research], no. 10-3, pp. 679-683.
- Ostin Dzh.L., 1986. *Slovo kak deystvie* [How to Do Things with Words]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 17. Teoriya rechevykh aktov* [New in Foreign Linguistics. Iss. 17. Theory of Speech Acts]. Moscow, Progress Publ., pp. 22-129.
- Searle J.R., 1986. *Klassifikatsiya illokutivnykh aktov* [A Classification of Illocutionary Acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Teoriya rechevykh aktov. Vyp. 17* [New in Foreign Linguistics. Theory of Speech Acts. Iss. 17]. Moscow, Progress Publ., pp. 170-194.
- Jakobson R.O., 1975. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and Poetics]. *Strukturalizm: «za» i «protiv»*

REFERENCES

Baranov A.N., 1993. *Yazykovye igry vremen perestroiki: fenomen politicheskogo lozunga* [Language Games of the Perestroika Era: The Phenomenon of a Political Slogan]. *Rusistika* [Russian Studies], no. 2, pp. 64-72.

- [Structuralism: Pros and Cons]. Moscow, Progress Publ., pp. 193-230.
- Austin J.L., 1962. *How to Do Things with Words*. Oxford, Oxford at the Clarendon Press. 167 p.
- Kress G., Hodge R., 1979. *Language as Ideology*. London, Routledge. 182 p.
- Lock J., 2009. *Of the Abuse of Words*. London, Penguin. 144 p. (Penguin Great Ideas.).
- Seriot P., 1985. *Analyse du discours politique soviétique. Cultures et sociétés de l'Est*. Paris, s.n. 364 p.
- Thom F., 1987. *La Langue de bois*. Paris, Éditions Julliard, coll. «Commentaire». 225 p.

Information About the Author

Anatoly N. Baranov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Experimental Lexicography, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Volkhonka St, 18/2, 119019 Moscow, Russia, ruslang@ruslang.ru, baranov_anatoly@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9318-0693>

Информация об авторе

Анатолий Николаевич Баранов, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом экспериментальной лексикографии, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, ул. Волхонка, 18/2, 119019 г. Москва, Россия, ruslang@ruslang.ru, baranov_anatoly@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9318-0693>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.3>

UDC 81'23:005.334.2
LBC 81.006

Submitted: 06.02.2024
Accepted: 09.04.2024

SPEECH PRACTICES OF PROTEST: AN ASSOCIATIVE RESEARCH ON SEMANTICS¹

Liliya R. Komalova

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract. The beginning of the 21st century was marked by the emergence of new socio-political movements calling for social change throughout the world. This exacerbated social contradictions and led to increased social tension. Young people, being the category of the population most susceptible to social inequality and social injustice, get actively involved in protest activity. The aim of this research is to identify the current features of the “protest” notion in the minds of Moscow universities’ students. The research is carried out based on free and directed types of associative experiment. The author identified frequent and single verbal associations for the stimulus word *protest* and stimulus phrase *protest is ...* that were subsequently grouped into 15 features of the “protest” notion. Two most quantitatively represented features correspond to the interpretation of the word “protest” given in the dictionary by S.I. Ozhegov. Structuring and generalization of the data obtained indicate that within the lexical-semantic field “protest” *disagreement* is the nuclear associate, ‘presenting one’s position’ is the key feature, the models “noun (center word) + noun / pronoun” and “noun + noun (center word)” are the most productive grammatical means to verbalize associations. The analysis of grammatical patterns has enabled the development of a detailed image of protest as a social action in the minds of informants.

Key words: protest, disagreement, associative experiment, lexical-semantic field, grammatical model.

Citation. Komalova L.R. Speech Practices of Protest: An Associative Research on Semantics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 3, pp. 29-40. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.3>

УДК 81'23:005.334.2
ББК 81.006

Дата поступления статьи: 06.02.2024
Дата принятия статьи: 09.04.2024

РЕЧЕВЫЕ ПРАКТИКИ ПРОТЕСТА: АССОЦИАТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОНЯТИЯ¹

Лилия Ряшитовна Комалова

Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Россия;
Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что начало XXI в. ознаменовалось появлением новых общественно-политических движений, призывающих к социальным переменам во всем мире. Это обострило социальные противоречия и привело к росту социальной напряженности. Молодежь, будучи категорией населения, наиболее восприимчивой к социальному неравенству и социальной несправедливости, активно вступает в протестную активность. Цель исследования состоит в выявлении актуальных признаков понятия «протест» в представлении обучающихся московских вузов. Исследование проведено с применением методов свободного и направленного ассоциативных экспериментов. Обнаружены частотные и единичные вербальные ассоциации на слово-стимул *протест* и на фразу-стимул *протест – это...*, реализующие 15 компонентов, формирующих понятие «протест». Структурирование и обобщение полученных данных свидетельствуют о том, что в лексико-семантическом поле «протест» ядерным является ассоциат *несогласие*, ключевым для понятия «протест» является компонент ‘предъявление своей позиции’. Установлено, что к наиболее продуктивным грамматическим способам вербализации ассоциаций относятся модели «имя

сущ. (центровое слово) + имя сущ. / местоим.» и «имя сущ. + имя сущ. (центровое слово)», результаты анализа которых позволили воссоздать детальный образ протеста как социального действия в представлении информантов.

Ключевые слова: протест, несогласие, ассоциативный эксперимент, лексико-семантическое поле, грамматическая модель.

Цитирование. Комалова Л. Р. Речевые практики протеста: ассоциативное исследование понятия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 29–40. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.3>

Введение

Начало XXI в. ознаменовалось появлением новых общественно-политических движений, призывающих к социальным переменам во всем мире. «Арабская весна» (The Arab Spring), «Оккупируй» (Occupy Movement), «Чайная партия» (Tea Party), «Жизни чернокожих имеют значение» (Black Lives Matter), «Все жизни имеют значение» (All Lives Matter), «Я тоже» (Me Too), «От фермы к столу» (Farm-to-table), «Возмущенные» (Indignados), «Движение желтых жилетов» (Yellow Vest Movement), «Антитуризм» (Anti-Tourism) породили в дискурсивном пространстве разных стран общественное обсуждение различных социальных проблем (см. об этом: [Cantero-Echojo, 2020; Velásques Urribarrí, 2022; Abu Rumman, Haider, 2023]). Наиболее восприимчивой к социальному неравенству и социальной несправедливости категорией населения, как правило, выступает молодежь. Она становится подлинным участником социальных движений, реализуя в них свою протестную активность. Протест для молодежи естествен и, по сути, является способом встраивания нового поколения в жизнь общества через отрицание ценностей предыдущего поколения. Исследование Г. Витдармоно показало, что молодые люди в возрасте 14–25 лет особенно остро осознают несправедливость общественного устройства и выражают свое недовольство с помощью различных механизмов: легальных или нелегальных, радикальных или умеренных, деструктивных или конструктивных [Witdarmono, 2021, p. 3836].

В периоды обострения социальных противоречий и роста социальной напряженности расширяется роль языка и смыслов, которые актуализируются в дискурсе [Filali-Ansary, 2012], язык и дискурс рассматриваются как инструмент идеологии [Abu Rumman, Haider,

2023]. При этом языковые явления, отражающие представления о мире, которые существуют в сознании людей, становятся объектами поли- / мультидисциплинарных исследований. В нашем понимании, представленность социального феномена «протест» в лингвистических исследованиях свидетельствует о сочетании методов психолингвистики и социологии, поскольку протест есть социальное действие, затрагивающее психическую, эмоционально-психологическую и деятельностную сферы жизни человека.

Слово *протест* (от лат. *protestari* – изъявлять, открыто заявлять) толкуется в словарях как «решительное возражение против чего-либо; заявление о несогласии с каким-либо решением» (Ожегов, 2015), по нашему мнению, это характеризует протест как речевое действие. В рамках широкого коммуникативного подхода протест интерпретируется как особая коммуникативная система [Бараш, Антоновский, 2018] со своими пространственно-временным, предметным и коллективно-личностным измерениями. Согласно Л.Н. Ребриной и Н.Л. Шамне, применительно к языковедческой проблематике пространственно-временное измерение обнаруживается в прототипических формах, реализуемых в конкретных дискурсивных практиках с их хронопическими особенностями; предметное измерение – в дискурсивном конструировании реальности (рассматриваются объекты тематизации, закономерности конструирования ситуации как проблемы); коллективно-личностное – в дискурсивном конструировании идентичности адресанта и адресата, коммуникативных стратегиях и тактиках, коммуникативной солидаризации [Ребрина, Шамне, 2020, с. 152].

Будучи социальным действием, «протест невозможен без авторитетного лица, основного адресата, на которого направлено протестное

действие, протест бессмысленен и без зрителей – лиц, понимающих, сочувствующих, поддерживающих акт протеста, или тех, кто может быть вовлечен в протестное действие. Для протестующего протест выступает в качестве средства самовыражения и способа построения своего собственного образа» [Гусейнов, 2013, с. 148]. А.Ш. Гусейнов полагает, что активные действия основных адресатов протеста (усиление власти и влияния, концентрация ресурсов в узком кругу лиц, статусное расслоение в группе и в обществе) приводят к протесту, выраженному в недовольстве и социальном активизме. И.П. Лысакова отмечает, что «в массовом сознании абсолютизируется протест и нетерпимость как единственные способы достичь справедливости (разрушив до основания ценности сотрудничества и сосуществования своих и чужих)» [Лысакова, 2007, с. 45]. В межличностной коммуникации помимо прямого несогласия протест может выражаться в виде совета (*Лучше бы поступить так-то и так-то...*), альтернативного мнения (*У меня на этот счет иная точка зрения...*), оценочной характеристики собеседника (*Вряд ли ты прав!*), встречного предложения (*Со своей стороны могу сказать то-то...*) [Щербинина, 2013].

Представленное в статье описание понятия «протест» относится к исследуемым нами речевым жанрам конфликтного типа (см.: [Комалова, 2017, с. 68–88]). По нашему мнению, речевой жанр протеста является группообразующим и сопровождается периферийными жанрами возражения, возмущения и коммуникативного саботажа. Возражение представляет решительное выражение несогласия. Более мягким способом протеста выступает использование речевого жанра возмущения, который представляет эмоциональную (негативную) реакцию на поступок собеседника, например: *Ну / ты даешь! Со всем что ль одурел!?* (пример из: [Седов, 2007]). Коммуникативный саботаж² является выражением внутреннего (неявного) недовольства или возражения и в этом контексте может быть рассмотрен как речевой субжанр протеста.

Уточним, что в фокусе нашего исследовательского внимания находится межличностная коммуникация. При этом мы разграничи-

ваем (1) протестную активность в качестве представителя социальной группы или сообщества, борющихся за права большого количества людей, и (2) протест в ситуациях и отношениях в близком или приватном кругу, в котором человек представляет свои индивидуальные интересы, полагается на собственные силы и (предположительно) способен отстаивать свои права без объединения в группу.

Цель исследования состоит в выявлении актуальных признаков понятия «протест» в представлении обучающихся московских вузов.

Методика исследования

Мы предполагаем, что ключевое представление информантов о протесте будет реализовано признаком ‘сопротивление’ (предъявление своего, отличного от других мнения / своей, отличной от других позиции). Дизайн исследования включал эксперимент, анкетирование для сбора демографических сведений и опрос.

Применяемая в исследовании методика разрабатывалась в 2015–2017 гг. (см., например: [Потапова, Комалова, 2015; 2017]; [Комалова, 2017]), позже была доработана и апробирована на материале понятий «угроза» [Комалова, 2023] и «Интернет вещей / Интернет поведения / Интернет тел» [Комалова, Зуева, 2023].

Исследование проводилось с опорой на свободный ассоциативный эксперимент (далее – САЭ) и направленный ассоциативный эксперимент (далее – НАЭ) (о методике их проведения см., например: [Виноградова, Стернин, 2016]) с привлечением группы информантов из 108 человек (см. табл. 1) в течение 2022–2023 гг. в рамках исследовательской практики в Центре эмерджентных практик ИНИОН РАН. Перед началом исследования в рамках процедуры информированного согласия все участники ознакомились с содержанием и процедурой исследования.

В состав группы информантов вошли совершеннолетние обучающиеся магистратуры четырех ведущих вузов России в предметной области «лингвистика и иностранные языки» (см.: https://raex-rr.com/education/subject_ranking/Linguistics/2023/), для которых русский является одновременно родным языком и язы-

Таблица 1. Возраст и биологический пол информантов

Table 1. Informants' age and sex

Возраст, лет	Биологический пол		Всего
	Женский	Мужской	
21–30	74	14	88
31–40	6	0	6
42	1	0	1
50	1	1	2
52	1	0	1
Не указан	7	3	10
Итого	90	18	108

ком коммуникации. Большинство информантов родилось в Российской Федерации (79,62 %), некоторые – в странах СНГ (10,19 %), один информант за рубежом (0,93 %), некоторые информанты не указали место своего рождения (9,26 %). Все информанты на момент участия в исследовании проходили обучение в вузах, при этом половина из них работала (53,7 %). Большую часть группы информантов (68,52 %) составили женщины в возрасте 21–30 лет.

Для выявления содержательной погруженности в исследуемое явление информантам было задано четыре общих вопроса об их опыте протеста (табл. 2). На основе полученных данных мы предположили, что информанты имеют определенный опыт протеста: активнее всего они протестуют во

взаимоотношениях с романтическими партнерами и родителями (64,81 и 61,11 % утвердительных ответов); умеренную протестную активность информанты проявляют в рабочей среде (35,19 %); информанты практически не имеют опыта участия в публичных акциях протеста (6,48 %). При подсчете доли утвердительных ответов в группах по параметру «биологический пол» наблюдается следующая тенденция: по сравнению с информантами-женщинами информанты-мужчины проявляют большую протестную активность в рабочей среде (50 % против 32,22 %) и меньшую во взаимодействии с родителями (27,78 % против 67,78 %). Во взаимоотношениях с романтическими партнерами две группы ведут себя схожим образом.

Таблица 2. Количество утвердительных ответов на общие вопросы

Table 2. The number of positive answers to common questions

Вопросы (количество отказов от ответа)	Количество утвердительных ответов					
	Всего		Женщины		Мужчины	
	Абсолютное выражение	%	Абсолютное выражение	%	Абсолютное выражение	%
Участвовали ли Вы в акциях протеста? (11 отказов)	7	6,48	7	6,48* / 7,78**	0	0
Протестовали ли Вы против чего-либо, что Вам не нравится / не устраивает в отношениях с родителями? (0 отказов)	66	61,11	61	56,48 / 67,78	5	4,36 / 27,78
Протестовали ли Вы против чего-либо, что Вам не нравится / не устраивает в работе? (0 отказов)	38	35,19	29	26,85 / 32,22	9	8,33 / 50,00
Протестовали ли Вы против чего-либо, что Вам не нравится / не устраивает в отношениях с романтическим партнером? (0 отказов)	70	64,81	60	55,56 / 67,00	10	9,26 / 55,56

Примечание. * – от общего количества утвердительных и отрицательных ответов; ** – от количества утвердительных и отрицательных ответов в группе по параметру «биологический пол».

Note. * – of the total number of affirmative and negative answers; ** – of the number of affirmative and negative answers in the group according to the parameter “biological sex”.

Далее информанты участвовали в двух видах ассоциативного эксперимента. В процессе САЭ информанты предоставляли свободные ассоциации на перечень из одиннадцати предъявляемых им слов-стимулов. Одним из стимулов было слово *протест*. В процессе НАЭ информантам предлагалось продолжить восемь фраз-стимулов, первой из которых была фраза «Протест – это...». Предъявление стимулов осуществлялось в виде анкет, размещенных в Интернете на платформе Google Forms. Экспериментальные анкеты (информированное согласие; демографические данные; общие вопросы; САЭ; НАЭ) были разделены: каждая анкета открывалась в новом окне по завершении работы с предыдущей. Таким образом мы пытались нивелировать эффект импринтинга.

Результаты исследования

В процессе САЭ информанты предоставили 114 вербальных реакций. Трое информантов дали по несколько реакций на один стимул (остальные информанты предоставили по одной ассоциации на один стимул), поэтому общее количество ассоциатов больше общего количества информантов. В САЭ и НАЭ не было ни одного отказа от ассоциирования.

В качестве первого шага нам представляется возможным выявить схожие и различные ассоциаты, полученные в ходе САЭ и НАЭ, а также сопоставить их с ассоциатами на стимул *протест*, извлеченными из «Русского ассоциативного словаря» (далее – РАС³). Для сопоставления в ассоциациях, полученных на стимульную фразу «Протест – это...», выделим центровое слово: например, в ассоциации *категоричное возражение против чего-нибудь, решительное заявление о несогласии с чем-нибудь, о нежелании чего-нибудь* центровыми словами будем считать *возражение* и *несогласие*. При таком подходе в ассоциатах, полученных в ходе НАЭ, было выделено 120 центровых слов-реакций (некоторые информанты предлагали несколько дополнений в ответ на стимул «протест – это...»: например, реакцию *публичное выражение неодобрения или несогласия с идеей или действием, обычно политическим* мы делили на две: *публичное выраже-*

ние неодобрения идеи или действия, обычно политических и *публичное выражение несогласия с идеей или действием, обычно политическим*).

Сопоставим полученные в ходе нашего исследования вербальные реакции на стимулы САЭ и НАЭ с реакциями из РАС. Для этого в поиске РАС ограничим результаты выгрузки демографическими параметрами («возраст: 21–52 года», «биологический пол: мужчины и женщины», «профессия: все», «вид поиска: прямой» (см. табл. 3). В таблице полужирным курсивом отмечены реакции, которые представлены одновременно в двух группах. Отметим, что не обнаружено ни одного ассоциата, который зафиксирован одновременно в реакциях САЭ, НАЭ, РАС. Отметим и то, что 23 информанта (21,3 % случаев) и в САЭ, и в НАЭ указали одну и ту же реакцию: например, слово-реакция *возражение*, полученная от данного информанта в ходе САЭ, в НАЭ для этого же информанта была соотнесена с центровым словом в реакции *категоричное возражение против чего-нибудь*.

Предварительным выводом можно считать то, что по сравнению с выгрузкой ассоциатов из РАС данные, полученные в нашем исследовании, представляют более детальную картину о представлениях информантов о протесте: это проявляется в количестве разнообразных уникальных ассоциатов (РАС = 20 уникальных ассоциатов против САЭ = 58 и НАЭ = 36). При этом в трех выборках большее разнообразие уникальных реакций наблюдается в группе единичных реакций (в РАС 2 vs 18, в САЭ 18 vs 40, в НАЭ 16 vs 20). В качестве дополнения и для дальнейших исследований можно указать на то, что (на основе применяемой методики) группы частотных реакций, полученные в САЭ и НАЭ, схожи по представленности частей речи, например: реакции в виде имени существительного в САЭ составляют 82,5 %, в НАЭ – 80 %. При изменении режима ассоциирования с САЭ на НАЭ происходит переход частотного ассоциата *толпа* в периферию, из периферии в частотные переходят ассоциаты *возражение, мнение, реакция*.

Далее мы сформировали лексико-семантические поля «протест» на основе результа-

Таблица 3. Сопоставление ассоциаций САЭ, НАЭ, РАС

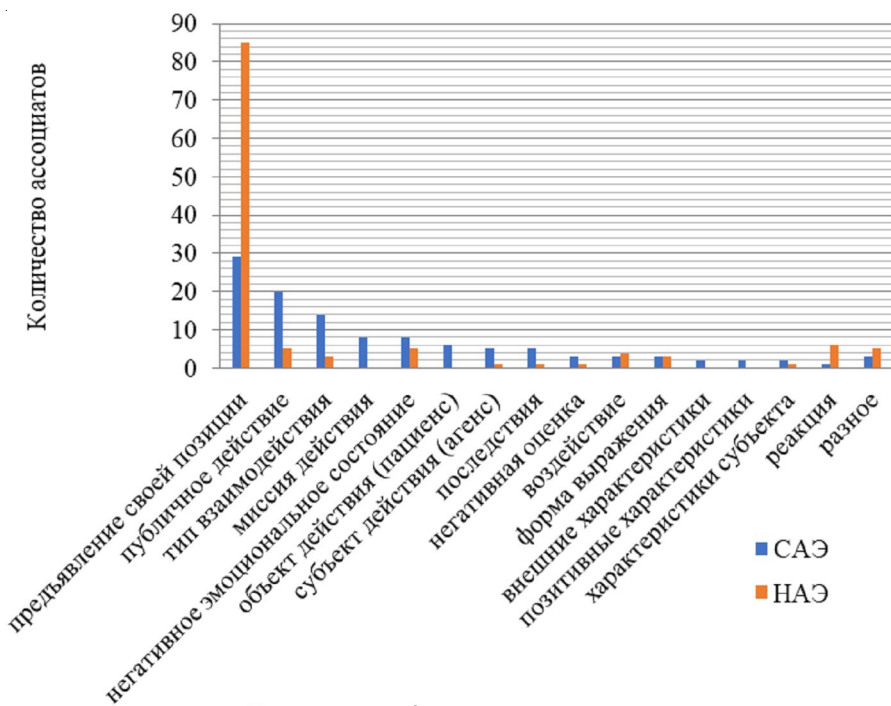
Table 3. Comparison between results of free / directed associative experiments and data of Russian associative dictionary

Тип ассоциаций	Реакции (частота)		
	РАС	САЭ	НАЭ (центровые)
Частотные	<i>демонстрация</i> (2), решительный (2)	<i>несогласие</i> (19), митинг (9), <i>акция</i> (6), <i>недо- вольство</i> (4), <i>тол- па</i> (4), <i>борьба</i> (3), война (3), враг (3), конфликт (3), поли- тика (3), справедли- вость (3), агрес- сия (2), <i>демонстра- ция</i> (2), мирный (2), оппозиция (2), <i>от- стаивание</i> (2), сво- бода (2), тюрьма (2)	<i>несогласие</i> (58), <i>возражение</i> (5), <i>недовольство</i> (4), <i>реакция</i> (4), <i>акция</i> (3), нежелание (3), неодобрение (3), точка зрения (3), <i>борьба</i> (2), влияние (2), выбор (2), <i>мнение</i> (2), ответ (2), <i>отстаивание</i> (2), позиция (3), попытка (2)
Всего	4	74	100
Единичные	безмолвный, вне- запный, возмуще- ние, всегда, гнев- ный, за, запрет, искажение, кри- чать, направлен, населения, негры, одобрение, проект, <i>против</i> властей, <i>против...</i> , <i>смелый</i> , судьи	анархия, баба яга, <i>бунт</i> , <i>возражение</i> , воля, восстание, глупость, давление, драка, жизнь, забас- товка, запрещённое, <i>заявление</i> , злоба, красный, крик, ло- зунг, миссия, <i>мне- ние</i> , наказание, на- перекор, огонь, пи- кет, плохо, пробле- ма, <i>против</i> , <i>проти- востояние</i> , <i>реак- ция</i> , <i>революция</i> , рыба, <i>сила</i> , скандал, <i>сопротивление</i> , ссора, страх, <i>угроза</i> , Франция, цель, <i>штрафы</i> , шум	<i>бунт</i> , высказывание, глупо, движение, диссонанс, желание, <i>заявление</i> , идти <i>против</i> правил, лю- бые слова и меро- приятия <i>против</i> другого, протест, <i>противостояние</i> , <i>революция</i> , самовы- ражение, <i>сила</i> , ска- зать нет, <i>смелость</i> , <i>сопротивление</i> , <i>толпа</i> , <i>угроза</i> , <i>штраф</i>
Всего	18	40	20
Отказы	0	0	0
Итого	22	114	120

тов САЭ в ответ на слово-стимул *протест* и на основе результатов НАЭ по центральному сло-ву в реакциях в ответ на фразу-стимул «про-тест – это...» (см. рисунок, табл. 4). В резуль-тате сопоставительного анализа полей выяв-лено 15 компонентов, формирующих понятие «протест» в представлении информантов. Эти компоненты, по нашему мнению, соотносятся с семантическими компонентами значения сло-ва *протест*. Ядерным (самыми частотными)

и самым выраженным при двух видах ассо-циирования выступает компонент ‘предъявле-ние своей позиции’ (САЭ = 29 ассоциатов, НАЭ = 85 ассоциатов), который представлен такими частотными ассоциатами, как *несог-ласие*, *возражение*, *точка зрения*, *неодобре-ние* и др. (при этом наиболее частотным из них является ассоциат *несогласие*).

Лексико-семантическое поле, сформиро-ванное на основе результатов НАЭ, представ-

Компоненты, формирующие понятие «протест»

Лексико-семантические поля «протест», сконструированные на основе результатов САЭ и НАЭ
Lexical-semantic fields “protest” constructed based on the results of free and directed associative experiments

Таблица 4. Лексико-семантические поля «протест», сконструированные на основе результатов САЭ и НАЭ

Table 4. Lexical-semantic fields “protest” constructed based on the results of free and directed associative experiments

Компоненты, формирующие понятие «протест»	САЭ		НАЭ (центровые)	
	Абсолютные единицы	%	Абсолютные единицы	%
предъявление своей позиции	29	25,44	85	70,83
публичное действие	20	17,54	5	4,17
тип взаимодействия	14	12,28	3	2,5
миссия действия	8	7,02	0	0
негативное эмоциональное состояние	8	7,02	5	4,17
объект действия (пациент)	6	5,26	0	0
субъект действия (агент)	5	4,39	1	0,83
последствия	5	4,39	1	0,83
негативная оценка	3	2,63	1	0,83
воздействие	3	2,63	4	3,34
внешние характеристики	3	2,63	0	0
форма выражения	2	1,75	3	2,5
позитивные характеристики	2	1,75	0	0
характеристики субъекта	2	1,75	1	0,83
реакция	1	0,89	6	5
единичные ассоциаты, не объединенные в группы	3	2,63	5	4,17
Итого	114	100	120	100

лено в основном ассоциатами, актуализирующими ядерный компонент, и небольшим количеством ассоциатов, актуализирующих компоненты периферии (70,83 % ассоциатов со-

ставляют ядро и репрезентируют компонент ‘предъявление своей позиции’ (48,33 % приходится на ассоциат *несогласие*) и 29,17 % ассоциатов в совокупности составляют перифе-

рию (различные компоненты периферии формируются из одного-шести ассоциатов). Ассоциаты, полученные в ходе САЭ, в лексико-семантическом поле распределены более равномерно: в ядро входят три почти соуровневых компонента – ‘предъявление своей позиции’ (25,44 % от общего количества полученных ассоциатов), ‘публичное действие’ (17,54 %), ‘тип взаимодействия’ (12,28 %).

Первые два компонента находят соответствие в значении слова *протест*, приведенном в словаре С.И. Ожегова: компонент ‘предъявление своей позиции’ из НАЭ напрямую соотносится с компонентом ‘возражение против / заявление о несогласии’ из словарного толкования; компонент ‘публичное действие’ соотносится с компонентом ‘решительный’, так как выход в публичность требует от актора определенной храбрости и сильного мотива к действию за пределами зоны комфорта. На основе полученных данных НАЭ можно констатировать, что в представлении информантов протест – это тип взаимодействия (*борьба, война, конфликт, ссора, скандал, драка, революция* и др.), определяемого миссией (*справедливость, свобода, жизнь, цель*), имеющего последствия (*тюрьма, наказание, штраф, анархия*), оцениваемого как негативное (*плохо, проблема, запрещенное, глупо*), оказывающего воздействие (*влияние, угроза, давление, сила*), внешне характеризующегося (*огонь, шум, крик*), имеющего разные формы выражения (*заявление, лозунг, высказывание* и др.), имеющего позитивные характеристики (*мирный*) и являющегося реакцией (*реакция, ответ на*).

При этом небольшая доля ассоциатов представляет компоненты, относящие протест к характеристикам субъектности, вводя агенса (*толпа, баба яга*) и пациенса (*враг, политика*), а также характеристики субъекта действия (*воля, глупость, смелость*). В ассоциатах САЭ субъектность более выражена (18,42 % от всех ассоциатов), чем в ассоциатах НАЭ (5,83 %).

В ходе анализа результатов НАЭ было обнаружено 35 грамматических моделей вербализации ассоциаций. Самой частотной (26,19 % всех случаев) является модель, со-

стоящая из одного центрального слова – имени существительного (24,59 %) / глагола (0,8 %) / наречия (0,8 %) (например: «протест – это *несогласие / акция* и т. п.»).

Две другие частотные модели состоят из двух слов:

– имя сущ. (центровое слово) + имя сущ. / местоим. («протест – это *несогласие с идеями / угроза интересам / возражение против чего-либо / влияние народа* и т. п.») = 10,32 %;

– имя сущ. + имя сущ. (центровое слово) («протест – это *выражение несогласия / заявление о несогласии / высказывание недовольства* и т. п.) = 10,32 %.

Эти три модели в совокупности составляют около половины (48,83 %) ассоциаций, полученных в ходе НАЭ.

Следующие шесть моделей в совокупности составляют 21,43 % всех случаев ассоциирования, каждую модель актуализировали от четырех до шести информантов:

– имя прил. + имя сущ. + имя сущ. (центровое слово) + наречие + имя прил. + имя сущ. («протест – это *публичное выражение неодобрения с обычно политической идеей* и т. п.») = 4,76 %;

– имя сущ. (центровое слово) + имя прил. / местоим. + имя сущ. («протест – это *реакция на общественную ситуацию / отстаивание своих прав / несогласие с текущими требованиями* и т. п.») = 3,97 %;

– имя прил. + имя сущ. + имя сущ. (центровое слово) + имя сущ. / местоим. («протест – это *открытое выражение несогласия с чем-либо / публичное выражение несогласия обществом* и т. п.») = 3,17 %;

– имя сущ. + имя прил. + имя сущ. (центровое слово) («протест – это *высказывание своего несогласия / выражение своей позиции* и т. п.») = 3,17 %;

– имя прил. + имя сущ. + имя сущ. (центровое слово) («протест – это *решительное выражение несогласия / активное выражение недовольства* и т. п.») = 3,17 %;

– имя сущ. + имя сущ. (центровое слово) + имя прил. / местоим. + имя сущ. («протест – это *выражение несогласия с текущей ситуацией / выражение несогласия с чьим-то мнением* и т. п.») = 3,17 %. Эта модель реализуется в толковании лексемы *протест*, представленном в словаре С.И. Оже-

гова (*протест – это заявление о несогласии с каким-либо решением*).

Еще 22 модели включают от двух до шести слов, в совокупности составляют 26,19 % ассоциаций, которые актуализировались одним-тремя информантами. В определении, представленном в словаре С.И. Ожегова, реализуется также модель «имя прил. + имя сущ. (центровое слово) + местоим.» (*протест – это решительное возражение против чего-либо*), которая в результатах НАЭ была актуализирована трижды (*категорическое возражение против чего-либо, любые слова против другого, любые мероприятия против другого*).

Четыре модели (5,56 %) конструируются информантами по принципу развернутого предложения («протест – это *форма психологического влияния на других людей с помощью своих действий, причем чаще всего за определенным поведением скрывается истинная причина происходящего / попытка повлиять на ситуацию, которая вызывает несогласие* и т. п.»). предположительно, данные формулировки были позаимствованы информантами из интернет-источников.

Результаты анализа содержания наиболее частотных моделей вербализации ассоциаций (за исключением модели «имя сущ. (центровое слово)»), полученных в ходе НАЭ, показали, что центровое слово дополняется значениями, указывающими на форму выражения (27,78 % от всех ассоциатов НАЭ, например: *заявление о несогласии, высказывание недовольства*), на публичность действия (11,11 %, например: *публичное выражение несогласия*), на принадлежность (3,17 %, например: *высказывание своей точки зрения*), на субъект действия (агенса) (1,59 %, *влияние народа, выбор каждого*), на объект действия (пациенса) (0,79 %, *несогласие с обществом*). Кроме того, появляются такие новые компоненты, как ‘несубъектный объект действия’ (25,4 %, например: *несогласие с текущим положением вещей, выражение мнения по поводу определенной общественной ситуации*), ‘характеристика несубъектного объекта действий’ (14,29 %, например: *реакция на общественную ситуацию, отстаивание своих прав*), ‘привыч-

ность’ (4,76 %, *публичное выражение несогласия с обычно политическим действием*).

Заключение

На основе результатов, полученных в ходе экспериментального исследования, была подтверждена гипотеза о том, что ключевым для понятия «протест» выступает признак ‘предъявление своей позиции’. Этот признак представлен и в словарной статье *протест*. Несмотря на наличие в лексико-семантическом поле «протест» различных ассоциатов, отражающих компоненты данного понятия, и при свободном, и при направленном видах ассоциирования ядерным является ассоциат *несогласие*. Среди выявленных грамматических моделей вербализации ассоциаций наиболее продуктивными являются модели «имя сущ. (центровое слово) + имя сущ. / местоим.» и «имя сущ. + имя сущ. (центровое слово)», поскольку они передают ядерный и дополнительный признаки понятия «протест».

Проведенное исследование имело ряд ограничений, в частности условие территориальности, так как полученные результаты характеризуют восприятие протеста жителями Москвы, несбалансированность выборки по признаку «биологический пол», не учитывался фактор ситуации (не ставилась задача выяснить, находятся ли информанты в ситуации участия в протесте). Представляется перспективным проведение дальнейшего исследования со снятыми ограничениями, что позволит скорректировать полученные данные.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам РАН» по теме «Новейшие тенденции в развитии гуманитарной мысли России и Запада: философские течения, развитие культурологии и духовная жизнь общества в цифровую эпоху».

The research is carried out within the framework of the state assignment to the Federal State Budgetary Institution of Science “Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences”, project “The newest trends in the development of humanitarian research in Russia and the West: philosophical approaches, Cultural

Studies development and the spiritual life of society in the digital era”.

² По мнению В.Ю. Андреевой, в широком смысле коммуникативный саботаж относится к разряду некооперативных языковых явлений, поскольку предполагает эксплицитно выраженное игнорирование партнера по коммуникации вследствие имеющегося внутреннего несогласия, противодействия, выраженного в речевой коммуникации имплицитно [Андреева, 2014]. Коммуникативный саботаж сводится к игнорированию, уходу от ответа, смене темы коммуникации, прекращению общения. Целью данного жанра является желание адресанта изменить поведение адресата в соответствии со своими интересами.

³ См.: <http://thesaurus.ru/dict>. Ученые квалифицируют словарь РАС как модель языкового сознания русских, «выход» «в будущее сознание русских, живущих в XXI столетии» [Караулов, 2002; цит. по: Бугакова, Гуц, 2023, с. 37], модель вербальной памяти «усредненного» носителя языка, того, «как мыслят русские в современной России» [Караулов, 2002; цит. по: Бугакова, Гуц, 2023, с. 37].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева В. Ю., 2014. Коммуникативный саботаж в ряду смежных речевых явлений (сопоставление с конфликтом, речевой агрессией, коммуникативным давлением) // *Современные проблемы науки и образования*. № 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12218&ysclid=lskb6qmebn827702253>
- Бараш Р. Э., Антоновский А. Ю., 2018. Системно-коммуникативное исследование радикальных движений, или Как возможна научная теория протеста // *Философский журнал*. № 11 (2). С. 91–105. DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-2-91-105
- Бугакова Л. О., Гуц Е. Н., 2023. Эвристический потенциал психолингвистических словарей разного типа // *Вопросы психолингвистики*. № 3 (57). С. 36–60. DOI: 10.30982/2077-5911-2023-57-3-36-60
- Виноградова О. В., Стернин И. А., 2016. *Психолингвистические методы в описании семантики слова*. Воронеж : Истоки. 157 с.
- Гусейнов А. Ш., 2013. *Протестная активность личности: сущность, динамика, трансформация*. Краснодар : Экоинвест. 468 с.
- Караулов Ю. Н., 2002. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // *Русский ассоциативный словарь*. В 2 т. Т. 1. М. : АСТ : Астрель. С. 750–782.
- Комалова Л. Р., 2017. *Агрессогенный дискурс: типология мультилингвальной вербализации агрессии*. М. : Спутник+. 275 с.
- Комалова Л. Р., 2023. Актуализация смыслового содержания понятия «угроза» (на основе результатов направленного ассоциативного эксперимента) // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. Вып. 9 (877). С. 25–34. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_9_877_25
- Комалова Л. Р., Зуева В. А., 2023. Метод ассоциативного эксперимента применительно к становящимся практикам (на материале понятия «Интернет поведения») // *Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты*. № 4 (56). С. 118–143. DOI: 10.31249/chel/2023.03.07
- Лысакова И. П., 2007. *Язык современной русской прессы: социолингвистический аспект* // *Язык массовой и межличностной коммуникации*. М. : МедиаМир. С. 40–54.
- Ребрина Л. Н., Шамне Н. Л., 2020. Системно-коммуникативные измерения современного протеста (на материале немецкоязычных онлайн-петиций) // *Научный диалог*. № 3. С. 151–167. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-151-167
- Седов К. Ф., 2007. *Ссора* // *Антология речевых жанров: повседневная коммуникация*. М. : Лабиринт. С. 259–269.
- Щербинина Ю. В., 2013. *Речевая агрессия: территория вражды*. М. : Форум. 400 с.
- Abu Rumman R., Haider A. S., 2023. A Corpus-Assisted Critical Discourse Analysis of Jordan’s 2011 Protest Movement in Jordanian Newspapers // *Online Journal of Communication and Media Technologies*. Vol. 13 (1). Art. e202306. DOI: <https://doi.org/10.30935/ojcm/12856>
- Cantero-Exojo M., 2020. Semiotic Landscapes and Discourses of Protest in Barcelona: Tourism Kills // *Moderna språk*. Vol. 114 (4). P. 145–175. DOI: <https://doi.org/10.58221/mosp.v114i4.7348>
- Filali-Ansary A., 2012. The Languages of the Arab Revolutions // *Journal of Democracy*. Vol. 23 (2). P. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2012.0035>
- Velásques Urribarrí J., 2022. Mapping the Itineraries of Semiotic Artefacts in the Linguistic Landscape of Protest: The Case of Shields in Venezuela // *Language in Society*. Vol. 51 (5). P. 749–773. DOI: 10.1017/S0047404522000653
- Witdarmono G., 2021. The Protest Activity of Russian Youth: The Tenth Years of the 21st Century (Based on Empirical Research) // *Revista on line de Política e Gestão Educacional*. Vol. 25 (6). P. 3834–3849. DOI: <https://doi.org/10.22633/rpge.v25iesp.6.16141>

СЛОВАРИ

- Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и высказываний. 28-е изд., перераб. М. : Мир и образование, 2015. 1375 с.
- Потапова Р. К., Комалова Л. Р. Вербальная структура коммуникативного акта агрессии : темат. толков. словый. Вып. 1. М. : ИНИОН РАН, 2015. 146 с.
- Потапова Р.К., Комалова Л.Р. Вербальная структура коммуникативного акта агрессии: темат. толковый слов. Вып. 2. М. : ИНИОН РАН, 2017. 124 с. URL: <http://inion.ru/ru/publishing/publications/verbalnaia-struktura-kommunikativnogo-akta-agressii/>

REFERENCES

- Andreeva V.Yu., 2014. Kommunikativny sabotazh v ryadu smezhnykh rechevykh yavleniy (sopostavlenie s konfliktom, rechevoy agressiey, kommunikativnym davleniem) [Communicative Sabotage in Comparison with Similar Speech Phenomena (Conflict, Verbal Aggression, Communicative Pressure)]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], no. 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12218&ysclid=lskb6qmebn827702253>
- Barash R.E., Antonovsky A.Yu., 2018. Sistemno-kommunikativnoye issledovaniye radikalnykh dvizheniy, ili Kak vozmozhna nauchnaya teoriya protesta [A Study of Social Movements from the Systematic Communication Standpoint: Is a Scientific Theory of Political Protest Possible]. *Filosofskiy zhurnal* [The Philosophical Journal], no. 11 (2), pp. 91-105. DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-2-91-105
- Butakova L.O., Guts E.N., 2023. Evristicheskiy potencial psikholingvisticheskikh slovarey raznogo tipa [Heuristic Potential of Psycholinguistic Dictionaries of Different Types]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 3 (57), pp. 36-60. DOI: 10.30982/2077-5911-2023-57-36-60
- Vinogradova O.V., Sternin I.A., 2016. *Psikholingvisticheskie metody v opisaniy semantiki slova* [Psycholinguistic Methods in Words Semantics Description]. Voronezh, Istoki Publ. 157 p.
- Guseynov A.Sh., 2013. *Protestnaya aktivnost lichnosti: sushchnost, dinamika, transformatsiya* [Protest Activity of the Individual: Essence, Dynamics, and Transformation]. Krasnodar, Ecoinvest Publ. 468 p.
- Karaulov Yu.N., 2002. Russkiy assotsiativnyy slovar kak novyy lingvisticheskiy istochnik i instrument analiza yazykovoy sposobnosti [Russian Associative Dictionary as a New Linguistic Source and Tool for Analyzing Language Ability]. *Russkiy assotsiativnyy slovar. V 2 t. T. 1* [Russian Associative Dictionary. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, AST Publ., Astrel Publ., pp. 750-782.
- Komalova L.R., 2017. *Agressogennyy diskurs: tipologiya multilingvalnoy verbalizatsii agressii* [Aggression-Provoking Discourse: The Multilingual Aggression Verbalization Typology]. Moscow, Sputnik + Publ. 275 p.
- Komalova L.R., 2023. Aktualizatsiya smysloвого soderzhaniya ponyatiya "ugroza" (na osnove rezultatov napravlennoy assotsiativnoy eksperimenta) [Actualization of the THREAT Concept Semantic Content (Based on Directed Associative Experiment)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], iss. 9 (877), pp. 25-34. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_9_877_25
- Komalova L.R., Zueva V.A., 2023. Metod assotsiativnoy eksperimenta primenitelno k stanovyashchimsya praktikam (na materiale ponyatiya "Internet povedeniya") [Method of Associative Experiment Applied to Emerging Practices (Research on Internet of Behavior Concept)]. *Chelovek: obraz i sushchnost. Gumanitarnye aspekty* [Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects], no. 4 (56), pp. 118-143. DOI: 10.31249/chel/2023.03.07
- Lysakova I.P., 2007. Yazyk sovremennoy russkoy pressy: sotsiolingvisticheskiy aspekt [The Language of the Modern Russian Press: Sociolinguistic Aspect]. *Yazyk massovoy i mezhlchnostnoy kommunikatsii* [Language of Mass and Interpersonal Communication]. Moscow, MediaMir Publ., pp. 40-54.
- Rebrina L.N., Shamne N.L., 2020. Sistemno-kommunikativnye izmereniya sovremennoy protesta (na materiale nemetskoyazychnykh onlayn-petitsiy) [Systemic-Communicative Dimensions of Modern Protest (Based on German-Language Online Petitions)]. *Nauchnyy dialog*, no. 3, pp. 151-167. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-151-167
- Sedov K.F., 2007. Ssora [Quarrel]. *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of Speech Genres: Everyday Communication]. Moscow, Labyrint Publ., pp. 259-269.
- Shcherbinina Yu.V., 2013. *Rehevaya agressiya: territoriya vrazhdy* [Speech Aggression:

- Territory of Hostility]. Moscow, Forum Publ. 400 p.
- Abu Rumman R., Haider A.S., 2023. A Corpus-Assisted Critical Discourse Analysis of Jordan's 2011 Protest Movement in Jordanian Newspapers. *Online Journal of Communication and Media Technologies*, vol. 13 (1), art. e202306. DOI: <https://doi.org/10.30935/ojcm/12856>
- Cantero-Exojo M., 2020. Semiotic Landscapes and Discourses of Protest in Barcelona: Tourism Kills. *Moderna spårk*, vol. 114 (4), pp. 145-175. DOI: <https://doi.org/10.58221/mosp.v114i4.7348>
- Filali-Ansary A., 2012. The Languages of the Arab Revolutions. *Journal of Democracy*, vol. 23 (2), pp. 5-18. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2012.0035>
- Velásques Urribarrí J., 2022. Mapping the Itineraries of Semiotic Artefacts in the Linguistic Landscape of Protest: the Case of Shields in Venezuela. *Language in Society*, vol. 51 (5), pp. 749-773. DOI: [10.1017/S0047404522000653](https://doi.org/10.1017/S0047404522000653)
- Witdarmono G., 2021. The Protest Activity of Russian Youth: The Tenth Years of the 21st Century (Based on Empirical Research). *Revista on line de Política e Gestão Educacional*, vol. 25 (6),

pp. 3834-3849. DOI: <https://doi.org/10.22633/rpge.v25iesp.6.16141>

DICTIONARIES

- Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka: 100000 slov, terminov i vyskazyvanij* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 100000 Words, Terms and Sayings]. Moscow, Mir i obrazovanie Publ., 2015. 1375 p.
- Potapova R.K., Komalova L.R. *Verbalnaya struktura kommunikativnogo akta agressii: temat. tolkov. slov. Vyp. 1* [Verbal Structure of Communicative Act of Aggression: Them. Explan. Dict. Iss. 1]. Moscow, INION RAN Publ., 2015. 146 p.
- Potapova R.K., Komalova L.R. *Verbalnaya struktura kommunikativnogo akta agressii: temat. tolkovyy slovar. Vyp. 2* [Verbal Structure of Communicative Act of Aggression: Them. Explan. Dict. Iss. 2]. Moscow, INION RAN Publ., 2017. 124 p. URL: <http://inion.ru/ru/publishing/publications/verbalnaia-struktura-kommunikativnogo-akta-agressii/>

Information About the Author

Liliya R. Komalova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head and Leading Researcher of the Centre of Emerging Practices, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Nakhimovsky, 51/21, 117418 Moscow, Russia; Professor, Department of Applied and Experimental Linguistics, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, Bld. 1, 119034 Moscow, Russia, komalova@inion.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0955-5315>

Информация об авторе

Лилия Ряшитовна Комалова, доктор филологических наук, доцент, руководитель и ведущий научный сотрудник Центра эмерджентных практик, Институт научной информации по общественным наукам РАН, просп. Нахимовский, 51/21, 117418 г. Москва, Россия; профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, стр. 1, 119034 г. Москва, Россия, komalova@inion.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0955-5315>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.4>

UDC 81'322.2
LBC 81.112

Submitted: 09.02.2024
Accepted: 09.04.2024

AUTOMATIC FRAME ANALYSIS FOR THE EVALUATION OF TEXT INFLUENCE¹

Artemy A. Kotov

National Research Center "Kurchatov Institute", Moscow, Russia;
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Svetlana I. Pereverzeva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Abstract. The research paper focuses on the mechanism of semantic parser for automatic text analysis and represents some results of analyzing news with a total volume of 2.2 million clauses. This mechanism models the processes of text comprehension and in this paper it is applied to the evaluation of the text influence on the reader. The parser constructs a semantic representation of the text and maps the meaning of each clause to a particular frame belonging either to the set of 300 emotional or to the set of 4500 rational frames. Comparing the frames of pro-state (federal) and blocked sources in Russia, the authors show that the most frequent frames in federal news represent an interactive dialog between the media and the speaker (*note, add, recall, etc.*), while the most frequent frames in blocked news introduce the speaker's utterance that has become known to the news agencies (*report, write, say, etc.*). This reflects the remoteness of the editors of blocked news from Russian speakers. The federal media more often report about funny or unexpected purchases, as well as about how federal employees rescue people, and this agenda should make a positive impression. The blocked media, on the other hand, are more likely to mention court sentencing and death, which should have a negative impact. The natural-language inference constructed via frame combinations is shown to enable the recognition of emotional situations in derived meanings that are not explicitly expressed in the text and, thus, it allows to analyze automatically more compound mechanisms of manipulation.

Key words: automatic text comprehension, natural-language inference, automatic text analysis, speech manipulation, semantic representation of the text.

Citation. Kotov A. A., Pereverzeva S. I. Automatic Frame Analysis for the Evaluation of Text Influence. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 3, pp. 41-54. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.4>

УДК 81'322.2
ББК 81.112

Дата поступления статьи: 09.02.2024
Дата принятия статьи: 09.04.2024

АВТОМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРЕЙМОВ ДЛЯ ОЦЕНКИ ВОЗДЕЙСТВИЯ ТЕКСТА¹

Артемий Александрович Котов

Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», г. Москва, Россия;
Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия

Светлана Игоревна Переверзева

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается механизм работы семантического парсера при автоматическом анализе текстов и приводятся некоторые результаты анализа новостных сообщений общим объемом 2,2 млн клауз. Этот механизм моделирует процессы понимания текста и в данной работе применяется для оценки воздействия текста на читателя. Парсер конструирует семантическое представление текста и сопоставляет смысл каждой клаузы определенному фрейму из 300 эмоциональных и 4500 рациональных фреймов. В результате сравнения фреймов федеральных и оппозиционных (заблокированных в России) источников установлено, что в текстах федеральных СМИ чаще встречаются фреймы, характерные для интерактивного диалога между СМИ и спикером (*отметить, добавить, вспоминать*), а в текстах заблокированных СМИ – фреймы, вводящие высказывание спикера, которое стало известно данному источнику (*сообщать, написать, говорить*), что отражает удаленность редакций заблокированных СМИ от российских спикеров. Федеральные СМИ чаще рассказывают о забавных или неожиданных покупках, а также о том, как сотрудники федеральных служб спасают людей, что должно производить положительное впечатление. В заблокированных СМИ чаще упоминаются ситуации судебного приговора и гибели людей, что должно воздействовать негативно. Показано, что естественно-языковой вывод, получаемый с помощью комбинаций фреймов, позволяет распознавать эмоциональные ситуации в производных смыслах, прямо не выраженных в тексте, и автоматически анализировать более сложные механизмы манипуляции.

Ключевые слова: автоматическое понимание текста, естественно-языковой вывод, автоматический анализ текста, речевое манипулирование, семантическое представление текста.

Цитирование. Котов А. А., Переверзева С. И. Автоматический анализ фреймов для оценки воздействия текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 41–54. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.4>

Введение

В классической литературе по лингвистике и искусственному интеллекту термин *фрейм* вводится для обозначения знакомой человеку стереотипной ситуации. Как писал М. Минский, все мы помним миллионы фреймов, каждый из которых представляет собой стереотипную ситуацию, например встретить человека определенного типа, находиться в комнате определенного типа или посетить мероприятие определенного типа [Minsky, 1988, р. 244]. Хотя в некоторых рассуждениях М. Минский говорит о фреймах для отдельных физических объектов (фрейм стола или фрейм человека), мы далее будем отталкиваться от понимания фрейма как представления о ситуации. Известным примером лингвистического анализа фреймов является проект FrameNet [Baker, Fillmore, Lowe, 1998]. В рамках этого проекта описано 1224 фрейма, большинство из которых соответствует глаголам или отглагольным существительным. Однако в инвентаре также представлены фреймы отдельных объектов типа ‘животное’ (animal) или ‘оружие’ (armor), которые соответствуют существительным, а также нелексические фреймы, которые имеют описательные названия, например ‘сценарий путешественника’ (Visitor_scenario), где агент оставляет **привычное место** и приез-

жает в **новое место**, преследуя некоторую **цель**, а затем возвращается в свое **привычное место**. Такое расширенное определение фрейма соответствует понятию сценария в литературе по искусственному интеллекту. Как отмечает Р. Шенк, сценарий включает последовательность ситуаций и позволяет отслеживать по тексту последовательность событий и действий героя [Шенк, 1980]. Аналогичный этому подход ранее использовался в российской лингвистике для описания сюжетной структуры волшебной сказки [Пропп, 1928], формального представления мотивов ее героев [Дорофеев, Мартемьянов, 1969].

Задача нашей работы состоит в том, чтобы продемонстрировать возможности приложения инвентаря фреймов и сценариев к задаче автоматического понимания текста. В статье показано, как данный инвентарь может использоваться для описания воздействия информационных источников на читателя. При этом мы будем использовать термин *фрейм* строго как описание регулярной (стереотипной) ситуации, соответствующей отдельной синтаксической клаузе, например простому предложению. Семантическое представление клаузы может быть достаточно богатым (включать множество признаков), но фрейм содержит только те признаки, которые характерны для стереотипной ситуации. Отнесение высказывания к фрейму позво-

ляет человеку классифицировать высказывание, понять коммуникативное намерение автора, установить эмоциональную значимость высказывания, восстановить возможные причины и следствия описанной ситуации. Мы также будем использовать термин *сценарий* для обозначения стандартного отношения между фреймами.

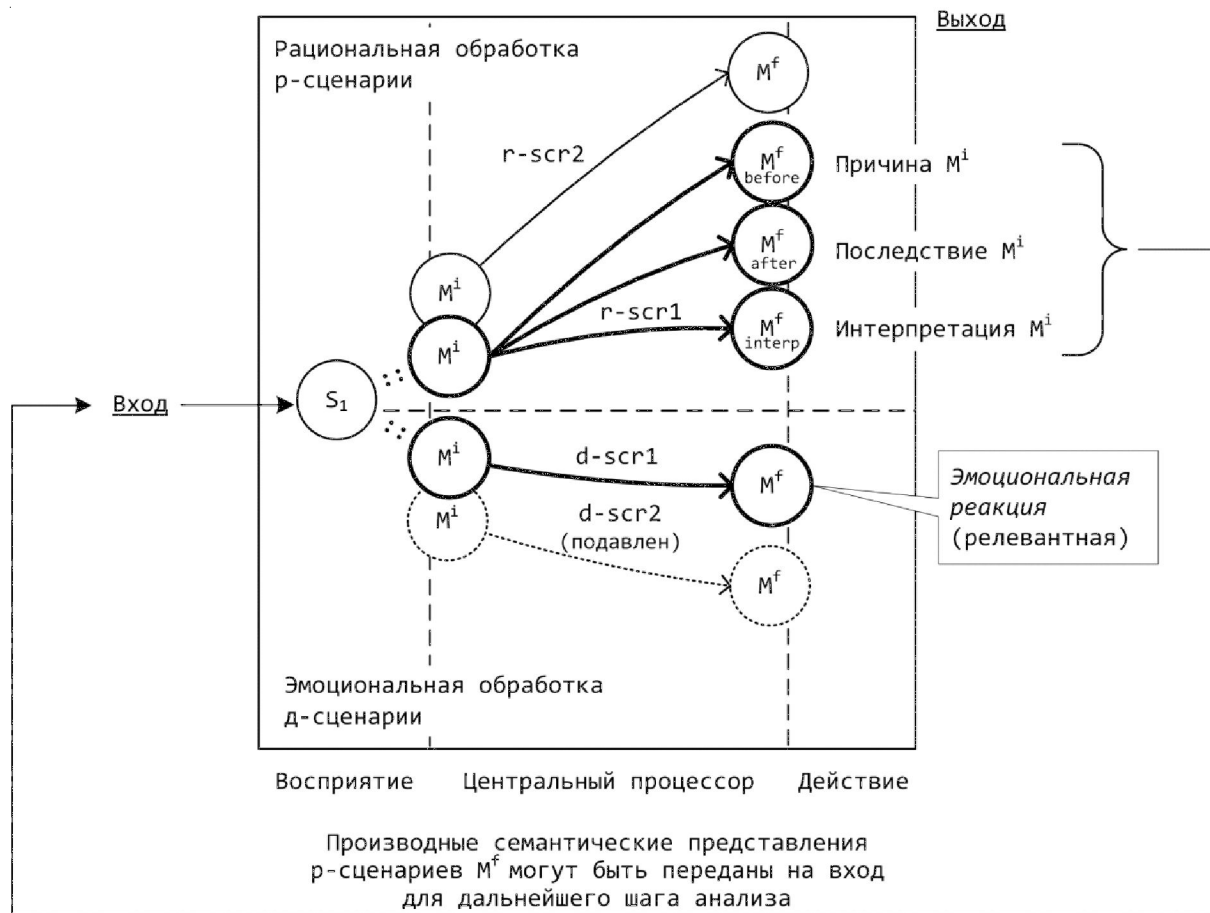
Исследователи, ссылаясь на работы Р. Шенка и М. Минского, обычно рассматривают сценарии и фреймы как «классику искусственного интеллекта». Предполагается, что при решении многих задач они в последние десятилетия были с успехом заменены искусственными нейронными сетями. Тем не менее механизм фреймов и сценариев перспективен по нескольким причинам: а) он обладает объяснительной силой (мы можем проследить, почему агент выбрал некоторое решение или некоторую интерпретацию текста); б) он может использоваться для перебора решений в проблемном пространстве, то есть действовать аналогично универсальному решателю задач [Newell, Simon, 1972; Laird, Newell, Rosenbloom, 1987]; в) он может использоваться для явного конструирования альтернативных выводов или пониманий текста; г) он может использоваться роботами в задачах, где требуется комбинация речи и действия (например, если робот должен построить варианты действий и обсудить с человеком предпочтительный вариант).

Методы

Для решения поставленной задачи нами разработан парсер, который для каждого предложения строит его синтаксическое дерево и семантическое представление либо множество омонимичных деревьев и семантических представлений [Kotov et al., 2021]. Парсер представляет собой универсальную систему и может применяться в качестве самостоятельного программного продукта для анализа текстов, а кроме того – управлять роботом-компаньоном Ф-2 в коммуникации с человеком. В составе парсера присутствует множество д-сценариев (доминантных сценариев) [Котов, 2021] для оценки семантического представления как позитивного или негативного (см. рисунок). Например, робот рад, если на него обращают внимание (позитивный д-сценарий ВНИМАНИЕ) или если его хва-

лят (позитивный д-сценарий «превосходство-одобрение» – ПРЕВОСХ-ОДОБР), но расстраивается, если против него что-то замышляют (негативный д-сценарий ПЛАНИР) или если он никому не нужен (негативный д-сценарий НЕНУЖН). Обработка начинается с того, что робот (парсер) получает на вход некоторый стимул S_1 – это может быть смысл высказывания или репрезентация некоторой ситуации, распознанной роботом. В ответ на входящий стимул S_1 могут быть активизированы несколько д-сценариев: d-scr1, d-scr2 (см. рисунок). Если стимул S_1 совпал с фреймом M^i этого сценария – мы будем использовать термин *начальное семантическое представление* (или *начальное представление*) сценария. Сценарии активизируются пропорционально близости стимула S_1 и их начальных представлений M^i . Наиболее релевантным будет считаться наиболее активизированный сценарий (d-scr1), он может подавить альтернативные сценарии. При работе парсера на роботе активизация каждого д-сценария порождает некоторый пакет поведения: робот отвечает на высказывание с помощью эмоциональной реакции – речи и жестов. Если же парсер работает на сервере, то для каждого высказывания будет рассчитана его близость к сценариям и эти данные будут сохранены в базу для дальнейшего анализа. Для теоретического инвентаря из 34 д-сценариев, описанных в нашей книге [Котов, 2021], в базе семантического парсера используется около 300 семантических представлений, поскольку клаузы, различающиеся структурой (синтаксические конверсивы и синонимичные варианты), записываются в базу как варианты одного сценария – как различные фреймы M^i . Например, высказывания (а) *люди заботятся о тебе* и (б) *люди делают тебе добро* относятся к одному д-сценарию ЗАБОТА, хотя их синтаксические и семантические структуры различны. Таким образом, каждый д-сценарий содержит некоторый фрейм M^i – репрезентацию эмоциогенной ситуации, обнаружение которой во входящих текстах вызывает активизацию сценария: возможную реакцию робота или сохранение результатов анализа в базу данных.

Уровень рациональной обработки смысла состоит из р-сценариев (рациональных сценариев). На рисунке р-сценарии представлены как

Общая схема сценариев
General scheme of scenarios

более высокий уровень модели, что соответствует архитектуре CogAff [Sloman, Chrisley, 2003]. Следуя этой же модели, мы считаем, что д- и р-сценарии конкурируют при анализе текста: механизм обработки смысла для робота состоит в том, что робот может предпочесть рациональный или эмоциональный способ интерпретации каждого высказывания, каждого входящего смысла S_1 . Р-сценарии должны правильно классифицировать семантику входящего сообщения и разрешать омонимию. Это достигается за счет того, что р-сценарии распознают в смысле текста свои начальные представления M^i : среди омонимичных разборов предложения выбирается тот, который ближе к некоторому известному положению дел, зафиксированному фреймом M^i . Кроме того, р-сценарии должны реконструировать возможные следствия и причины стимула S_1 . Таким образом, р-сценарии поддерживают механизм естественно-языкового вывода. Для этого каждый р-сценарий снабжается дополнительными фреймами – конечными представлениями

ми M^f . Такие конечные представления могут описывать причину исходного фрейма M^i (M^f типа *before*), следствие M^i (M^f типа *after*) или интерпретацию M^i (M^f типа *interp*)². Если некоторый р-сценарий был сопоставлен стимулу S_1 , то за счет своих конечных представлений M^f р-сценарий построит ситуации, связанные с S_1 .

Механизм естественно-языкового вывода комбинируется с механизмом эмоциональной оценки. При речевой манипуляции эмоциональным может оказаться не само содержание текста, а вывод из него. При моделировании этого процесса р-сценарий должен построить производные смыслы M^f , один из которых активизирует д-сценарий, то есть построенные смыслы M^f должны заново подаваться на вход модели для продолжения вывода³. Например, высказывание *террористы устроили взрыв* сопоставляется рациональному сценарию, который конструирует следствие ‘погибли люди’⁴, и уже это следствие оценивается как негативное д-сценарием ОПАСН.

Для создания р-сценариев парсером были разработаны тексты общим объемом 80 млн словоформ и построили семантические представления отдельных клауз – *факты*; всего около 10 млн. После этого мы кластеризовали эти факты так, чтобы в каждом кластере получить одно семантическое представление некоторой стандартной ситуации, встречающейся во всех клаузах этого кластера, или, иначе говоря, один фрейм, например: ‘крыса бегала по кругу’, ‘из комнаты раздался крик’ и т. д.; всего около 4500 фреймов. Каждый такой фрейм включает глагол и самое частотное существительное для каждой синтаксической валентности глагола. Эти фреймы примерно соответствуют глагольным фреймам в проекте FrameNet [Baker, Fillmore, Lowe, 1998]. Для каждого фрейма был создан р-сценарий, при этом фрейм занял позицию *начального представления* соответствующего сценария. Напомним, что начальное представление – это тот фрейм, обнаружение которого в тексте приводит к выбору данного р-сценария. Механизм сопоставления предложений сценариям при автоматическом анализе текста работает следующим образом: для каждой клаузы парсер строит ее семантическое представление и сравнивает его с начальными представлениями всех д- и р-сценариев, после чего информация о наиболее близких сценариях сохраняется в базе данных. Таким образом, для каждого сценария можно увидеть все предложения, в которых этот сценарий был выделен парсером, найти слова, замещающие каждую из валентностей фрейма данного сценария. Хотя в проекте FrameNet для каждого фрейма также можно просмотреть предложения-примеры, но эти соответствия – результат работы разметчиков. Ключевое отличие нашего подхода от других, нацеленных на решение схожих задач, состоит в том, что фреймы (и, как следствие, сценарии) обнаруживаются в тексте при автоматическом анализе. Это позволяет изучать тексты на основании встречаемости в них тех или иных фреймов.

Как было сказано выше, р-сценарий должен обеспечивать естественно-языковой вывод – строить производные семантические представления M^f . Для реализации этого механизма мы попросили 8 человек описать для каждого р-сценария (точнее, для его начального представления) возможные предшествующие и

последующие ситуации, а также возможные интерпретации этой ситуации. Например, если ‘крыса бегала по кругу’, то, возможно, ранее ‘крыса потерялась’, ‘крыса искала выход’, а потом – ‘крыса выбралась на свободу’. Если ‘из комнаты раздался крик’, то, возможно, ‘преступник напал на человека в комнате’, ‘люди услышали крик из комнаты’ и т. д. Каждое такое связанное высказывание было разобрано парсером, и его семантика была включена в р-сценарий как *конечное представление* M^f . При этом в структуре сценариев была сохранена информация о кореферентности семантических структур сценария: то есть по кругу бегала именно та крыса, которая потерялась.

При поступлении высказывания парсер строит его семантическое представление, которое далее сопоставляет со всеми имеющимися сценариями. Наиболее близкий сценарий считается наиболее релевантной интерпретацией данного высказывания. В базе может не оказаться релевантного сценария для исходной ситуации, в этом случае ситуация будет обработана неверно: для ситуации будет выбран неверный р-сценарий, построены неверные производные смыслы. Например, если высказывание *футболист бежал по полю* будет сопоставлено сценарию ‘крыса бегала по кругу’, то это приведет к неверным выводам: ‘футболист потерялся’, ‘футболист искал выход’, ‘футболист выбрался [с поля] на свободу’. При верном сопоставлении высказывания сценарию парсер должен построить корректные (вероятные) производные смыслы. Так, этот механизм по высказыванию *террористы устроили взрыв* реконструирует смысл ‘погибли люди’, который сопоставляется д-сценарию ОПАСН при определении эмоциональной оценки высказывания.

Далее мы продемонстрируем методы анализа текстов по встречаемости р-сценариев, а затем перспективы оценки текста с учетом естественно-языкового вывода.

Результаты и обсуждение

Оценка текстов по используемым р-сценариям

В рамках проекта, посвященного анализу текстов СМИ, парсер ежедневно запускается для разбора текущих новостей из нескольких

источников, наиболее влиятельных по данным сайта «Медиагология». Сайты некоторых из этих СМИ заблокированы на территории России из-за нарушения законодательства или проведения оппозиционной политики – такие СМИ мы будем условно называть *заблокированными*.

Те СМИ, сайты которых доступны для граждан России, мы будем условно считать поддерживающими федеральную политику и для краткости называть *федеральными*. Материал *федеральных* и *заблокированных* СМИ ежедневно выгружается парсером из телеграм-каналов, которые не заблокированы и в полном объеме доступны в России.

Всего с 24.10.2022 проанализировано 2,2 млн предложений, получено 5 млн фактов из следующих СМИ (в скобках приведены сокращенные наименования для удобства дальнейшего анализа): 360tv, LIFE (LIF), NEWS.ru (NEW), Москва 24 (M24), Московский комсомолец (МК), Радио Свобода * (РСв), Meduza (Мед), The Insider (Ins), Царьград ТВ (Ц), Голос Америки (ГАм), BBC News (BBC), ВЗГЛЯД.РУ (ВЗГ), РБК, Russia Today (RT), Газета.Ru (Газ), Лента дня (Лен), Комсомольская правда (КП). Их можно условно разделить на «развлекательные» и «серьезные» новостные источники [Переверзева и др., 2023]. Доля каждого источника составляет:

– федеральные «серьезные» СМИ: 360tv \approx 0.078; LIF \approx 0.012; NEW \approx 0.042; RT \approx 0.092; ВЗГ \approx 0.069; Газ \approx 0.051; КП \approx 0.068; МК \approx 0.05; РБК \approx 0.056; Ц \approx 0.098;

– федеральные «развлекательные» СМИ: M24 \approx 0.024; Лен \approx 0.042;

– заблокированные СМИ: BBC \approx 0.086; Ins \approx 0.018; ГАм \approx 0.03; Мед \approx 0.082; РСв \approx 0.1.

Наблюдения над корпусом СМИ показывают, что одни р-сценарии чаще встречаются в текстах федеральных СМИ (см. табл. 1), другие – в текстах заблокированных СМИ (см. табл. 2).

В таблице 1 приведены р-сценарии, характерные для текстов федеральных СМИ, то есть те сценарии, относительная доля которых в новостях федеральных СМИ наиболее отличается от относительной доли

этого сценария в оппозиционных источниках. Для сценария приведен ранг (по федеральным источникам), а также разница между рангом этого сценария в новостях федеральных и заблокированных СМИ.

Как видно, верх таблицы занимают общие бытийные суждения, имеющие сходный ранг в разных группах источников. Основным содержанием таблицы являются высказывания пропозициональной установки – суждения, вводящие цитату новостного источника (выделены курсивом). Вместе с тем в таблице имеются и сценарии, тематически отражающие специфику данной группы источников. Это прежде всего @купить_2235_VERB_2 и @спасти_5056_VERB_3 (выделены полужирным); эти два сценария будут рассмотрены далее.

В заблокированных новостных каналах также имеются тематически отличающиеся сценарии (см. табл. 2), прежде всего @приговорить_16667_VERB_2 и 1, а также @погибнуть_3647_VERB_2 (выделены полужирным).

Как и в таблице 1, основное содержание таблицы 2 представляют суждения, вводящие цитату (выделены курсивом). Однако список этих сценариев в новостных источниках разных групп обладает значимыми различиями. В новостях федеральных СМИ используются сценарии, иллюстрирующие живой интерактивный диалог с информационным источником: *отметить*, *добавить*, *ожидать*, *вспоминать*, *признаться*⁵. Вместе с тем оппозиционные источники «издалека» цитируют спикеров, находящихся в российском информационном поле, поэтому используются более формальные сценарии: *говориться*, *сообщать*, *сообщаться*, *утверждать*, *подтвердить*. Таким образом, основное противопоставление сценариев отражает ситуацию, при которой редакции заблокированных СМИ находятся за рубежом и обычно цитируют ньюсмейкеров, а федеральные корреспонденты могут интервьюировать ньюсмейкеров лично и пишут об этом в более интерактивной манере.

* Упомянутые в статье «Радио Свобода», «Meduza», «The Insider», «Голос Америки» включены в единый реестр физических лиц и организаций, признанных иностранными агентами в Российской Федерации.

Таблица 1. R-сценарии текстов федеральных СМИ

Table 1. R-scenarios of texts of the federal media

Ранг	Р-сценарий	Кол-во	Доля сценария	Разница в ранге	Разница в доле
1	@иметься 1794 VERB 1	104885	0.0637	0	0.0158
2	@иметься 1794 VERB 4	55189	0.0335	0	0.0042
5	@предупредить 4054 VERB 3	19427	0.0118	1	0.0025
4	@существовать 5254 VERB 1	27583	0.0168	0	0.0022
16	@сообщить 5010 VERB 6	7528	0.0046	18	0.0017
9	@иметься 1794 VERB 13	11546	0.0070	6	0.0015
20	@увидеть 5549 VERB 1	5579	0.0034	58	0.0015
57	@отметить 3328 VERB 3	3220	0.0020	166	0.0011
46	@решить 4536 VERB 7	3615	0.0022	85	0.0009
45	@понять 3874 VERB 1	3641	0.0022	68	0.0008
50	@найти 2729 VERB 2	3463	0.0021	72	0.0008
69	@купить 2235 VERB 2	2991	0.0018	85	0.0007
24	@добавить 1172 VERB 1	5344	0.0032	18	0.0007
38	@хотеть 5875 VERB 4	4184	0.0025	41	0.0007
31	@хотеть 5875 VERB 3	4751	0.0029	25	0.0007
82	@случиться 4892 VERB 8	2648	0.0016	106	0.0007
163	@существовать 5254 VERB 32	1656	0.0010	430	0.0007
62	@ожидать 3155 VERB 1	3107	0.0019	75	0.0006
138	@вспоминать 699 VERB 1	1862	0.0011	277	0.0006
90	@летать 2305 VERB 3	2409	0.0015	141	0.0006
183	@спасти 5056 VERB 3	1548	0.0009	475	0.0006
185	@признаться 16721 VERB 1	1527	0.0009	489	0.0006

Таблица 2. R-сценарии текстов заблокированных СМИ

Table 2. R-scenarios of texts of the blocked media

Ранг	Р-сценарий	Кол-во	Доля сценария	Разница в ранге	Разница в доле
8	@говориться 908 VERB 1	5593	0.0081	27	0.0054
9	@написать 2757 VERB 2	5551	0.0080	6	0.0033
18	@сообщать 19280 VERB 3	3205	0.0046	23	0.0022
5	@заявить 10117 VERB 1	8493	0.0122	1	0.0020
28	@сообщаться 19281 VERB 5	2263	0.0033	78	0.0019
48	@побеждать 15310 1844	1668	0.0024	287	0.0018
13	@рассказывать 4453 VERB 2	4546	0.0065	1	0.0018
43	@утверждать 20867 VERB 5	1772	0.0026	157	0.0017
27	@подтвердить 3711 VERB 2	2280	0.0033	47	0.0015
36	@сообщать 19280 VERB 1	1974	0.0028	66	0.0015
53	@утверждать 20868 1397	1567	0.0023	157	0.0014
80	@приговорить 16667 VERB 2	1280	0.0018	317	0.0013
20	@рисовать 4541 VERB 1	2862	0.0041	12	0.0013
7	@рассказать 4452 VERB 2	6426	0.0093	0	0.0013
30	@погибнуть 3647 VERB 2	2201	0.0032	33	0.0013
26	@сообщить 5010 VERB 1	2460	0.0035	18	0.0013
11	@находиться 2824 VERB 9	5161	0.0074	0	0.0012
32	@измениться 1772 VERB 10	2078	0.0030	36	0.0012
19	@сказать 4809 VERB 2	3070	0.0044	2	0.0011
95	@приговорить 16667 VERB 1	1104	0.0016	310	0.0011

***Р-сценарии, характерные
для федеральных источников:
сценарии купить и спасти***

Сценарий *купить* (@купить_2235_VERB_2) описывает ситуации достаточно широкого класса, а именно смену владельца некоторого объекта. Так, этот сценарий активизируется семантическими репрезентациями клауз не только с глаголом *купить*, но и с другими семантически близкими глаголами: *взять, унаследовать, стрелкнуть (сигарету)* и др., например:

(1) Именно его ружье **взяла** девочка, а потом пришла в учебное заведение и убила одноклассницу и себя (<https://t.me/tv360/133773>);

(2) По слухам, после смерти модельера в 2019 году его кошка **унаследовала** 300 млн (<https://t.me/gazetaru/20056>);

(3) В Израиле женщина подошла на заправке к мужчине в надежде **«стрелкнуть»** сигарету (<https://t.me/truekpru/121416>).

Примечательно, что если из списка федеральных источников исключить источники развлекательного характера – «Москву 24» и «Ленту дня», то разница в доле федеральных и заблокированных СМИ существенно уменьшится и составит 0.0005. В таком случае сценарий *купить* не вошел бы в перечень частотных р-сценариев текстов федеральных СМИ (см. табл. 1). Очевидно, именно эти два источника обеспечивают статистическое преимущество федеральных источников над заблокированными.

Основная доля примеров данного сценария сформирована клаузами с глаголами *закупать, закупить, заполучить, купить* (включая формы *купивший, куплен* и *купив*), *покупать, приобрести* и *скупать*, то есть с глаголами, обозначающими ситуацию купли-продажи. Ниже мы рассмотрим эти примеры и укажем на ряд различий в их содержании.

В новостях некоторых заблокированных источников⁶ в роли покупателя часто выступает государство, компания или большая группа лиц, при этом сообщается обычно о самом факте покупки или о намерении что-либо купить:

(4) Ранее премьер-министр Польши Матеуш Моравецкий сообщал, что **Украина** купила у Польши

100 восьмиколесных боевых бронированных машин Rosomak... (<https://t.me/bbcrossian/44435>);

(5) **Французский производитель спиртных напитков Pernod Ricard** купил бренд водки Absolut у правительства Швеции в 2008 году (<https://t.me/bbcrossian/44873>);

(6) **Российские импортеры** покупают зарубежную продукцию, оплачивая акциз в России (<https://t.me/bbcrossian/54304>);

(7) По данным «Агентства», **госкомпании и учреждения** намерены купить 114 автомобилей из Китая, 37 машин – из Кореи, Японии и Чехии (<https://t.me/radiosvoboda/46999>);

(8) После этого **учебные заведения**, как показало расследование «Важных историй», стали их [беспилотники] закупать для образовательных целей (<https://t.me/radiosvoboda/44532>).

В «развлекательных» источниках в роли покупателя часто выступают отдельные лица:

(9) **Военный** незаконно купил восемь гранат (<https://t.me/lentadnya/95812>);

(10) Шаурму купил **владелец местного донера** из-за салата в составе (<https://t.me/lentadnya/88721>);

(11) В Москве **женщина** купила ребенка за миллион рублей (<https://t.me/infomoscw24/53255>);

(12) **Любовь** купила ягоду в продуктовом магазине на улице Ватутина (<https://t.me/infomoscw24/42526>).

Нередко такие источники рассказывают читателям о возможности / невозможности покупки чего-либо:

(13) Чипсы Pringles теперь **можно купить** вместе с настоящей икрой (<https://t.me/lentadnya/91780>);

(14) **Купить** билеты на поезд онлайн пока **не получится**, но в компании заявили, что уже все чинят (<https://t.me/lentadnya/84733>);

(15) Здесь **мож[но]** будет примерить и **купить** одежду (<https://t.me/infomoscw24/58043>);

(16) **Купить** любимый парфюм и не нарваться на подделку теперь **стало настоящим квестом** (<https://t.me/infomoscw24/43468>).

«Развлекательные» источники могут обращаться к читателям с прямым вопросом *Купили (ли) бы (вы себе)...?:*

(17) Представляем вашему вниманию шапочку для носа в мороз. <...> **Купили бы?** (<https://t.me/lentadnya/100462>);

(18) «АвтоВАЗ» представил новый отечественный автомобиль – Lada Vesta Aura. Цены вопроса – 2 миллиона рублей. <...> **Купили бы?** (<https://t.me/lentadnya/82131>);

(19) Любмени появились в российских супер-маркетах. Это пельмени в виде сердечек. <...> **Купили бы?** (<https://t.me/lentadnya/103018>);

(20) А **вы бы купили** машину на маркетплейсе? (<https://t.me/infomoscw24/60796>);

(21) Скафандр, в котором актриса Юлия Пересильд летала в космос, выставили на аукцион. <...> **Купили бы себе?** (<https://t.me/infomoscw24/47344>).

Сообщения о том, что у читателей появилась (или, наоборот, пропала) возможность что-либо приобрести, а также о том, что кто-либо (часто – известный человек) совершил какую-либо покупку (часто – необычную или очень дорогую), встречаются и в новостях оппозиционных каналов:

(22) В Кызыле купить спиртное можно будет только в заведениях общепита (<https://t.me/meduzalive/76097>);

(23) Американка купила в комиссионке дешевую вазу и продала ее за \$107 тыс (<https://t.me/GolosAmeriki/28014>);

(24) Глава «Газпром нефти» избежал санкций и купил особняк в Каннах (<https://t.me/theinsider/25062>).

Очевидно, тексты о покупке интересны читателю. При этом наблюдается важное различие между количеством примеров данного сценария в источниках разных типов. Как было отмечено выше, наибольшее количество таких примеров содержится в новостях федеральных СМИ, причем, как правило, именно в «развлекательных» источниках. Федеральные СМИ пишут про «покупки» или как про некоторые курьезы и интересные случаи, или как про возможность человека приобрести товар. Заблокированные СМИ содержат очень мало таких контекстов; обычно эти источники описывают ситуации корпоративных или государственных закупок, например государственные закупки вооружения. Наш вывод состоит в том, что в заблокированных источниках в очень малой степени присутствуют тексты о повседневной жизни человека – о покупках и стиле жизни.

Сценарий *спасти* (@спасти_5056_VERB_3) также чаще появляется в новостях федеральных СМИ. В роли агенса этого сценария часто выступают *врач*, *сотрудник*, *пожарный* и *полицейский* (всего 107 примеров):

(25) После смерти Моисеева Людмила попала в больницу: ее чудом спасли **врачи** (https://t.me/mk_ru/17656);

(26) **Сотрудница** полиции покормила грудью ребенка, более двух суток голодавшего после урагана (<https://t.me/lentadnya/95443>).

Таким образом, новости федеральных СМИ часто представляют ситуацию, где врачи, полицейские и спасатели помогают гражданам. Для заблокированных источников данная особенность не характерна, в них имеется только 5 примеров с данным агенсом. В целом в заблокированных источниках агенс указывается при глаголе сравнительно редко. Говоря о ситуациях спасения, заблокированные СМИ широко используют пассивные конструкции и неопределенно-личные предложения, например:

(27) **Спасены** три человека, сообщает ведомство (<https://t.me/meduzalive/86864>);

(28) Там девушку **спасли**: из ее тела вытащили пулю, сейчас она восстанавливается (<https://t.me/bbcussian/62849>).

Таким образом, в описаниях событий новости заблокированных СМИ снижают агентивность субъектов – врачей и сотрудников федеральных служб (аналогичный метод воздействия рассмотрен в: [Блакар, 1987]). Кроме того, новости заблокированных СМИ обычно сообщают не столько о совершившемся факте спасения, сколько о его возможности, используя при этом инфинитивные конструкции, где также снижается агентивность потенциального субъекта:

(29) Бродяч призывает израильских военных сделать все возможное, **чтобы спасти** заложников (<https://t.me/radiosvoboda/50604>);

(30) Митинг солидарности с Израилем в центре Вашингтона и акция латиноамериканских активистов в Лос-Анджелесе с **призывами спасти** палестинских жителей (<https://t.me/GolosAmeriki/25624>);

(31) Волонтеры ныряли, **пытаясь спасти** животных, но ничего сделать не удалось, рассказали они The Insider (<https://t.me/theinsider/19334>).

В федеральных источниках, напротив, предложения с агенсом, соответствующие сценарию *спасти*, встречаются часто. Интересный пример представляет «Лента дня». Наш корпус содержит 11 фраз из этого источника, в которых агенс обозначен словом *россияне*, даже в тех случаях, когда в тексте новости не упоминаются жители других стран:

(32) **Россияне** спасли женщину с кошкой из горящей квартиры. **Жители Подмосквья** увидели пожар в жилом доме (<https://t.me/lentadnya/108723>);

(33) **Россияне** спасли повисшего на балконе девятого этажа ребенка. **Жители дома в Кисловодске** слышали крики и вышли во двор (<https://t.me/lentadnya/95214>);

(34) «Биперы на поиск!»: **россияне** спасли людей, на которых сошла лавина. Пласт снега внезапно накрыл экстремалов в **Хакасии** (<https://t.me/lentadnya/105373>).

Во всех этих примерах номинация *россияне* не привносит в текст дополнительных знаний: очевидно, что и жители Подмосквья, и жители Кисловодска, и (по всей вероятности) лыжники и сноубордисты в Хакасии являются россиянами, и эта номинация избыточна (например, возможно перефразировать первое предложение как *Женщина с кошкой была спасена из горящей квартиры без какой-либо потери смысла*). Думается, что причины его появления в текстах «Ленты дня» идеологические: авторы новостей поддерживают у своей аудитории чувство национальной гордости, напоминая читателям об их принадлежности к нации, представители которой помогают тем, кто попал в беду.

На наш взгляд, количественный перевес сценария *спасти* в текстах федеральных СМИ может быть объяснен тем, что в новостях данного типа существенно выделяется тема помощи, которую оказывают пострадавшим *россияне* или сотрудники государственных служб. Сообщения о спасении людей помогают федеральным СМИ создавать позитивную новостную повестку.

R-сценарии, характерные для оппозиционных источников: сценарии приговорить и погибнуть

Сценарий *приговорить* (точнее, два сценария *приговорить_16667_VERB_1* и *приговорить_16667_VERB_2*; далее для краткости мы позволим себе объединить их под одним названием) и сценарий *погибнуть* (@погибнуть_3647_VERB_2) описывают ситуацию преступления или трагедии, то есть относятся к сценариям, способным вызвать не-

гативную эмоциональную реакцию аудитории. Ряд исследователей (см., например: [Маркелов, Громова, Нафиева, 2019], а также обзор западных работ в: [Lichter, 2017]) обращают внимание на большое количество новостей негативного содержания в разных типах СМИ в целом. Некоторые объясняют это повышенным интересом аудитории к плохим новостям, получившим в англоязычной литературе название «negativity bias» («негативный уклон»), который, в свою очередь, имеет психологические причины [Колезев, 2018; Keene et al., 2017]. В нашем случае, однако, значимым фактором оказывается политическая ориентация источника. Сценарии *приговорить* и *погибнуть* встречаются преимущественно в заблокированных СМИ, федеральные же СМИ стараются их избегать. Такая редакционная политика федеральных источников может быть объяснена их нежеланием подчеркивать значимость соответствующих событий, поскольку, как было показано в работах, описывающих механизмы формирования новостной повестки, количество упоминаний некоторого факта в новостях прямо связано с потенциальной эмоциональной оценкой этого факта аудиторией [Черепанова, 2016; McCombs, Shaw, 1972].

В качестве примера рассмотрим сценарий *приговорить*. В большинстве своем соответствующие ему фразы содержат предикаты *приговорить* и *осудить*:

(35) Бизнесмена Василия Бойко-Великого осудили на 6,5 года за хищение 89 млн рублей (<https://t.me/tv360/127257>);

(36) Суд заочно приговорил к 8 годам колонии Дмитрия Глуховского ** – автора постапокалиптических романов «Метро» (<https://t.me/lentadnya/87852>);

(37) В Волгограде пятерых военных осудили за попытку откупиться от повторной отправки на фронт (<https://t.me/meduzalive/96995>);

(38) Сопредседателя «Мемориала» Олега Орлова приговорили к штрафу в размере 150 тысяч рублей (<https://t.me/radiosvoboda/49013>).

Тематически близкие новости с этим сценарием несколько различаются в федеральных и оппозиционных источниках. В новостях федеральных СМИ сравнительно малочислен-

** Упомянутые в статье Дмитрий Алексеевич Глуховский, «Мемориал», Олег Петрович Орлов включены в единый реестр физических лиц и организаций, признанных иностранными агентами в Российской Федерации.

ные примеры этого сценария описывают ситуации вынесения приговора людям, совершившим тяжкие преступления (пример (35)), либо иностранным оппозиционным деятелям (36). Заблокированные источники, напротив, подробно описывают приговоры, вынесенные противникам военных действий (37) или оппозиционным деятелям, находящимся в России (38). Именно за счет таких примеров сценарий *приговорить* чаще представлен в новостях заблокированных СМИ.

Отдельного внимания заслуживают сюжеты, посвященные мигрантам. В федеральных источниках мигранты нередко выступают в роли агента противоправных действий, а в заблокированных – в роли жертвы (тем самым при дальнейшей обработке таких высказываний д-сценариями упоминающимся в них персонажам в одном случае может быть приписана глубинно-семантическая роль AGGR, в другом – VICT, см.: [Котов, 2021]):

(39) (Фед.) «Насиловал детей, душил мать»: Суд в Тюмени приговорил мигранта к 14 годам (<https://t.me/tsargradtv/62838>);

(40) (Заблок.) В июле прошлого года российский суд приговорил Максима Аристархова к 16 годам лишения свободы по делу об убийстве двух мигрантов в 2007 году на почве межнациональной ненависти (<https://t.me/radiosvoboda/50521>).

Неодинаковое отношение новостных источников к мигрантам демонстрирует и сценарий *погибнуть*. Во фразах, соответствующих данному сценарию, мигранты упоминаются 8 раз. 7 примеров принадлежат заблокированным источникам, которые рассказывают о гибели мигрантов:

(41) ООН: в 2023 году погибло наибольшее количество мигрантов за 10 лет (<https://t.me/GolosAmeriki/31008>);

(42) Неизвестно, были ли все погибшие мигрантами, однако сообщается, что большинство жертв – граждане Венесуэлы (<https://t.me/radiosvoboda/40489>).

В единственном примере из федерального источника сообщается о гибели военного по вине мигранта:

(43) ...Обладатель множества наград погиб в глубоком тылу от рук пьяного мигранта (<https://t.me/tsargradtv/57978>).

Механизм естественно-языкового вывода для автоматического анализа

Механизм сценариев должен не только классифицировать семантику высказывания, относя ее к конкретному фрейму, но и строить производные семантические представления – элементы естественно-языкового вывода. Моделирование этого процесса позволит: а) лучше описать механизм понимания текста человеком; б) создавать роботов, обладающих большими интеллектуальными способностями; в) распознавать в тексте фрагменты, воздействующие на читателя за счет имплицитных смыслов.

Рассмотрим пример обработки парсером производных смыслов. Высказывание *Террористы устроили взрыв* содержит семантически бедный предикат *устроить* (результат лексической функции *Caus(взрыв)*), который затрудняет распознавание в высказывании прототипических эмоциональных ситуаций. Для оценки воздействия этого высказывания оно должно быть преобразовано в форму, более прозрачную для д-сценариев. При работе парсера данное высказывание относится к сценарию @устроить_5702_VERB_3 – ‘смертник устроил взрыв’. Среди конечных представлений этого сценария – ‘люди погибли’ и ‘смертник взорвал людей’. Каждое из этих следствий – вероятностное, в исходном высказывании они не подтверждаются. Вместе с тем производный смысл ‘смертник взорвал людей’ уже соответствует д-сценарию ОПАСН (близость 0.1920).

В исходном варианте *Террористы устроили взрыв* высказывание ближе к р-сценариям (близость 0.2986 к @устроить_5702_VERB_3), чем к д-сценариям (близость 0.1406 к позитивному д-сценарию ТВОРЕНИЕ – ‘человек создает шедевр’ и 0.1403 к негативному д-сценарию ПЛАНИР – ‘люди замышляют что-то против меня’). Однако высказывание *Террористы взорвали людей* уже ближе к д-сценариям: близость 0.1920 к д-сценарию ОПАСН и 0.1809 к наилучшему р-сценарию @убить_5534_VERB_1. Хотя производные смыслы и имеют вероятностную природу, сама возможность построения таких эмоциональных смыслов должна добавлять парсеру мотивации: если робот «боится», что такое

эмоциональное следствие возможно, он должен переспрашивать это в диалоге или искать подтверждение в контексте.

Заключение

Как мы показали в работе, подход, основанный на классических концепциях фреймов и сценариев, может оказаться перспективным для автоматического анализа семантики текста. Этот подход применим при анализе упоминания ситуаций и определении имплицитных смыслов текста. Статистический анализ фреймов, автоматически обнаруженных в тексте, позволил выявить различия между федеральными и заблокированными СМИ, что в свою очередь позволило сделать выводы о коммуникативной дистанции между новостными источниками и ньюсмейкерами, а также описать частотные фреймы в СМИ, навязывающие читателю определенные темы и концептуализацию событий. Статистические данные, полученные в ходе автоматического анализа фреймов, предоставляют исследователям возможности для оценки потенциального воздействия текстов различных источников на аудиторию.

Сценарии, активизированные конкретными фреймами, позволяют реконструировать имплицитные смыслы, которые могут содержаться в тексте. Таким образом, для формального лингвистического анализа становится доступно еще одно сложное семантическое явление, традиционно связываемое с речевым воздействием, но ранее не поддававшееся автоматическому анализу. В целом с использованием аппарата фреймов и сценариев при автоматическом анализе текста можно обнаружить и зафиксировать для дальнейшего лингвистического анализа, проводимого человеком, различные смысловые элементы, участвующие в неявной передаче смыслов и оценок посредством естественно-языковых единиц.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа С.И. Переверзевой в рамках данного исследования была выполнена при поддержке гранта РНФ № 22-18-00594 «Когнитивные модели идентификации и противодействия манипуляциям в ме-

дийном пространстве», <https://rscf.ru/project/22-18-00594/>

The work of S.I. Pereverzeva has been supported by the Russian Scientific Foundation, project 22-18-00594, <https://rscf.ru/project/22-18-00594/>

² *Конечное представление* в р-сценарии – это производный семантический компонент, предположение, к которому должен прийти субъект, когда он услышал текст, соответствующий *начальному семантическому представлению*. Таким образом, логические причины и предшествующие события тоже могут быть *конечными представлениями* сценария, если субъект реконструировал их по начальному представлению.

³ Такой механизм последовательного использования сценариев был также ранее описан в модели CogAff как механизм вторичных эмоций [Allen, 2001].

⁴ Все следствия и причины конструируются как вероятные события.

⁵ Сценарий может активизироваться клаузой с синонимичным глаголом.

⁶ Речь идет главным образом о BBC и отчасти о РСв; для Мед, ГАм и Ins данная особенность не проявляется настолько ярко.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блакар Р. М., 1987. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М. : Прогресс. С. 88–125.
- Дорофеев Г. В., Мартемьянов Ю. С., 1969. Логический вывод и выявление связей между предложениями в тексте // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Т. 12. С. 36–59.
- Колезев Д. Е., 2018. Негативный уклон: почему интернет-СМИ так много пишут о плохом // Приоритеты массмедиа и ценности профессии журналиста. Екатеринбург : Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. С. 33–36.
- Котов А. А., 2021. Механизмы речевого воздействия. М. : РГГУ. 431 с.
- Маркелов К. В., Громова Е. Б., Нафиева Н. Р., 2019. Негативная новость на центральных телеканалах России и Украины: общее и специфическое // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. Т. 24, № 3. С. 521–532. DOI: 10.22363/2312-9220-2019-24-3-521-532
- Переверзева С. И., Котов А. А., Жеребцова Я. А., Зинина А. А., 2023. Вводные слова и выражения со значением (не)уверенности в Telegram-каналах СМИ // Вестник РГГУ. Серия «Лите-

- ратуроведение. Языкознание. Культурология». № 5. С. 153–185. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-5-153-185
- Пропп В., 1928. Морфология сказки. Л. : Academia. 152 с.
- Черепанова Д. А., 2016. Информационная повестка как механизм формирования политического имиджа государства // Вестник Поволжского института управления. № 5 (56). С. 136–141.
- Шенк Р., 1980. Обработка концептуальной информации. М. : Энергия. 360 с.
- Allen S. R., 2001. Concern Processing in Autonomous Agents : Ph.D. thesis. The University of Birmingham. 225 p.
- Baker C. F., Fillmore C. J., Lowe J. B., 1998. The Berkeley FrameNet Project // 36th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics and 17th International Conference on Computational Linguistics. Vol. 1. Montreal : Association for Computational Linguistics. P. 86–90. DOI: 10.3115/980845.980860
- Keene J. R., Shoenberger H., Berntike C. K., Bolls P. D., 2017. The Biological Roots of Political Extremism: Negativity Bias, Political Ideology, and Preferences for Political News // Politics and the Life Sciences. № 36 (2). P. 37–48.
- Kotov A., Zaidelman L., Zinina A., Arinkin N., Filatov A., Kivva K., 2021. Conceptual Processing System for a Companion Robot // Cognitive Systems Research. Vol. 67. P. 28–32. DOI: 10.1016/j.cogsys.2020.12.007
- Laird J. E., Newell A., Rosenbloom P. S., 1987. SOAR: An Architecture for General Intelligence // Artificial Intelligence. Vol. 33, № 1. P. 1–64. DOI: 10.1016/0004-3702(87)90050-6
- Lichter S. R., 2017. Theories of Media Bias // The Oxford Handbook of Political Communication. Oxford : Oxford University Press. P. 403–416.
- McCombs M. E., Shaw D. L., 1972. The Agenda-Setting Function of Mass Media // The Public Opinion Quarterly. Vol. 36, № 2 (Summer, 1972). P. 176–187.
- Minsky M. L., 1988. The Society of Mind. N. Y. : Simon & Schuster. 339 p.
- Newell A., Simon H., 1972. Human Problem Solving. Englewood Cliffs : Prentice-Hall. 920 p.
- Sloman A., Chrisley R., 2003. Virtual Machines and Consciousness // Journal of Consciousness Studies. № 10 (4–5). P. 133–172.
- Social Interaction]. Moscow, Progress Publ., pp. 88-125.
- Dorofeev G.V., Martemyanov Yu.S., 1969. Logicheskiy vyvod i vyyavlenie svyazey mezhdu predlozheniyami v tekste [Logical Inference and Identification of Connections Between Sentences in the Text]. *Mashinnyy perevod i prikladnaya lingvistika* [Machine Translation and Applied Linguistics], vol. 12, pp. 36-59.
- Kolezev D.E., 2018. Negativnyy uklon: pochemu internet-SMI tak mnogo pishut o plokhom [Negativity Bias: Why Do News Websites Keep Focusing in Negative Events]. *Prioritety massmedia i tsennosti professii zhurnalista* [Priorities of Mass Media and Values of the Journalistic Profession]. Yekaterinburg, Ural. feder. un-t im. pervogo Prezidenta Rossii B.N. Eltsina, pp. 33-36.
- Kotov A.A., 2021. *Mekhanizmy rechevogo vozdeystviya* [Mechanisms of the Speech Influence]. Moscow, RGGU. 431 p.
- Markelov K.V., Gromova E.B., Nafieva N.R., 2019. Negativnaya novost na tsentralnykh telekanalakh Rossii i Ukrainy: obshchee i spetsificheskoe [Negative News on the Central TV Channels of Russia and Ukraine: General and Specific]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], vol. 24, no. 3, pp. 521-532. DOI: 10.22363/2312-9220-2019-24-3-521-532
- Pereverzeva S.I., Kotov A.A., Zherebtsova Ya.A., Zinina A.A., 2023. Vvodnye slova i vyrazheniya so znacheniem (ne)uverennosti v Telegram-kanalakh SMI [Parentheses Expressing (Un)Certainty in the Telegram Media Channels: Word Frequency]. *Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya»* [RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series], no. 5, pp. 153-185. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-5-153-185
- Пропп В., 1928. *Morfologiya skazki* [Morphology of the Folktale]. Leningrad, Academia Publ. 152 p.
- Cherepanova D.A., 2016. Informatsionnaya povestka kak mekhanizm formirovaniya politicheskogo imidzha gosudarstva [Agenda Setting as a Mechanism for Forming Political Image of the State]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* [The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration], no. 5 (56), pp. 136-141.
- Shenk R., 1980. *Obrabotka kontseptualnoy informatsii* [Conceptual Information Processing]. Moscow, Energiya Publ. 360 p.
- Allen S.R., 2001. *Concern Processing in Autonomous Agents: Ph.D Thesis*. The University of Birmingham. 225 p.

REFERENCES

Blakar R.M., 1987. Yazyk kak instrument sotsialnoy vlasti [Language as a Means of Social Power]. *Yazyk i modelirovanie sotsialnogo vzaimodeystviya* [Language and Modelling of

- Baker C.F., Fillmore C.J., Lowe J.B., 1998. The Berkeley FrameNet Project. *36th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics and 17th International Conference on Computational Linguistics. Vol. 1*. Montreal, Association for Computational Linguistics, pp. 86-90. DOI: 10.3115/980845.980860
- Keene J.R., Shoenberger H., Berntike C.K., Bolls P.D., 2017. The Biological Roots of Political Extremism: Negativity Bias, Political Ideology, and Preferences for Political News. *Politics and the Life Sciences*, no. 36 (2), pp. 37-48.
- Kotov A., Zaidelman L., Zinina A., Arinkin N., Filatov A., Kivva K., 2021. Conceptual Processing System for a Companion Robot. *Cognitive Systems Research*, vol. 67, pp. 28-32. DOI: 10.1016/j.cogsys.2020.12.007
- Laird J.E., Newell A., Rosenbloom P.S., 1987. SOAR: An Architecture for General Intelligence. *Artificial Intelligence*, vol. 33, no. 1, pp. 1-64. DOI: 10.1016/0004-3702(87)90050-6
- Lichter S.R., 2017. Theories of Media Bias. *The Oxford Handbook of Political Communication*. Oxford, Oxford University Press, pp. 403-416.
- McCombs M.E., Shaw D.L., 1972. The Agenda-Setting Function of Mass Media. *The Public Opinion Quarterly*, vol. 36, no. 2 (Summer, 1972), pp. 176-187.
- Minsky M.L., 1988. *The Society of Mind*. New York, Simon & Schuster. 339 p.
- Newell A., Simon H., 1972. *Human Problem Solving*. Englewood Cliffs, Prentice-Hall. 920 p.
- Slovan A., Chrisley R., 2003. Virtual Machines and Consciousness. *Journal of Consciousness Studies*, no. 10 (4-5), pp. 133-172.

Information About the Authors

Artemy A. Kotov, Candidate of Sciences (Philology), Leading Researcher, National Research Center “Kurchatov Institute”, Akademika Kurchatova Sq., 1, 123182 Moscow, Russia; Head of the Laboratory of Anthropomorphic Interfaces, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, Bld. 1, 119034 Moscow, Russia; Senior Researcher, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Sq., 6, 125993 Moscow, Russia, kotov@harpia.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3353-5549>

Svetlana I. Pereverzeva, Candidate of Sciences (Philology), Researcher, Centre for Cognitive Programs and Technologies, Associate Professor, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Sq., 6, 125993 Moscow, Russia, P_Sveta@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4328-4686>

Информация об авторах

Артемий Александрович Котов, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского центра «Курчатовский институт», площадь Академика Курчатова, 1, 123182 г. Москва, Россия; заведующий лабораторией антропоморфных интерфейсов, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, стр. 1, 119034 г. Москва, Россия; старший научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, 6, 125993 г. Москва, Россия, kotov@harpia.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3353-5549>

Светлана Игоревна Переверзева, кандидат филологических наук, научный сотрудник Научно-образовательного центра когнитивных программ и технологий, доцент Института лингвистики, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, 6, 125993 г. Москва, Россия, P_Sveta@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4328-4686>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.5>

UDC 811.161.1'37:004.738.5
LBC 81.411.2-002

Submitted: 12.01.2024
Accepted: 09.04.2024

“LANGUAGE OF VALUES” IN DOMESTIC INTERNET MEDIA: COGNITIVE-AND-DISCURSIVE ASPECT¹

Timur B. Radbil

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. The article discusses the problem of detecting and interpreting the value components of Russian words in the Internet media discourse, which do not have an explicit language expression. The method of cognitive-and-discursive analysis of corpus data is applied. It is based on the research technique of identifying semantic auras (semantic prosody) of the word studied in its immediate contextual environment in texts. The material under study is comprised of contexts extracted from the newspaper corpus as part of the Russian National Corpus. The relative adjective *progressivnyj* (progressive, advanced), which does not have any evaluativeness in the lexical-semantic system of the Russian language, in its discursive realization demonstrates an implicit positive or negative evaluation, induced in the context, regularly arises. The author came to the conclusion that positive evaluation associated with the semantic components “promoting progress, advanced” and “imbued with advanced ideas, sentiments” is most often realized. However, in a number of uses, the immediate or further contextual environment contributes to implication and negative evaluation, which is caused by ideas about “excessive” progressiveness, i.e. exceeding the norm, from the speaker’s point of view, and that progress also concerns the negative aspects of social or cultural life.

Key words: “language of values”, value, cognitive-and-discursive analysis, corpus data, Internet media discourse, semantic prosody, induced evaluation.

Citation. Radbil T.B. “Language of Values” in Domestic Internet Media: Cognitive-and-Discursive Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 3, pp. 55-64. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.5>

УДК 811.161.1'37:004.738.5
ББК 81.411.2-002

Дата поступления статьи: 12.01.2024
Дата принятия статьи: 09.04.2024

«ЯЗЫК ЦЕННОСТЕЙ» В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИНТЕРНЕТ-СМИ: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ¹

Тимур Беньюминович Радбиль

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. В статье обсуждается проблема обнаружения и интерпретации ценностных компонентов слов русского языка в медиадискурсе Интернета, которые не имеют эксплицитного языкового выражения. Используется методика когнитивно-дискурсивного анализа корпусных данных, которая опирается на аналитический инструментарий выявления семантических аур (семантических просодий) анализируемого слова в его непосредственном контекстном окружении в текстах. Материалом исследования послужили контексты, извлеченные из газетного корпуса в составе Национального корпуса русского языка. На примере относительного прилагательного *прогрессивный*, не имеющего в лексико-семантической системе русского языка никакой оценочности, показано, что в его дискурсивной реализации регулярно возникает имплицитная, наведенная в контексте положительная или отрицательная оценочность. Сделаны выводы о том, что наиболее часто наводится позитивная оценочность, связанная со смысловыми компонентами «способствующий прогрессу, передовой» и «проникнутый передовыми идеями, настроениями». Однако в ряде употреблений

ближайшее или дальнейшее контекстное окружение способствует имплицированию и негативной оценочности, которая обусловлена представлениями о прогрессивности, превышающей норму, с точки зрения говорящего, а также о том, что прогресс касается и негативных сторон общественной или культурной жизни.

Ключевые слова: «язык ценностей», ценность, когнитивно-дискурсивный анализ, корпусные данные, медиадискурс Интернета, семантическая просодия, наведенная оценочность.

Цитирование. Радбиль Т. Б. «Язык ценностей» в отечественных интернет-СМИ: когнитивно-дискурсивный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 55–64. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.5>

Введение

Для междисциплинарных стратегий научного поиска в современном гуманитарном знании отмечается установка на комплексный подход к объекту исследований, интегрирующий методы разных научных направлений на основе анализа «больших данных». Это позволяет обнаружить некоторые свойства анализируемого языка и текста, обычно скрытые при традиционном описательном анализе. Особенно продуктивным применение интегративных исследовательских процедур становится при изучении слабо структурированных областей «языкового существования» [Гаспаров, 1996], к которым можно отнести и ценностный компонент языковой картины мира [Карасик, 2020], что несколько нетерминологично именуется нами как «язык ценностей» [Радбиль, 2021].

При всей простоте оперирования «языком ценностей» и безошибочной рецепции разнообразных оценочных регистров в коммуникативном пространстве носителей языка, задача его описания и интерпретации представляется крайне сложной, на что указывалось еще в трудах Н.Д. Арутюновой (см., например: [Арутюнова, 1999]). «Язык ценностей» не существует как некий целостный феномен с четко очерченными границами, но как бы разлит по всей операционной среде функционирования языка, воплощается в единицах и категориях, эксплицитно никаких ценностей не выражающих. Между тем, согласно нашей концепции, именно имплицитная оценочность является объективной языковой оценочностью как элементом национальной ценностной картины мира, потому что, будучи не осознаваемой говорящими, именно она регулярно воспроизводится в их дискурсивных практиках. «Важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собою разумным, не видя необходимости специаль-

но останавливать на этом внимание» [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005, с. 9].

В центре нашего исследовательского интереса в течение уже многих лет находится такая разновидность неявной, скрытой оценочности, как **наведенная оценочность**, которая не отражена в словарных толкованиях лексем, то есть в их системно-языковых значениях, но «имплицитно определяется непосредственным контекстным окружением диагностируемой единицы, под влиянием определяемого или определяющего слова, однородных слов, интенсификаторов или конкретизаторов и пр.» [Радбиль, 2023, с. 97]. При этом она вполне объективно верифицируется посредством анализа корпусных данных, поскольку регулярно воспроизводится в сходных контекстах употребления тестируемого слова.

Имплицитная оценочность подобного рода выражается в разных дискурсивных практиках, но резонно предположить, что максимум релевантности в плане ее фиксации и интерпретации обладают «дискурсы активного воздействия» (см. о них: [Соколова, 2017]), к которым относится и медиадискурс, особенно в его интернет-разновидности [Сидоров, 2019; Русский язык..., 2021]. Именно в языке СМИ постоянно транслируются и даже порою формируются определенные актуальные мировоззренческие паттерны, идеологические позиции и ценностные приоритеты, свойственные разным социальным стратам и всему социокультурному пространству в целом на данном хронологическом этапе [Дускаева, 2019; Цветова, 2020].

В наших предыдущих работах в аспекте имплицитного выражения ценностного потенциала охарактеризована группа русских относительных прилагательных типа *народный, этнический, отечественный, национальный, интернациональный, традиционный, консервативный* и пр. (см., например: [Радбиль, 2023]), потому что они в определен-

ных условиях контекстной реализации способны воплощать значимые для носителей языка ценностные характеристики разнообразных реалий окружающего мира – лиц, объектов, артефактов, абстрактных сущностей, даже целых событий.

В центре настоящего исследования находится прилагательное *прогрессивный*, которое, как выяснилось на предварительном, эмпирическом уровне исследования, обладает схожими контекстно обусловленными свойствами.

Таким образом, мы можем обосновать **цель** предпринятого исследования – выявить и интерпретировать особенности наведенной положительной или отрицательной оценочности для русского относительного прилагательного *прогрессивный* в контекстах его употребления в отечественных интернет-СМИ посредством когнитивно-дискурсивного анализа корпусных данных.

Материал и методы

Материалом для исследования являются: 1) лексикографические толкования прилагательного *прогрессивный*, приводимые в толковых словарях русского языка (БАС; БТСРЯ; НСРЯ); 2) контексты употребления прилагательного *прогрессивный*, представленные в газетном корпусе в составе Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Наша методика когнитивно-дискурсивного анализа корпусных данных, основана на уже имеющихся в лингвистике разработках [Чернявская, 2018; Радбиль, 2020; Orr, Ariel, 2021], идеях коммуникативно-прагматического анализа интернет-коммуникации [Иссерс, 2020; Facchinetti, 2021], а также на принципах прикладной прагматики, «аффективной» прагматики и прагматической стилистики [Black, 2006; Scarantino, 2017; Noveck, 2021].

Процедура исследования включает несколько этапов. На первоначальном этапе осуществляется анализ словарных толкований тестируемого слова, который позволяет, с одной стороны, подтвердить отсутствие оценочности для прилагательного в лексико-семантической системе языка, а с другой – выявить семантический потенциал для импликаций, которые могут быть актуализованы в дальнейшем, при дискурсивной реализации слова.

На следующем этапе осуществляется когнитивно-дискурсивный анализ корпусных вхождений, который способствует обнаружению определенных оценочных сдвигов положительного или отрицательного знака, имплицитируемых ближайшим или дальнейшим контекстным окружением.

Методологической основой научного инструментария для указанного анализа служит предложенная классиками квантитативной и корпусной лингвистики Дж.Р. Фертом и Дж. Синклером [Firth, 1957; Sinclair 1991] и развитая на материале фронтального анализа «больших данных» референциальных корпусов У. Лоу [Louw, 1993] концепция «семантической ауры» («семантической просодии») слова – «смыслового приращения, как правило, оценочной природы, которое обнаруживается при анализе коллокатов (непосредственного контекстного окружения слова) на большом массиве корпусных данных» [Радбиль, 2023, с. 99].

Схожая технология оценки того или иного контекста в целом как нейтрального или имеющего «положительный» либо «отрицательный» знак оценочности используется в методике автоматизированного определения эмоциональной тональности текста («сентимент-анализа») [Prabowo, Thelwall, 2009] для «ручной разметки» слов: фиксируется именно каузированная контекстом оценочность для вполне нейтральных лексем.

На завершающем этапе проводится качественная интерпретация полученных данных, в том числе дается объяснение возможных причин и условий для образования того или иного ценностного сдвига при дискурсивной актуализации лексемы *прогрессивный*.

Результаты и обсуждение

На первоначальном этапе исследования осуществлен анализ лексикографических данных. В БАС представлено следующее словарное толкование прилагательного *прогрессивный*: «1. Постепенно возрастающий, увеличивающийся. *Прогрессивные нормы затрат труда*. Нормы затрат труда, устанавливаемые с учетом передового производственного опыта. *Прогрессивная сдельщина, прогрессивная оплата*. Разновидность сдельной заработной платы, при которой каждая единица

изделия, произведенная сверх нормы выработки, оплачивается по увеличивающейся расценке. *Прогрессивное обложение, прогрессивный налог.* Исчисление налоговых платежей, при котором ставки налога постепенно, все увеличиваясь, возрастают по мере увеличения облагаемого дохода. *Прогрессивный паралич.* Психическое заболевание на почве сифилиса, характеризующееся расстройствами нервной системы, слабоумием, постепенным параличом отдельных частей тела, нарушением обмена веществ. 2. Относящийся к прогрессу. || Способствующий прогрессу; общественно передовой || Проникнутый передовыми идеями, настроениями; стремящийся к прогрессу» (БАС, стб. 1011–1012).

Итак, БАС предлагает два основных значения для этого слова, внутри второго выделяются еще и оттенки смысла, которые в словарях более поздней версии оформляются как отдельные значения, что можно видеть, например, в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова. Важно, что в этом словаре в качестве первого, основного подается значение «иметь отношение к прогрессу» (БТСРЯ, с. 1052). Такое же решение отражается и в словаре Т.Ф. Ефремовой, при этом в нем все «оттенки значений», оформляются как отдельные значения. Именно данные этого словаря принимаются нами за основу: «1. Соотносящийся по знач. с сущ. *прогресс*, связанный с ним. 2. Ведущий или стремящийся к прогрессу. 3. Проникнутый передовыми идеями, настроениями. 4. Постепенно усиливающийся, возрастающий» (НСРЯ, с. 223).

Результаты анализа данных по газетному корпусу в НКРЯ подтверждают наличие в нем прилагательного *прогрессивный* во всех указанных значениях.

Значение 1 «имеющий отношение к прогрессу, связанный с ним»:

(1) Её правительство проводило политику демократизации политического строя и **прогрессивных** экономических реформ, занималось национализацией иностранных нефтяных компаний, а также развитием системы религиозных школ (Парламентская газета. 21.07.2021).

Значение 2 «ведущий или стремящийся к прогрессу»:

(2) Идея **прогрессивная** – предпринимателю легче администрировать один налог, чем еще и несколько видов взносов, отмечает руководитель экспертного центра при бизнес-омбудсмене Антон Свириденко (Ведомости. 23.09.2021).

Значение 3 «проникнутый передовыми идеями, настроениями»:

(3) Непосредственным поводом к Июльской революции стали ордонансы (королевские указы), подписанные Карлом X, о роспуске палаты депутатов, об ограничении избирательного права земским цензом и об усилении репрессий против **прогрессивной** прессы (Парламентская газета. 27.07. 2021).

Значение 4 «постепенно усиливающийся, возрастающий» (= *прогрессирующий*):

(4) Медик также отметил «**прогрессивный** рост» в период с 22 апреля по 5 июля заражения штаммом «Дельта», который в «ближайшие недели станет доминирующим» в стране: «если в мае на его долю приходилось 5 процентов заражений, то 15 дней назад уже 16,7 процента, а сейчас 27,7 процента» (Парламентская газета. 10.07.2021).

Уже на этом этапе исследования корпусных данных можно видеть, что абсолютно внеочередным является значение 4 «постепенно усиливающийся, возрастающий», например:

(5) «**Прогрессивная** вакцинация и сезонные эффекты приведут к снижению заболеваемости в Австрии», – уверен исследователь из Технического университета Вены Ники Поппер (Парламентская газета. 12.05.2021).

Остальные же значения – в меньшей степени значение 1 как принадлежащее относительному прилагательному, в большей степени – значения 2 и 3, принадлежащие прилагательным, имеющим возможность перехода в качественные – располагают значительным потенциалом положительно-оценочного переосмысления в дискурсе за счет восприятия прогресса как ценности большинством современных носителей языка, например:

(6) Речь идёт о признании итогов Второй мировой войны историческим, духовным, культурным наследием всего **прогрессивного человечества** и внести данное решение в текст конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия (Парламентская газета. 29.04.2020);

(7) Предполагается, что нововведение будет способствовать формированию **прогрессивных взглядов** общества на платежи... (Ведомости. 05.08.2021);

(8) Что касается долговечности, то она достигается улучшением характеристик сырья и материалов, мастерством изготовителя, **прогрессивной технологией** (Парламентская газета. 11.11.2021).

Дальнейшие исследования корпусных данных в целом подтверждают предварительные наблюдения. Подавляющее большинство нейтральных, внеоценочных дискурсивных реализаций прилагательного *прогрессивный* связано прежде всего с его употреблением в составе устойчивых коллокаций терминологического типа (*прогрессивная шкала налогообложения, прогрессивная оплата* и пр.), например:

(9) «...В том числе не можем реализовать свои предложения по **прогрессивной шкале** подоходного налога и, конечно, по многочисленным дополнительным поправкам, которые мы отразили в альтернативном бюджете», – сказал Сергей Миронов (Парламентская газета. 22.11.2021);

(10) В расширении **прогрессивной ставки** часто слишком много популизма – желание «пропиариться» не может быть основой для корректировки налогового законодательства (Ведомости. 25.10.2021).

К внеоценочным дискурсивным реализациям примыкают также употребления прилагательного *прогрессивный* в составных собственных наименованиях – названиях общественных организаций, партий, политических движений и т. д., например:

(11) Ранее с предложением предоставить родителям первоклассников право на дополнительный оплачиваемый выходной 1 сентября выступила глава **Института прогрессивного образования** Анна Маркс (Парламентская газета. 28.08.2020);

(12) Адриан Хаслер (57 лет), премьер-министр Лихтенштейна. Член **Прогрессивной бюргерской партии** (ПБП). Избирался депутатом ландтага (парламента) страны (Парламентская газета. 11.02.2021).

В большинстве же случаев прилагательное *прогрессивный* в дискурсе реализует **позитивную оценочность**, имплицитную

контекстным окружением, например помещением в ряд однородных членов со словами с эксплицитной положительной оценкой:

(13) Примечательно, что многих беспокоит сам факт использования QR-кодов, хотя это уже **давно известная, удобная, прогрессивная и вполне безобидная** технология для быстрого доступа к информации (Парламентская газета. 12.12.2021);

(14) По словам Зюганова, КПРФ сделает всё, чтобы Россия была сильной, **прогрессивной, хорошо образованной и победной** страной (Парламентская газета. 25.09.2021)–

или сочетанием с определяемым словом положительно-оценочной семантики:

(15) Зато, как теперь выяснилось, имеют непосредственное отношение к так называемым борцам за демократию и **прогрессивные ценности** (Vesti.ru. 26.05.2020).

Усиление позитивной оценочности наблюдается в контекстах, где имеются условия для перехода относительного прилагательного в качественное, что, например, выражается в употреблении прилагательного в простой или составной сравнительной или превосходной степени:

(16) Виктория Абрамченко также отметила, что в настоящее время существуют **более прогрессивные** технологии уборки земель (Парламентская газета. 08.02.2021);

(17) Это система ОСВВ – отлов, стерилизация, вакцинация, выпуск – **самая прогрессивная** в мире... (Парламентская газета. 14.10.2020),

или в краткой форме:

(18) Эта норма абсолютно оправданна и **прогрессивна**. И если ее не будет, то донорство органов в нашей стране будет отброшено на много лет назад (Парламентская газета. 20.04.2020),

или в сочетании с наречиями степени качества:

(19) Машина развивала смехотворную по нашим меркам скорость – 16 км/ч, но по тем временам это была **весьма прогрессивная** конструкция (Парламентская газета. 29.01.2021).

В целом отметим, что развитие у прилагательного *прогрессивный* положительной оценочности, имплицитной контекстным окружением, обусловлено прагматическим механизмом **инференции**, то есть

«информации, которую адресат, в соответствии с замыслом говорящего, должен самостоятельно вывести из того, что сказано, опираясь на экстралингвистические знания, культурный фон и пр.» [Радбиль, 2023, с. 100]. Для прилагательного *прогрессивный* наводятся инференции «ведущий или стремящийся к прогрессу → необходимый, делающий правильно» или «проникнутый передовыми идеями, настроениями → достойный, правильный, соответствующий высшим идеалам и ценностям».

Не так очевидны в обследованном материале случаи дискурсной реализации у слова *прогрессивный* наведенной **отрицательной оценочности**, чему, видимо, препятствует устойчивая положительная культурная аура, стоящая за представлениями о прогрессе в языковом сознании говорящих по-русски. Однако для ряда употреблений мы все же можем говорить о наведенной негативной оценочности, прежде всего в расширенных контекстах, где слово *прогрессивный* участвует в описании какой-либо ситуации, отрицательно оцениваемой в целом, например:

(20) Отечественное здравоохранение – одна из самых **«прогрессивных»** по экономическим **преступлениям** отраслей народного хозяйства (Аргументы и факты. 03.07.2003);

(21) Но я говорю в первую очередь о Гагарине из романа. Гагарин **прогрессивен** даже в своих **преступлениях** (Новая газета. 09.02.2018).

В таких случаях речь идет именно об отраженной оценочности, что отчетливо видно в контекстах сочетаемости прилагательного *прогрессивный* с определяемыми словами, имеющими эксплицитную отрицательную оценку:

(22) Из тех же соображений – помощь **прогрессивной нищете** всего мира (Аргументы и факты. 04.02.1998);

(23) К сожалению, и в **прогрессивном насилии** возможны ошибки, которые не являются злонамеренными действиями, но происходят от недостатка знаний и самокритики (Труд-7. 28.12.2001).

Имплицитная негативная оценочность такого рода проявляется более ярко, если прилагательное определяет лицо, номинация ко-

торого содержит эксплицитную отрицательную характеристику – *бюрократ, бездарь, дурак, невежда* и пр.:

(24) О таком не хотят вспоминать **самые прогрессивные бюрократы** (Московский комсомолец. 27.11.2017);

(25) Когда-то Генон сказал, что вся духовная нищета свами Вивекананды проявилась в том, что его главным почитателем стал **«прогрессивный» бездарь** Ромен Роллан (Независимая газета. 13.08.1996);

(26) Избавь Россию, Провиденье, // От **прогрессивных дураков** (Независимая газета. 19.03.1997);

(27) Строго профессиональная – поскольку слишком специфична и чересчур хрупка его подвижная оболочка, чтобы допустить **прогрессивных невежд** до обсуждения собственно научных тем... (Известия. 09.12.2001).

Отрицательно-оценочный иронически сниженный «заряд» усиливается в метафорической конструкции на базе негативно-оценочного прецедентного имени, например:

(28) Или совершенный либерализм – без звука голоса и за достаточно убийственные бюджетные проектировки, и за образовательные стандарты, призванные превратить Россию в нацию **прогрессивных Митрофанушек** с компетенцией (Известия. 31.01.2013).

Отметим, что схожим образом в аналогичных моделях сочетаемости ведет себя и синоним прилагательного *прогрессивный* – прилагательное *передовой*, для которого в его дискурсной реализации, видимо, возможны такие же рефлексии наведения негативной оценочности в определенных контекстах:

(29) Это в 2001-м Зуландер был смешной пародией на **передового дурака** со страстью к самолюбованию, в 2016-м уже мы все живем в его наивном, адском мире (lenta.ru. 19.02.2016).

Во всех указанных случаях негативная оценочность имплицитно определяется посредством возникающего в зоне инференции представления о том, что наличие свойства прогрессивности не всегда приводит к чему-то хорошему, положительно оцениваемому, потому что может характеризовать негативные стороны общественной или культурной жизни, недостойных в каком-то отношении лиц.

Еще одна грань наведенной отрицательной оценочности у слова прогрессивный может быть связана с представлением об «излишней» прогрессивности, то есть чрезмерной, превышающей некую установленную по каким-либо параметрам норму, с точки зрения говорящего, например:

(30) Как отмечает CNBC, политика его конкурентов – Берни Сандерса и Элизабет Уоррен – представляется многим **слишком прогрессивной и даже агрессивной** (Vesti.ru. 05.03.2020);

(31) В российских реалиях такая практика кажется **«слишком прогрессивной»** – попытка резко повысить МРОТ выйдет боком самим работникам – малые частные предприятия начнут разоряться, бюджетные – попробуют решить проблему «проверенным методом», сокращая часть персонала и повышая зарплату оставшимся (Парламентская газета. 05.04.2016);

(32) Австриец в Азербайджане? Для многих это тоже **чересчур прогрессивно**. // – Тем не менее в Азербайджане было немало критики – зачем нам нужен австриец? (Ведомости. 10.03.2019).

Здесь следует отметить, что данная разновидность имплицитной негативной оценочности для прилагательного *прогрессивный* вписывается в систему национально обусловленных ценностных установок в русской языковой картине мира, согласно которым любое внешнее, показное или аффектированное, чрезмерное проявление даже самых положительных состояний, свойств и качеств объекта или лица оценивается как отрицательное [Русский язык..., 2021], например, избыточное выражение любви к родине, человеколюбия, милосердия, сострадания и пр.

Заключение

Результаты проведенного анализа показали, что относительное прилагательное *прогрессивный*, которое, в силу своих лексико-грамматических особенностей, не имеет оценочных сем или коннотаций в системно-языковом значении, обнаруживает значительный потенциал наведения имплицитной положительной или отрицательной оценки в дискурсивной реализации посредством контекстного окружения. Это позволяет вписать данное прилагательное в кластер других русских относительных прилагательных, обозначающих какое-либо значимое, с точки зрения говорящих по-русски,

социальное, духовное, ментальное, психологическое, нравственное, эстетическое свойство или качество: *народный, национальный, интернациональный, патриотический, этнический, консервативный, традиционный* и пр. Видимо, можно говорить о существовании определенных дискурсивных механизмов выражения неявных ценностей, которые, будучи объективными, имеют место в речевых практиках носителей языка и которые обнаруживаются посредством предлагаемого в данной работе научного инструментария.

Посредством изучения особенностей поведения данных прилагательных в дискурсах активного воздействия, например, в сетевом медиадискурсе, мы сможем сделать ценные в научном плане наблюдения и над содержанием мира идеалов и ценностей современных носителей русского языка, то есть увидеть, каким образом, с каким знаком оценочности трактуются концепты «народное», «национальное», «интернациональное», «традиционное», «консервативное», «прогрессивное» и т. д. в социокультурном пространстве нашего времени.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368 «Активные процессы в русском языке Интернета: поликодовость, интерактивность, гипертекстуальность», <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>

The reported study was funded by Russian Science Foundation “Active processes in the Russian language of the Internet: polycodeness, interactivity, hypertextuality”, project № 23-28-00368, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00368/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1999. Язык и мир человека. М. : Шк. «Яз. рус. культуры». 896 с.
- Гаспаров Б. М., 1996. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. : Новое лит. обозрение. 352 с.
- Дускаева Л. Р., 2019. Векторы прагматического анализа в медиалингвистике // Медиалингвистика. Т. 6, № 1. С. 4–18. DOI: 10.21638/spbu22.2019.101
- Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д., 2005. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Яз. слав. культуры. 540 с.

- Иссерс О. С., 2020. Более полувека под зонтиком коммуникативных стратегий // Коммуникативные исследования. Т. 7, № 2. С. 243–256. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).243-256
- Карасик В. И., 2020. Языковые картины бытия. М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. 468 с.
- Радбиль Т. Б., 2020. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. Т. 7, № 4. С. 759–774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774
- Радбиль Т. Б., 2021. «Псевдоценности» в современном отечественном медийном дискурсе: опыт логического анализа имплицитной оценочности в языке печатных СМИ // Медиалингвистика. Т. 8, № 4. С. 406–420. DOI: 10.21638/spbu22.2021.407
- Радбиль Т. Б., 2023. Наведенная оценочность как объект лингвокультурологического изучения: опыт корпусного анализа интернет-медиа // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6, Языкознание. № 3. С. 95–105. DOI: 10.31249/ling/2023.03.07
- Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты, 2021 / под ред. Л. В. Рацибурской. М.: Флинта. 328 с.
- Сидоров В. А., 2019. Журналистика как ценность в «цифровой» среде // Вопросы журналистики. № 5. С. 5–16. DOI: 10.17223/26188422/5/1
- Соколова О. В., 2017. Когнитивный механизм и коммуникативные стратегии дискурсов активного воздействия // Вопросы когнитивной лингвистики. № 3. С. 19–30.
- Цветова Н. С., 2020. Критика медиаречи как вектор развития медиалингвистики // Медиалингвистика. № 7. С. 280–292. DOI: 10.21638/spbu22.2020.301
- Чернявская В. Е., 2018. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2. С. 31–37.
- Black E., 2006. Pragmatic Stylistics. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd. 316 p.
- Facchinetti R., 2021. News Discourse and the Dissemination of Knowledge and Perspective: From Print and Monomodal to Digital and Multisemiotic // Journal of Pragmatics. № 175. P. 195–206. DOI: https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.01.015
- Firth J. R., 1957. Papers in Linguistics: 1934–1951. Oxford: OUP. 233 p.
- Louw W., 1993. Irony in the Text or Insincerity in the Writer? The Diagnostic Potential of Semantic Prosodies // Text and Technology: In Honour of

- John Sinclair / ed. by M. Baker [et al.]. Amsterdam: John Benjamins. P. 152–176.
- Noveck I., 2021. Review of Experimental Pragmatics: The Making of a Cognitive Science. Cambridge: Cambridge University Press. 282 p.
- Orr Sh., Ariel M., 2021. Predicating Truth: An Empirically Based Analysis // Journal of Pragmatics. Vol. 185. P. 131–145. DOI: https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.09.005
- Prabowo R., Thelwall M., 2009. Sentiment Analysis: A Combined Approach // Journal of Informetrics. Vol. 3, iss. 2. P. 143–157.
- Scarantino A., 2017. How to Do Things with Emotional Expressions: The Theory of Affective Pragmatics // Psychological Inquiry. Vol. 28, № 2-3. P. 65–185. DOI: 10.1080/1047840X.2017.1328951
- Sinclair J. M., 1991. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford: Oxford University Press. 179 p.

ИСТОЧНИК

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>

СЛОВАРИ

- БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 11. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 926 с.
- БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
- НСРЯ – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. 2. М.: АСТ; Апрель, 2000. 1088 с.

REFERENCES

- Arutyunova N.D., 1999. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, Shk. «Yaz. rus. kultury» Publ. 896 p.
- Gasparov B.M., 1996. *Yazyk, pamyat, obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, Memory, Image. Linguistics of Language Existence]. Moscow, Novoye lit. obozreniye Publ. 352 p.
- Duskaeva L.R., 2019. Vektory praksiologicheskogo analiza v medialingvistike [Vectors of Praxeological Analysis in Medialinguistics]. *Medialingvistika* [Medialinguistics], vol. 6, no. 1, pp. 4–18. DOI: 10.21638/spbu22.2019.101
- Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D., 2005. *Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny*

- mira* [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 540 p.
- Issers O.S., 2020. Boleye poluveka pod zontikom kommunikativnykh strategiy [More Than Half a Century Under the Umbrella of Communication Strategies]. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communication Studies], vol. 7, no. 2, pp. 243-256. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).243-256
- Karasik V.I., 2020. *Yazykovyye kartiny bytiya* [Language Pictures of Existence]. Moscow, In-rus. yaz. im. A.S. Pushkina. 468 p.
- Radbil T.B., 2020. «Samoizolyatsiya» kak noveyshiy russkiy kulturnyy kontsept: kognitivno-diskursivnyy aspekt [“Self-Isolation” as the Newest Russian Cultural Concept: Cognitive-Discursive Aspect]. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communication Studies], vol. 7, no. 4, pp. 759-774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774
- Radbil T.B., 2021. «Psevdotsennosti» v sovremennom otechestvennom mediynom diskurse: opyt logicheskogo analiza implitsitnoy otsenochnosti v yazyke pechatnykh SMI [“Pseudo-Values” in Modern Domestic Media Discourse: Experience of Logical Analysis of Implicit Evaluativeness in the Language of Printed Media]. *Medialingvistika* [Medialinguistics], vol. 8, no. 4, pp. 406-420. DOI: 10.21638/spbu22.2021.407
- Radbil T.B., 2023. Navedennaya otsenochnost kak obyekt lingvokulturologicheskogo izucheniya: opyt korpusnogo analiza internet-media [Induced Evaluativeness as an Object of Linguoculturological Study: The Experience of Corpus Analysis of Internet Media]. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnyaya literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics], no. 3, pp. 95-105. DOI: 10.31249/ling/2023.03.07
- Ratsiburskaya L.V., ed., 2021. *Russkiy yazyk v internet-kommunikatsii: lingvokognitivnyy i pragmaticheskiy aspekty* [Russian Language in Internet Communication: Linguocognitive and Pragmatic Aspects]. Moscow, Flinta Publ. 328 p.
- Sidorov V.A., 2019. Zhurnalistika kak tsennost v «tsifrovoy» srede [Journalism as a Value in a “Digital” Environment]. *Voprosy zhurnalistiki* [Issues in Journalism], no. 5, pp. 5-16. DOI: 10.17223/26188422/5/1
- Sokolova O.V., 2017. Kognitivnyy mekhanizm i kommunikativnyye strategii diskursov aktivnogo vozdeystviya [Cognitive Mechanism and Communicative Strategies of Discourses of Active Influence]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 3, pp. 19-30.
- Tsvetova N.S., 2020. Kritika mediarechi kak vektor razvitiya medialingvistiki [Criticism of Media Discourse as a Vector of the Development of Medialinguistics]. *Medialingvistika* [Medialinguistics], no. 7, pp. 280-292. DOI: 10.21638/spbu22.2020.301
- Chernyavskaya V.E., 2018. Diskursivnyy analiz i korpusnyye metody: neobkhodimoye dokazatelnoye zveno? Obyasnitelnyye vozmozhnosti kachestvennogo i kolichestvennogo podkhodov [Discourse Analysis and Corpus Methods: A Necessary Evidentiary Link? Explanatory Power of Qualitative and Quantitative Approaches]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues in Cognitive Linguistics], no. 2, pp. 31-37.
- Black E., 2006. *Pragmatic Stylistics*. Edinburgh, Edinburgh University Press Ltd. 316 p.
- Facchinetti R., 2021. News Discourse and the Dissemination of Knowledge and Perspective: From Print and Monomodal to Digital and Multisemiotic. *Journal of Pragmatics*, no. 175, pp. 195-206. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.01.015>
- Firth J.R., 1957. *Papers in Linguistics: 1934–1951*. Oxford, OUP. 233 p.
- Louw W., 1993. Irony in the Text or Insincerity in the Writer? The Diagnostic Potential of Semantic Prosodies. Baker M. et al., eds. *Text and Technology. Honour of John Sinclair*. Amsterdam, John Benjamins, pp. 152-176.
- Noveck I., 2021. *Review of Experimental Pragmatics: The Making of a Cognitive Science*. Cambridge, Cambridge University Press. 282 p.
- Orr Sh., Ariel M., 2021. Predicating Truth: An Empirically Based Analysis. *Journal of Pragmatics*, vol. 185, pp. 131-145. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.09.005>
- Prabowo R., Thelwall M., 2009. Sentiment Analysis: A Combined Approach. *Journal of Informetrics*, vol. 3, iss. 2, pp. 143-157.
- Scarantino A., 2017. How to Do Things with Emotional Expressions: The Theory of Affective Pragmatics. *Psychological Inquiry*, vol. 28, no. 2-3, pp. 65-185. DOI: 10.1080/1047840X.2017.1328951
- Sinclair J.M., 1991. *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford, Oxford University Press. 179 p.

SOURCE

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. URL: <https://www.ruscorpora.ru>

DICTIONARIES

Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 t. T. 11 [Dictionary of Modern Russian Literary Language. In 17 Vols. Vol. 11]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1961. 926 p.
Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary

of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.

Efremova T.F. *Novyy slovar russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyy. V 2 t. T. 2* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-Formative. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, AST Publ., Aprel Publ., 2000. 1088 p.

Information About the Author

Timur B. Radbil, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Prosp. Gagarina, 23, 603022 Nizhny Novgorod, Russia, timur@radbil.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7516-6705>

Информация об авторе

Тимур Беньюминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, просп. Гагарина, 23, 603022 г. Нижний Новгород, Россия, timur@radbil.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7516-6705>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.6>

UDC 81'42:33.012.1
LBC 81.055.1

Submitted: 26.01.2024
Accepted: 09.04.2024

TRANSPARENCY IN LANGUAGE AND DISCOURSE: A MODEL FOR INTERDISCIPLINARY ANALYSIS

Elena V. Dziuba

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article points out the tendency to use highly specialized (terminological) vocabulary in modern public communication and proposes a model for interdisciplinary analysis of the new word entry into the Russian language and its functioning in different types of discourse. The explanation capability of the model, including the linguistic, axiological, cognitive (cognitive-communicative, cognitive-discursive, cognitive-psychological) aspects of analysis, is demonstrated on the example of its application to the study of the unit *transparency*. The ways of borrowing the word are noted: through the significant expansion of the lexical meaning under the influence of discourse (political, economic, legal, etc.) to the categorical one, associated with the processes of transmission, receipt of information and society's response to the information occasion. The place of the word *transparency* in the synonymic series is determined: using the methods of lexicographic and component analysis the semantic differences of the words *otkrytost* (*openness*), *dostupnost* (*accessibility*), *prozrachnost* (*transparency*), *publichnost* (*publicity*), *glasnost* (*disclosure*), *jasnost* (*clarity*) are established. Applying the methods of contextual, logical-and-cognitive and cognitive-and-discursive analysis the data from the Russian National Corpus are studied to determine the discursive specificity in the meanings of the above mentioned synonyms, which are considered through subject-object and subject-subject relations in the process of informing and are described as the constituents in the structure of the category of *transparency*. The link between the linguoamental phenomenon of transparency and related concepts of trust and equality is established. The authors distinguish between the voluntary and forced nature of data transfer and reception, emphasize the axiological and cognitive-and-psychological components of the information transfer in the process of group and/or mass communication. The universality of the model is proved. It has the potential for application to the consideration of other "key" issues, which reflect the mood and linguistic preferences of the epoch.

Key words: communication, cognition, language, discourse, transparency, category of transparency.

Citation. Dziuba E.V. *Transparency in Language and Discourse: A Model for Interdisciplinary Analysis*. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 3, pp. 65-79. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.6>

УДК 81'42:33.012.1
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 26.01.2024
Дата принятия статьи: 09.04.2024

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И ДИСКУРСЕ: МОДЕЛЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО АНАЛИЗА

Елена Вячеславовна Дзюба

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье описана тенденция к использованию узкоспециальной (терминологической) лексики в современной публичной коммуникации и предложена модель междисциплинарного анализа вхождения нового слова в русский язык, включающая лингвистический, лингвоаксиологический, когнитивный (когнитивно-дискурсивный, когнитивно-коммуникативный, когнитивно-психологический) аспекты. Объяснительные возможности модели продемонстрированы на примере ее применения к изучению «ключевого слова»

текущего момента» *транспарентность*. Показаны пути заимствования этой единицы и направления существенного расширения ее лексического значения под влиянием разных дискурсов до категориального, связанного с процессами передачи, получения информации и реагирования общества на информационный повод. Определено место слова *транспарентность* в синонимическом ряду: с применением методов лексикографического и компонентного анализа установлены семантические различия слов *открытость*, *доступность*, *прозрачность*, *публичность*, *гласность*, *ясность*. На основе данных Национального корпуса русского языка методами контекстуального, логико-когнитивного и когнитивно-дискурсивного анализа выявлена дискурсивная специфика значений указанных синонимов. Они рассмотрены сквозь призму субъектно-объектных, субъект-субъектных отношений в процессе информирования и охарактеризованы как члены когнитивно-коммуникативной категории *транспарентность*. Установлена связь лингвоментального феномена транспарентности со смежными понятиями доверия и равноправия. Разграничены добровольный и вынужденный характер трансфера и рецепции данных, описаны аксиологическая и когнитивно-психологическая составляющие передачи информации в процессе групповой и/или массовой коммуникации. Утверждается универсальность модели, имеющей потенциал применения к изучению других «ключевых слов текущего момента», отражающих умонастроения и «языковой вкус эпохи».

Ключевые слова: коммуникация, когниция, язык, дискурс, транспарентность, категория транспарентности.

Цитирование. Дзюба Е. В. *Транспарентность* в языке и дискурсе: модель междисциплинарного анализа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 65–79. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.6>

Введение

В настоящее время в публичной коммуникации наблюдается тенденция к использованию узкоспециальной (терминологической) лексики. Так, в период пандемии отмечалась актуализация языка медицины (*ковид*, *коронавирус*, *маска*, *карантин*, *вакцинация* и др.) [Голованова, Маджаева, 2020], позже – языка IT (*нейросеть*, *интерфейс*, *кэш*, *апгрейд*, *веб-мастер*, *веб-страница* и др.) [Плотникова, 2023].

В политическом медиадискурсе актуализированы термины разных сфер: *релокация*, *спецоперация*, *турбулентность*, *полюс*, *однополярный*, *биполярный*, *многополярный* и др. [Белослудцев, Дзюба, 2023; Дзюба, 2023; Шайбакова, 2023; Belosludtsev et al.]. Некоторые из этих единиц утрачивают статус термина и становятся, по определению Т.В. Шмелевой, «ключевыми словами текущего момента» [Шмелева, 1993], назовем их ключевыми словами политического момента. Под влиянием контекста и дискурса эти слова приобретают новые семантические компоненты, в том числе оценочные, участвуют в моделировании современной политической картины мира. В данном исследовании рассматривается такое ключевое слово политического момента, как *транспарентность*, перешедшее из научного дискурса

в медийный и претерпевшее определенные семантические изменения.

Цель работы – на примере указанной единицы продемонстрировать модель анализа вхождения нового слова в лексическую систему языка и функционирования этой единицы в разных сферах коммуникации.

Материал и методы

Модель отражает движение исследовательской мысли «от языка к когниции и коммуникации» и включает следующие аспекты междисциплинарного анализа: лингвистический, лингвоаксиологический, когнитивный (когнитивно-дискурсивный, когнитивно-коммуникативный, когнитивно-психологический).

Исследование выполнено с применением традиционных и современных методов исследования: этимологического, лексикографического, структурно-семантического (компонентного), контекстуального, когнитивно-дискурсивного, логико-когнитивного, лингвоаксиологического анализа.

Материалом исследования являются данные лексикографических источников; тексты научных публикаций о феномене транспарентности; примеры, извлеченные из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ).

Результаты и их интерпретация

Транспарентность в лингвистическом аспекте

Существительное *транспарентность*, словообразовательный дериват от прилагательного *транспарентный*, содержит восходящие к латинскому языку элементы: *trans-* «1) через-, пере-; 2) насквозь» (Дворецкий, с. 780) и *pareo-*, глагол II спр. со значением «1) являться, появляться; 2) быть очевидным» (Дворецкий, с. 553). В русском языке наблюдаем два фонетических варианта слова (*транспарантный* и *транспарентный*), актуализирующего семантику прозрачности.

Транспарантный – дериват от существительного *транспарант*, пришедшего через французский язык: «от фр. *Transparent*, букв. прозрачная вещь; (*спец.*) 1. Разлинованный лист, подкладываемый под нелинованную бумагу так, чтобы линии, просвечивая, заменяли собой линовку для ровного письма. 2. Натянутая на раму просвечивающая ткань с какими-л. изображениями, освещаемая сзади, употр. при иллюминациях» (ТСРЯ). Прилагательное *транспарентный* в ТСРЯ не представлено, его нет и в более поздних словарях, нет в источниках, изданных в начале 2000-х годов. Так, в «Словаре-тезаурусе русских прилагательных» 2016 г. (СТРП) прилагательное *транспарентный* не фиксируется, однако отмечается *транспарантный*, которое относится к тематической группе «Текст» семантической сферы «Язык и речь», хотя в группе «Речевое общение» это прилагательное не приводится. В словаре Т.Ф. Ефремовой прилагательное *транспарантный* имеет стилистическую помету: «транспарантный, *прил. устар.* Просвечивающий насквозь; прозрачный» (Ефремова), прилагательное *транспарентный* здесь так же не представлено.

В словарях последних лет издания наблюдаем прилагательное *транспарентный* и его дериват – *транспарентность*: «Транспарентность, -и; ж. [от англ. *transparent* – прозрачный]. Отсутствие секретности, ясность, основанная на доступности сведений; информационная прозрачность» (БТСРЯ); «транспарентный [ре'] и [рэ'] -ая, -ое, -тен, -тна [англ. *transparent* прозрачный < лат. *trāns* сквозь, че-

рез + *rāgēre* появляться]. *полит., дипл.* О политической позиции, концепции и т. п.: не содержащий секретов и недомолвок, “прозрачный” для других» (ССИС). Таким образом, в русский язык попадает два фонетических варианта слова с общим семантическим компонентом ‘прозрачность’ – в буквальном смысле (*транспарант*, *транспарантный* из лат. через фр. язык) и переносном (отвлеченном) значении (*транспарентный* – прозрачный в плане доступности, открытости информации, *транспарентность* – отсутствие скрытности, открытость, из лат. через англ. язык, ср. в Cambridge English Corpus (CEC):

(1) Furthermore, many unaccountable officials hold their meetings in committees that lack **transparency** and openness / Кроме того, многие неподотчетные чиновники проводят свои заседания в комитетах, которым не хватает **прозрачности** и **открытости** ¹;

(2) What prompts all this effort is that an account of behavior as **transparently** governed by self-interest leads to **transparent** difficulties / Все эти усилия направлены на то, чтобы показать, что поведение, **открыто** регулируемое лишь собственными интересами, влечет за собой **очевидные** трудности.

Современное значение определяет место слова *транспарентность* в синонимическом ряду единиц во вторичных значениях: *открытость*, *прозрачность*, *доступность*, *ясность* и др. При этом *транспарентность* отмечается как единица профессионального – политического, дипломатического – языка. Однако следует уточнить, имеет ли она специфические компоненты значения или является лишь стилистическим вариантом единиц своего синонимического ряда.

Традиционно в лингвистике для разграничения слов-синонимов и слов, контекстно сближающихся по значению, применяют компонентный анализ [Бабенко, 2008; Кузнецова, 1989, с. 29–40; Комарова, 2012, с. 431–438]. Для осуществления этой лингвистической процедуры здесь используется «Большой универсальный словарь русского языка» (БУСРЯ) и «Словарь-тезаурус синонимов русского языка» (СТСРЯ). Анализ первичных и вторичных значений слов *транспарентный* / *транспарентность* (далее в таблице – Т.), *открытый* / *открытость* (О.), *прозрачный* / *про-*

зрачность (П.), доступный / доступность (Д.), гласный / гласность (Г.), ясный / ясность (Я.) позволяет выделить 11 компонентов значения: ‘наличие / отсутствие преград, ограничений для восприятия (внешних или внутренних, например физиологических)’; ‘отчетливость воспринимаемого образа или информации, наличие четких границ’; ‘наличие / отсутствие секретности, недосказанности, недомолвок’; ‘наличие каких-либо сведений (важной, ценной информации)’; ‘объем аудитории, для которой предназначена информация’; ‘эмоциональная составляющая коммуникации’; ‘наличие / отсутствие оценки – положительной или отрицательной (информации, самой ситуации общения, коммуникантов)’; ‘простота организации передаваемого материала (информации) и обусловленная этим легкость восприятия’; ‘наличие / отсутствие технологической составляющей коммуникации’; ‘наличие / отсутствие материальной составляющей’; ‘возможность реагирования со стороны объекта передачи информации (отклика и контроля)’. Наличие и отсутствие перечисленных компонентов значения в семантике указанных единиц отражено в таблице.

Как видно из таблицы, компонент значения ‘наличие / отсутствие преград для восприятия’ является общим для всех единиц, что дает возможность объединять их в синонимический ряд; компонент ‘отсутствие недосказанности’ объединяет все слова, кроме *ясность*. Остальные компоненты значения различают единицы между собой (абсолютных синонимов здесь не наблюдается), что свидетельствует о невозможности тождества обозначаемых этими словами понятий. Совокупность компонентов значений позволяет определить типовую семантику для данной группы слов, которая отображает коммуникативную ситуацию информирования, то есть передачи каких-либо сведений, часто обладающих особой значимостью, от субъекта информирования к объекту. При этом могут быть разными объем информации, форма ее представления, эмоциональная окраска. Специфичным для единицы *доступность* выступает наличие материальной и технологической составляющих в процессе передачи какого-либо ценного объекта (в том числе информации); уникальной для слова *гласность* является возможность выражения реакции на ин-

Компоненты лексического значения слов-синонимов

Components of lexical meaning of synonymic words

Синоним	Компонент лексического значения										
	Наличие / отсутствие преград для восприятия	Отчетливость	Отсутствие недосказанности	Наличие ценных сведений	Объем аудитории (ограниченный / неограниченный)	Эмоциональность	Оценка	Простота организации	Технологическая составляющая	Прагматическая (материальная) составляющая	Реакция, контроль
Т.	+	+	+	+	-	-	+(пол.)	-	-	-	-
О.	+	+	+	-	+	+	+(пол. и отр.)	-	-	-	-
П.	+	+	+	-	-	-	-	+	-	-	-
Д.	+	-	+	-	+	+	+(пол.)	+	+	+	-
Г.	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	+
Я.	+	+	-	-	-	+	+	+	-	-	-

Примечание. В таблице знак «+» означает наличие семы в структуре значения слова, знак «-» – ее отсутствие. Помета *пол.* указывает на наличие в структуре значения положительной оценочной коннотации, *отр.* – отрицательной.

Note. In the table, the “+” sign means the presence of a seme in the structure of the meaning of the word; the “-” sign means its absence. The mark *пол.* indicates the presence in the structure of the meaning of a positive evaluative connotation, *отр.* – negative.

формацию (обсуждение, отклик). Таким образом, *транспарентность* входит в синонимический ряд с указанными выше единицами, но имеет более обобщенное значение ('наличие / отсутствие преград для восприятия', 'отчетливость изображения', 'отсутствие недосказанности', 'наличие ценных сведений'), нежели другие; кроме того, для данного слова характерна стилистическая маркированность.

Транспарентность в когнитивно-дискурсивном аспекте

Согласно БТСРЯ, прилагательное *транспарентный* и его словообразовательный дериват *транспарентность* в русском языке имеют отношение исключительно к политической и дипломатической сферам (БТСРЯ). Однако *транспарентность* как термин широко употребляется в разных областях научного знания: правоведении, экономике, политологии и т. д., о чем свидетельствуют, например, названия научных публикаций, размещенных в РИНЦ:

(3) Электронное правосудие как новый стандарт **транспарентности** деятельности **судебной власти** (Мальшкіна, Лачина);

(4) **Транспарентность публичной власти** (Талпина);

(5) Принцип **транспарентности бюджетного права** (Кожушко);

(6) **Транспарентность – принцип** гражданского **судопроизводства** (Осева);

(7) **Транспарентность** как ключевая проблема российской **экономики** (Залетный);

(8) **Транспарентность Центрального банка** и оценка его коммуникаций по вопросам монетарной политики (Романчукевич, Лиманская);

(9) Взаимосвязь **транспарентности** и волатильности **акций** российских компаний (Пучкина, Рудаков);

(10) К вопросу об использовании дефиниций «**транспарентность**» и «открытость» применительно к **институту государственной службы** в Российской Федерации (Лапина, Карпухин).

В разных дискурсивных практиках слово *транспарентность* выражает такую семантику: 'свойство, особенность коммуникации как процесса передачи информации и/или обмена ею', ср.:

(11) Стороны будут укреплять взаимное доверие, расширять **транспарентность, обменивать-**

ся информацией и планами и обсуждать стратегические вопросы, представляющие взаимный интерес, а также искать пути расширения контактов... (НКРЯ: Владимир Путин и Джордж Буш подписали договор по СНП и ряд совместных документов // NEWSru.com. 2002).

Результаты анализа научных публикаций свидетельствуют о наличии целого ряда слов, значение которых так или иначе коррелирует с содержанием термина *транспарентность*: *открытость, прозрачность, доступность*. Некоторые исследователи используют единицы *транспарентность* и *открытость* как синонимы, ср., например:

(12) Информационная **прозрачность (транспарентность)** компании оценивается по трем направлениям: структура собственности и отношения с инвесторами... финансовая **прозрачность** и **раскрытие информации**... структура и методы работы совета директоров и руководства компании... Современные тенденции совершенствования отчетной финансовой информации направлены на достижение **транспарентности** информации о компании (Абдалова, с. 179).

Семантическая близость единиц *транспарентность, открытость, доступность* наблюдается в дипломатическом документальном дискурсе, в частности в международных соглашениях, например в «Договоре о Евразийском экономическом союзе», подписанном в Астане 29.05.2014 (ред. от 24.03.2022, с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023). В документе *транспарентность* используется как единица обобщенной семантики, она выносится в заголовок, ср.:

(13) Статья 69. **Транспарентность**. 1. Каждое государство-член обеспечивает **открытость** и **доступность** своего законодательства по вопросам, регулируемым настоящим разделом (Договор).

Некоторые исследователи используют термины *транспарентность, открытость, прозрачность, доступность, публичность, гласность* дифференцированно, разграничивая их семантику, ср.:

(14) Дефиниции «**транспарентность**» и «**открытость**» соотносятся между собой как «общее» и «частное», то есть **открытость** является одним из элементов **транспарентности**, отражающей воз-

возможность получения необходимой информации заинтересованным лицом (государственным служащим, гражданами, общественными объединениями и др.) и обязательное предоставление государственным служащим определенных сведений в соответствии с требованиями нормативных актов (Лапина, Карпунин, с. 32);

(15) Проблема **транспарентности** мировых рынков сельскохозяйственных товаров имеет несколько измерений: **открытость доступа** к информации...; **прозрачность** условий использования земельных, водных и других ресурсов в режиме реального времени; **открытость** бизнес-процессов и условий реализации продовольствия и сельскохозяйственного сырья; **доступность** данных по объемам производства, потребления, торговли и ряд других» (Ревенко Л. С., Ревенко Н. С., с. 21);

(16) ...Термин «**транспарентность**» имеет куда более широкое практическое применение в рамках юридической науки. В область его деятельности без сомнения можно включить **гласность, публичность и открытость** (Багауэтдинова, с. 99).

В значительной части контекстов (13)–(16) термин *транспарентность* обозначает семантическую категорию, которая обобщает феномены открытости, прозрачности, доступности, публичности, гласности. Иными словами, в русскоязычном дискурсе (научном, документально-дипломатическом) латинское по происхождению слово с достаточно ограниченной семантикой очевидности и ясности существенно расширяет свое значение.

В НКРЯ *транспарентность* в основном корпусе фиксируется с 1999 г. (пик употребления – 2004 г.), в газетном корпусе – с 1997 г. (пик – 2021 г.); прилагательное *транспарентный* фиксируется в основном корпусе с 1968 г. (пик – 2004 г.), в газетном корпусе – с 1996 г. (пик употребления – 2007 г., несколько менее, но тоже частотно в 2018 г.). Слово *транспарентность* в основном корпусе представлено в 46 текстах, 56 примерах; в газетном корпусе (центральные СМИ) оно представлено в 664 текстах, 786 примерах. При этом единица *транспарентность* используется в разных дискурсах: военном (17), экономическом (18, 19), юридическом (20, 21), управленческом (22), политическом (23), дипломатическом (24). Речевые примеры взяты из НКРЯ (газетный корпус, центральные СМИ):

(17) Отдельные направления военно-технического сотрудничества могут быть увязаны, например, с **транспарентностью** китайских **военных программ** и расходов (НКРЯ: Дипломатия без галстука. Достижения внешней политики России можно сделать необратимыми // Известия. 2003);

(18) Не установлены требования к **транспарентности** и публикации **отчетов о деятельности банка** (НКРЯ: Кучина Л. Административная реформа: три уровня и три группы // ПОЛИТКОМ. РУ. 2003);

(19) Но уже на уровне простого миллионника **налоговая транспарентность** совершенно другая, чем в Москве (НКРЯ: Колеров М., Гонтмахер Е. Государство не должно светиться // Отечественные записки. 2003);

(20) Вся наша работа – от прохождения отдельной посылки и до привлечения инвестиций – совершенно **открыта и прозрачна**, так как законодательство Германии требует **транспарентности** всех коммерческих и финансовых процессов (НКРЯ: Сборов А. Мы готовы к перевозкам вакцины // Коммерсантъ. 2020);

(21) У нас гораздо дальше продвинулась работа по **законодательству о транспарентности** (НКРЯ: Кучина Л. Административная реформа: три уровня и три группы // ПОЛИТКОМ. РУ. 2003);

(22) Премия присуждается в таких категориях, как повышение **транспарентности**, подотчетности и оперативности **государственных служб**, содействие обмену знаниями в области управления (НКРЯ: День 23 июня в истории // Парламентская газета. 2020);

(23) Основным критерием была чистота и **транспарентность голосования** (НКРЯ: В Кремле отказались от «разбора полетов» в регионах с низкой явкой на голосовании // Известия. 2020);

(24) Делегации государств-участников отметили важность ДОН в деле обеспечения открытости и **транспарентности**, укрепления мер доверия и безопасности», – сказали в дипведомстве (НКРЯ: В США ответили на заявления о выходе из ДОН // Известия. 2020).

Транспарентность, таким образом, в разных видах дискурса (военный, экономический, правовой, управленческий, политический, дипломатический) отражает семантику передачи каких-либо сведений, часто обладающих особой значимостью, от субъекта информирования к объекту и выступает в качестве семантической категории, объединяющей единицы *открытость, прозрачность, доступность, публичности, гласность*.

*Транспарентность
в когнитивно-коммуникативном аспекте*

Язык, как отмечает Н.Н. Болдырев, обусловлен «единством и взаимосвязью всех его реальных зависимостей – от предметного мира, мыслительных процессов и речевого использования. Выступая как средство обобщенного, концептуального отражения мира, как система знаков, выражающих понятия, язык выполняет функцию универсальной таксономической системы. Однако эта таксономическая система приобретает значимость лишь в рамках назначения языка – быть средством общения» [Болдырев, 2008, с. 7]. *Транспарентность*, с одной стороны, является единицей языка, которая имеет обобщенную семантику среди слов одного синонимического ряда (*транспарентность, открытость, прозрачность, доступность, публичность, гласность, ясность*), с другой – выступает семантической категорией, которая на основе общего признака объединяет названные перечисленными единицами понятия и таким образом отражает фрагмент концептуальной системы, сформировавшейся в сознании носителей языка.

Для дифференциации феноменов открытости, прозрачности, доступности, публичности, гласности, ясности как членов категории транспарентности можно применить понятие субъектно-объектных отношений в ситуации передачи и восприятия информации, а также выражения реакции на информационный повод. Понятие открытости коррелирует с интенциональной установкой субъекта, намеренного или не намеренного предъявлять информацию в полном или частичном объеме или не предъявлять ее вовсе; ср.:

(25) Сам факт, что мы даже с **перспективными разработками считаем возможным** в сегодняшних условиях **познакомить** наших французских партнеров... говорит о **транспарентности** и открытости Российской Федерации в вопросах безопасности (НКРЯ: Россия – Франция // Дипломатический вестник. 2004);

(26) С подключением экспертных сообществ **обеспечивается рост информационной открытости** деятельности органов власти (**транспарентности**) и повышение качества разработки управленческих решений (НКРЯ: Райков А. Н. Нормативное

обеспечение сетевой экспертной деятельности. 2010);

(27) Рассчитываем, что **правительство Японии проявит должную степень транспарентности и будет информировать** заинтересованные государства о своих действиях, которые могут представлять радиационную угрозу (НКРЯ: Павлова В. Россия захотела объяснений Японии о планах сбросить радиоактивную воду в океан. 2021).

Прозрачность определяется либо установками субъекта на утаивание / неутаивание чего-л. при передаче информации, либо интеллектуальными возможностями самого реципиента. Эти смыслы отражаются в структуре вторичных значений прилагательного *прозрачный*, от которого образуется существительное *прозрачность* со значением отвлеченного свойства (первичное значение связано со способностью пропускать свет): «2.0. *перен.* Такой, который легко воспринимается, доступный для понимания вследствие простоты, ясности; 2.1. *перен.* Такой, который не скрывают или не могут скрыть, открытый, незамаскированный» (БУСРЯ). Актуализацию этих значений можно наблюдать в следующих контекстах:

(28) Нам кажется, что здесь только нужна максимальная **прозрачность, транспарентность** (НКРЯ: Интервью греческим газетам «Элефтеротипия» и «Вима». 2001);

(29) Нужна **транспарентность**, нужны совместные шаги по обеспечению **прозрачности** и по предотвращению опасной военной деятельности (НКРЯ: Лавров С. В. Интервью по итогам участия в заседании Совета Евроатлантического партнерства // Дипломатический вестник. 2004).

Доступность, словообразовательный дериват от прилагательного *доступный*, обозначает законное право, данное субъектом (обычно субъектом власти или правообладателем информации) определенному или широкому кругу лиц на ознакомление с какой-либо информацией и возможное ее использование в том числе посредством технологических ресурсов, ср.: «Доступный – 1. такой, право на который не ограничено, возможность пользоваться которым не связана с какими-либо ограничениями; 2. такой, с которым можно легко связаться с помощью какого-либо средства связи» (БУСРЯ).

Доступность детерминирована интенцией субъекта информирования, который нацелен на открытость и который намеренно облекает содержание в определенную (сложную или простую для восприятия) форму. Эти компоненты смысла поддерживаются вторичными значениями прилагательного *доступный*, ср.: «Доступный – 3. понятный; такой, который создан так, что его нетрудно понять человеку; 4. такой, с которым человек может легко вступить в контакт» (АСРЯ-3).

Доступность также зависит от возможностей объекта информирования, который способен или неспособен по разным причинам получать информацию. Причины могут быть техническими, то есть обусловленными наличием / отсутствием средств связи; компетентностными; финансовыми. Эти компоненты в структуре понятия соотносятся со следующими значениями прилагательного *доступный*: «Доступный – 3. *перен.* Легкий для понимания» (БУСРЯ); «2. легко воспринимаемый» (АСРЯ-3); «Доступный – 4. такой, который соответствует силам, способностям, возможностям кого- или чего-либо» (БУСРЯ); «Доступный – 1.2. недорогой» (АСРЯ-3); «4.1. Такой, который стоит недорого и который поэтому многие могут приобрести, небольшой в стоимостном отношении» (БУСРЯ). В НКРЯ находим следующие контексты, актуализирующие семантику транспарентности как доступности чего-либо:

(30) Участники форума приняли резолюцию... где отмечается центральная роль парламентов в области демократии и необходимость в представительных, **транспарентных, доступных**, подотчетных и эффективных институтах на всех уровнях (НКРЯ: Комитет ГА ООН одобрил три российских проекта резолюций // РИА Новости. 2018);

(31) Страны-члены МАГАТЭ призывают КНДР... сделать свои ядерные программы **транспарентными**, поддающимися верификации и **доступными** экспертам МАГАТЭ (НКРЯ: МАГАТЭ призвало КНДР немедленно приступить к выполнению всеобъемлющей программы атомной безопасности // РИА Новости. 2003).

Публичность, по данным лингвистических словарей, является синонимом к словам *открытость* и *гласность* (ср.: «Публичный [от *лат.* *publicus* – общественный]. 1. Осуществляемый в присутствии публики; открытый,

гласный. 2. Предназначенный для публики, общества; общественный» (БУСРЯ), однако с позиции субъектно-объектных отношений понятие публичности близко понятиям прозрачности и доступности. Существительное *публичность* предполагает в своей семантике обязательное наличие объекта информирования, а именно – широкой публики, ср.:

(32) Мы воспользовались нашим председательством в Совбезе в мае этого года... чтобы повысить **транспарентность** работы Совбеза при помощи высококачественных виртуальных **встреч, которые транслировались в прямом эфире настолько широко, насколько это было возможно** (НКРЯ: Ответ ЕС должен быть настолько сильным, насколько это возможно // Коммерсант. 2020).

Единицей, которая актуализирует внимание более на объекте, нежели субъекте информирования, является существительное *гласность*. Гласность предполагает не только доступность информации (ср. значение слова: «Гласность – Такое положение дел в государстве или обществе, при котором любой человек может узнать обо всем, что происходит в социальной важной сфере, из СМИ» (АСРЯ-2)), но в первую очередь – возможность отклика, реакции общества на какие-либо социально значимые события, что подтверждается следующей словарной дефиницией: «Гласность – политика открытой и полной информации о любой общественно значимой деятельности и возможности ее свободного и широкого обсуждения; один из принципов демократического общества» (БТСРС).

В материалах, собранных в НКРЯ, имеется один контекст, в котором наблюдается семантическая близость слов *транспарентность* и *ясность*, ср.:

(33) Подлинная транспарентность – это ясность намерений и объяснение совершаемых регулятором действий, чего пока недостает (НКРЯ: \$55 млн в упаковку // Ведомости. 2005).

В приведенном контексте *транспарентность* семантизируется посредством слова *ясность*. Сочетания *ясность намерений* и *объяснение совершаемых действий* актуализируют смысловой компонент интенциональной открытости адресанта по отношению к объекту информирования.

Анализ контекстов из НКРЯ позволяет выделить еще один смысловой компонент в понимании транспарентности как семантической категории – предполагаемое равноправие участников взаимодействия: открытость и гласность возможны в ситуации взаимного уважения и паритетности субъекта информирования и его объекта, воспринимаемого скорее как субъект, ср.:

(34) Но такие темы подлежат всенародному обсуждению. Во многих странах этот вопрос уже давно решается на основе принципа открытости (**транспарентности**): сначала законопроекты тщательно **обсуждаются** в профессиональном сообществе и (**публично!**) в обществе в целом, затем следуют **дискуссии** (вместе с независимыми юристами) во фракциях и профильных комиссиях парламента, и только после этого законопроект выносится на общие парламентские дискуссии (НКРЯ: Грудцына Л. К вопросу об отмене всенародных выборов губернаторов // Адвокат. 2004).

Феномен транспарентности тесно связан с понятием доверительности, поскольку открытость субъекта информирования возможна при уверенности в честности и добросовестности его объекта, что отражено в лексическом значении существительного *доверие*, ср.: «Доверие – 1.0. Уверенность в чьей-либо искренности, честности, добросовестности; 1.1. Открытость в какой-либо, обычно военной, реже политической сфере, сфере международных отношений» (БУСРЯ). Сближение слов *транспарентность* и *доверие* в одном контексте демонстрируют примеры из НКРЯ (всего 69 контекстов), например:

(35) В ЕС призвали добиваться дальнейшего сокращения запасов ядерного оружия, а также укреплять **доверие** и **транспарентность** между странами в данном вопросе (НКРЯ: ЕС положительно оценил продление ДСНВ между Россией и США // Ведомости. 2021);

(36) Это соглашение позволяет странам... осуществлять разведывательные полеты над территориями друг друга с целью укрепления **транспарентности** и взаимного **доверия** (НКРЯ: Наумов А., Черненко Е. Наш американский Байдушка // Коммерсант. 2020);

(37) Проект резолюции «Меры по обеспечению транспарентности и укреплению доверия в космической деятельности» рекомендует государ-

ствам – членам ООН «продолжать рассматривать и осуществлять на добровольной основе меры **транспарентности** и укрепления **доверия**...» (НКРЯ: Россия и Китай выступили за предотвращение гонки вооружений в космосе // РИА Новости. 2019).

Взаимное доверие субъектов информирования становится основной транспарентности, и наоборот:

(38) Если речь идет о взаимном **доверии**, развитии взаимодействия с целью совместной борьбы с общими угрозами, то ожидаем **транспарентности**, коллегиальности в принятии таких решений (НКРЯ: Лавров С. В. Пресс-конференция по итогам неформальной встречи министров иностранных дел Совета Россия – НАТО (2004) // Дипломатический вестник. 2004);

(39) Высокий уровень **транспарентности**, который продемонстрировали оба государства, укрепил уровень **доверия** к ним со стороны ЕС (НКРЯ: Двое на Cadbury // Ведомости. 2007).

Обобщая сказанное в данном разделе, отметим, что *транспарентность* является актуальным (новым) словом специального языка разных областей: политической, дипломатической, социальной, правовой, военной и экономической, а также сферы государственного управления. При этом транспарентность также выступает как когнитивно-коммуникативная категория. В процессе категоризации, который «являет собой классификационную деятельность... осуществляется объединение единиц, проявляющих в том или ином отношении сходство или характеризующихся как тождественные, в более крупные разряды» [Кубрякова и др., 1996, с. 93]. Категория транспарентности, отображающая особый тип субъектно-объектных и/или субъект-субъектных отношений в ситуации информирования, обобщает более частные понятия открытости, прозрачности, доступности, публичности, гласности, ясности. Таким образом, *транспарентность* как слово естественного языка является единицей синонимического ряда, которая хотя и имеет обобщенную семантику, но в силу стилистической маркированности не может выступать в качестве ядерной. Однако в языке для специальных целей и разных видах дискурса данное слово и обозначаемое им понятие приобретают категориальное значение и статус.

*Транспарентность
в лингвоаксиологическом аспекте*

Использование методов лексикографического, структурно-семантического, контекстуального, дискурсивного анализа языковых фактов показало, что категорию транспарентности можно рассматривать в собственно лингвистическом и когнитивном (когнитивно-дискурсивном, когнитивно-коммуникативном) аспектах. Это позволило выявить семантические / смысловые отношения между словами синонимического ряда и членами одной семантической категории. При этом *транспарентность* выступает стилистически маркированной единицей с обобщенной семантикой, отражающей наличие коммуникативного акта (ситуация информирования), субъектно-объектных или субъект-субъектных отношений (участники коммуникации). Синонимами являются единицы *открытость, прозрачность, доступность, публичность, гласность*, значительно реже – *ясность*. Отметим, что такие компоненты семантики, которые демонстрируют приоритет сферы общения и специфику предмета речи (тип информации), могут варьироваться в зависимости от дискурса: политического, дипломатического, экономического, юридического и т. д. Более ограниченной в употреблении является единица *гласность*, ставшая идеологемой в горбачевскую эпоху, ср.: «Гласность – 2. Демократический принцип свободы слова, провозглашенный в СССР в 1985 году одновременно с перестройкой» (АСРЯ-2).

Однако во всех дискурсах у слов данного ряда сохраняется семантика особой значимости передаваемой информации и ценности самой готовности сторон к передаче информации, что обуславливает наличие у этих единиц положительной коннотации, ср.:

(40) Наши страны привержены общим **ценностям**, что помогает нам находить совместные решения на основе таких **принципов партнерства**... как **транспарентность, предсказуемость, доверие и учет интересов друг друга** (НКРЯ: Визит Путина в США будет завершён встречей с Бушем // РИА Новости. 2005).

Доказательством аксиологической значимости транспарентности является высокая

частотность выражений с семантикой необходимости и долженствования, в которых слово *транспарентность* выступает в объектном значении, сочетаясь с глаголами, актуализирующими идею необходимости повышения уровня транспарентности между коммуникантами, ср. коллокации в НКРЯ: *выступать в интересах транспарентности и безопасности, выступать за открытость и транспарентность, надёжно гарантировать достоверность голосования и транспарентность выборов, достигать достаточно высокого уровня транспарентности, обеспечивать транспарентность, повысить уровень транспарентности, придерживаться нашей философии транспарентности, просить о транспарентности, проявлять должную степень транспарентности, содействовать большей открытости и транспарентности, требовать транспарентности, увеличивать транспарентность, укреплять доверие и транспарентность*.

Транспарентность сопрягается с понятиями честности и искренности в передаче информации и, как следствие, общественных отношениях, свидетельствует об отсутствии лживости и недоговоренности между коммуникантами. Это во многом обусловлено синонимичностью единиц *открытость, откровенность, искренность, честность*, ср. в «Словаре-тезаурусе синонимов русского языка»: «Откровенность, открытость, правдивость, прямота, прямолинейность, прямоуга, честность, чистосердечие» (СТСРЯ).

Нарушение принципа транспарентности в процессе коммуникации всецело осуждается, ср.:

(41) ВОЗ **«не смогла выполнить свою основную миссию**, которая заключается в распространении информации и **транспарентности»** (НКРЯ: Глава Минздрава США назвал ВОЗ ответственной за смерть людей от коронавируса // NEWSru.com. 2020);

(42) Не называя никакую страну конкретно, министр указал, что «как минимум одна страна-член организации **выставила на помешие обязательства** относительно **транспарентности»** (НКРЯ: Глава Минздрава США назвал ВОЗ ответственной за смерть людей от коронавируса // NEWSru.com. 2020);

(43) США подрывают цели обеспечения открытости, **транспарентности** и доверия в военной области из-за полного **неуважения к принципу транспарентности** и ответственности относительно важнейших испытаний (НКРЯ: Медведев раскрытил решение США выйти из ДОНа // Известия. 2020).

Указанные факты дают основания рассматривать категорию транспарентности как аксиологическую: транспарентность, будучи значимым свойством коммуникации, включается в систему ценностей современной общественной жизни; транспарентность в отношениях осмысливается как высшая ценность, обеспечивающая возможность диалога, взаимопонимания и, следовательно, мирного существования.

Транспарентность в когнитивно-психологическом аспекте

При рассмотрении категории транспарентности, актуализированной обычно в процессе информирования массовой аудитории, важен также когнитивно-психологический аспект, который отражает осознание готовности или неготовности субъектов коммуникации к передаче и получению информации. Л. Фестингер, основоположник теории когнитивного диссонанса, отмечает, что стремление человека к получению / поиску новой информации обусловлено конфликтом между имеющимся знанием (или не-знанием) и знанием новым, которое либо обогащает предыдущее и снижает когнитивный диссонанс, либо вступает в еще большую конфронтацию с имеющимся ранее знанием и усиливает диссонанс, заставляя реципиента искать пути избавления от когнитивно-психологического дискомфорта (чаще это путь избегания психологически конфликтной информации) [Фестингер, 2018, с. 161–171]. Осмысленная с точки зрения когнитивной психологии транспарентность зависит от мотивов и намерений как отправителя, так и получателя информации: первый участник коммуникации добровольно или вынужденно предоставляет доступ к информации, второй с разной степенью готовности ее воспринимает и, при определенных условиях, реагирует на нее. Психологическая мера доверительности и паритетности отношений между

участниками коммуникации определяет степень транспарентности: различие этих показателей у субъектов (или субъекта и объекта) групповой или массовой коммуникации обуславливает наличие или отсутствие когнитивного диссонанса и, как следствие, степень позитивных и/или негативных общественных настроений.

Заключение

Вышеизложенные факты свидетельствуют о вхождении новой единицы *транспарентность* в русский язык. Отмечено два пути заимствования слова из латинского: через французский язык (фонетический вариант – *транспарантный*, ныне устаревшее слово, родственно сохранившейся единице *транспарант*, претерпевшей сужение значения) и через английский язык (фонетический вариант – *транспарентный*, существует в современном русском языке). В процессе адаптации заимствованное слово *транспарентность* значительно расширило значение вплоть до категориального, связанного с процессами передачи, получения информации и реагирования общества на информационный повод. В лексической системе естественного языка *транспарентность* является единицей синонимического ряда (*транспарентность, открытость, прозрачность, доступность, публичность, гласность, ясность*), которая имеет наиболее обобщенную семантику, но в силу стилистической маркированности не может выступать в качестве ядерной. Результаты анализа контекстов употребления слов *транспарантный, транспарентность* позволили отметить, что эти единицы бытуют в разных научных и профессиональных сферах: не только в политике, политологии и дипломатии, как отмечается в современных словарях, но и в экономике, социологии, юриспруденции. В языке для специальных целей данное слово приобретает категориальное значение. Категория транспарентности на основании общности некоторых признаков объединяет понятия открытости, доступности, прозрачности, публичности, гласности, ясности.

В ходе исследования установлена связь лингвоментального феномена транспарентности со смежными понятиями доверия и рав-

ноправия, охарактеризована его аксиологическая и психологическая составляющие: транспарентность выступает одной из значимых в психологическом и речевом планах категорий коммуникации, включается в систему современных ценностей общественной жизни.

Реализованный в работе исследовательский вектор «от языка к категории» позволил описать сложную организацию феномена транспарентности и продемонстрировать необходимость его разностороннего анализа. Выделены аспекты, значимые для раскрытия сущности категории транспарентности: собственно лингвистический, лингвоаксиологический, когнитивный (когнитивно-дискурсивный, когнитивно-коммуникативный, когнитивно-психологический). Предложенная модель анализа может быть применима к рассмотрению иных «ключевых слов текущего момента», отражающих умонастроения и «языковой вкус эпохи».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее перевод с английского наш.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белослудцев А. Н., Дзюба Е. В. Релокация как социально-экономический и правовой институт // Россия в глобальном мире. Т. 26, вып. 2. С. 97–123. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.7
- Бабенко Л. Г., 2008. Лексикология русского языка. Екатеринбург : Урал. гос. ун-т. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/1689>
- Болдырев Н. Н., 2008. Принципы и методы когнитивных исследований // Принципы и методы когнитивных исследований языка : сб. науч. тр. Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина. С. 5–21.
- Голованова Е. И., Маджаева С. И., 2020. О словаре эпохи пандемии коронавируса // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филологические науки. № 7 (441), вып. 121. С. 28–47. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-10707
- Дзюба Е. В., 2023. Политический код в лексике «текущего момента» // Коммуникативные коды в межкультурном пространстве как средство формирования общегуманитарных компетенций человека нового поколения : материалы III Междисциплинар. науч. конф. М. : КДУ : Добросвет. С. 180–186.

- Комарова З. И., 2012. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. Екатеринбург : Изд-во УрФУ. 818 с.
- Кубрякова Е. С., Демьянков И. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г., 1996. Краткий словарь когнитивных терминов. М. : Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова. 245 с.
- Кузнецова Э. В., 1989. Лексикология русского языка. М. : Высш. шк. 216 с.
- Плотникова А. М., 2023. Нейросеть как ключевое слово текущего момента // Филологический класс. Т. 28, № 2. С. 45–54.
- Фестингер Л., 2018. Теория когнитивного диссонанса. М. : Эксмо. 256 с.
- Шайбакова Д. Д., 2023. Лексическая объективация понятия «перемещающиеся лица» : Словарь Д. Н. Ушакова и современная лексикографическая практика // Филологический класс. Т. 28, № 4. С. 349–366. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-349-366
- Шмелева Т. В., 1993. Ключевые слова текущего момента // Collegium. № 1. С. 33–41.
- Belosludtsev A., Dziuba E., Solopov D., Solopova O. The Term “Relocation”: Meaning, Form, and Function in Russian and English (Corpus-Based Research) // Springer Geography. P. 5–285. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-50407-5_22 https://doi.org/10.1007/978-3-031-50407-5_22

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Абдалова – Абдалова Е. Б. Финансовая отчетность и транспарентность информации // Архитектура финансов: антикризисные финансовые стратегии в условиях глобальных перемен. СПб. : СПбГЭУ, 2016. С. 179–182.
- АСРЯ-2 – Активный словарь русского языка. Т. 2 / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М. : Яз. слав. культуры, 2014. 736 с.
- АСРЯ-3 – Активный словарь русского языка. Т. 3 / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. 786 с.
- Багауетдинова – Багауетдинова А. И. Соотношение понятий гласность, открытость, транспарентность, публичность: отдельные аспекты применения // Человек. Социум. Общество. 2022. № 14. С. 96–101.
- БТСРС – Большой толковый словарь русских существительных : Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-Пресс Книга, 2005. 864 с.
- БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. URL: <https://>

- gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar
- БУСРЯ* – Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачева, Н. М. Луцкая. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-universalnyj-slovar-russkogo-yazyka>
- Дворецкий* – Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М. : Рус. яз. : Медиа, 2006. 843 с.
- Договор* – Договор о Евразийском экономическом союзе // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/03e97de4e4c59108923975a11a1b8c6289fb3062/
- Ефремова* – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Рус. яз., 2000. URL: <https://www.efremova.info/>
- Залетный* – Залетный А. А. Транспарентность как ключевая проблема российской экономики // *Философия хозяйства*. 2015. № 1 (97). С. 176–186.
- Кожушко* – Кожушко С. В. Принцип транспарентности бюджетного права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 204 с.
- Лапина, Карпухин* – Лапина М. А., Карпухин Д. В. К вопросу об использовании дефиниций «транспарентность» и «открытость» применительно к институту государственной службы в Российской Федерации // *Вестник Административного права и практика администрирования*. 2015. № 5. С. 17–33. DOI: 10.7256/2306-9945.2015.5.17507
- Мальшикина, Лачина* – Мальшикина Д. А., Лачина Е. А. Электронное правосудие как новый стандарт транспарентности деятельности судебной власти // *Стратегическое управление: теория, практика, проблемы*. Владимир : Владим. фил. РАНХиГС, 2017. С. 161–165.
- НКРЯ* – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>
- Осеева* – Осеева Е. А. Транспарентность – принцип гражданского судопроизводства // *Марицкий юридический вестник*. 2015. № 2 (13). С. 105–106.
- Пучкина, Рудаков* – Пучкина Е. С., Рудаков К. В. Взаимосвязь транспарентности и волатильности акций российских компаний // *Финансы и кредит*. 2009. № 25 (361). С. 25–30.
- Ревенко Л. С., Ревенко Н. С.* – Ревенко Л. С., Ревенко Н. С. Информационные цифровые платформы как фактор повышения транспарентности аграрных рынков // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2019. № 7. С. 21–33.
- Романчукевич, Лиманская* – Романчукевич В., Лиманская Е. Транспарентность Центрального банка и оценка его коммуникаций по вопросам монетарной политики // *Вестник Киевского национального университета имени Т. Шевченко. Экономика*. 2018. № 1 (196). С. 68–76. DOI: 10.17721/1728-2667.2018/196-1/10
- СИС* – Современный словарь иностранных слов / под ред. Л. П. Крысина. М. : АСТ-Пресс, 2021. 416 с.
- СТРП* – Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. : Словари, 2016. 785 с.
- СТСРЯ* – Словарь-тезаурус синонимов русского языка / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2023. 448 с.
- Талапина* – Талапина Э. В. Транспарентность публичной власти // *Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы*. 2019. № 5/6. С. 19–24.
- ТСРЯ* – Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. 752 с.
- CEC* – Cambridge English Corpus. URL: <https://www.cambridge.es/en/about-us/cambridge-english-corpus>

REFERENCES

- Belosludtsev A.N., Dziuba E.V., 2023. Relokatsiya kak sotsialno-ekonomicheskij i pravovoy institut [Relocation as a Socio-Economic and Legal Institution]. *Rossiya v globalnom mire* [Russia in the Global World], vol. 26, iss. 2, pp. 97-123. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.7
- Babenco L.G., 2008. *Leksikologiya russkogo yazyka* [Lexicology of the Russian Language]. Yekaterinburg, Ural. gos. un-t. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/1689>
- Boldyrev N.N., 2008. Printsipy i metody kognitivnykh issledovaniy [Principles and Methods of Cognitive Research]. *Printsipy i metody kognitivnykh issledovaniy yazyka: sb. nauch. tr.* [Principles and Methods of Cognitive Language Research. Collection of Scientific Works]. Tambov, Izd. dom TGU im. G.R. Derzhavina, pp. 5-21.
- Golovanova E.I., Madzhaeva S.I., 2020. O slovare epokhi pandemii koronavirusa [About the Dictionary During the Coronavirus Pandemic]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philological Sciences], no. 7 (441), iss. 121, pp. 28-47. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-10707
- Dziuba E.V., 2023. Politicheskij kod v leksike «tekushchego momenta» [Political Code in the Lexicon of the “Current Moment”]. *Kommunikativnye kody v mezhkul'turnom*

- prostranstve kak sredstvo formirovaniya obshchegumanitarnykh kompetentsiy cheloveka novogo pokoleniya: materialy III Mezhdistsiplinar. nauch. konf.* [Communicative Codes in Intercultural Space as a Means of Forming General Humanitarian Competences of a New Generation of Human Beings]. Moscow, KDU, Dobrosvet Publ., pp. 180-186.
- Komarova Z.I., 2012. *Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Methodology, Method, Methodology and Technology of Scientific Research in Linguistics]. Yekaterinburg, Izd-vo UrFU. 818 p.
- Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrats Yu.G., Luzina L.G., 1996. *Kratkiy slovar kognitivnykh terminov* [Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, Filol. fak. MGU im. M.V. Lomonosova. 245 p.
- Kuznecova E.V., 1989. *Leksikologiya russkogo yazyka* [Lexicology of the Russian Language]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 216 p.
- Plotnikova A.M., 2023. Neyroset kak klyuchevoe slovo tekushchego momenta [Neural Network as a Keyword of the Current Moment]. *Filologicheskiy klass* [Philological Class], vol. 28, no. 2. pp. 45-54.
- Festinger L., 2018. *Teoriya kognitivnogo dissonansa* [Theory of Cognitive Dissonance]. Moscow, Eksmo Publ. 256 p.
- Shaybakova D.D., 2023. Leksicheskaya obyektivatsiya ponyatiya «peremeshchayushchiesya litsa»: Slovar D.N. Ushakova i sovremennaya leksikograficheskaya praktika [Lexical Objectification of the Concept of “Moving Persons”: D. N. Ushakov’s Dictionary and Modern Lexicographic Practice]. *Filologicheskiy klass* [Philological Class], vol. 28, no. 4, pp. 349-366. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-349-366
- Shmeleva T.V., 1993. Klyuchevye slova tekushchego momenta [Keywords of the Moment]. *Collegium*, no. 1, pp. 33-41.
- Belosludtsev A., Dziuba E., Solopov D., Solopova O., 2024. The Term “Relocation”: Meaning, Form, and Function in Russian and English (Corpus-Based Research). *Springer Geography*, pp. 5-285. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-50407-5_22 https://doi.org/10.1007/978-3-031-50407-5_22
- finansov: antikrizisnye finansovye strategii v usloviyakh globalnykh peremen* [Architecture of Finance: Anti-Crisis Financial Strategies in the Context of Global Changes]. Saint Petersburg, SPbGEU, 2016, pp. 179-182.
- Apresyan Yu.D., ed. *Aktivnyy slovar russkogo yazyka. T. 2* [Active Dictionary of the Russian Language. Vol. 2]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ., 2014. 736 p.
- Apresyan Yu.D., ed. *Aktivnyy slovar russkogo yazyka. T. 3* [Active Dictionary of the Russian Language. Vol. 3]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 786 p.
- Bagauetdinova A.I. Sootnoshenie ponyatiy glasnost, otkrytost, transparentnost, publichnost: otdelnye aspekty primeneniya [Correlation of the Concepts of Glasnost, Openness, Transparency, and Publicity: Some Aspects of Application]. *Chelovek. Sotsium. Obshchestvo* [Man. Socium. Society], 2022, no. 14, pp. 96-101.
- Babenko L.G., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkikh sushchestvitelnykh: Ideograficheskoe opisaniye. Sinonimy. Antonimy* [Large Explanatory Dictionary of Russian Nouns. Ideographic Description. Synonyms. Antonyms]. Moscow, AST-Press Kniga Publ., 2005. 864 p.
- Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar>
- Morkovkin V.V., Bogacheva G.F., Lutsкая N.M. *Bolshoy universalnyy slovar russkogo yazyka* [Large Universal Dictionary of the Russian Language]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-universalnyj-slovar-russkogo-yazyka>
- Dvoretzkiy I.Kh. *Latinsko-russkiy slovar* [Latin-Russian Dictionary]. Moscow, Rus. yaz. Publ., Media Publ., 2006. 843 p.
- Dogovor o Evraziyskom ekonomicheskom soyuze [Treaty on the Eurasian Economic Union]. *KonsultantPlyus* [ConsultantPlus]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/03e97de4e4c59108923975a11a1b8c6289fb3062
- Efremova T.F., 2000. *Novyy slovar russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyy* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-Formation Dictionary]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 2000. URL: <https://www.efremova.info/>
- Zaletnyy A.A. Transparentnost kak klyuchevaya problema rossiyskoy ekonomiki [Transparency as a Key Problem of the Russian Economy]. *Filosofiya khozyaystva* [Philosophy of Economy], 2015, no. 1 (97), pp. 176-186.
- Kozhushko S.V. *Printsip transparentnosti byudzhethnogo prava: dis. ... kand. yurid. nauk*

SOURCES AND DICTIONARIES

Abdalova E.B. Finansovaya otchetnost i transparentnost informatsii [Financial Reporting and Transparency of Information]. *Arkhitektura*

- [The Principle of Transparency of Budgetary Law. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2021. 204 p.
- Lapina M.A., Karpukhin D.V. K voprosu ob ispolzovanii definitsiy «transparentnost» i «otkrytost» primenitelno k institutu gosudarstvennoy sluzhby v Rossiyskoy Federatsii [On the Use of Definitions “Transparency” and “Openness” in Relation to the Institution of Public Service in the Russian Federation]. *NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya* [NB: Administrative Law and Practice of Administration], 2015, no. 5, pp. 17-33. DOI: 10.7256/2306-9945.2015.5.17507
- Malysheva D.A., Lachina E.A. Elektronnoe pravosudie kak novyy standart transparentnosti deyatelnosti sudebnoy vlasti [E-Justice as a New Standard of Transparency of the Judiciary]. *Strategicheskoe upravlenie: teoriya, praktika, problemy* [Strategic Management: Theory, Practice, Problems]. Vladimir, Vladim. fil. RANKhiGS, 2017, pp. 161-165.
- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/>
- Oseeva E.A. Transparentnost – printsip grazhdanskogo sudoproizvodstva [Transparency – The Principle of Civil Proceedings]. *Mariyskiy yuridicheskiy vestnik* [Mariyskiy Juridical Bulletin], 2015, no. 2 (13), pp. 105-106.
- Puchkina E.S., Rudakov K.V. Vzaimosvyaz transparentnosti i volatilnosti aktsiy rossiyskikh kompaniy [Interrelation of Transparency and Volatility of Russian Companies’ Shares]. *Finansy i kredit* [Finance and Credit], 2009, no. 25 (361), pp. 25-30.
- Revenko L.S., Revenko N.S. Informatsionnye tsifrovye platformy kak faktor povysheniya transparentnosti agrarnykh rynkov [Information Digital Platforms as a Factor in Increasing the Transparency of Agricultural Markets]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], 2019, no. 7, pp. 21-33.
- Romanchukevich V., Limanskaya E. Transparentnost Tsentralnogo banka i otsenka ego kommunikatsiy po voprosam monetarnoy politiki [Transparency of the Central Bank and Evaluation of Its Communications on Monetary Policy]. *Vestnik Kievskogo natsionalnogo universiteta imeni T. Shevchenko. Ekonomika* [Bulletin of Taras Shevchenko Kyiv National University. Economics], 2018, no. 1 (196), pp. 68-76. DOI: 10.17721/1728-2667.2018/196-1/10
- Krysin L.P., ed. *Sovremennyy slovar inostrannykh slov* [Modern Dictionary of Foreign Words]. Moscow, AST-Press, 2021. 416 p.
- Babenko L.G., ed. *Slovar-tezaurus russkikh prilagatelnykh, raspredelennykh po tematicheskim gruppam* [Dictionary-Thesaurus of Russian Adjectives Distributed by Thematic Groups]. Moscow, Slovri Publ., 2016. 785 p.
- Babenko L.G., ed. *Slovar-tezaurus sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary-Thesaurus of Synonyms of the Russian Language]. Moscow, AST-PRESS SHKOLA Publ., 2023. 448 p.
- Talapina E.V. Transparentnost publichnoy vlasti [Transparency of Public Authority]. *Predstavitelnaya vlast – XXI vek: zakonodatelstvo, kommentarii, problemy* [Representative Power – 21st Century: Legislation, Comments, Problems], 2019, no. 5/6, pp. 19-24.
- Ushakov D.N., ed. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka. V 4 t. T. 4* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols. Vol. 4]. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1940. 752 p.
- Cambridge English Corpus*. URL: <https://www.cambridge.es/en/about-us/cambridge-english-corpus>

Information About the Author

Elena V. Dziuba, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Higher School of International Relations, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Politekhnicheskaya St, 29, 195251 Saint Petersburg, Russia, elenacz@mail.ru, dzyuba_ev@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

Информация об авторе

Елена Вячеславовна Дзюба, доктор филологических наук, профессор Высшей школы междисциплинарных отношений, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, ул. Политехническая, 29, 195251 г. Санкт-Петербург, Россия, elenacz@mail.ru, dzyuba_ev@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

СИМУЛЯТИВНЫЕ И КОНФЛИКТОГЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ ПРАКТИКИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.7>

UDC 81'42:005.57

LBC 81.055.1

Submitted: 15.01.2024

Accepted: 09.04.2024

**COMMUNICATION SIMULATION:
ON THE DEVELOPMENT OF THE INTERPERSONAL MODEL**

Olga V. Zaytseva

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Pavel A. Katyshev

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Petr K. Ivanov

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to developing an interpersonal model of communicative simulations constituted by a series of communicative practices within which various forms of social interaction are reproduced. The theoretical basis of the work was the study of the concepts of “Model/Simulacrum” and “Mimesis” in philosophy and narratology. The methodological approach proposed within the study was aimed at parameterizing interpersonal interaction in a communicative simulation through establishing the structure of interaction, its participants and the roles they actualize. Based on the model proposed, a typology of communicative simulations was suggested. Three types of communicative simulations were identified: narrative simulation, simulation for entertainment purposes, and falsification. The first type of communicative simulations (the narrative one) is the indirect interaction between the sender of a message (concrete or abstract author, narrator) and its recipient (concrete or abstract reader). The communicative practices of simulations of the first type include ASMR videos and fake news. The second type (simulation for entertainment purposes) involves the interaction of communicants within a fictional world. The participants in the interaction are a particular sender/recipient of a message, an abstract sender/recipient of a message, and avatars (characters). The communicative practices of simulations of the second type include sexting and role-playing games. The third type (falsification of social practice) is the interaction in which one of the participants is unaware of being involved in a communicative simulation. The participants in the interaction are a specific author of the simulation, a specific recipient of the message, an abstract author/recipient of the message, and an avatar, which is a social mask of the author of the simulation. The communicative practices of simulations of the third type include telephone fraud.

Key words: discourse, interpersonal model, simulations, simulacrum, mimesis, narrative instances.

Citation. Zaytseva O.V., Katyshev P.A., Ivanov P.K. Communication Simulation: On the Development of the Interpersonal Model. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 3, pp. 80-92. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.7>

УДК 81'42:005.57

ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 15.01.2024

Дата принятия статьи: 09.04.2024

**КОММУНИКАТИВНАЯ СИМУЛЯЦИЯ:
К РАЗРАБОТКЕ ИНТЕРПЕРСОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ**

Ольга Валерьевна Зайцева

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Павел Алексеевич Катышев

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Петр Константинович Иванов

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена разработке интерперсональной модели коммуникативных симуляций – ряда коммуникативных практик, в рамках которых воспроизводятся различные формы социального взаимодействия. Теоретическим базисом работы стали исследования понятий «модель / симулякр» и «мимесис» в философии и нарратологии. О.В. Зайцевой была предложена методологическая концепция исследования, направленная на параметризацию интерперсонального взаимодействия в коммуникативной симуляции через установление структуры взаимодействия, его участников и актуализируемых ими ролей. На основании данной модели П.А. Катышевым и П.К. Ивановым была проведена типологизация коммуникативных симуляций. Выделено три типа коммуникативных симуляций: симуляция-нарратив, симуляция в развлекательных целях, фальсификация. Симуляцию-нарратив следует рассматривать как опосредованное взаимодействие отправителя сообщения (конкретного или абстрактного автора, нарратора) и его получателя (конкретного или абстрактного читателя). К коммуникативным практикам первого типа относятся ASMR-видео и новостные фейки. Симуляция в развлекательных целях предполагает взаимодействие коммуникантов в рамках вымышленного мира. В качестве участников взаимодействия выступают конкретный отправитель / получатель сообщения, абстрактный отправитель / получатель сообщения, аватары (персонажи). В число коммуникативных практик симуляций второго типа входят секстинг и сюжетно-ролевая игра. Под фальсификацией социальной практики понимается взаимодействие, в котором один из участников общения не подозревает о том, что вовлечен в коммуникативную симуляцию. Участниками взаимодействия являются конкретный автор симуляции, конкретный получатель сообщения, абстрактный автор / получатель сообщения, аватар (то есть социальная маска автора симуляции). В качестве примера коммуникативных практик симуляции третьего типа можно назвать телефонное мошенничество.

Ключевые слова: дискурс, интерперсональная модель, симуляции, симулякр, мимесис, повествовательные инстанции.

Цитирование. Зайцева О. В., Катышев П. А., Иванов П. К. Коммуникативная симуляция: к разработке интерперсональной модели // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 80–92. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.7>

Введение

Под коммуникативными симуляциями понимается ряд коммуникативных практик, в рамках которых воспроизводятся различные формы социального взаимодействия. Данный термин является авторским [Зайцева, Катышев, 2023] и пока не закрепился в научной литературе.

В настоящее время в лингвистике существует небольшое количество работ, посвященных исследованию частных случаев проявления коммуникативных симуляций: ASMR-роликов [Шкарин, 2018; Harper, 2019], информационных фейков [Пром, 2020], телефонного и e-mail-мошенничества [Жмуров, 2023; Колмогорова, 2012; Литвинова, 2023], фишинга [Фенина, 2017] и секстинга [Зайцева, 2019; 2020; Социальные сети..., 2021]. Однако эти работы не позволяют сформировать систем-

ный взгляд на структурно-содержательные и когнитивно-семантические особенности симуляционного дискурса, поскольку неисследованными остаются составляющие моделирования взаимодействия: его стратегическая динамика и стратегические ресурсы, контекстуализация значения и действующие сценарии представленного дискурса. Изучение коммуникативных симуляций обусловлено потребностью в систематизации научного знания о рассматриваемом социально-дискурсивном феномене и выделении спектра характеристик, присущих как этому явлению в целом, так и его отдельным вариациям.

Таким образом, цель данной статьи состоит в параметризации интерперсонального взаимодействия коммуникативных симуляций. Цель исследования достигается посредством решения следующих задач: определения и характеристики дискурса коммуникативных

симуляций; установления понятия коммуникативной симуляции; ее моделирования в аспекте интерперсональности; выявления способов и принципов ее организации.

Материал и методы

Коммуникативные симуляции обладают способностью к конституированию автономной вымышленной реальности. Конституируемая симуляцией реальность отражается в действительности (1) на уровне физических ощущений, формирующих особый психоэмоциональный опыт, и/или (2) на уровне социальных отношений, положительно / отрицательно влияющих на качество социального взаимодействия. Текст симуляции обладает структурно-содержательным и функциональным сходством с фикциональным текстом – в организации коммуникативной модели, механизмах конституирования фиктивного мира, его фикциональных и эстетических характеристиках, а также ролевой структуре. Так, по словам В. Шмида, художественные тексты учреждают вымышленный мир через рассказ о нем [Шмид, 2003, с. 23]. Следовательно, для изучения коммуникативных симуляций и способности симулятивных текстов к репрезентации явлений социальной действительности необходимо обратиться к теории организации и функционирования фикционального дискурса.

В нарратологии фикциональные тексты противопоставлены фактуальным текстам. В фактуальных текстах между высказыванием и событиями объективного мира устанавливается связь, регулируемая и поддерживаемая прагматическими правилами. При этом в соотношении «высказывание – действительность» высказывание является вторичным элементом и может не соответствовать фактам действительности. В фикциональном повествовании задействуется арсенал средств / инструментов, направленных на конституирование внутритекстовой реальности. Согласно исследованию Р.В. Черкасова, элементами фикционального текста выступают тематические единицы, реализующие смысловое содержание и прагматическую направленность высказывания [Черкасов, 2007]. Составляя основу фикционального повествования, они приобретают статус фиктивных, так как от-

носятся исключительно к внутритекстовым референтам. В. Шмид отмечает, что фиктивный характер конституированной реальности проявляется на всех уровнях: 1) в повествуемом мире (через образы персонажей, их действия, ситуации, события и пр.); 2) на уровне нарратора и подразумеваемого им читателя (реципиента и адресата); 3) на уровне повествования (через повествовательный акт) [Шмид, 2003].

В создании художественного нарратива задействованы как языковые, так и когнитивные ресурсы, отражающие знания повествующего (автора фикционального текста) о реальном мире, в том числе о социальных феноменах. Иными словами, конституируемый повествуемый мир возникает вследствие репрезентации реальности, представляет собой мыслительную модель возможной действительности и является миметичным. При этом подражательный механизм действует как *за счет поддержания внешнего сходства* (внешний мимесис) – через воссоздание действительности в различных ее формах и отношениях, так и *внутри произведения* (внутренний мимесис) – благодаря автореферентности фикционального текста. Таким образом, конституирование фиктивного мира реализуется не только текстуально – через повествование о лицах (персонажах), их действиях и событиях, направленных на детализацию вообразимой реальности и ее подкрепление, но и интертекстуально – за счет репликации существующих дискурсивных систем (мимесис дискурсивных систем [Черкасов, 2007], межпроизведенческий мимесис [Подорога, 2006]).

Повествовательный акт реализует также эстетическую установку, носителем которой является автор фикционального текста и смыслы которой актуализируются посредством соблюдения тематического единства, жанрового и стилистического своеобразия текста, высвобождающего семантический потенциал формальных и содержательных единиц. Повествование раскрывается в последовательности поступков персонажей. По мнению В. Шмида, в опосредованном взаимодействии автора и читателя воздействие на последнего осуществляется за счет актуализации разных по своей природе воспринимающих сил (познавательной и чувственной

форм восприятия) [Шмид, 2003], что наделяет конституируемые смыслы способностью вступать в новые связи и образовывать сложное эстетическое содержание.

В целом фикциональный и эстетичный характер повествования не допускает полноценного соотношения фиктивных смыслов с реальностью и концентрирует внимание читателя на содержательной стороне повествовательного акта. Его многослойностью, поддерживаемой за счет смены модусов нарративности, сочетающих процедурно-семантический аспект повествования (диегезис) и пластичность (изобразительность) словесных образов (экфрасис), обеспечивается нарративно-дескриптивное единство и создается иллюзия правдивости конституируемого мира [Андреева, Белобородько, 2016]. Через фикциональный текст автор вовлекает читателя в «кооперативную игру воображения» [Чемодурова, 2014] и создает игровой конструкт, выстраиваемый и действующий по определенным правилам. Читатель (адресат / реципиент) с опорой на фикциональный текст пытается реконструировать ментальную модель вымышленного мира. При этом он вынужден придерживаться «конвенции пассивности» [Чемодурова, 2014], то есть не оспаривать факты конституируемого вымысла. При анализе информации читатель исходит из правил фикционального мира, в рамках которого она представлена как достоверная.

Результаты и обсуждение

Коммуникативное пространство фикционального текста включает план повествования (участники взаимодействия выступают повествующими субъектами) и план повествуемой истории (аватары, или персонажи, управляемые участниками взаимодействия, общаются друг с другом в рамках конструируемого сюжета) [Падучева, 1996, с. 203; Шмид, 2003, с. 46–54]. Художественная деятельность обладает сложным производительным характером. Литературное произведение представляет собой (по В. Шмиду) многоуровневый конструкт, состоящий:

1) из изображаемого мира – вымышленного мира, содержащего фоновую информацию о мире произведения, его истории, культуре, традициях и других деталях, выводимых из повествования;

2) повествуемого мира – повествования, созданного нарратором и включающего в себя рассказ о событиях, лицах (персонажах) и их действиях;

3) цитируемого мира – повествования внутри повествования, созданного нарратором или третьим лицом (персонажем) и включающего в себя рассказ о событиях, лицах (персонажах) и их действиях. Этот уровень является факультативным (см. рис. 1).

Таким образом, структуру изображаемого и повествуемого мира составляют повествовательный акт, нарратор как лицо, которому приписывается повествовательный акт, и персонажи как ось событийного каркаса произведения, способствующие развитию сюжета и конституированию изображаемого мира.

Стороны взаимодействия (сторона отправителя сообщения и сторона получателя сообщения) проявлены на всех уровнях литературного произведения.

В концепции В. Шмида выделяются следующие участники фикциональной коммуникации: 1) сторона отправителя – конкретный автор, абстрактный автор, фиктивный нарратор; 2) сторона получателя сообщения – конкретный читатель, абстрактный читатель, фиктивный читатель. При этом фигура получателя сообщения отражена функционально (через фигуру реципиента) и интенционально (через фигуру адресата). В нарратологии под адресатом принято понимать получателя сообщения, предполагаемого отправителем; под реципиентом – фактического получателя сообщения [Шмид, 2003].

Однозначными фигурами в коммуникации выступают фигуры конкретного автора и конкретного читателя. Под ними подразумеваются реальные лица, выступающие в качестве создателя произведения (конкретный автор) и его реципиентов, существующих независимо от фикционального текста (конкретный читатель) (см. модель внешней коммуникации [Schmid, 1973, S. 22]).

При этом коммуникация между конкретным автором и конкретным читателем опосредована. Представление об отправителе или получателе сообщения формируется на уровне повествования: в творческом произведении читатель и автор взаимодей-

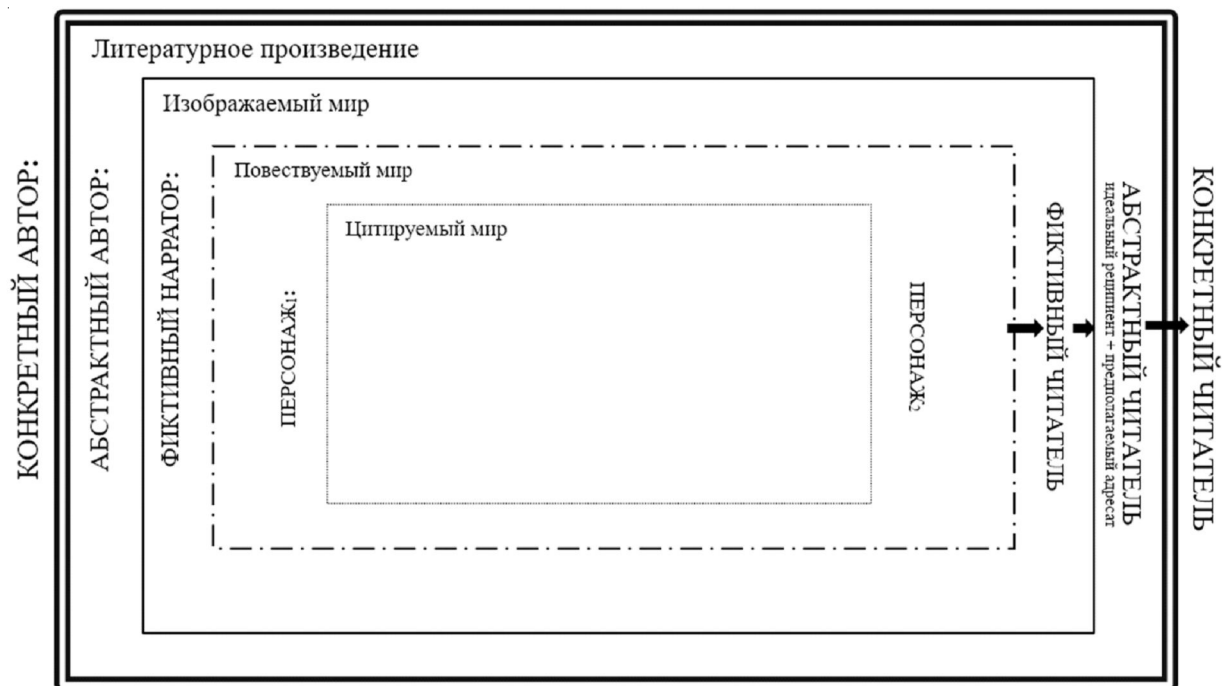

Рис. 1. Организация уровней повествования в фикциональном тексте В. Шмида

Fig. 1. Organization of narrative levels in a fictional text by V. Schmid

Примечание. Источник: [Шмид, 2003, с. 40]. На рисунках 1–4 использованы следующие обозначения: «:» – создает; «→» – направлено к...

Note. Source: [Schmid, 2003, p. 40]. The following symbols are used in Figures 1–4: “:” – creates; “→” – directed towards...

ствуют только с образами друг друга. Тем самым в фикциональном тексте фигуры автора и читателя абстрактны, то есть представляют собой имплицитно существующие в произведении конструкты, выводимые через семиотические акты. Абстрактный автор реконструируется читателем на основании осмысления фикционального текста как продукта творческой деятельности конкретного автора (подробно о фигуре абстрактного автора см.: [Шмид, с. 2003, с. 41–57]). При этом в фигуре абстрактного читателя отражено представление конкретного автора о предполагаемом адресате как носителе культурных и идеологических норм, актуализируемых в фикциональном тексте через постулируемые идеи и коды [Шмид, 2003, с. 57–63]. Наконец, на уровне изображаемой коммуникации ключевой повествовательной фигурой является фигура нарратора, представляющая собой носителя повествовательной функции и сопоставимая с фигурой абстрактного автора (хотя не тождественная ей) [Шмид, 2003, с. 63–66].

Коммуникация в симулятивных практиках также состоит из повествовательных актов. Сюжет в симуляциях обладает временной и событийной структурами, а повествуемое актуализируется через опосредующего нарратора. Событийность, выстраиваемая в процессе воспроизведения социальной активности, направлена на проживание его участниками конструируемого сюжета. По характеру взаимодействия коммуникативные симуляции подобны сюжетно-ролевым играм или сценическому действию театрализованного представления. При этом образ соконструированного события в коммуникативных симуляциях в сравнении с художественным текстом ограничен объемом содержания (событийным рядом) и задействованного ресурса (инструментами коммуникативного воздействия, набор которых определяется каналом связи) и обладает упрощенной ролевой структурой (подробно см.: [Кривоносов, Шевченко, 2011]). В целом исследование симуляций может проводиться в рамках четырехкомпонентной структуры: 1) реализуемые коммуника-

тивные роли; 2) сюжет / содержание коммуникации и ее жанровое своеобразие; 3) правила / конвенциональный принцип организации взаимодействия; 4) реальные отношения акторов.

1. Реализуемые коммуникативные роли. Под коммуникативной ролью понимается совокупность коммуникативных действий, выполняемых индивидом в соответствии с конституируемым им социальным статусом в конкретном эпизоде коммуникации. Роль рассматривается как смысловой центр фикционального (а также сюжетно-игрового) взаимодействия, трансформирующий любое социальное действие в коммуникативное. С учетом выбранной роли определяется характер коммуникации и объем используемых ресурсов, выстраивается игровая ситуация и актуализируются игровые действия [Эльконин, 1999]. Использование предметов материального мира в представленном взаимодействии предполагает возможность замещения реального предмета через его переименование либо перенос действия на игровой предмет. Принцип актуализации ролей сохраняется также в ситуациях, когда непосредственное коммуникативное действие замещается виртуальным и становится опосредованным. В этом случае социальные действия акторов опредмечены символьным характером виртуальной среды. Определенность взаимодействия позволяет его участникам воспроизводить в коммуникации паттерны социальных ролей, не связанных с реальным социальным статусом коммуникантов [Петренко, 2015].

2. Сюжет / содержание коммуникации и ее жанровое своеобразие. Сюжет представляет собой разыгрываемую воображаемую (мнимую) ситуацию. В симуляции он является основанием для актуализации коммуникантом целенаправленного воздействия на сокоммуникантов / реципиентов. В качестве ключевых аспектов, определяющих динамику развития сюжета и характер содержания симуляции, выступают тематика взаимодействия, жанровые и стилистические особенности коммуникации. Тематическое своеобразие эпизода симуляции связано со сферами представления / описания социальной деятельности людей и их взаимодействия. Жанровое и стилистическое оформление ком-

муникации влияет на форму и последовательность актуализации игроподобных действий и на характер их эксплицированности, а также очерчивает границы проявления коммуникативных ролей.

3. Правила / конвенциональный принцип организации взаимодействия. Игровые действия и поведение акторов в рамках выбранной роли подчинены правилу / своду правил, детерминированных коммуникативной ситуацией. Под термином «конвенция» понимается совокупность правил и норм, регулирующих социальную активность индивидов в конкретном социуме. Коммуникативный аспект конвенционального поведения определяется коммуникативными ролями и дискурсивными сценариями, предписывающими коммуникантам определенный формат взаимодействия. Воспроизведение (моделирование) социальной практики предполагает, что участники взаимодействия знакомы с тем, как в ее рамках протекает коммуникация и какое коммуникативное поведение является одобряемым и приемлемым. По мнению ряда исследователей, во время реализации социальной роли коммуниканты выстраивают свою коммуникативную стратегию согласно индивидуальному представлению о господствующих в лингвокультуре социальных стереотипах (например, о ситуации взаимодействия и коммуникативном поведении его участников) [Петренко, 2015; Каховская, 2019].

4. Реальные отношения акторов. Специфика реальных отношений акторов определяет игровое содержание, распределение ролей и коммуникативных ресурсов, обеспечивает контроль за развитием сюжета и корректную актуализацию ролей во время взаимодействия. Актуальный на момент взаимодействия статус отношений акторов задает тон коммуникации и определяет степень осознанности коммуникантов в момент ролевого взаимодействия. В ряде социальных практик, относящихся к дискурсу коммуникативной симуляции, участники взаимодействуют в рамках отведенных им ролей. В момент симуляции акторы не только отслеживают свое реальное состояние, но и конструируют состояние своего аватара, что обеспечивает им возможность наблюдать за процессом взаимодействия как изнутри, так и снаружи комму-

никации [Fine, 1983; Goffman, 1974]. Таким образом, наблюдается дистанцированность участников взаимодействия от их ролей, указывающая на отсутствие тождества между ними и их аватарами. Однако участие акторов в коммуникативных симуляциях предполагает установление определенного статуса отношений не только между их аватарами, но и между самими акторами. Например, моделирование сексуального взаимодействия (секстинг) возможно только в случае совпадения коммуникативных целей его участников либо в ситуации установления ими определенного типа межличностных отношений. В некоторых формах коммуникативных симуляций не предполагается, что до момента взаимодействия акторы были знакомы друг с другом (например, в ситуации телефонного мошенничества): в этом случае участник-реципиент с большей вероятностью примет эпизод коммуникативной симуляции за ситуацию реального взаимодействия.

Во многом коммуникативная структура симуляций подобна двухуровневому конструкту фикционального текста. Сходство обнаруживается как в уровне организации, включающей планы повествования и повествуемой

истории, так и в ролевой структуре, способствующей установлению коммуникативного контакта через повествовательные инстанции. Выделяются три типа коммуникативных симуляций (симуляция-нарратив, симуляция в развлекательных целях, фальсификация), каждый из которых обладает особенностями организации уровней интерперсонального взаимодействия. При этом принцип пассивности, реализуемый в отказе от оспаривания правил фиктивной реальности и характерный для прочтения фикционального текста, также соблюдается коммуникантами в момент симуляции.

Рассмотрим более подробно каждый из трех типов коммуникативного взаимодействия.

Тип I: симуляция-нарратив (примеры социальных практик – ASMR-ролик в жанре ролевого действия, новостной фейк) (рис. 2). По характеру организации уровней интерперсонального взаимодействия данный тип симуляций максимально приближен к уровневой организации повествования фикционального текста. Участниками взаимодействия являются автор, или отправитель сообщения, и реципиент, или читатель / зритель. Автор задает сюжетный фрейм, отводит читателю оп-

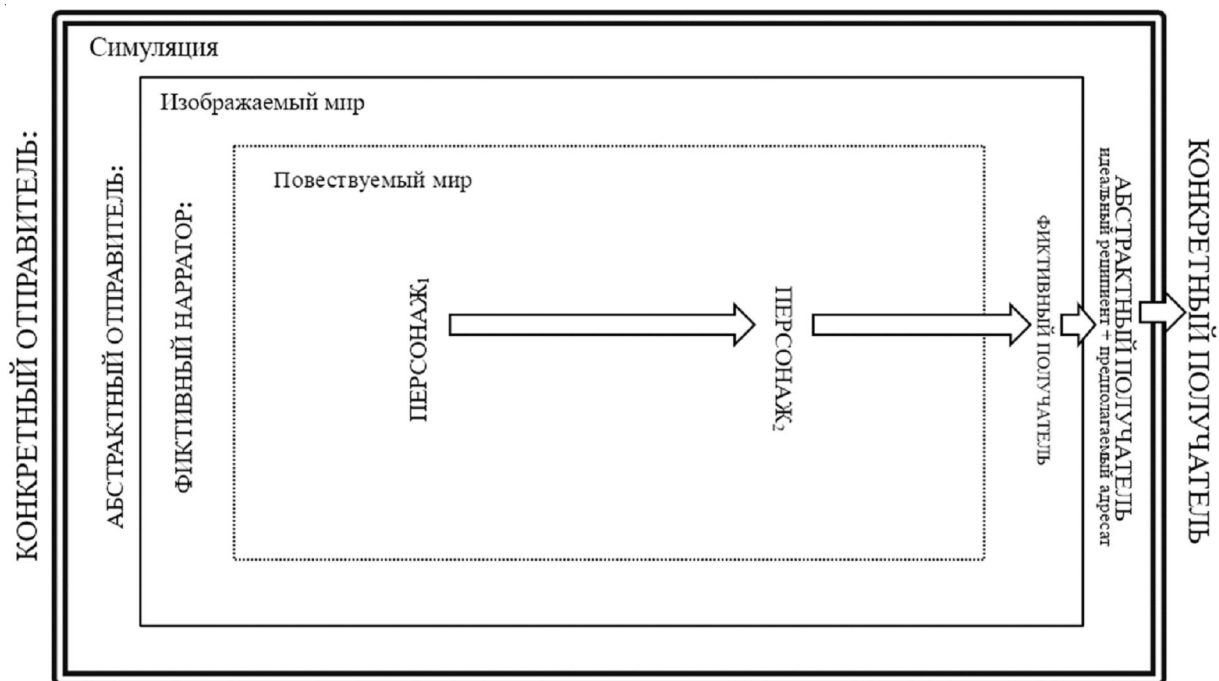

Рис. 2. Организация уровней интерперсонального взаимодействия коммуникативных симуляций типа I

Fig. 2. Organization of interpersonal interaction levels in communicative simulations of type I

Примечание. Составлено авторами.

ределенную роль (непрерывно пассивную) и проводит его через разыгрываемый сюжет. Зачастую повествование развивается как результат сложного творческого акта, в котором задействуются не только различные вербальные и невербальные коды, но и несколько каналов взаимодействия (в виртуальной коммуникации канал взаимодействия отождествляется со способами передачи информации: визуальный, текстовый, аудиальный каналы либо их комбинации). Каналы интеракции в этом случае определяют характер и интенсивность воздействия на эмоциональную и когнитивную сферы реципиента. Например, в ASMR-роликах позитивный эмоциональный отклик возникает вследствие имитации воздействия на органы чувств (зрительных, слуховых, обонятельных, вкусовых и осязательных рецепторов). В жанрах новостного фейка воздействие на психоэмоциональную сферу индивида осуществляется за счет демонстрации фото- и видеоматериалов, визуализирующих и легитимизирующих то, о чем сообщает отправитель.

Тип II: коммуникативная симуляция в развлекательных целях (примеры социальных практик – секстинг, текстовые роле-

вые игры, ролевые игры живого действия) (рис. 3). В коммуникативных симуляциях данного типа все участники взаимодействия в рамках отведенных им ролей имитируют определенную социальную практику, разыгрывают сюжет. Интерперсональное взаимодействие осуществляется на уровне повествуемого мира. Коммуникация осуществляется через аватаров – виртуальные образы, которыми управляют коммуниканты и которые выступают носителями определенных качеств, стереотипов (социальных, гендерных или национальных) и действуют в соответствии со сложившейся конвенцией имитируемой социальной практики. В ряде социальных практик (секстинг, текстовые ролевые игры) развитие сюжета реализуется через текстовый / аудиальный канал связи. Интенсивность воздействия определяется детализацией описания и фиксацией на восприятии аватарами описываемых действий и/или аватаров других участников коммуникации. В ролевых играх живого действия степень погружения в симуляцию зависит также от задействованных дополнительных каналов связи (например, игроки обращают внимание на невербальное

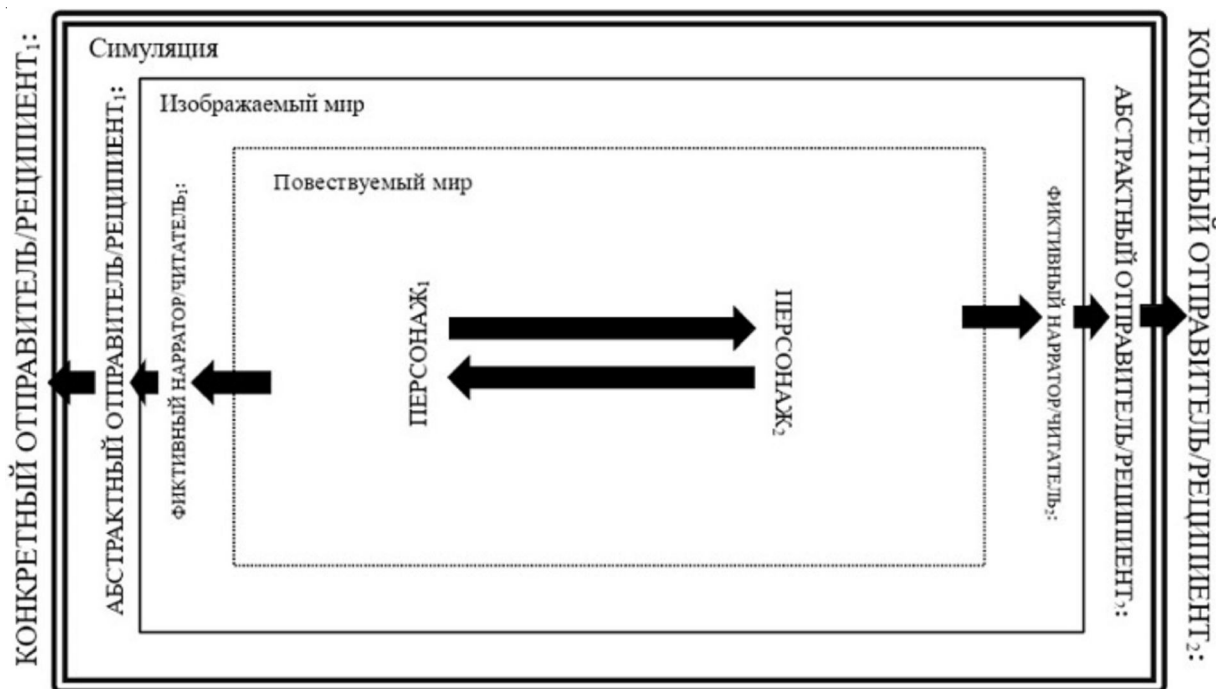

Рис. 3. Организация уровней интерперсонального взаимодействия коммуникативных симуляций типа II

Fig. 3. Organization of interpersonal interaction levels in communicative simulations of type II

Примечание. Составлено авторами.

поведение) и использования игрового инвентаря (костюмов и игровых аксессуаров).

Тип III: фальсификация социальной практики (примеры социальных практик – фишинговые письма, телефонное мошенничество) (рис. 4). Участниками взаимодействия являются отправитель сообщения (автор) и реципиент. Цель взаимодействия определяется отправителем сообщения и достигается за счет создания у реципиента ложного представления о реалистичности фальсифицируемой коммуникативной ситуации. Отправитель сообщения примеряет на себя социальную маску (например, выступает в роли сотрудника Центробанка или правоохранительных органов), контролирует формирование у реципиента впечатлений о себе (то есть действует в соответствии со сложившимся в обществе стереотипным представлением об разыгрываемой им роли [Goffman, 1974]) и в процессе коммуникации поддерживает иллюзию того, что реципиент является полноправным участником взаимодействия. Успешность симуляции зависит от интенсивности воздействия на эмоциональную и когнитивную сферы реципиента и способности получателя сообщения противостоять психоэмоциональному воздействию.

Выводы

Вымышленный мир коммуникативных симуляций выстраивается по тем же принципам, что и мир фикционального текста. Репрезентация симулируемой социальной практики осуществляется:

1) за счет достижения формального (внешнего) сходства с репрезентируемой практикой: коммуниканты воспроизводят стилистические, тематические и жанровые особенности симулируемого взаимодействия, его ролевую структуру;

2) соблюдения логики фикционального мира (внутритекстовое подражание): коммуникативное поведение выстраивается в соответствии с актуализируемыми коммуникативными ролями. Коммуниканты, вступая в симуляцию, демонстрируют отказ от оспаривания правил симулируемой реальности (даже в тех случаях симулируемого взаимодействия, когда оба коммуниканта участвуют в конструировании фикционального нарратива), то есть – частично или полностью – соблюдают конвенцию пассивности. Отказ от ее соблюдения приводит к невозможности реализации эстетической установки коммуникантов / ав-

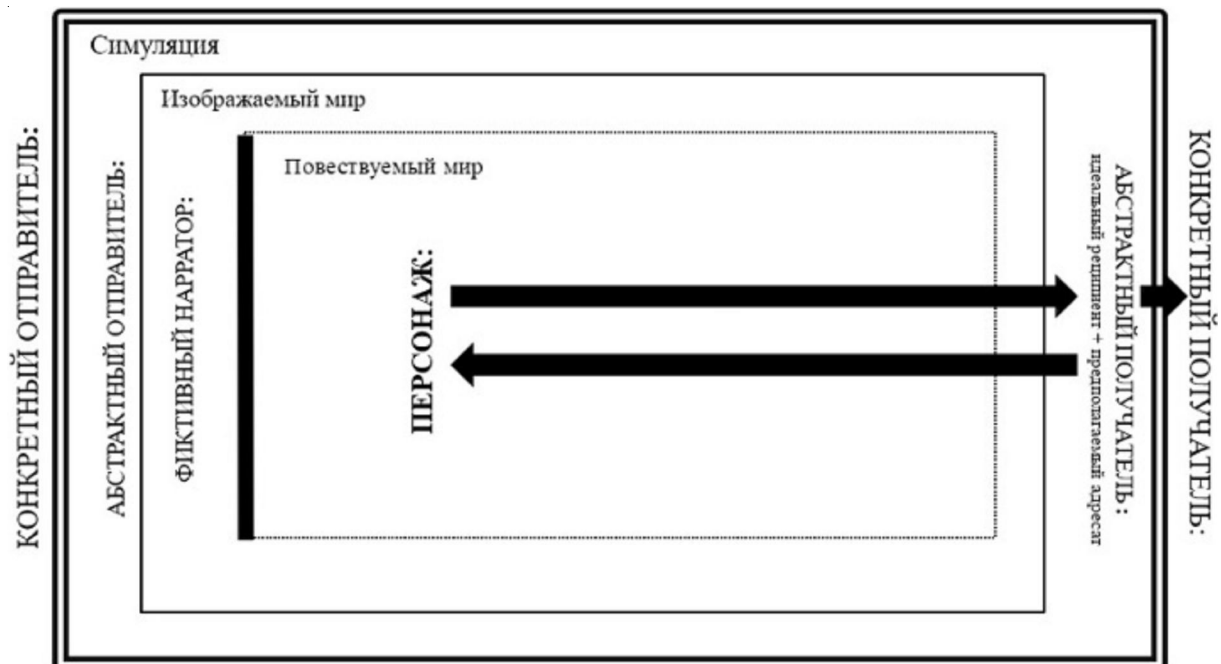

Рис. 4. Организация уровней интерперсонального взаимодействия коммуникативных симуляций типа III

Fig. 4. Organization of interpersonal interaction levels in communicative simulations of type III

Примечание. Составлено авторами.

тора и отказу от продолжения коммуникативного взаимодействия;

3) выстраивания сценария симуляции с учетом сложившейся традиции: эстетическая установка коммуникантов реализуется в рамках коммуникативной ситуации с учетом культурных традиций (структурный аспект). Они определяют способ экспликации кодируемых смыслов (процедурный аспект), актуализируют эмотивный потенциал взаимодействия и способствуют адекватному декодированию смыслов сокоммуникантом / реципиентом симуляции.

Структура коммуникативной симуляции включает четыре компонента: 1) реализуемые коммуникативные роли; 2) сюжет / содержание коммуникации и ее жанровое своеобразие; 3) правила / конвенциональный принцип организации взаимодействия; 4) реальные отношения акторов. В настоящий момент на основании существующих исследований отдельных видов социальных практик можно говорить о трех типах коммуникативных симуляций: тип I – симуляция-нарратив; тип II – коммуникативная симуляция в развлекательных целях; тип III – фальсификация социальной практики. Они различаются спецификой стратегической динамики взаимодействия, организацией коммуникативных уровней (коммуникативных участников), наборами коммуникативных ролей и степенью вовлеченности сторон взаимодействия в процесс симуляции.

Представляется, что дальнейшее изучение коммуникативных симуляций должно быть в первую очередь направлено на описание и анализ конкретных типов симулятивного дискурса в интерперсональном аспекте. Теоретическая значимость такого исследования связана с выявлением механизмов воздействия на эмоциональную и когнитивную сферы коммуникантов в разных условиях, в том числе и в условиях виртуальной реальности. Практическая ценность изучения коммуникативных симуляций определяется потребностью в использовании полученных результатов как в развлекательной и образовательной сферах (при создании виртуальных симуляций, максимально приближенных к реальной жизни, с целью проведения досуга и обучения специалистов в раз-

личных профессиональных областях), так и в сфере лингвистической и психолого-лингвистической экспертизы (для разработки методик анализа спорных текстов, например в случае телефонного мошенничества или новостных фейков).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева К. А., Белобородько Е. К., 2016. Новые подходы к вполне традиционному понятию «экфразис»: в диалоге лингвистики и искусства // *Universum: филология и искусствоведение*. № 11 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-podhody-k-vpolne-traditsionnomu-ponyatiyu-ekfrazis-v-dialoge-lingvistiki-i-iskusstva>
- Жмуров Д. В., 2023. Ассистирующая жертва как виктимологический феномен // *Виктимология*. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/assistiruyuschaya-zhertva-kak-viktimologicheskii-fenomen>
- Зайцева О. В., 2019. Соматический код в секстинге // *Политическая лингвистика*. № 6(78). С. 177–181.
- Зайцева О. В., 2020. Аффективный компонент секстинга // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. № 3. С. 195–204.
- Зайцева О. В., Катышев П. А., 2023. Параметризация социального аспекта в жанрах коммуникативной симуляции // *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. Т. 2, № 4 (8). С. 215–221.
- Каховская Ю. В., 2019. Конвенциональность и способы ее достижения в ситуации общения «взрослый – ребенок» // *Концепт*. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konventsionalnost-i-sposoby-eyo-dostizheniya-v-situatsii-obscheniya-vzroslyy-rebyonok>
- Колмогорова А. В., 2012. Речевой субжанр «Нигерийские письма» как одна из форм коммуникативной манипуляции // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. № 19-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-subzhanr-nigerijskie-pisma-kak-odna-iz-form-kommunikativnoy-manipulyatsii>
- Кривоносов А. Д., Шевченко А. С., 2011. Понятие и структура театрального дискурса // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-struktura-teatralnogo-diskursa>
- Литвинова Л. А., 2023. Манипулятивный потенциал ложных утверждений в структуре мошеннического дискурса // *Вестник Полоцкого государственного университета*. Се-

- рия А, Гуманитарные науки. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyativnyy-potentsial-lozhnyh-utverzheniy-v-strukture-moshennicheskogo-diskursa>
- Падучева Е. В., 1996. Семантические исследования : Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М. : Шк. «Яз. рус. культуры». 464 с.
- Петренко Д. А., 2015. Категория социальной роли и речевое общение // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. № 3. С. 82–88.
- Подорога В. А., 2006. Мимесис : Материалы по аналитической антропологии литературы. В 2 т. Т. 1. М. : Культур. революция. 685 с.
- Пром Н. А., 2020. Фактуализация реальности в медиадискурсе: характеристики, типы, способы выражения. Волгоград : ПринТерра-Дизайн. 188 с.
- Социальные сети: комплексный лингвистический анализ, 2021. В 2 т. Т. 1 / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово : Кемер. гос. ун-т. 429 с.
- Фенина В. В., 2017. Особенности речевого манипулирования в электронных спам-письмах // Язык и культура. № 37. С. 97–113.
- Чемодурова З. М., 2014. Прагматические и семантические аспекты фикциональной игры // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. № 171. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticieskie-i-semanticheskie-aspekty-fiksionalnoy-igry>
- Черкасов Р. В., 2007. Фикциональный дискурс в литературе: проблема репрезентации : дис. ... канд. филол. наук. Самара : СамГУ. 169 с.
- Шмид В., 2003. Нарратология. М. : Яз. слав. культуры. 311 с.
- Шкарин Д. Л., 2018. Уровневый анализ ASMR-технологии и определение ее значения в современном социальном контексте // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. № 1. С. 1–9.
- Эльконин Д. Б., 1999. Психология игры. М. : Владос. 360 с.
- Fine G. A., 1983. Shared Fantasy. Role Playing Games as Social Worlds. Chicago ; L. : University of Chicago Press. 298 p.
- Goffman E., 1974. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. Cambridge : Harvard University Press. 586 p.
- Harper P. C., 2019. ASMR: Bodily Pleasure, Online Performance, Digital Modality // Sound Studies. Vol. 6. P. 95–98. DOI: <https://doi.org/10.1080/20551940.2019.1681574>
- Schmid W., 1973. Der Textbau in den Erzählungen von Dostojevkijs. [S. I.] : W. Fink. 298 S.

REFERENCES

- Andreeva K.A., Beloborodko E.K., 2016. Novye podkhody k vpolne traditsionnomu ponyatiyu «ekfrazis»: v dialoge lingvistiki i iskusstva [New Approaches to the Completely Traditional Concept of “Ekphrasis”: In the Dialogue of Linguistics and Art]. *Universum: filologiya i iskusstvovedenie* [Universum: Philology and Art History], vol. 11 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-podhody-k-vpolne-traditsionnomu-ponyatiyu-ekfrazis-v-dialoge-lingvistiki-i-iskusstva>
- Zhmurov D.V., 2023. *Assistiruyushchaya zhertva kak viktimologicheskij fenomen* [Assisting Victim as a Victimological Phenomenon]. *Viktimologiya* [Viktimologiya], no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/assistiruyushchaya-zhertva-kak-viktimologicheskij-fenomen>
- Zaytseva O.V., 2019. Somaticheskij kod v sekstinge [Somatic Code in Sexting]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 6 (78), pp. 177-181.
- Zaytseva O.V., 2020. Affektivnyj aspekt sekstinga [Affective Aspect of Sexting]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of Nizhny Novgorod University Named After N.I. Lobachevsky], no. 3, pp. 195-204.
- Zaytseva O.V., Katyshev P.A., 2023. Parametrizatsiya sotsialnogo aspekta v zhanrakh kommunikativnoy simulyatsii [Parameterization of the Social Aspect in the Genres of Communicative Simulation]. *Virtualnaya kommunikatsiya i sotsialnye seti* [Virtual Communication and Social Networks], vol. 2, no. 4 (8), pp. 215-221.
- Kakhovskaya Yu.V., 2019. Konventsionalnost i sposoby ee dostizheniya v situatsii obshcheniya «vzroslyy – rebenok» [Conventionality and Ways to Achieve It in a Communication Situation “Adult – Child”]. *Kontsept* [Concept], no. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konventsionalnost-i-sposoby-eyo-dostizheniya-v-situatsii-obshcheniya-vzroslyy-rebyonok>
- Kolmogorova A.V., 2012. Rechevoy subzhanr «Nigeriyskie pisma» kak odna iz form kommunikativnoy manipulyatsii [Speech Subgenre “Nigerian Letters” as One of the Forms of Communicative Manipulation]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], no. 19-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-subzhanr-nigeriyskie-pisma-kak-odna-iz-form-kommunikativnoy-manipulyatsii>

- Krivososov A.D., Shevchenko A.S., 2011. Ponyatie i struktura teatralnogo diskursa [The Concept and Structure of Theatrical Discourse]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina* [Vestnik Leningrad State University Named After A.S. Pushkin], no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-struktura-teatralnogo-diskursa>
- Litvinova L.A., 2023. Manipulyativnyy potentsial lozhnykh utverzheniy v structure moshennicheskogo diskursa [The Manipulative Potential of False Statements in the Structure of Fraudulent Discourse]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities], no. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyativnyy-potentsial-lozhnykh-utverzheniy-v-strukture-moshennicheskogo-diskursa>
- Paducheva E.V., 1996. *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic Studies: Semantics of Time and Aspect in the Russian Language. Semantics of Narrative], Moscow, Shk. "Yaz. rus. kultury". 464 p.
- Petrenko D.A., 2015. Kategoriya sotsialnoy roli i rechevoe obshchenie [Category of Social Role and Verbal Communication]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of the Crimean Federal University Named After V.I. Vernadsky. Philological Sciences], no. 3, pp. 82-88.
- Podoroga V.A., 2006. *Mimesis: Materialy po analiticheskoy antropologii literatury. V 2 t. T. 1* [Mimesis: Materials on the Analytical Anthropology of Literature. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Kulturnaya revolyutsiya Publ. 685 p.
- Prom N.A., 2020. *Faktualizatsiya realnosti v mediadiskurse: kharakteristiki, tipy, sposoby vyrazheniya* [Factualization of Reality in Media Discourse: Characteristics, Types, Methods of Expression]. Volgograd, PrinTerra-Dizayn Publ. 188 p.
- Golev N.D., ed., 2021. *Sotsialnye seti: kompleksnyy lingvisticheskiy analiz. V 2 t. T. 1* [Social Networks: Comprehensive Linguistic Analysis. Monograph. In 2 Vols. Vol. 1]. Kemerovo, Kemer. gos. un-t. 429 p.
- Fenina V.V., 2017. Osobennosti rechevogo manipulirovaniya v elektronnykh spam-pismakh [Features of Speech Manipulation in Spam Emails]. *Yazyki i kultura* [Language and Culture], vol. 37, pp. 97-113.
- Chemodurova Z.M., 2014. Pragmaticheskie i semanticheskie aspekty fiktsionalnoy igry [Pragmatic and Semantic Aspects of a Fictional Game]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena* [News of the Russian State Pedagogical University Named After A. I. Herzen], no. 171. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskie-i-semanticheskie-aspekty-fiktsionalnoy-igry>
- Cherkasov R.V., 2007. *Fiktsionalnyy diskurs v literature: problema reprezentatsii: dis. ... kand. filol. nauk* [Fictional Discourse in Literature: The Problem of Representation. Cand. philol. sci. diss.]. Samara, SamGU. 169 p.
- Shmid V., 2003. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 311 p.
- Shkarin D.L., 2018. Urovnevyy analiz ASMR-tekhnologii i opredelenie ee znacheniya v sovremennom sotsialnom kontekste [Level Analysis of ASMR Technology and Determination of Its Significance in the Modern Social Context]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology], no. 1, pp. 1-9.
- Elkonin D.B., 1999. *Psikhologiya igry* [Psychology of the Game]. Moscow, Vlados Publ. 360 p.
- Fine G.A., 1983. *Shared Fantasy. Role Playing Games as Social Worlds*. Chicago, London, University of Chicago Press. 298 p.
- Goffman E., 1974. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. Cambridge, Harvard University Press. 586 p.
- Harper P.C., 2019. ASMR: Bodily Pleasure, Online Performance, Digital Modality. *Sound Studies*, vol. 6, pp. 95-98. DOI: <https://doi.org/10.1080/20551940.2019.1681574>
- Schmid W., 1973. *Der Textbau in den Erzählungen von Dostojevkij*. S.I., W. Fink. 298 S.

Information About the Authors

Olga V. Zaytseva, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Sadovaya-Kudrinskaya St, 9, 123001 Moscow, Russia, deyaldelwer@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7695-6901>

Pavel A. Katyshev, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, PAKatyshev@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-2492-6495>

Petr K. Ivanov, Assistant, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, pkivanove@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-0381-7775>

Информация об авторах

Ольга Валерьевна Зайцева, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), ул. Садовая-Кудринская, 9, 123001 г. Москва, Россия, deyaldelwer@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7695-6901>

Павел Алексеевич Катышев, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, PAKatyshev@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-2492-6495>

Петр Константинович Иванов, ассистент кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, pkivanove@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-0381-7775>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.8>

UDC 81'271.16
LBC 81.055.1

Submitted: 18.12.2023
Accepted: 19.03.2024

SOCIAL NETWORK BOTS IN NATURAL COMMUNICATION: PROBLEMS OF DIAGNOSTICS

Svetlana V. Ionova

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Elizaveta V. Makhaeva

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The article deals with the issue of automated devices presence in natural dialogue as new, robotic participants of modern public communication. The possibility of studying speech communication employing bots on the basis of the methodology of the theory of linguistic personality is considered. Within the specified communicative conditions it is proposed to use the term *social network bot* – i.e. automated software connected to the platform, which is used by bots to interact with real users. There are difficulties in identifying a robotic user in terms of its similarity to man and its imitation of natural human speech. The ways of creating conflict-prone content by robotic users are identified. A set of linguistic features, applicable to characterizing a hypothetical social network bot, is proposed. The analysis of bot personotexts has allowed to establish specific traits of social network bots' accounts, organization of their text messages, their communicative actions, regularly used language means. It proves the possibility of establishing stable, regular, superpersonal features that allow to diagnose the traits of artificial bot-communication. The conclusion is drawn on the impossibility to study the signs of speech communication of social network bots as opposed to the human factor in the language, because it is the features of natural human speech that are modelled and simulated by modern software devices.

Key words: linguistic personality, social network bot, natural communication, speech behaviour, destructive communication, conflict content, political communication, diagnostics.

Citation. Ionova S. V., Makhaeva E. V. Social Network Bots in Natural Communication: Problems of Diagnostics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 3, pp. 93-108. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.8>

УДК 81'271.16
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 18.12.2023
Дата принятия статьи: 19.03.2024

СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВЫЕ БОТЫ В ЕСТЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ДИАГНОСТИКИ

Светлана Валентиновна Ионова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Елизавета Владиславовна Махаева

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье решается вопрос о присутствии в естественном диалогическом общении автоматизированных устройств как новых, роботизированных участников современной публичной коммуникации. Рассматривается возможность изучения речевой коммуникации с участием ботов на основе методологии теории языковой личности. Для указанных коммуникативных условий предлагается употреблять термин «социально-сетевой бот» – автоматизированное программное обеспечение, связанное с платформой, через

которую боты взаимодействуют с реальными пользователями. Описаны трудности в идентификации роботизированного пользователя в аспекте его сходства с человеком и имитации им естественной человеческой речи. Выявлены способы порождения роботизированным участником конфликтогенного контента. На основе анализа персонотекстов пользователей установлен комплекс лингвистических признаков, применимых для характеристики гипотетического социально-сетевого бота: антропоцентрические параметры аккаунтов ботов, организация их текстовых сообщений, особенности их коммуникативных действий, регулярно используемые ими языковые средства. Доказана возможность установления устойчивых, регулярных, сверхличностных признаков, позволяющих диагностировать черты искусственной коммуникации ботов. Делается вывод о невозможности исследования признаков речевой коммуникации социально-сетевых ботов на основе их противопоставления человеческому фактору в языке, поскольку именно черты естественной человеческой речи моделируются и имитируются современными программными устройствами.

Ключевые слова: языковая личность, социально-сетевой бот, естественная коммуникация, речевое поведение, деструктивная коммуникация, конфликтный контент, политическая коммуникация, диагностика.

Цитирование. Ионова С. В., Махаева Е. В. Социально-сетевые боты в естественной коммуникации: проблемы диагностики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 93–108. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.8>

Введение

Исследование компьютерной коммуникации в современной лингвистике вовлекло в сферу научных интересов новых субъектов речевых отношений – редакторов и модераторов веб-сайтов, политиков, журналистов из электронных изданий. Формы общения в интернете приобрели характер, аналогичный формам общения людей в реальном пространстве коммуникации: 1) один – один; 2) один – несколько; 3) несколько – несколько; 4) один – много (подробно об этом см.: [Шилина, 2010; Василькова, Легостаева, 2019]). При этом рядовые пользователи информационных продуктов, ранее существовавшие в качестве пассивных потребителей публикуемого контента, в формате Веб 2.0 и социальных сетях, стали активными субъектами цифрового пространства [Горошко, 2007; Шилина, 2010]. Социально-сетевая коммуникация предоставила ее участникам возможность выстраивать интенсивное взаимодействие друг с другом и с контентом путем установления связей, посредством оценок, комментариев, распространения информации и т. д., которое в системном анализе определяется как база данных «многие ко многим», а в коммуникации описывается в качестве новой формы взаимодействия «многие со многими» [Шилина, 2010; Василькова, Легостаева, 2019, с. 122]. Авторы получили статус равноправных юзеров (англ. *user* – пользователь), просьюмеров (англ. *prosumer* – *producer* и *consumer* – производителей и потребителей информации в одном лице) [Ши-

лина, 2010, с. 87]. Понятие языковой личности в применении к участникам сетевой коммуникации в лингвистике трактуется посредством понятий сетевой и виртуальной личности, которые отражают возможность пользователя «иметь любое количество виртуальных личностей и личин-аватар» [Шилина, 2010, с. 86–87].

Интенсивный и во многом бесконтрольный данная коммуникация породил комплекс социально-коммуникативных и лингвистических проблем, в том числе касающихся решения вопроса, нет ли в числе «многих» коммуникантов тех, кто был лишь создан человеком, но им не является? Речь идет о так называемых ботах, уже прочно вошедших в пространство социальных сетей в качестве автономных участников коммуникации.

Феномен ботов (от англ. *bot*, от англ. *robot* – робот), порожденный новыми технологическими возможностями онлайн-коммуникации и социальных сетей, сегодня рассматривается в аспекте сходства с человеком, которое и составляет цель их разработки. Боты представляют собой автоматизированное программное обеспечение, связанное с платформой, через которую они взаимодействуют с реальными пользователями [Катаев и др., 2015; Василькова, Легостаева, 2019, с. 121; Howard, Woolley, Calo, 2016]. Они совершают действия, которые должен осуществлять человек в социальной сети: отправляют сообщения, отвечают на запросы, комментируют чужие сообщения и т. д. При этом «доброкачественные» сетевые боты [Ferraga

et al., 2016] выполняют полезные действия: генерируют практически востребованный нейтральный по содержанию контент на социально-бытовые темы (публикация новостных сюжетов, информации о погоде, расписании транспорта и т. д.); «злонамеренные (вредоносные)» [Ferrara et al., 2016] боты создаются для порождения негативных последствий их деятельности: распространения вредоносного программного обеспечения, спама, дезинформации и информационного шума, скрытой рекламы, кражи личных данных и др. Исследователи современного социального пространства Интернета пришли к выводу о преобладании в нем «злонамеренных» сетевых ботов с высоким уровнем имитации человеческого коммуникативного поведения над остальными его типами [Stieglitz et al., 2017].

С учетом статистики, представленной на платформе «Netomi» (США, Канада, Индия), согласно которой в мире боты активно используют 1,4 млрд чел., а более половины существующих сервисных компаний применяют этот инструмент [38 Incredible...], распространение «злонамеренных» социальных ботов является значительным во всех новых сферах науки, экономики, быта, где используются эти высокотехнологичные инструменты. Их действия сегодня являются проблемой в поле социальных и правовых отношений, требуют разработки мер предотвращения нежелательных и наказуемых последствий вредоносной активности и распространения конфликтного контента в социально-сетевой коммуникации.

Разработанные к настоящему моменту междисциплинарные методы обнаружения ботов – метод частотного анализа сообщений [Bolsover, Howard, 2019], методы машинного обучения систем [Bessi, Ferrara, 2016], ряд других методик – требуют владения специальными компьютерными сервисами и навыками проведения анализа. Количественные и технические признаки ботированной коммуникации, разработанные в трудах по информатике, нуждаются в дополнении лингвистическими характеристиками, установленными на основе анализа содержания контента и речевого поведения социально-сетевых ботов, используемых со злонамеренными целями. Возможность создания подобных лингвистичес-

ких и междисциплинарных методик обосновывается в ряде исследований (см., например: [Логинава, 2022]), предпринимаются попытки анализа содержательной части электронного текста и идентификации интернет-пользователей по коротким электронным сообщениям [Воробьева 2017; Vorobeva, 2016]. Отметим, однако, что не все из этих подходов применимы к материалу социальных сетей политической направленности, а выделенные в работах ученых графические и другие формальные признаки, безусловно указывая на специфику интернет-коммуникации, не всегда относятся к моделируемой сетевой личности (о термине см.: [Карасик, 2021, с. 33]) и не обладают диагностическим потенциалом для выявления речевого поведения коммуниканта.

Таким образом, деструктивный характер публикуемого контента, массовая степень распространения и чрезвычайная трудность идентификации пользователя как реального или ботированного требуют углубленного лингвистического и междисциплинарного исследования и определяют острую социальную и научную актуальность рассматриваемой проблемы. В некоторых проектах разработка методик обнаружения автоматических или автоматизированных акторов трактуется как «одна из задач обеспечения цифрового суверенитета государства» [Логинава, 2022, с. 201].

Цель данного исследования состоит в обосновании возможности диагностики речевого присутствия программных устройств в естественной коммуникации лингвистическими методами; установлении комплекса речевых и языковых признаков, характерных для сообщений социально-сетевых ботов в диалогах политического характера.

Материал и методы

Методы выявления ботированных участников интернет-коммуникации раньше других начали разрабатывать специалисты по информатике и информационным системам, где уже имеется ряд предложений по автоматизированному обнаружению ботов (см., например: [Кузьмин, Менисов, Шастун, 2020; Логинава, 2022; Grimme et al., 2017]). Поскольку в западных странах участилось влияние автоматических устройств на политические выборы, мето-

ды установления нечеловеческого присутствия активно начали изучать в социологии и политических науках [Василькова, Легостаева, 2019]. В языкознании подобные исследования представлены в меньшей степени, хотя достижения антропоцентрической лингвистики и методологии описания человеческого фактора в языке [Роль человеческого фактора..., 1988; Шаховский, 1987] могут составить методологическую основу для интерпретации «ботированного» речевого поведения.

Накопление теоретического и эмпирического материала в области теории языковой личности [Караулов, 1987; Человеческий фактор..., 1991] позволяет лингвистам осуществлять диагностику типов коммуникативного поведения личности, признаков неэкологичного речевого общения, нарушения речевых и дискурсивных нор, норм этикета, социального взаимодействия, валеологического и эмоционального баланса, использования неправовых речевых актов [Потапова, Курьянова, 2021; Ионова, Петрова, 2021]. Методология диагностических исследований активизировала изучение типизированных личностей как совокупности индивидуумов, характеризующихся сходством их языкового выражения и речевого поведения. Речевое поведение личности отражает черты социальной группы, которые могут диагностироваться с учетом коммуникативных, образовательных и правовых целей. При диагностировании в фокусе внимания исследователя находятся не индивидуальные проявления письменной речи автора, а устойчивые, регулярные, сверхличностные признаки, позволяющие выявлять черты неопределенной личности, относящейся к какому-либо значимому типу [Матвеева 2022; Дмитриева, Мурзинова, 2021; Ионова, Лешутина, 2020]. На основе набора типичных лингвистических признаков строится речевой портрет, отражающий групповые черты коммуникантов.

Большая часть лингвистов, работающих в этой области, акцентируют внимание на изучении персонотекстов – разновидностей речевого произведения, в которых через языковые характеристики репрезентируется языковой потенциал личностей разных типов [Лингвоперсонология..., 2006]. Именно такой подход актуализируется в данной статье.

Материалом исследования послужил массив публикаций политического характера в новостных сообществах интернет-ресурсов: социальной сети «ВКонтакте» и мессенджере «Telegram» за 2020–2024 гг. в количестве 430 текстов, 80 из которых определены в качестве сообщений потенциальных социально-сетевых ботов. Тексты использованы исключительно в качестве материала исследования. Мнение авторов статьи не совпадает с мнением авторов высказываний, размещенных в сети Интернет. Объектом исследования составляют речевые произведения в письменной реализации, которые представляют собой социализированные формы общения, ориентированные на единые нормы кодирования и декодирования мысли в тексте, содержащиеся в лентах комментариев, «запущенных» в результате комментария-стимула, опубликованного гипотетическим социально-сетевым ботом.

Терминологические обозначения, применяемые в новой сфере исследований, отличаются подвижностью. Наиболее устоявшимся в российской науке в настоящее время является термин «социальный бот» – перевод английского *social bot*. Использование транслитерации как способа перевода естественным образом привело к некоторым смысловым неточностям. В первую очередь отметим производный характер английского термина *social bot* от родового *social media* (социальные сети), благодаря чему носитель английского языка определяет для себя генерализирующий признак данной бот-системы, понимая, что она функционирует именно в социальных сетях. Однако для русскоговорящего адресата подобная формулировка, напротив, не образует однозначных ассоциаций, рождая ложные реакции: лексема *социальный* в русском языковом сознании связывается преимущественно с социальной сферой жизни общества, услугами социального обеспечения, социальной защитой, поэтому в данной работе предлагается сузить план выражения термина, обозначив субъекта описываемых речевых действий как *социально-сетевой бот*, ботированный участник социально-сетевой коммуникации.

Сложность решения диагностических задач в применении к вербальному поведению социально-сетевых ботов состоит в том, что

оно в полной мере сохраняет черты «человеческого фактора», подробно описанного в лингвистической литературе [Роль человеческого фактора..., 1988; Человеческий фактор..., 1991]. В политизированном контексте социальных сетей вербальное выражение ботированных участников, подобно речевому поведению естественных коммуникантов, нередко сопровождается применением специфических стратегий и тактик общения, порождением оценочных высказываний и жанров речи, поддержанием острого политического контента.

Современные технологии позволяют постоянно совершенствовать программное обеспечение бот-системы и снижать степень аппроксимации (о термине см.: [Ионова, 2006]) речевого выражения со стороны этих устройств. В результате этого ботированные участники коммуникации, в особенности относящиеся к «злонамеренным» программам, успешно транслируют привычный язык общения в социальных сетях и создают трудности в диагностировании этого типа пользователей.

В данной работе методами дискурсивного и контекстуального анализа предлагается установить допустимые коммуникативные способы реализации авторского замысла и включения нового участника в текущий контент; методами тематического и семантического анализа текста – выявить уместность и непротиворечивость речевого поведения коммуниканта и его сообщений относительно общего развертывания диалога; с применением методов социолингвистической типизации описать экстралингвистические характеристики нового участника общения и реакции на его сообщения других участников сетевой коммуникации; методами лексико-семантического, стилистического и грамматического анализа установить типичные языковые средства и речевые отклонения от норм реализации языка в письменной форме.

Результаты и обсуждение

Анонимность как одно из важнейших свойств современной интернет-коммуникации «создает идеальные условия и для введения участников сетевого дискурса в заблуждение о реальной идентичности адресанта сообщений» [Потапова, Курьянова, 2021, с. 8]. В то

же время в социальных сетях в большинстве случаев эксплуатируются устройства, которые специализируются на ограниченном числе действий и применении повторяющихся приемов взаимодействия с пользователями, которые можно зафиксировать лингвистическими методами.

Проведенный нами качественный анализ сформированной выборки публикаций в социальной сети и мессенджере, а также комментариев к ним, размещенных в новостных политических сообществах, позволил выявить комплекс приемов и средств, которые являются регулярными знаками в общении социально-сетевых ботов в реальной коммуникации.

Анализ исследуемого материала включал установление следующих особенностей присутствия социального бота в реальном диалоге политического характера: 1) антропоцентричность наполнения аккаунта; 2) повторяющиеся коммуникативные действия; 3) роль сообщений в сверхтекстовой организации диалога; 4) регулярные языковые средства.

Антропоцентричность наполнения аккаунта социально-сетевого бота

Анализ метаданных программы и технических признаков присутствия социально-сетевого бота в реальном диалоге является наиболее разработанной частью детекции ботов. Этот этап анализа должен быть обязательной частью диагностического алгоритма [Логина, 2022]. Представим социолингвистический портрет потенциального бота, который отражается в структуре и содержании аккаунта пользователя сети.

1. Отсутствие медиаконтента на странице пользователя (аудио- и видеозаписи, прикрепленные файлы). Известно, что автономное программное обеспечение, запускающее работу бот-аккаунтов, настроено на решение задачи создания как можно большего их количества в максимально сжатые сроки. Наполнение ботированного профиля дополнительной файловой информацией связано с временными затратами и требует усовершенствования программного обеспечения. В связи с этим абсолютное большинство аккаунтов ботов характеризуются отсутстви-

ем основного медиаконтента на странице пользователя.

2. Отсутствие или аномально малое количество друзей и подписчиков.

Основная идея создания концепта социальных сетей состояла в упрощении коммуникации между людьми, поддержании контакта на расстоянии, в объединении в виртуальных сообществах участников по их интересам. Пользователи получают возможность «закрепляться» за иными пользователями, приобретать статус друга или стать подписчиком контента определенного автора. Данная функциональная особенность, ключевая для реальных участников диалогического взаимодействия, в коммуникативной реальности социально-сетевых ботов практически не проявляется: они не способны к осуществлению диалогического общения, а программное обеспечение, курирующее их работу, не имеет возможности постоянно поддерживать коммуникацию с реальными пользователями. Бот-аккаунты характеризуются отсутствием или крайне малым (менее 20 пользователей) количеством друзей или подписчиков.

3. Отсутствие уникальных публикаций пользователя, в том числе в форме простых текстовых сообщений, а также публикаций и комментариев иных пользователей на странице.

Большинство социальных сетей, за исключением тех, которые работают по техно-

логии мессенджеров, имеют функции публикации и републикации различных материалов на специально организованной «стене», представляющей собой свободное пространство на персональной странице пользователя, которое может быть использовано им по своему усмотрению. По причине того, что профиль в социальной сети является своего рода отображением «виртуальной личности» индивида, «стена» персональной страницы содержит какой-либо медиаконтент: уникальные (собственноручно созданные) публикации, в том числе содержащие визуальный компонент информации, публикации и републикации со страниц иных пользователей и сообществ. Профиль социально- сетевого бота создается для иных целей, а следовательно, существенно отличается от привычного контента (см. рис. 1; здесь и далее примеры приводятся в авторской редакции).

4. Отсутствие аватара пользователя.

Аватары пользователей социальных сетей – это изображения, являющиеся наряду с никами, юзерпиками основными элементами «паспорта» интернет-пользователя, средствами их самопрезентации [Антонова, Демина, 2010, с. 15]. Функция самопрезентации социально- сетевого бота в виртуальном сообществе входит в противоречие с задачами его разработки – массового распространения заранее сгенерированной, в том числе конфликтогенной

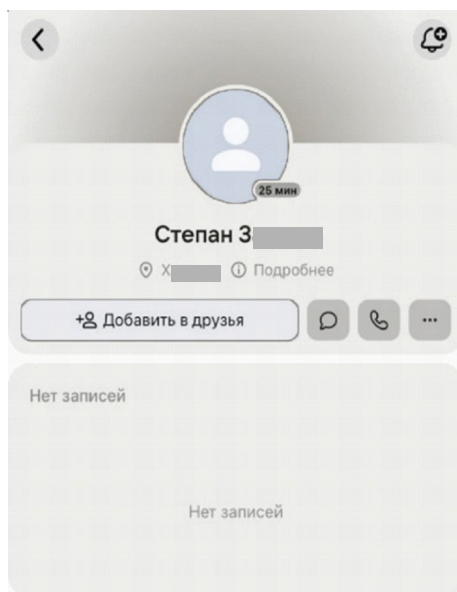

Рис. 1. Профиль социально- сетевого бота в социальной сети «VKontakte»

Fig. 1. Profile of a social networking bot in the social network “VKontakte”

информации, относящейся к деятельности лиц и организаций, которые не могут раскрыть сведения о себе. В целях маскировки создатели указанного программного обеспечения регулярно используют в качестве аватаров бот-пользователей не фото реального человека, а изображения животных, природного ландшафта, сказочного персонажа, фрагменты известных полотен художников и др. Часть таких изображений узнаваемы, давно используются на различных виртуальных площадках (см. пример бот-профиля с аватаром на рис. 2).

5. Незаполненные статусные данные профиля.

Профиль пользователя, как правило, предоставляет основные социолингвистические сведения о нем (дата рождения, город проживания, интересы и т. д.) без учета степени их соответствия действительности. Часто именно вымышленные данные даются с большими подробностями и деталями. Профиль ботированного пользователя в нашем материале чаще всего оставался незаполненным, либо регулярные данные в нем резко отклонялись от нормы фиксации биографии и персональных данных реальной личности (например, дата рождения: 01.01.1901; 01.00.0000; несоответствие реги-

страционного и текстового имени, указанного пола имени пользователя аккаунта и др.).

С учетом указанных технических признаков, присущих профилю социально-сетевому бота, реальный участник диалога получает возможность детектировать данных ботированных участников коммуникации (см. рис. 3): *ЦИПсО; Мелисса – ты бот; Написал свинья-бот самолайкер с регистрацией менее суток; Больше смайликов свинья-бот и может тебя покормят после смены; Николай, ну до чего вы смешные, боты-дебилы@@@желудь будешь.*

6. Реакция модераторов социальной сети.

Техническим признаком, присущим коммуникации с участием социально-сетевому бота, является реакция модераторов социальной сети, осуществляющих контроль за соблюдением информационной безопасности в ее пространстве. По мере стремительного развития бот-систем и усовершенствования механизма имитации человеческого речевого поведения «злонамеренными» социально-сетевыми ботами, разработчики социальных сетей были вынуждены начать создание средств противодействия бесконтрольному распространению

Рис. 2. Пример бот-профиля с аватаром пользователя в социальной сети «ВКонтакте»

Fig. 2. Example of a bot profile with a user's avatar on the VKontakte social network

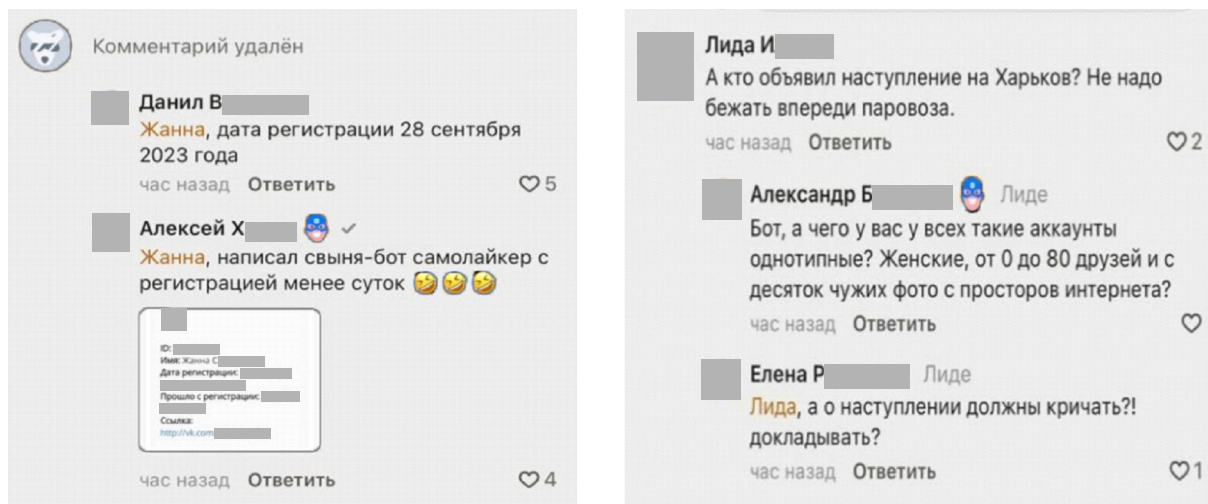

Рис. 3. Распознавание ботированного участника в естественной коммуникации

Fig. 3. Recognition of a bot participant in natural communication

деструктивного контента. Одним из таких средств стало возникновение модераторов системы информационной безопасности, производящих мониторинг социальных сетей на предмет распространения вредоносного контента, в том числе при помощи технических средств.

Наиболее иллюстративным результатом процесса модерации контента, в частности в социальной сети «ВКонтакте», является удаление ботированного комментария в течение короткого срока после его опубликования (рис. 4).

Коммуникативные действия социально-сетевого бота

1. Выражение вербальной агрессии.

В отличие от чат-ботов, используемых в рекламных и маркетинговых целях [Иссерс,

Герасимова, 2023, с. 151], коммуникация социально-сетевых ботов не программируется на осуществление кооперативной функции и стратегии эффективного ответа на конфликтный контент. Их речевое поведение в политической коммуникации характеризуется не частичным, а тотальным выражением вербальной агрессии и переключением внимания других пользователей сети на крайне деструктивный контент (рис. 4). По сути, социально-сетевой бот создается и запускается в медиасреду для выполнения функции триггера деструктивности и вовлечения реальных коммуникантов в конфликтную ситуацию. Например: *Единство народа?? Общество давно раздельно!!! С одной стороны многочисленная, нагло-денежная, автомобильная, евrorемонтная, ипотечная, каршеринговая,*

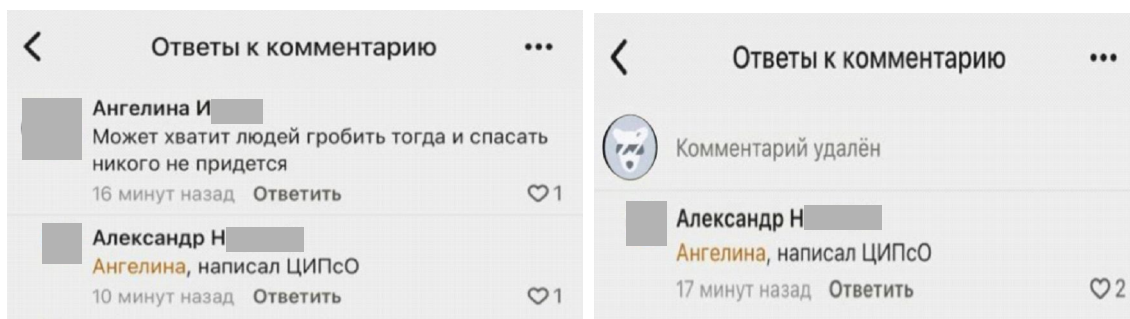

Рис. 4. Результат процесса модерации контента, распространенного социально-сетевым ботом в социальной сети «ВКонтакте»

Fig. 4. The result of the moderation process of the content distributed by the social network bot on the VKontakte social network

загранично – отпускковая, дачно – коттеджная и т.п. – часть народа с наглыми многотысячными, зарплатами, полными еды, шмотья и смарт часов!!!

Внедрение социальных ботов в коммуникативное пространство сети Интернет преследует цели дезинформировать общество, изменить существующие в обществе коммуникативные установки, сформировать желательное для заказчика видение ситуации (см. об этом: [Алымов, Баранюк, Смирнова, 2016; Ионова, Петрова, 2021]).

2. Провокативные речевые действия.

Отсутствие комментариев в ветке информации, которая была запущена социально-сетевым ботом, является показательным маркером ботированного коммуникативного поведения. Имитирующий его сгенерированный текстовый фрагмент нередко становится единственным речевым действием участника диалога. Развитие мысли, вброшенной в социально-сетевой диалог социально-сетевым ботом, осуществляется в комментариях естественных коммуникантов, однако их обращение к автору сообщения-триггера игнорируются и не поддерживаются с его стороны: не происходит развития и уточнения собственной мысли, отсутствуют реакции на согласие и несогласие пользователей с заданной пози-

цией, на явные обращения к инициатору темы (рис. 5). Указанные особенности противоречат естественной коммуникации реальных пользователей социальных сетей. В данном случае реализуется основная коммуникативная стратегия социально- сетевого бота, действующего в поле конфликтной веб-коммуникации – провокация, имеющая своей целью вовлечение участника веб-коммуникации в конфликтное взаимодействие или создание условий для его возникновения.

3. Групповое участие ботов и бот-сети.

Усиление коммуникативной активности социально-сетевых ботов, особенно проявляющаяся в канун важных мировых событий или по результатам значимых политических решений. Активность в данном случае понимается как выполнение скоординированных и синхронизированных действий со стороны ряда источников, использующих единообразные средства воздействия, повторяющиеся модели. Принцип работы бот-системы предполагает распространение как можно большего количества однотипных речевых сообщений, тем самым обеспечивая массовый характер конфликтной коммуникации. В связи с этим образуются так называемые ядра, или собственные бот-сети, которые целыми группами осаждают информационное пространство,

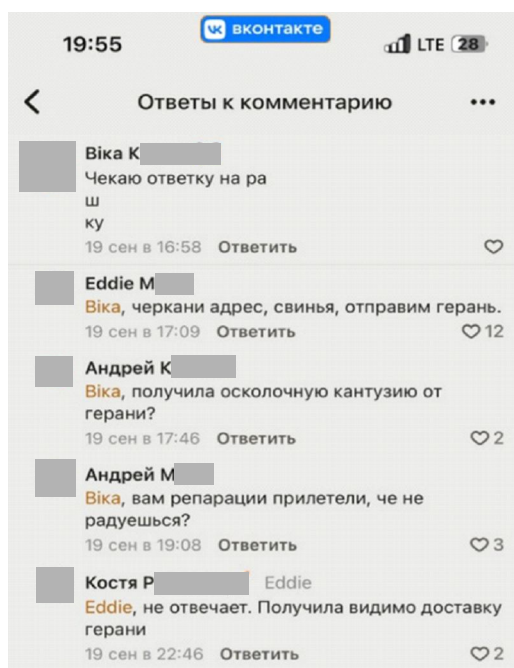

Рис. 5. Отсутствие реакции автора первого сообщения на комментарии и обращения к нему
Fig. 5. The lack of reaction of the author of the first message to comments and appeals to them

распространяя буквальные формулировки комментариев к публикации. Приведем пример использования российскими бот-сетями конструкций *А говорят, что политики и Россия в изоляции; Вся страна сидит в изоляции* с небольшими преобразованиями транслируемые в ряде источников.

В комментариях к информационному сообщению (рис. 6) выявляются пользователи Богдан Ш. и Оксана Б., которые наиболее последовательно выполняют функцию тиражирования важного для российской политики тезиса. Их искусственное происхождение подтверждается другими коммуникативными особенностями социально-сетевых ботов. При очевидности размещения сообщений ботированных пользователей их аккаунты не были заблокированы модераторами, поскольку в данном случае указанные автоматизированные программы рассматривались как «доброкачественные» боты.

Особенности сообщения бота в сверткстовой организации диалога

Социально-сетевой диалог представляет собой сверткстовую организацию, кото-

рая включает сообщения пользователей, в совокупности образующие единое по смыслу текстовое произведение. Выделение сверткстов по хронологическому (за ту или иную дату) или тематическому (разговор на одну тему) принципам в социальных сетях обуславливает возможность определения их границ.

1. Как и любой диалогический текст, разговор в социальной сети имеет прерывистое внутреннее устройство [Гаузенблаз, 1978, с. 57], что позволяет пользователям знакомиться с включенной в текст информацией избирательно и в произвольном порядке, последовательность прочтения сообщений не является важной для понимания смысла частей целого. Однако в исследуемых нами социальных сетях политического характера с участием ботов устройство сверткстов разговоров строго организовано по принципу: «стимульное сообщение – сообщения реакции (комментарии)», где информация, поступающая от ботированного участника занимает позицию стимула, который никогда не переходит в статус комментария, дополнения, реакции на ранее высказанные комментарии (см. примеры на рис. 4–6). Данная особенность отличает исследуемые нами социальные сети полити-

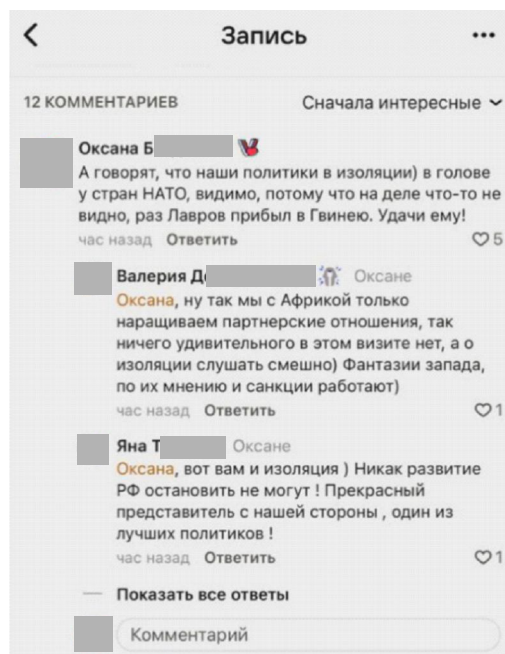
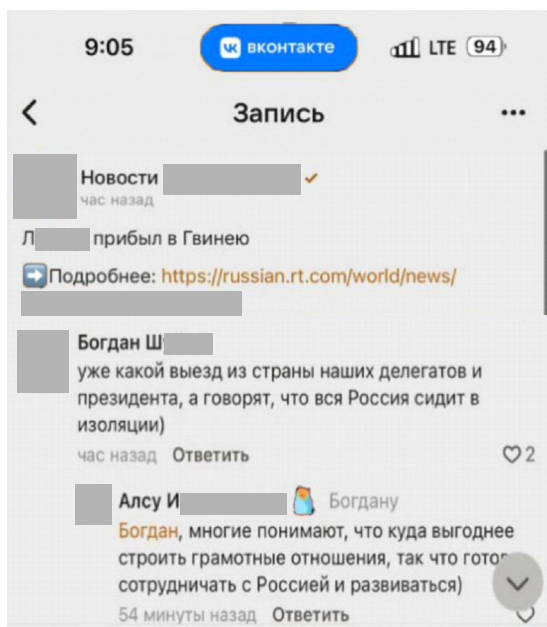

Рис. 6. Конструкции *А говорят, что политики и Россия в изоляции; Вся страна сидит в изоляции* в российских бот-сетях

Fig. 6. Constructions *They say that politicians and Russia are isolated; The whole country is isolated* in Russian botnets

ческого характера от социальных сетей иного рода. Так, рекламные сообщения роботизированных участников в маркетинговых социальных сетях и сообществах могут использоваться в произвольном порядке, нарушая логику развертывания диалога и не занимая инициальной позиции.

2. По содержанию стимульное сообщение в социальных сетях политического характера всегда аттрактивно: для выполнения провокативной функции оно должно нести информацию, нарушающую нормы логики, истины, морали, речевой организации высказывания, тем самым обеспечивая высокую степень внимания и активности со стороны адресатов. Сгенерированные сообщения, отражающие актуальные политические ситуации, ссылаются на прецедентные высказывания, факты, имена, символы, смысловая ценность которых определяется весьма ограниченным временным периодом, постепенно их актуальность снижается, и они перестают использоваться ботами в политическом диалоге, поскольку уже не способны выполнять заданную функцию. Например: *Главное что **взятие Киева за 3 дня это не провал**; **Значит скоро будет мобилизация бегите глупцы**; **Зачем нам мир, в котором нет России?**; **Сколько еще БПЛА пропадет над российскими городами!**; **Севастополь это Украина, а Развозжаев что там вообще делает?**; **Вика, получила осколочную контузию от герани?***

3. Организация ботированных сообщений строится по тематическому принципу: путем использования набора ключевых слов и выражений, узнаваемых и значимых для участников коммуникации, а следовательно, важных для построения стимульных текстов. Свидетельством действия данного принципа являются примеры речевых сбоев, которые не относятся к нарушениям норм письма, а демонстрируют наличие заданных ключевых слов (единиц в начальной грамматической форме), вокруг которых складываются контексты. Например: *Быстрее в **россия** бензин закончится чем в вашингтоне деньги, в этом мы уже убедились*; *Походу украли с херсонского зоопарка потому что такого **медведь** у России не было раньше*; *Каждый месяц вы об этом пишете, а союзники в это время только у **президент** заканчиваются.*

Рассмотрение сверткестровой организации естественной коммуникации с участием ботов в совокупности с их речевыми действиями и социолингвистическими характеристиками аккаунтов предоставляет реальному пользователю социальной сети возможность более доказательно определять искусственное происхождение участника диалога и правильно реагировать на его воздействующие высказывания.

Регулярно используемые языковые средства

Принимая во внимание тот факт, что социально-сетевые боты распространяют преимущественно малые по объему речевые сообщения, включающие крайне ограниченное число диагностических признаков пишущего, выделим языковые средства, которые регулярно используются в сообщениях ботированных участников политической сетевой коммуникации, в речевых действиях которых предварительно были обнаружены текстовые, коммуникативные и социолингвистические признаки:

– побудительные конструкции, выражающие волеизъявительную семантику в прямой и косвенной формах: ***Не позволяйте** делать из вас крепостных и не идите в армию*; ***Не верьте** им, нынешних ветеранов забудут и обманут точно так же!*; ***Участвуйте** в благотворительных акциях нашего фонда!*; *Каждый гражданин отечества **должен внести** реальный (финансовый) вклад в дело победы*; *Расплата близка. **Ждите***;

– риторические вопросы и восклицания: *Они уже инвалидов возвращают в мясорубку, а что дальше будет??*; *А если будут обнажены гиперзвуковые «Кинжалы»!*; *Школа и детский сад – это что, военные объекты? Или украинские террористы намеренно стреляют по детям?*; *Вот и кто их после такого станет защищать! Сколько таких ещё случайных смертей будет?*;

– единицы с футуральной семантикой (высказывания «предсказания»): ***Совсем скоро ждите** повестки словно на госуслугах*; ***Значит скоро будет** мобилизация бегите глупцы*; ***недалек тот час** когда последний*

гражданин уйдет на фронт; весной свершится конрнаступ – и все закончится;

– актуальные неологизмы, тематически соответствующие общественно-политической ситуации: *Ватники; бункерный дед; про-Кремлёвская политика; Z-ватная империя пропаганды; адепты Z-пропаганды;*

– пейоративная экспрессивная лексика и устойчивые конструкции: *плешивая бункерная моль; вы уроды; творимые вами мерзости; бункерный фюрер; квакаешь в углу; жить по понятиям; северокорейские подстилки; фашист.*

К данным единицам следует добавить экспрессивные параграфемные средства и знаки эмодикона; выразительно-изобразительные средства и примеры языковой игры; нарушения графической конфигурации текста, вульгарную и нецензурную лексику в форме фонографических эвфемизмов в качестве средства избегания правовых рисков и др.

Результаты количественного анализа сформированной выборки материалов на предмет выявления наиболее часто встречающихся языковых маркеров, характерных для ботированной веб-коммуникации, представлены на рисунке 7.

Наиболее активно используемым средством в сообщениях ботированных участников являются риторические вопросы и восклицания. Указанные средства выполняют функцию косвенной оценки, выражения иронии, сомнения, удивления, которые совместно с непрямыми побуждениями рассчитаны на не критичное, пристрастное отношение к пред-

мету речи, способны влиять на мнение адресата. В совокупности с другими языковыми эмоционально заряженными средствами данные конструкции способствуют выполнению функций воздействия на адресата, вовлечению его в конфликтные взаимодействия, провоцированию его на активное выражение согласия или несогласия с выраженной точкой зрения.

Совокупность речевых приемов и знаковых средств, реализующихся на разных уровнях языка, может способствовать составлению приблизительного речевого портрета социально-сетевому бота как участника конфликтной веб-коммуникации, однако в отрыве от технических, речевых и текстовых признаков выявленные регулярные языковые и речевые знаки не могут рассматриваться в качестве различительных признаков пишущих.

Заключение

Современный этап развития информационных технологий в сфере сетевой коммуникации позволяет реализовывать такой аспект социального взаимодействия, который передается формулой «многие со многими». Сетевые условия организации общения позволяют решать все значимые задачи политической коммуникации, включая разжигание конфликтов, изменения взглядов пользователей социальных сетей, провоцирование их вербальной и невербальной активности, воздействие на массового адресата.

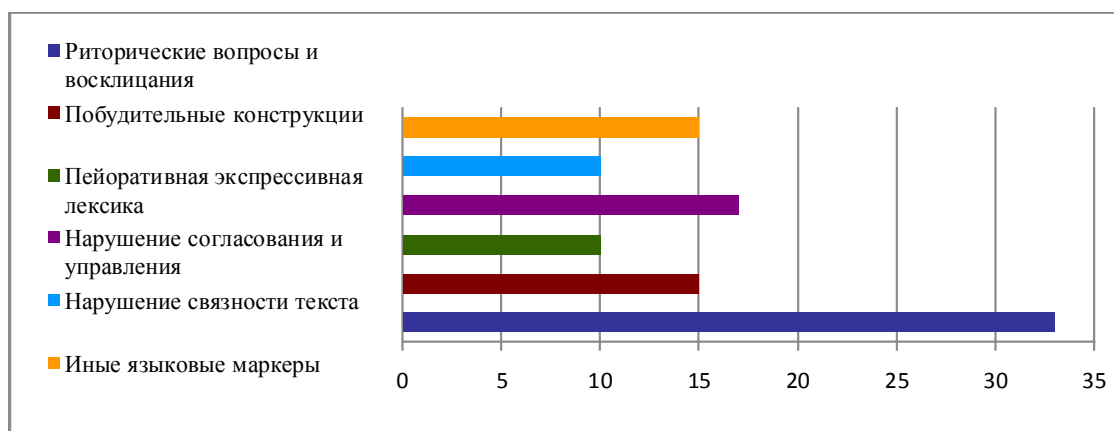

Рис. 7. Регулярные языковые маркеры в сообщениях социально-сетевых ботов

Fig. 7. Regular language markers in social network bot messages

Рядовые пользователи в условиях сетевой коммуникации получают возможность позиционировать себя по-разному, маскировать или обезличивать свои персональные данные. Реальные участники социально-сетевой коммуникации активно пользуются своим статусом равноправных производителей и потребителей информации, что создает условия для появления в их среде не просто обезличенных, но лишенных признаков естественных человеческих признаков пользователей, которые получили название социально-сетевых ботов. В лингвистике их коммуникативное поведение описано недостаточно, однако достижения антропоцентрической лингвистики и методологии описания человеческого фактора в языке создают условия для разработки системы языковых и коммуникативных признаков искусственных пользователей сети.

Наблюдения за коммуникативными функциями социально-сетевых ботов в политическом дискурсе демонстрируют необходимость дополнения теории языковой личности и включения в сферу диагностических исследований аспекта, направленного на дифференциацию признаков естественной языковой личности и социально- сетевого бота, текста как продукта речевой деятельности реального автора и автоматически сгенерированного текстового сообщения.

Исследования в этом направлении показывают, что установление диагностических признаков речевого поведения социально-сетевых ботов невозможно проводить на основе отрицания человеческого фактора в языке и наблюдения за нарушениями норм языка и речи, как это было характерно для начальных этапов развития психолингвистики. Сегодня именно отклоняющееся коммуникативное поведение человека, признаки его естественной речи становятся предметом моделирования при порождении социально-сетевых ботов и других автоматических помощников.

Предложенный комплекс лингвистических признаков, применимых для характеристики гипотетического социально- сетевого бота, позволяет зафиксировать наиболее значимые признаки задаваемого для него коммуникативного поведения и речевой реализации функций, направленных на решение политических задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алымов А. С., Баранюк В. В., Смирнова О. С., 2016. Детектирование бот-программ, имитирующих поведение людей в социальной сети «ВКонтакте» // *International Journal of Open Information Technologies*. № 8. С. 55–60.
- Антонова Ю. А., Демина С. А., 2010. Аватар как элемент самопрезентации в социальной сети // *Лингвокультурология*. № 4. С. 15–20.
- Василькова В. В., Легостаева Н. И., 2019. Социальные боты в политической коммуникации // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. Т. 19, № 1. С. 121–133. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-121-133
- Воробьева А. А., 2017. Методика идентификации интернет-пользователя на основе стилистических и лингвистических характеристик коротких электронных сообщений // *Информация и космос*. № 1. С. 127–130.
- Гаузенблэз К., 1978. О характеристике и классификации речевых произведений // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 8. Лингвистика текста. М. : Прогресс. С. 57–78.
- Горошко Е. И., 2007. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе*. Орел : ОГИИ. Вып. 5. С. 223–237.
- Дмитриева О. А., Мурзинова И. А., 2021. Теория лингвокультурных типажей. [Б. м.] : Изд. решения. 152 с.
- Ионова С. В., 2006. Аппроксимация содержания вторичных текстов : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Волгоград. 37 с.
- Ионова С. В., Лешутина И. А. 2020. Диагностика речевого поведения личности в прикладных лингвистических исследованиях // *Русский язык в современном научном и образовательном пространстве*. М. : Изд-во РУДН. С. 78–81.
- Ионова С. В., Петрова М. Ю., 2021. Сетевые формы конфликтной коммуникации: кибербуллинг и эмоциональное самовыражение // *Культура и текст*. № 4 (47). С. 267–280. DOI: 10.37386/2305-4077-2021-4-267-280
- Иссерс О. С., Герасимова А. С., 2023. Категория диалогичности в медиажанрах: обзор зарубежных исследований // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. Т. 22, № 4. С. 148–157. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.11>
- Карасик В. И., 2021. Сетевая языковая личность // *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*. Вып. 6 (848). С. 33–45.
- Караулов Ю. Н., 1987. Русский язык и языковая личность. М. : Наука. 261 с.
- Катасев А. С., Катасева Д. В., Кирпичников А. П., Евсеева А. О., 2015. Нейросетевая модель иден-

- тификации ботов в социальных сетях // Вестник Технологического университета. Т. 18, № 16. С. 253–256.
- Кузьмин В. Н., Менисов А. Б., Шастун И. А., 2020. Методический подход к выявлению ботов в социальных сетях на основе специального объединения классификаторов // Бизнес-информатика. Т. 14, № 3. С. 54–66. DOI: 10.17323/2587-814X.2020.3.54.66
- Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение, 2006 / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул ; Кемерово : БГПУ. 435 с.
- Логинова А. О., 2022. Подходы к обнаружению социальных интернет-ботов // Информация и безопасность. Т. 25, вып. 2. С. 201–208. DOI: 10.36622/VSTU.2022.25.2.005
- Матвеева Г. Г., 2022. Основы прагмалингвистики : учебник. М. : ИНФРА-М. 204 с.
- Потапова Р. К., Курьянова И. В., 2021. Особенности исследования текста в эпоху цифровой коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 2. С. 5–15. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.1>
- Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира, 1988. М. : Наука. 216 с.
- Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи, 1991. М. : Наука. 240 с.
- Шаховский В. И., 1987. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж : Изд-во ВГУ. 190 с.
- Шилина М. Г., 2010. Интернет-коммуникация и тенденции трансформации системы общественных связей // Вестник московского университета. Серия 10, Журналистика. № 4. С. 81–90.
- Bessi A., Ferrara E., 2016. Social Bots Distort the 2016 US Presidential Election Online Discussion // First Monday. Vol. 21, № 11. URL: <https://ssrn.com/abstract=2982233>
- Bolsover G., Howard P., 2019. Chinese Computational Propaganda: Automation, Algorithms and the Manipulation of Information About Chinese Politics on Twitter and Weibo // Information, Communication & Society. Vol. 22, iss. 14. P. 2063–2080. DOI:10.1080/1369118X.2018.1476576
- 38 Incredible Chatbot Statistics (2023). URL: <https://www.netomi.com/chatbot-statistics>
- Ferrara E., Varol O., Davis C., Menczer F., Flammini A., 2016. The Rise of Social Bots // Communications of the ACM. Vol. 59, iss. 7. P. 96–104.
- Grimme C., Preuss M., Adam L., Trautmann H., 2017. Social Bots: Human-Like by Means of Human Control? // Big Data. Vol. 5, № 4. P. 279–293. DOI: 10.1089/big.2017.0044
- Howard P. N., Woolley S., Calo R., 2016. Algorithms, Bots, and Political Communication in the US 2016 Election: The Challenge of Automated Political Communication for Election Law and Administration // Journal of Information Technology & Politics. Vol. 15, iss. 2. P. 81–93. DOI:10.1080/19331681.2018.1448735. 10
- Stieglitz S., Brachten F., Ross B., Jung A.-K., 2017. Do Social Bots Dream of Electric Sheep? A Categorisation of Social Media Bot Accounts // ACIS. Proceedings. URL: <https://aisel.aisnet.org/acis2017/89>
- Vorobeva A. A., 2016. Forensic Linguistics: Automatic Web Author Identification // Scientific and Technical Journal of Information Technologies, Mechanics and Optics. Vol. 16, № 2. P. 295–302.

REFERENCES

- Alymov A.S., Baranyuk V.V., Smirnova O.S., 2016. Detektirovanie bot-programm, imitiruyushchikh povedenie lyudey v sotsialnoy seti «VKontakte» [Detection of Bot-Programs Simulating Behavior of People in Social Network “Vkontakte”]. *International Journal of Open Information Technologies*, no. 8, pp. 55–60.
- Antonova Yu.A., Demina S.A., 2010. Avatar kak element samoprezentatsii v sotsialnoy seti [Avatar as an Element of Self-Presentation in Social Network]. *Lingvokulturologiya* [Linguoculturology], no. 4, pp. 15–20.
- Vasilkova V.V., Legostaeva N.I., 2019. Sotsialnye boty v politicheskoy kommunikatsii [Social Bots in Political Communication]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya* [Bulletin RUDN. Series: Sociology], vol. 19, no. 1, pp. 121–133. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-121-133
- Vorobeva A.A., 2017. Metodika identifikatsii internet-polzovatelya na osnove stilisticheskikh i lingvisticheskikh kharakteristik korotkikh elektronnykh soobshcheniy [Internet User Identification Based on Stylistic and Linguistic Characteristics of Short Electronic Messages]. *Informatsiya i kosmos* [Information and Space], no. 1, pp. 127–130.
- Gauzenblaz K., 1978. O kharakteristike i klassifikatsii rechevykh proizvedeniy [On the Characterization and Classification of Speech Works]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 8. Lingvistika teksta* [New in Foreign Linguistics. Iss. 8. Linguistics of the Text]. Moscow, Progress, pp. 57–78.
- Goroshko E.I., 2007. Lingvistika Interneta: formirovanie distsiplinarnoy paradigmy [Internet Linguistics:

- Building a Disciplinary Paradigm]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse* [Genres and Types of Text in Scientific and Media Discourse]. Orel, OGII, iss. 5, pp. 223-237.
- Dmitrieva O.A., Murzinova I.A., 2021. *Teoriya lingvokulturnykh tipazhey* [The Theory of Cultural Types]. S.l., Izd. resheniya Publ. 152 p.
- Ionova S.V., 2006. *Approksimatsia sodержaniya vtorichnykh tekstov: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Approximation of Content of Secondary Texts. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Volgograd. 37 p.
- Ionova S.V., Leshutina I.A. 2020. Diagnostika rechevogo povedeniya lichnosti v prikladnykh lingvisticheskikh issledovaniyakh [Diagnostics of Speech Behaviors in Applied Linguistic Research]. *Russkiy yazyk v sovremennom nauchnom i obrazovatel'nom prostranstve* [Russian in the Modern Scientific and Educational Space]. Moscow, Izd-vo RUDN, pp. 78-81.
- Ionova S.V., Petrova M.Yu., 2021. Setevye formy konfliktnoy kommunikatsii: kiberbulling i emotsionalnoe samovyrashenie [Online Forms of Conflict Communication: Cyberbullying and Emotional Expression]. *Kultura i tekst* [Culture and Text], no. 4 (47), pp. 267-280. DOI: 10.37386/2305-4077-2021-4-267-280
- Issers O.S., Gerasimova A.S., 2023. Kategoriya dialogichnosti v mediazhanrakh: obzor zarubezhnykh issledovaniy [The Category of Dialogue in Media Journalism: An Overview of Foreign Research]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 4, pp. 148-157. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.11>
- Karasik V.I., 2021. Setevaya yazykovaya lichnost [Network Language Personality]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], iss. 6 (848), pp. 33-45.
- Karaulov Yu.N., 1987. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian Language and Linguistic Identity]. Moscow, Nauka Publ. 261 p.
- Katasev A.S., Kataseva D.V., Kirpichnikov A.P., Evseeva A.O., 2015. Neyrosetevaya model identifikatsii botov v sotsialnykh setyakh [Neural Network Model of Bot Identification in Social Networks]. *Vestnik Tekhnologicheskogo universiteta* [University of Technology Bulletin], vol. 18, no. 16, pp. 253-256.
- Kuzmin V.N., Menisov A.B., Shastun I.A., 2020. Metodicheskiy podkhod k vyavleniyu botov v sotsialnykh setyakh na osnove spetsialnogo obedineniya klassifikatorov [Methodical Approach to the Identification of Bots in Social Networks on the Basis of a Special Association of Classifiers]. *Biznes-informatika* [Business Informatics], vol. 14, no. 3, pp. 54-66. DOI: 10.17323/2587-814X.2020.3.54.66
- Golev N.D., ed., 2006. *Lingvopersonologiya: tipy yazykovykh lichnostey i lichnostno-orientirovannoe obuchenie* [Language Studies: Types of Linguistic Personalities and Personalized Learning]. Barnaul, Kemerovo, BGPU. 435 p.
- Loginova A.O., 2022. Podkhody k obnaruzheniyu sotsialnykh internet-botov [Approaches to Social Internet Bots Detection]. *Informatsiya i bezopasnost*, vol. 25, iss. 2, pp. 201-208. DOI: 10.36622/VSTU.2022.25.2.005
- Matveeva G.G., 2022. *Osnovy pragmalingvistiki: uchebnyk* [Fundamentals of Pragmatic Linguistics. Textbook]. Moscow, INFRA-M Publ. 204 p.
- Potapova R.K., Kuryanova I.V., 2021. Osobennosti issledovaniya teksta v epokhu tsifrovoy kommunikatsii [Features of Text Research in the Age of Internet-Mediated Communication]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2021, vol. 20, no. 2, pp. 5-15. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.1>
- Rol chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira [The Role of the Human Factor in Language. Language and Picture of the World], 1988. Moscow, Nauka Publ. 216 p.
- Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazyk i porozhdenie rechi [Human Factor in Language: Language and Speech Generation], 1991. Moscow, Nauka Publ. 240 p.
- Shakhovskiy V.I., 1987. *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of Emotions in the Lexical Semantic System of Language]. Voronezh, Izd-vo VGU. 190 p.
- Shilina M.G., 2010. Internet-kommunikatsiya i tendentsii transformatsii sistemy obshchestvennykh svyazey [Internet Communication and Trends in the Transformation of Public Communication]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, no. 4, pp. 81-90.
- Bessi A., Ferrara E., 2016. Social Bots Distort the 2016 US Presidential Election Online Discussion. *First Monday*, vol. 21, no. 11. URL: <https://ssrn.com/abstract=2982233>
- Bolsover G., Howard P., 2019. Chinese Computational Propaganda: Automation, Algorithms and the Manipulation of Information About Chinese Politics on Twitter and Weibo. *Information,*

- Communication & Society*, vol. 22, iss. 14, pp. 2063-2080. DOI:10.1080/1369118X.2018.1476576
- 38 Incredible Chatbot Statistics (2023). URL: <https://www.netomi.com/chatbot-statistics>
- Ferrara E., Varol O., Davis C., Menczer F., Flammini A., 2016. The Rise of Social Bots. *Communications of the ACM*, vol. 59, iss. 7, pp. 96-104.
- Grimme C., Preuss M., Adam L., Trautmann H., 2017. Social Bots: Human-Like by Means of Human Control? *Big Data*, vol. 5, no. 4, pp. 279-293. DOI: 10.1089/big.2017.0044
- Howard P.N., Woolley S., Calo R., 2016. Algorithms, Bots, and Political Communication in the US 2016 Election: The Challenge of Automated Political Communication for Election Law and Administration. *Journal of Information Technology & Politics*, vol. 15, iss. 2, pp. 81-93. DOI: 10.1080/19331681.2018.1448735. 10
- Stieglitz S., Brachten F., Ross B., Jung A.-K., 2017. Do Social Bots Dream of Electric Sheep? A Categorisation of Social Media Bot Accounts. *ACIS. Proceedings*. URL: <https://aisel.aisnet.org/acis2017/89>
- Vorobeva A.A., 2016. Forensic Linguistics: Automatic Web Author Identification. *Scientific and Technical Journal of Information Technologies, Mechanics and Optics*, vol. 16, no. 2, pp. 295-302.

Information About the Authors

Svetlana V. Ionova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, sionova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6361-741X>

Elizaveta V. Makhaeva, Researcher, Laboratory of Legal Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, eliza.malkova.00@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5098-621X>

Информация об авторах

Светлана Валентиновна Ионова, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, sionova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6361-741X>

Елизавета Владиславовна Махаева, научный сотрудник лаборатории юридической лингвистики, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, eliza.malkova.00@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5098-621X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.9>

UDC 81'42:808.1
LBC 81.055.52

Submitted: 15.01.2024
Accepted: 09.04.2024

SPEECH MASKING OF AUTHORSHIP IN CONFLICT-PRONE TEXTS: LINGUISTIC, LEGAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS

Igor V. Ogorelkov

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Yulia A. Frolova

Moscow Research Center, Moscow, Russia

Tatiana V. Myatlik

Moscow Research Center, Moscow, Russia

Abstract. The article introduces a comprehensive interdisciplinary approach to authorship speech masking identification and classification as a research domain of the linguistics of lies. The material for the study was a corpus of conflict-prone texts, which, among other things, contained deliberately falsified information about the author. The paper discloses the issues of conflict-prone texts authorship investigation. It presents the description of the main types of speech masking and linguistic ways of their expression. The legal aspects of the concept are revealed, in particular, the description of crimes is given, the compositions of which may include a speech masking of authorship. Some features of the subjective side of the offense (intent, motive) are studied, thus it enables qualifying the speech behavior of a person as a disguise. The psychological aspect of speech masking in the author's text is highlighted, trends in psychological influence orientation in the context of various types of its implementation are noted. The comprehensive study resulted in the establishment and description of the types of authorship masking. Based on the study of the text array, the linguistic and psychological characteristics of each of the diagnosed types of disguise were identified in terms of legislative norms and relevant law enforcement practice.

Key words: linguistics of lies, conflict-prone text, speech masking, idiostyle, imitation of authorship, denotation encoding.

Citation. Ogorelkov I.V., Frolova Yu.A., Myatlik T.V. Speech Masking of Authorship in Conflict-Prone Texts: Linguistic, Legal and Psychological Aspects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 3, pp. 109-123. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.9>

УДК 81'42:808.1
ББК 81.055.52

Дата поступления статьи: 15.01.2024
Дата принятия статьи: 09.04.2024

РЕЧЕВАЯ МАСКИРОВКА АВТОРСТВА В КОНФЛИКТОГЕННЫХ ТЕКСТАХ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Игорь Витальевич Огорелков

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Юлия Андреевна Фролова

Московский Исследовательский Центр, г. Москва, Россия

Татьяна Валерьевна Мятлик

Московский Исследовательский Центр, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье предложен комплексный междисциплинарный подход к выявлению речевой маскировки авторства и ее классификации. Материалом для изучения послужил корпус конфликтогенных текстов, которые содержат заведомо ложную информацию об авторе. И.В. Огорелковым раскрыты актуальные проблемы диагностического автороведческого исследования текстов конфликтогенной направленности, описаны виды речевой маскировки и языковые способы ее реализации. Ю.А. Фроловой выполнено изучение понятия «речевая маскировка» с точки зрения российского законодательства: охарактеризованы преступления, состав которых может включать речевую маскировку авторства, выделены особенности компонентов субъективной стороны преступления (умысел, мотив), позволяющие квалифицировать речевое поведение лица как маскировку. Т.В. Мятлик осуществлен психологический анализ речевой маскировки в авторском тексте, отмечены тенденции направленности психологического воздействия в контексте различных видов его реализации. В результате комплексного исследования определены виды речевой маскировки авторства: были установлены лингвистические и психологические параметры каждого из диагностированных видов маскировки в аспекте законодательных норм и соответствующей правоприменительной практики.

Ключевые слова: лингвистика лжи, конфликтогенный текст, речевая маскировка, идиостиль, имитация авторства, кодировка денотата.

Цитирование. Огорелков И. В., Фролова Ю. А., Мятлик Т. В. Речевая маскировка авторства в конфликтогенных текстах: лингвистические, правовые и психологические аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 109–123. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.9>

Введение

Ложь – это намеренное искажение информации с целью создать у адресата неверное представление о чем-либо или привести его к неправильным выводам. В.А. Маслова пишет: «Нет такой сферы человеческой деятельности, где не встречалась бы ложь. Будучи сложным переплетением интенциональных, когнитивных и нравственных аспектов, ложь сопровождает человеческую коммуникацию и реализуется в ней, знаменуя конфликт между нормой, моралью и правдой как одной из фундаментальных бытийных ценностей» [Маслова, 2004, с. 221]. В последние годы в связи с повышением уровня экстремистской и террористической угрозы все более актуальной становится задача обнаружения лжи, поскольку от ее решения напрямую зависит уровень национальной безопасности.

Психологический подход к определению искаженной информации заключается в установлении психологического состояния лгущего человека. В качестве фундаментального труда в области психологии специалистами признается работа П. Экмана, определяющего ложь (обман) «как действие, которым один человек вводит в заблуждение другого, делая это умышленно, без предварительного уведомления о своих целях и без отчетливо выраженной со стороны жертвы просьбы не

раскрывать правды» [Экман, 2022, с. 22–23]. Существенным моментом для психологического исследования ложного высказывания являются такие параметры лжи, как полнота ложной информации, нормативность или ненормативность лжи, наличие / отсутствие намерения обмануть собеседника.

Лингвистическое обоснование феномена ложного высказывания начинается с работы Х. Вайнриха «Лингвистика лжи», в которой ложь определяется как неотъемлемое свойство языка: «...языковая ложь, если понимать вещи буквально, – это большинство таких риторических фигур, как эвфемизмы, гиперболы, эллипсис, двусмысленности, виды и формулы вежливости, эмфаза, ирония, слова-табу, антропоморфизмы и т. д. Для истины в языке остается только узенькая улочка. Это, как можно предположить, простое повествовательное предложение, так любимое логикой» [Вайнрих, 1987, с. 46].

В исследованиях Г.Г. Матвеевой, А.В. Ленец, Е.И. Петровой вводится понятие ложного речевого акта – вида речевого действия, «при совершении которого отправителем намеренно нарушается ожидаемое получателем соблюдение принципов и правил речевого общения» (см., например: [Матвеева, Ленец, Петрова, 2014, с. 105]).

В современных реалиях лингвистическое изучение феномена лжи становится одним из

приоритетных направлений юрислингвистики (о перспективах развития данного научного направления см.: [Ленец, 2009; Шаховский, 2005; Dietz, 2001; Fairclough, 2003]).

В зарубежной и отечественной науке наблюдается большой интерес к мало изученной проблеме определения лжи в конфликтогенных текстах [Закатов, 1984; Литвинова, Середин, 2013; Иссерс, 2020; Falkenberg, 1982]. Такие исследования имеют междисциплинарный характер. Автороведы и лингвисты, психологи и юристы объединяют свои усилия, чтобы выявить значимые различия между «правдивыми» и «ложными» текстами, а затем установить наличие или отсутствие в тексте признаков намеренно искаженной информации [Дайлоф, 2019]. Для решения поставленной задачи необходим исследовательский корпус, содержащий как «правдивые», так и «ложные» тексты. Составление этого корпуса (так называемого «Банка лжи») – самостоятельная научная задача, на решение которой направлено комплексное исследование конфликтогенных текстов различного объема и содержания, проводимое научным коллективом ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр».

Для выявления маркеров лжи в тексте необходим синтез достижений и методов лингвистики, автороведения, юриспруденции и психологии, корпусные исследования на большом материале [Алексеева, 2011]. Принципиально важным для решения задач, связанных с разработкой методик обнаружения ложных высказываний в тексте, является положение о том, что выбор способов построения ложного речевого акта в дискурсе в значительной мере определяется индивидуально-психологическими, социально-биографическими особенностями автора, а также обстоятельствами, в рамках которых реализован каждый конкретный речевой акт.

Индивидуально-психологические особенности автора способны повлиять на удержание, хранение и переработку им той или иной информации с дальнейшим ее преобразованием в текст, который представляет собой самостоятельный продукт речемыслительной деятельности. Социально-биографические особенности (в частности, своеобразие субъективного опыта, социальный статус, уро-

вень возрастного развития, уровень правовой, языковой, текстовой и коммуникативной компетентности) связаны с оценкой информации, способностью к ее содержательной интерпретации и к дешифровке ее характера и значения, а также с передачей ее третьим лицам в виде, выбранном адресантом (исходном, маскированном, искаженном и т. д.). Внешними обстоятельствами обусловлена стратегия реализации адресантом речевого акта, интенций на сообщение истинных или ложных сведений.

В контексте вышеописанного особый интерес представляет изучение речевой маскировки лжи в текстах конфликтогенной направленности как одно из наиболее актуальных направлений лингвистики лжи.

Речевая маскировка представляет собой сознательное изменение автором текста формально-содержательной (смысловой) и языковой структуры своей письменной речи с целью скрыть от адресата информацию о своей личности или дать заведомо ложную информацию [Гомон, 1992, с. 45].

В общеупотребительном значении лексема *маскировка* (от глагола *маскировать* – скрывать что-н., представлять не тем, что есть в действительности) указывает на использование неких средств, приемов с целью сокрытия истинного положения дел (БТСРЯ; НСРЯ).

Основными целями речевой маскировки следует считать:

- 1) сокрытие от адресата и/или контрагента значимой информации об авторе;
- 2) предоставление адресату и/или контрагенту заведомо ложной информации о своей личности;
- 3) дискредитацию автора первичного текста путем создания нового (вторичного) текстового продукта на основе существующего текста.

С юридической точки зрения мотивы совершения противоправных действий посредством написания текстов, содержащих признаки речевой маскировки, могут быть различны (например, половое влечение может стать мотивом преступления против половой свободы и неприкосновенности, корысть – преступления в сфере экономической деятельности, национальная ненависть или вражда – преступления экстремистского характера и т. д.), однако

мотивом речевой маскировки всегда является необходимость сокрытия информации о некоем противоправном действии и его компонентах (субъекте такого действия, объекте преступного посягательства и их свойствах). Именно указанная особенность представляется существенной для квалификации того или иного коммуникативного акта как речевой маскировки.

При широком подходе к пониманию речевой маскировки обнаруживается тенденция объединения в его рамках большого круга разнородных языковых процессов, разных речевых стратегий, дискурсивных практик, имплицитных способов передачи информации [Баранов, 2007]. Например, «маскирующим» потенциалом обладают элиминация, эллипсис, намек, эвфемизация, средства невербальной коммуникации и другие. В то же время использование названных приемов необязательно предполагает реализацию коммуникативной установки на сокрытие информации и может быть обусловлено принципом экономии речевых усилий. Таким образом, при определении объема данного понятия следует руководствоваться функционально-прагматическим подходом – ориентироваться в первую очередь на то, с какой целью было применено речевое средство.

Значительное количество научных исследований в автороведении и лингвистике демонстрирует необходимость разграничения в рамках видовой классификации понятия эвфемии и маскировки как самостоятельных, функционально противопоставленных речевых стратегий [Козлов, Саженина, 2016; Москвин, 2007]. Так, при эвфемии состав участников коммуникации следующий – адресат, адресант, иногда третье лицо (от которого информация не скрывается, а только смягчается наименование отдельных процессов или предметов). В ситуации маскировки коммуникантами являются адресат, адресант и контрагент (в роли которого часто выступает реальный или предполагаемый представитель закона).

С учетом этого тезиса возможность разграничения видов речевой маскировки и определения способов их выражения в языке, обоснованная в трудах лингвистов, автороведов, психологов, юристов, представляется объективной. Гипотезой данного исследования является следующее предположение: диф-

ференциация признаков речевой маскировки в конкретном конфликтогенном тексте, а также установление вида речевой маскировки возможны в рамках комплексного междисциплинарного подхода с учетом лингвистических, психологических и правовых аспектов классификации речевого преступления.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили письменные русскоязычные тексты конфликтогенной направленности (авторы – представители различных половозрастных групп; орфография и пунктуация оригинала сохранены) с элементами речевой маскировки, размещенные в открытом доступе. Общий корпус эмпирического материала составил 1000 авторских текстов объемом более 100 словоупотреблений каждый. К исследованию привлекались письменные тексты политического, бытового, производственного, научного дискурсов, в том числе с использованием Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

На предварительном этапе анализа был проведен отбор группы текстов с лингвистическими и психологическими признаками речевой маскировки; изучены компоненты субъективной стороны преступления (умысел, мотив), позволяющие квалифицировать речевое поведение автора конфликтогенного материала как маскировку. Отбор таких материалов способствовал исключению из дальнейшего комплексного анализа тексты, содержащие элиминацию, эллипсис, намек, эвфемизмы, и тексты с низкой частотностью признаков письменной речи автора.

При оценке пригодности объекта для комплексного анализа учитывался ряд требований: а) текст документа должен был представлен полностью, рассматриваться как завершенный; б) объем текста представленного документа должен составлять не менее 100 словоформ для его анализа по критериям устойчивости и полноты реализации речевого навыка; в) направленность текста должна быть конфликтогенной; г) текст должен содержать информацию об условиях коммуникации, ее участниках и их действиях, а также сведения об устанавливаемых обстоятельствах уголовного дела.

Итогом анализа текстового корпуса русскоязычных текстов конфликтной направленности стали выявление и классификация видов маскировки и способов их выражения. Объем текстового корпуса («Банка лжи») с элементами речевой маскировки авторства составил 735 текстов.

Результаты и обсуждение

Результаты выполненного нами анализа российского уголовного законодательства и правоприменительной практики показывают, что ложь и обман в коммуникативном поведении могут образовывать состав различных преступлений. Условно такие нормы можно разделить на две группы:

1) сообщение ложных сведений является целью достижения преступного результата (например, ст. 306 УК РФ «Заведомо ложный донос», ст. 307 «Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод», ст. 128 «Клевета», ст. 207 УК РФ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма»);

2) сообщение ложных сведений является способом достижения иного преступного результата (см. подробнее раздел «Исследовательские результаты и их интерпретация»).

Согласно проведенному исследованию, конфликтные тексты, содержащие признаки речевой маскировки, характеризуются как созданные с прямым умыслом, то есть субъект преступления (автор спорного текста) осознавал общественную опасность своих действий, предвидел возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желал их наступления [Уголовный кодекс..., 1996]. Например, при написании текста, содержащего заведомо ложную информацию о готовящемся террористическом акте в торговом центре, субъект действий понимал, что передаваемые сведения не соответствуют действительности, предвидел последствия их передачи (в частности, мобилизацию сил специальных служб быстрого реагирования, эвакуацию посетителей и сотрудников торгового центра и т. д.), и желал наступления таких последствий, в связи с чем осознанно создал текст с применением имитации авторства.

В результате проведенного комплексного анализа представленного текстового массива («Банка лжи») было установлено 4 вида речевой маскировки авторства:

1. Подстройка под письменную речь конкретного лица.

2. Искажение значимых особенностей идиостиля автора.

3. Имитация авторства.

4. Шифрование значимой информации.

Кратко охарактеризуем каждый из видов речевой маскировки и способы их выражения.

1. Для выполнения **подстройки** адресанту необходим первичный текст (или группа текстов) конкретного лица, в котором отражены различные признаки письменной речи адресата – смысловые и языковые. Смысловыми считаются такие признаки письменной речи автора, которые отражают автобиографическую и фактическую информацию. Данные признаки легко поддаются подстройке; автору вторичного текста достаточно упомянуть несколько рядовых фактов, привести отдельные стандартные слова и выражения из первичного текста (в частности, возможно прямое и не прямое цитирование) [Ионова, 2006].

Однако имеется множество таких языковых признаков письменной речи автора первичного текста, которые не поддаются подстройке в их системном взаимодействии. Отдельные элементы данной системы в принципе повторимы и доступны стилизации, но вся система признаков (в основном языковых) остается неповторимой для каждого автора, в том числе и автора конфликтного текста.

Поэтому в рамках комплексного анализа экспертом устанавливается совокупность признаков письменной речи автора / авторов первичного и вторичного текстов, определяется степень информативности выявленных совпадений. При наличии в сравниваемых материалах только низкоинформативных совпадений (преимущественно смысловых признаков) и при установлении видимых различий языковых, текстологических и психолингвистических признаков следует говорить о подстройке под письменную речь конкретного лица – автора первичного текста.

Рассмотрим пример подобного вторичного текста из «Банка лжи» (материалы пер-

вичных текстов-источников подстройки в данном экспертном случае не приводятся в виду их большого объема).

Текст № 1

Папуля я получила от мамы весточку. УРА!!!! Наши с тобой ожидания оправдались она жива и очень нуждается в моей поддержке. Я разговаривала с ней по телефону. рассказала о наших делах про БАРТИКА. ментов. опеку и как умный Коля с родственниками меня выматывают. Мама сказала сохранить все в строгой тайне. никому ни слова. ни ментам. ни родственникам ни тебе. Мама ждет меня. нам надо с ней срочно довести денежное дело до конца в Питере и за границей. где нужно мое присутствие. Мы очень богаты папуля. Я взяла самое необходимое. наши загран паспорта и срочно уезжаю с Маминим секретарем Виктором на машине. Он наш друг. многое про меня знает и ему можно доверять. Кстате Мама очень важный человек в одной интересной организации. Ты единственный был прав. Не волнуйся за меня мы тебя и Диму не бросим. Мама тоже очень переживает по другому – никак. Следи за хозяйством и Бартусей. при первой возможности перезвоню или напишу. Пап скажи классной что заболела а с работой я сама свяжусь. Я не хочу никому звонить. можешь сказать только малой и Боре. Это мое письмо сотри и никому-никому так Мама велела. Целую. люблю тебя. до скорой встречи. Катя.

В данном примере, являющемся (наряду с любыми другими текстами) отражением личностных особенностей адресанта, помимо речевых средств, направленных на реализацию подстройки, используются такие приемы психологического воздействия, как моделирование ситуации энигматичности и дефицита времени (... *срочно уезжаю с Маминим секретарем; Это мое письмо сотри и никому-никому так Мама велела...*), апелляция к семейным ценностям (*Целую. люблю тебя. до скорой встречи.*), к выраженным положительным чувствам, в сочетании с демонстрацией субъективной значимости событий, о которых повествуется (*Папуля я получила от мамы весточку. УРА!!!! Наши с тобой ожидания оправдались она жива и очень нуждается в моей поддержке.*), применение речевой тактики по типу информационной перегруженности (содержательно текст представлен отрывистыми разнонаправленными, неконкретными фактами; отсутствуют уточняющие элементы). Перечисленные приемы выступает «маски-

рующим» потенциалом и образуют массив средств, затрудняющих идентификацию подлинного авторства. Целью их использования является снижение критичности адресата при оценке и интериоризации полученных из данного текста сведений с помощью эмоционального убеждения адресата в том, что они изложены именно тем автором, от чьего имени они предьявлены. Направленность воздействия на эмоциональную сферу адресата тенденциозно наиболее частотна в контексте подстройки.

2. **Искажение значимых особенностей идиостиля автора** может быть представлено в конфликтных текстах в трех разновидностях: за счет снижения уровня грамотности, изменения уровня культуры речи, нейтрализации значимых характеристик письменной речи автора текста. В результате проведенного комплексного анализа текстового массива из «Банка лжи» были определены языковые средства выражения каждой из разновидностей искажения.

Так, при сознательном *снижении своего уровня грамотности* (логичнее говорить не об искажении, а о снижении, так как сознательно повысить свой уровень грамотности при составлении конфликтного текста практически невозможно) автор изменяет те признаки, которые характерны для его уровня грамотности (высокого, среднего или низкого) [Изотова, 2020]. Таким образом, при снижении уровня грамотности возникает определенная контаминация признаков письменной речи, свойственных различным уровням грамотности (например, соблюдение / несоблюдение одного и того же синтаксического, пунктуационного правила; верное / неверное написание слова или словосочетания; соблюдение более сложных для усвоения правил орфографии и несоблюдение простых и даже элементарных).

В то же время выделение некоторых элементов контаминации написания различных слов, словосочетаний и предложений недостаточно для того, чтобы утверждать наличие в анализируемом тексте искажения идиостиля автора за счет снижения уровня грамотности. Необходимо в рамках комплексного анализа установить совокупность признаков письменной речи автора в исследуемом конфликтном тексте, и только после анализа их

взаимоотношения и взаимозависимости делать вывод о присутствии в тексте элементов искажения идиостиля автора за счет снижения уровня грамотности.

В рамках проведенного научно-практического исследования, связанного с формированием «Банка лжи», были выявлены следующие, наиболее характерные языковые средства выражения данной разновидности искажения:

– соблюдение и несоблюдение одного синтаксического, пунктуационного, орфографического правила;

– соблюдение сложных синтаксических, пунктуационных, орфографических правил и несоблюдение простых;

– написание части слов в соответствии с разговорной транскрипцией и части – в соответствии с правилами написания;

– верное и неверное с точки зрения орфографии написание одного и того же слова или словосочетания.

Приведем пример конфликтного текста из «Банка лжи», в котором установлены признаки искажения значимых особенностей идиостиля автора за счет снижения уровня грамотности.

Текст № 2

Господин мэр!

Вынуждены Вас предупредить последний раз! Терпеть больше не будем. Если дальше у нас райене полка не будет света, а в домах блатных он будет сделаем поравну никому так не кому.

Вырубим всю Анапу надолго. Мало не покажется. За скотов нас держать не дадим. Если чириз неделю на Кирова будет так же плохо пиняйте на себя и своих блатных.

Срок неделя, время пошло.

Мы рядом, но искать бисполезно. Пусть будет или всем хорошо или всем очень плохо. Делайте выводы, а то за ваше повидение потом поздно будет оправдываться. Вот и все, что мы хотели Вам сказать помните об этом.

В тексте значимым орфографическим признаком искажения идиостиля автора за счет снижения уровня грамотности является, например, соблюдение и несоблюдение одного и того же орфографического правила (*терпеть – повидение, больше – дальше, никому – не кому*). Психологическое воздействие в данном примере реализуется посредством

апелляции к вычурности при интерполяции в текст примитивных грамматических ошибок с достаточно высокой частотностью (*дальше, чириз, оправдываться*), что направлено на интериоризацию адресатом навязанных и целенаправленно встроенных реальным автором установок об особенностях (в данном случае связанных с уровнем грамотности / владения русским языком) предъявляемого автора, и, как следствие, на оценку адресатом содержательной составляющей текста через призму данных установок. Мишенью такого психологического воздействия выступает в первую очередь рациональная (когнитивная) сфера адресата: частота встречаемости заурядных ошибок способствует искажению образа автора текста в представлении адресата и влияет на снижение его критичности при оценке содержательного аспекта изложенной в тексте информации. Направленность воздействия на рациональную сферу адресата тенденциозно наиболее частотна в контексте искажения значимых особенностей идиостиля автора за счет снижения уровня грамотности.

Использование данного вида речевой маскировки характерно для лиц, совершающих преступления против половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних, предусмотренных главой 18 УК РФ, а также ст. 242.1 «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних» и 242.2 «Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов».

В таких случаях искажение идиостиля зачастую направлено на эмоциональную сферу несовершеннолетнего адресата: в рамках диалогового общения автор, руководствуясь установкой на реализацию желаемых для себя противоправных намерений, нацелен на формирование и сохранение заинтересованности ребенка в поддержании коммуникации с ним, на формирование ореола доверия к себе в том трансформированном образе, в котором представил себя. При такой коммуникации ребенок, особенно малолетний, в силу естественно-возрастного развития с высокой вероятностью может оказаться неспособным понимать характер и значение осуществляемых с ним действий, их социальное значение и внутреннее

содержание, проявить недостаточную критичность при оценке ситуации и предмета коммуникаций, а также личности коммуниканта (автора, реализующего искажение идиостиля). Искаженные представления о коммуниканте и цели поддержания им общения способствуют существенному ограничению выбора ребенком оптимальных стратегий поведения в процессе взаимодействия с автором.

Тем самым коммуникант сознательно искажает собственную письменную речь (среди прочего допускает множественные ошибки орфографического и пунктуационного характера, снижая общий уровень грамотности, что согласуется со смысловыми характеристиками текста, в частности, с опорой на референтные и привлекательные для несовершеннолетнего темы, демонстрацией осведомленности об интересах, характерных для детей) с целью ее уподобления речи лиц, составляющих детскую возрастную группу.

Кроме того, осознавая противоправность своих действий, лицо, совершающее преступление, руководствуется необходимостью сокрыть информацию о своей личности не только от ребенка, но и от правоохранительных органов.

Искажение значимых особенностей идиостиля автора за счет изменения уровня культуры речи практически не встречается в конфликтогенных материалах отдельно, а реализуется в сочетании с искажением за счет снижения уровня грамотности. В то же время необходимость выделения релевантных признаков письменной речи, характерных для этой разновидности искажения, обусловлена тем, что в данном случае исследуются лексический и стилистический уровни текста, которые определяются собственными средствами выражения и подчиняются своим правилам.

Потребность в установлении признаков письменной речи, свойственны определенному уровню культуры речи, обусловлена тем, что при сознательном изменении уровня своей культуры речи автор искажает те признаки, которые свойственны для уровня его культуры речи – высокого, среднего или низкого (логичнее говорить об изменении, а не о снижении, поскольку в редких случаях автор, сознательно используя, например, средства образности речи, лексические кальки, фразеоло-

логические обороты, которые он обычно не употребляет в своей письменной речи, в какой-то степени повышает уровень своей культуры речи). При изменении (снижении или повышении) автором уровня своей культуры речи возникает определенная контаминация признаков, свойственных различным уровням культуры речи.

Выделив весь комплекс взаимозависимых лексических и стилистических признаков и проанализировав характер их взаимоотношений, можно сделать вывод о наличии в тексте элементов искажения значимых особенностей идиостиля автора за счет изменения уровня культуры речи (например, употребление подряд нескольких тропов в предложении, где корректнее использовать их обычный словесный эквивалент; стилистически не оправданное употребление жаргонизмов, арготизмов в сочетании с лексическими единицами научного или публицистического стилей).

Приведем пример конфликтогенного текста из «Банка лжи», в котором установлены признаки искажения значимых особенностей идиостиля автора за счет изменения уровня культуры речи.

Текст № 3

Сколько можно терпеть безобразное отношение ваших работников к своим обязанностям. Я, можно сказать, отец одиночка, вторую неделю пытаюсь вызвать сантехника, а меня кормят одними обещаниями. Куда вы смотрите при подборе кадров! Кроме того, что гнида сантехник Николаев А.Н. работает в 10 местах он пьет как полковая лошадь. Он постоянно приходит пьяным на вызов по ремонту забитой окурками раковины. То у него нет запасных частей, то прокладок, то он откровенно вымогает деньги на бутылку. Таких работников надо гнать в 3 шеи. Я же не виноват, что у меня гуманитарное образование и я не в состоянии отличить прокладку для этой вашей трубы от впрочем, это не важно. Важно то, что у меня капает а временами, можно сказать, течет в 33 струи, не считая мелких брызг. Короче, не заткнете дыру до вторника, я ее заткну вашими ... впрочем это не важно.

В приведенном примере стилистическим признаком искажения идиостиля автора за счет изменения уровня культуры речи следует считать, например, смешение разностилевой лексики в сравнительно небольшом тексте (*гнать в 3 шеи; кормят одними обеща-*

ниями; *пьет как полковая лошадь – гнида сантехник; Короче, не заткнете дыру до вторника, я ее заткну вашими*).

«Маскировке» идиостиля автора в данном тексте служат такие приемы психологического воздействия, как апелляция к эмоционально насыщенным, оценочным высказываниям (*он пьет как полковая лошадь; Таких работников надо гнать в 3 шеи*) и апелляция к речевым конструкциям со значением угрозы-предупреждения (*Короче, не заткнете дыру до вторника, я ее заткну вашими... впрочем это не важно*), что нацелено на формирование у адресата (в первую очередь у целевого адресата) искаженного представления об особенностях (в данном случае связанных с уровнем культуры речи) автора. Соотносимые с созданным образом предьявляемого автора установки адресата влияют на оценку им содержательной составляющей текста. Вышеописанное направлено как на эмоциональную, так и на рациональную сферы адресата и в совокупности способствуют снижению его критичности при оценке содержательного аспекта изложенной в тексте информации (по аналогичному с описанным выше механизмом психологического воздействия при искажении авторского идиостиля за счет снижения уровня грамотности).

Нейтрализация значимых характеристик письменной речи автора как одна из разновидностей искажения встречается в экспертной практике редко и очень трудна для комплексного анализа.

Выделению группы признаков, характерных для данной разновидности искажения, должен предшествовать тщательный анализ текста. Он осуществляется на лексическом, синтаксическом, стилистическом, орфографическом и пунктуационном уровнях. Специфика выявления нейтрализации обусловлена тем, что доказать ее наличие в тексте можно на основе анализа соотношения низко-, средне- и высокоинформативных признаков, установленных в письменной речи автора. После сопоставления этих признаков между собой эксперт делает вывод о нейтрализации значимых характеристик письменной речи автора. Все признаки подобного рода имеют низкую информативность. Таким образом, если доминирующую роль в тексте играют низкоинфор-

мативные признаки письменной речи (более 70 % от общего количества выявленных признаков), то можно предположить наличие в тексте искажения идиостиля автора за счет нейтрализации значимых характеристик его письменной речи.

Признаки данной группы входят, вместе с признаками, характеризующими искажения идиостиля автора за счет снижения уровня грамотности и изменения уровня культуры речи, в общий комплекс лингвистических особенностей, на основании оценки которых в целом принимается решение о наличии или отсутствии в тексте элементов искажения идиостиля автора.

Проиллюстрируем вышесказанное на примере конфликтногенного текста из «Банка лжи», в котором установлены признаки искажения значимых особенностей идиостиля автора за счет нейтрализации значимых характеристик письменной речи.

Текст № 4

Уважаемый Владимир Николаевич!

Коллектив прокуратуры обращается к Вам с просьбой о немедленном вмешательстве и принятии мер по оздоровлению конфликтных взаимоотношений между прокурором области и подчиненными ему работниками.

За незначительный период времени Иван Сергеевич создал невыносимые условия для осуществления квалифицированного прокурорского надзора. Вся его деятельность направлена не на борьбу с преступностью в области, а на избавление от коллектива прокуратуры.

В данном примере искажение идиостиля автора за счет нейтрализации значимых характеристик письменной речи реализуется посредством использования таких приемов психологического воздействия, как расширение единоличного мнения до коллективного (*Коллектив прокуратуры обращается*), уклонения от конкретизации, соположенное с апелляцией к эмоционально насыщенным, оценочным высказываниям и речевым конструкциям с внешнеобвинительным значением (*За незначительный период времени Иван Сергеевич создал невыносимые условия*), что в совокупности способствует возникновению затруднений у адресата не только при содержательной оценке общего мас-

сива информации в тексте (в частности, какая именно деятельность *Ивана Сергеевича* критикуется / осуждается, кто конкретно из *коллектива прокуратуры* критикует / осуждает и пострадал от его деятельности), но и определении конкретного автора данного текста. Тем самым, мишенью такого психологического воздействия выступает в первую очередь рациональная (когнитивная) сфера адресата.

Обобщая вышеописанное, представляется значимым отметить: в контексте исследования текстов из «Банка лжи» с искажением идиостиля автора было установлено, что наиболее частотна реализация автором приемов психологического воздействия, направленных на рациональную сферу адресата, на его аргументированное убеждение в создании текста именно тем лицом, от имени которого он представлен (аргументация заложена в грамматической структуре текста, в построении речевых конструкций, в выборе лексических средств и т. д.). Автор ориентирован на сокрытие собственных социально-биографических особенностей (в частности, языковой и коммуникативной компетентности, уровня образования), сочетаемую с имитацией определенных, интересующих его языковых и культурных норм, на предъявление их в виде, представляющемся ему наиболее эффективным для деидентификации самого себя. Психологический анализ использованных автором средств выразительности и конкретности лексики (отражающей объем знаний автора в рамках затронутых в исследуемом тексте тем), анализ однородности когнитивной сложности текста в данном контексте может быть вспомогательным для лингвистического и автороведческого исследования средством экспликации действительного (без искажения) речевого поведения автора.

3. **Имитация авторства** как один из видов речевой маскировки достаточно часто встречается в конфликтогенных текстах. Например, в них может содержаться информация о личности автора, от имени которого сгенерирован текст: *Меня зовут Илья Борисов, я работаю в исследовательском центре, мне 33 года.* Эта фактическая, тематическая, автобиографическая информация о личности автора служит основанием для выде-

ления в тексте смысловых признаков письменной речи. Однако при дальнейшей обработке текста эксперт выявляет признаки, которые не свойственны письменной речи лица, от имени которого составлен текст (например, в тексте, выполненном от имени женщины, эксперт выделяет комплекс лингвистических, текстологических и психолингвистических признаков, которые в основном свойственны текстам, написанным мужчиной). В этом случае целесообразно ввести в автороведческое исследование новое понятие – имитация авторства.

Таким образом, имитация авторства представляет собой создание конфликтогенного текста от имени лица с другими социально-биографическими характеристиками, что влечет за собой изменение смысловых признаков письменной речи и малой части лингвистических (например, изменение категории рода).

Представим пример конфликтогенного текста из «Банка лжи», в котором установлены признаки имитации авторства мужчиной.

Текст № 5

Доброе утро, идиот!

Еще раз, не дай бог, я увижу, что ты так паркуешь машину, что аж не даешь мне выехать с утра, я тебе уши оторву и покалечу. Каждый день одно и то же «ты больной ? Заняться нечем ?!»

Я знаю, где ты живешь, знаю как выглядит твоя жена с сынишкой. Я тебя предупредила, все будет зависеть от моего настроения! Порежу тебе шины или краску поцарапаю и это в лучшем случае, в худшем заявлюсь к тебе домой и разговор будет другой, спрошу со всей семьей, соседушка!

P.S. Покрасить то машину от царапин легко, а вот врачи нынче дорогие!

Раиса Семенова

Данный вид маскировки является традиционным для автороведческой экспертизы. Автор-мужчина подписывает конфликтогенный текст женским именем, при этом пытается примитивно имитировать женский стиль. На это указывает использование глагола в женском роде (*предупредила*), восклицательных предложений, слов с уменьшительно-ласкательным суффиксом (*соседушка*). В то же время в тексте содержатся признаки мужской письменной речи (наличие высказываний угрожающего характера, категорич-

ность суждений, аргументированность, обоснованность, конкретность изложения).

С психологической точки зрения, в имитации личности автора (в данном примере реализованной посредством приписывания авторства женщине через указание ее персональных данных) заложена установка адресанта на абберриционная самопрезентация, на приписывание себе тех характеристик, которыми в действительности он не обладает (они могут быть связаны с полом, возрастом, принадлежностью к той или иной профессиональной группе и т. д.), или, напротив, на нивелирование некоторых из них. Подобная установка служит наиболее ярким примером управления впечатлениями адресата, и в данном случае направленность психологического воздействия опциональна, она может быть обращена как на эмоциональную, так и на рациональную сферу адресата. При этом такая имитация зачастую основана на стереотипах адресанта о той или иной характеристике, в связи с чем особое внимание необходимо обращать на содержательные противоречия в тексте. Стереотипность подразумевает наличие схематизированных, обобщенных представлений об особенностях и/или типичном поведении представителей той или иной группы, тем самым маркерами имитации может быть клишированность, формальность предъявления тех или иных сведений. Установление имитации авторства требует оценки комплекса признаков в рамках лингвистического и автороведческого исследования, вместе с тем, учет психологического аспекта потенциально служит дополнительным средством подтверждения полученных в их рамках результатов.

4. Следующим видом речевой маскировки следует считать **шифрование значимой информации**, которая делится на три разновидности:

- кодировка денотата;
- сокрытие содержания коммуникации;
- нейтрализация конфликтогена в высказывании.

При **кодировке денотата** для обозначения табуированного смысла вместо соответствующей речевым конвенциям единицы используется альтернативная номинация, которая не связана с денотативным содержанием исходного понятия. Подобная замена всегда ситуативно или контекстуально обус-

ловлена и, как правило, имеет коммуникативную пресуппозицию: либо коммуниканты заранее договариваются об использовании речевого кода (например, вместо *денеги* говорят *сладости*), либо имеют представление о ситуации взаимодействия, что позволяет правильно декодировать смысл передаваемого сообщения даже при отсутствии предварительной договоренности.

Данный вид речевой маскировки нередко выступает в качестве способа совершения различных преступлений в силу своей универсальности: зашифровано может быть наименование любого материального объекта, имеющего отношение к планируемому / совершенному преступлению, а также само противоправное действие и пути его реализации.

Так, кодировка денотата является неотъемлемой частью речевых действий коммуникантов, обсуждающих совершение операций с предметами и веществами, оборот которых ограничен на территории РФ (например, ст. 222 «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов»). Сюда же следует отнести преступления коррупционной направленности, субъекты которых нередко используют неконвенциональные значения номинаций для маркировки передаваемых материальных ценностей.

Важной задачей при анализе конфликтных материалов по антикоррупционным делам становится выявление **сокрытия содержания коммуникации**. В речи участников коммуникации используются специальные приемы маскировки содержания разговора. Значимая информация в таких текстах представлена в имплицитной форме (путем отказа от обсуждения темы или элиминации темы), при этом ее случайная дешифровка посторонними лицами невозможна.

При сокрытии содержания коммуникации в тексте первоочередно будут обнаруживаться приемы психологического воздействия, направленные на снижение критичности адресата (не посвященного в конкретный речевой код) при оценке им массива содержательной составляющей воспринимаемой информации (в том числе за счет ее частичной утраты и/или переключения внимания на декодирование алогич-

ных, выбивающихся по смыслу фрагментов текста / высказываний) [Доронина, 2015].

Важное значение в экспертной практике имеет вопрос установления в исследуемых текстах такой разновидности речевой маскировки, как **нейтрализация конфликтогена в высказывании** – части формы или семантики высказывания, которая может стать поводом для преследования говорящего по закону.

В работе М.А. Осадчего «Русский язык на грани права» установлены типовые формулы ухода от правового риска и их частотность:

- манифестация субъективности;
- затемнение денотата;
- разорванная предикация;
- деавторизация;
- автореабилитация [Осадчий, 2016].

Психологическое воздействие при нейтрализации конфликтогена тенденциозно направлено на эмоциональную сферу адресата. Наиболее типичны такие приемы, как сверхобобщение, апелляция к высказываниям, содержащим ссылку на обезличенный источник информации, эксплуатация общепринятого негативного отношения к тому или иному явлению (например, насилию, взяточничеству и т. д.) за счет его упоминания в качестве характеризующего то, о чем сообщается в тексте (*Каждому очевидно, что...; Всякий раз приходилось слышать о том, что...; Уже давно известно, что у наших подчиненных совершенно нет совести; Многие люди согласятся, что...; Во всех законах мира это признано...*). Целью использования указанных приемов служит доведение до сведения адресата определенных встроек, заложенных адресантом текста, и формирование у адресата определенно коннотируемых, соответствующих установкам адресата представлений / отношений.

В настоящее время установление и доказывание наличия признаков речевой маскировки письменной речи автора конфликтогенного материала посредством кодировки денотата, сокрытия содержания коммуникации и нейтрализации конфликтогена в высказывании осуществляется в рамках экспертного исследования путем лексико-семантического анализа (с опорой на контекст и коммуникативную ситуацию). Вместе с тем отмеченные психо-

логические закономерности могут служить дополнительным подтверждением сделанных экспертных выводов.

Полученные результаты научного исследования являются релевантными для текстов, написанных на русском языке с учетом особенностей русской речевой культуры.

Выводы

Применение комплексного подхода к анализу текстов конфликтогенной направленности для установления признаков речевой маскировки автора показало, что он не противоречит существующим автороведческим и лингвистическим подходам к анализу конфликтогенных текстов и при этом научно обосновывает возможность их исследования на базе психологических и лингвистических признаков (в рамках правового поля). Сочетание различных подходов к решению указанной диагностической задачи должно значительно повысить верифицируемость получаемых в ходе автороведческих и лингвистических экспертиз сведений о речевой маскировке авторства в конфликтогенных материалах.

Предложенный метод анализа, базирующийся на сочетании методов лингвистического и психологического анализа и учете норм российского законодательства, не тождествен методике исследований в области изучения характеристик идиостиля автора. При диагностике речь должна идти об устойчивых признаках, позволяющих устанавливать черты языковой личности. Перспективной задачей современной автороведческой диагностики должно стать выделение скрытой и неосознаваемой части речевой деятельности, стереотипных речевых проявлений, поиск новых единиц анализа, совершенствование методов их исследования.

Разработка новых и уточнение существующих методов проведения автороведческих и лингвистических исследований с целью выявления речевой маскировки авторства имеет не только прикладное значение, но и обогащает лингвистическую теорию, стимулируя развитие всех ее направлений, расширение инструментария и объектов экспертного анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Т. А., 2011. Лингвистический, психологический и психолингвистический подходы к изучению речи в криминалистике // Вестник Томского государственного университета. № 344. С. 111–114.
- Баранов А. Н., 2007. Лингвистическая экспертиза текста. М. : Флинта. 592 с.
- Вайнрих Х., 1987. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия : Переводы / сост. В. М. Сергеева, П. Б. Паршина ; общ. ред. В. В. Петрова. М. : Прогресс. С. 44–87.
- Гомон Т. В., 1992. Судебно-автороведческая экспертиза текстов документов, составленных с намеренным искажением письменной речи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 96 с.
- Дайлоф Е. Л., 2019. О терминологическом смысле понятия «маскировка» в контексте судебной лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. № 11. С. 24–28.
- Доронина С. В., 2015. «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам // Политическая лингвистика. № 3 (53). С. 245–249.
- Закатов А. А., 1984. Ложь и борьба с нею. Волгоград : Нижневолж. кн. изд-во. 88 с.
- Изотова Т. М., 2020. Намеренное искажение письменной речи как предмет автороведческого исследования // Юрислингвистика. № 17 (28). С. 19–21. DOI: 10.14258/leglin(2020)1705
- Ионова С. В., 2006. Аппроксимация содержания вторичных текстов. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 320 с.
- Иссерс О. С., 2020. Более полувека под зонтиком коммуникативных стратегий // Коммуникативные исследования. Т. 7, № 2. С. 243–256. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2)
- Козлов А. Е., Саженина Я. Х., 2016. Семантические и прагматические показатели маскировки в экономических преступлениях // Лингвокультурология. С. 167–186.
- Ленец А. В., 2009. Стратегии и тактики лингвистики лжи // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 1 (149). С. 126–129.
- Литвинова Т. А., Середин П. В., 2013. Поиск признаков лжи в письменном тексте: современные методы и подходы // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. № 24. С. 126–133.
- Маслова В. А., 2004. Когнитивная лингвистика. Минск : ТетраСистемс. 256 с.
- Матвеева Г. Г., Ленец А. В., Петрова Е. И., 2014. Основы прагмалингвистики. М. : Флинта ; Наука. 232 с.
- Москвин В. П., 2007. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. М. : ЛЕНАНД. 260 с.
- Осадчий М. А., 2016. Русский язык на грани права. М. : URSS. 256 с.
- Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 63-ФЗ : ред. от 23 марта 2024 г. : принят Гос. думой 24 мая 1996 г., одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
- Шаховский В. И., 2005. Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации // Человек в коммуникации: аспекты исследования. Волгоград : Перемена. С. 173–204.
- Экман П., 2022. Психология лжи. СПб. : Питер. 304 с.
- Dietz S., 2001. Der Wert der Lüge. Über das Verhältnis von Sprache und oral. Paderborn : mentis Verlag. 244 S.
- Falkenberg G., 1982. Lügen: Grundzüge einer Theorie sprachlicher Täuschung. Tübingen : Niemeyer. 140 S. (Linguistische Arbeiten ; 86).
- Fairclough N., 2003. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. L. ; N. Y. : Routledge. 270 p.

ИСТОЧНИК

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgora.ru>

СЛОВАРИ

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.

НСРЯ – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. 2. М. : АСТ ; Апрель, 2000. 1088 с.

REFERENCES

- Alekseeva T.A., 2011. Lingvisticheskiy, psikhologicheskii i psikholingvisticheskiy podkhody k izucheniyu rechi v kriminalistike [Linguistic, Psychological and Psycholinguistic Approaches to the Study of Speech in Criminology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 344, pp. 111-114.
- Baranov A.N., 2007. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta* [Linguistic Examination of the Text]. Moscow, Flinta Publ. 592 p.

- Vaynrikh H., 1987. Lingvistika lzhi [The Linguistics of Lies]. Sergeeva V.M., Parshina P.B., Petrov V.V., eds. *Yazyk i modelirovanie sotsialnogo vzaimodeystviya: Perevody* [Language and Modeling of Social Interaction. Translations]. Moscow, Progress Publ., pp. 44-87.
- Gomon T.V., 1992. *Sudebno-avtorovedcheskaya ekspertiza tekstov dokumentov, sostavlenykh s namerennym iskazheniem pismennoy rechi: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Forensic Expert Examination of the Texts of Documents Drawn Up with Deliberate Distortion of Written Speech. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow. 96 p.
- Daylof E.L., 2019. O terminologicheskom smysle ponyatiya «maskirovka» v kontekste sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy [On the Terminological Meaning of the Concept of “Masking” in the Context of Forensic Linguistic Examination]. *Yurilingvistika* [Jurislinguistics], no. 11, pp. 24-28.
- Doronina S.V., 2015. «Komandir! Mozhet, dogovorimsya?»: priemy diskursivnogo analiza v lingvisticheskoy ekspertize tekstov po antikorrupcionnym delam [“Commander! Can We Come to an Agreement?”: Techniques of Discursive Analysis in the Linguistic Examination of Texts on Anti-Corruption Cases]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 3 (53), pp. 245-249.
- Zakatov A.A., 1984. *Lozh i borba s neyu* [Lies and the Fight Against Them]. Volgograd, Nizhnevolsk. kn. izd-vo. 88 p.
- Izotova T.M., 2020. Namerennoe iskazhenie pismennoy rechi kak predmet avtorovedcheskogo issledovaniya [Intentional Distortion of Written Speech as a Subject of Author’s Research]. *Yurilingvistika* [Jurislinguistics], no. 17 (28), pp. 19-21. DOI: 10.14258/leglin(2020)1705
- Ionova S.V., 2006. *Approksimatsiya sodержaniya vtorichnykh tekstov* [Approximation of the Content of Secondary Texts]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 320 p.
- Issers O.S., 2020. Boleye poluveka pod zontikom kommunikativnykh strategiy [More Than Half a Century Under the Umbrella of Communication Strategies]. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communication Studies], vol. 7, no. 2, pp. 243-256. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2)
- Kozlov A.E., Sazhenina Ya.Kh., 2016. Semanticheskie i pragmaticheskie pokazateli maskirovki v ekonomicheskikh prestupleniyakh [Semantic and Pragmatic Indicators of Disguise in Economic Crimes]. *Lingvokulturologiya* [Linguoculturology], pp. 167-186.
- Lenets A.V., 2009. Strategii i taktiki lingvistiki lzhi [Strategies and Tactics of the Linguistics of Lies]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki* [Bulletin of Higher Educational Institutions. North-Caucasus Region. Social Sciences], no. 1 (149). pp. 126-129.
- Litvinova T.A., Seredin P.V., 2013. Poisk priznakov lzhi v pismennom tekste: sovremennyye metody i podkhody [Searching for Signs of Falsehood in a Written Text: Modern Methods and Approaches]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kulturologii* [In the World of Science and Art: Issues of Philology, Art History and Cultural Studies], no. 24, pp. 126-133.
- Maslova V.A., 2004. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Minsk, TetraSistems Publ. 256 p.
- Matveeva G.G., Lenets A.V., Petrova E.I., 2014. *Osnovy pragmalingvistiki* [Fundamentals of Pragmalinguistics]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 232 p.
- Moskvin V.P., 2007. *Evfemizmy v leksicheskoy sisteme sovremennogo russkogo yazyka* [Euphemisms in the Lexical System of the Modern Russian Language]. Moscow, LENARD Publ. 260 p.
- Osadchiy M.A., 2016. *Russkiy yazyk na grani prava* [The Russian Language Is on the Verge of Law]. Moscow, URSS Publ. 256 p.
- Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: Federalnyy zakon № 63-FZ: red. ot 23 marta 2024 g.: prinyat Gos. dumoy 24 maya 1996 g., odobren Sovetom Federatsii 5 iyunya 1996 g.* [The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ: As Amended on March 23, 2024: Adopted by the State Duma on May 24, 1996, Approved by the Federation Council on June 5, 1996]. URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
- Shakhovskiy V.I., 2005. Chelovek lgushchiy v realnoy i khudozhestvennoy kommunikatsii [A Person Who Lies in Real and Artistic Communication]. *Chelovek v kommunikatsii: aspekty issledovaniya* [Man in Communication: Aspects of Research]. Volgograd, Peremena Publ., pp. 173-204.
- Ekman P., 2000. *Psihologiya lzhi* [The Psychology of Lying]. Saint Petersburg, Piter Publ. 304 p.
- Dietz S., 2001. *Der Wert der Lüge. Über das Verhältnis von Sprache und oral*. Paderborn, mentis Verlag. 244 S.
- Falkenberg G., 1982. *Lügen: Grundzüge einer Theorie sprachlicher Täuschung*. Tübingen, Niemeyer. 140 S. (Linguistische Arbeiten; 86).
- Fairclough N., 2003. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London, New York, Routledge. 270 p.

SOURCE

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

DICTIONARIES

Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.

Efremova T.F. *Novyy slovar russkogo yazyka. Tolkovno-slovoobrazovatelnyy. V 2 t. T. 2* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-Formative. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, AST Publ., April Publ., 2000. 1088 p.

Information About the Authors

Igor V. Ogorelkov, Candidate of Sciences (Philology), Head of the Laboratory of Legal Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Academica Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, ogorelkov.69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5116-3975>

Yulia A. Frolova, Chief Expert, Department of Linguistic Expert Research, Forensic Speech Studies Office, Moscow Research Center, Nizhnyaya Syromyatnicheskaya St, 5, Bld. 3, 105120 Moscow, Russia, yuliafrolova1@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8088-2607>

Tatiana V. Myatlik, Deputy Head of the Department of Psychological Expert Research, Forensic Speech Studies Office, Moscow Research Center, Nizhnyaya Syromyatnicheskaya St, 5, Bld. 3, 105120 Moscow, Russia, tatiana40ina13@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-3280-7134>

Информация об авторах

Игорь Витальевич Огорелков, кандидат филологических наук, заведующий лабораторией юридической лингвистики, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, ogorelkov.69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5116-3975>

Юлия Андреевна Фролова, главный эксперт отдела лингвистических экспертных исследований Управления судебного речеvedения, Московский Исследовательский Центр, ул. Нижняя Сыромятническая, 5, стр. 3, 105120 г. Москва, Россия, yuliafrolova1@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-8088-2607>

Татьяна Валерьевна Мятлик, заместитель начальника отдела психологических экспертных исследований Управления судебного речеvedения, Московский Исследовательский Центр, ул. Нижняя Сыромятническая, 5, стр. 3, 105120 г. Москва, Россия, tatiana40ina13@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-3280-7134>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.10>

UDC 81'33
LBC 81.1

Submitted: 09.02.2024
Accepted: 09.04.2024

NEW USES FOR LINGUISTIC STEGANOGRAPHY

Andrey V. Dzhunkovskiy

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract. The development of modern linguistic steganography and steganalysis technologies creates new opportunities for use cases to be discovered. Our previous research points to high viability of methods such as trigger-container implementation for the traditional goal of covert information relay. While the findings were significant, it appears that linguistic steganography may have additional applications unrelated to this traditional use case. We aim to analyze how these technologies may be beneficially used in VR-environments, digital governance and for recreational purposes and how these advancements give rise to new speech practices. By investigating the broader implications of linguistic steganography, we hope to uncover innovative ways in which this technology can be harnessed to improve information security, facilitate immersive experiences, and contribute to the development of more sophisticated language-based communication strategies. Using linguistic steganography in VR can improve user experience, ensure sensitive information relay, create new game scenarios. In digital governance these technologies can be used to protect data, ensure secure communications and develop new methods of content analysis. In entertainment, linguistic steganography can be a useful tool for creating riddles, ciphers, and alternative modes of communication in games and other entertainment products. All this gives a new impetus to the development of language practices and prospects for further research in this area.

Key words: steganography, VR, trigger-containers, digital governance, applied linguistics.

Citation. Dzhunkovskiy A.V. New Uses for Linguistic Steganography. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 3, pp. 124-133. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.10>

УДК 81'33
ББК 81.1

Дата поступления статьи: 09.02.2024
Дата принятия статьи: 09.04.2024

НОВЫЕ СФЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СТЕГАНОГРАФИИ

Андрей Владимирович Джунковский

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Аннотация. Развитие современных технологий лингвистической стеганографии (скрытой передачи информации) и стегоанализа (обнаружения фактов передачи скрытой информации) позволяет выявить для них новые сферы применения. В статье рассматриваются вопросы о том, как стеганографические технологии могут быть использованы в виртуальной реальности, сфере цифрового управления, развлекательной индустрии и как эти технологии порождают новые речевые практики. Показано, что добавление лингвистической стеганографии в виртуальные среды может улучшить взаимодействие пользователей, обеспечить безопасность передачи конфиденциальной информации и создать новые сценарии для игр. В цифровом управлении возможно применение технологий скрытой передачи информации для защиты данных, обеспечения безопасности коммуникаций и развития новых методов анализа контента. Установлено, что в области развлечений лингвистическая стеганография может стать эффективным инструментом для создания нетривиальных загадок, шифров и альтернативных способов общения в играх и других развлекательных продуктах. Охарактеризованы новые языковые практики, такие как использование стеганографически сокрытой информации во время общения в VR-среде, импульсом развития которых послужили технологии стеганографии. Намечены перспективы для дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: стеганография, виртуальная реальность, триггер-контейнеры, цифровое управление, прикладная лингвистика.

Цитирование. Джунковский А. В. Новые сферы применения методов лингвистической стеганографии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 124–133. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.10>

Introduction

One of the issues that the field of applied linguistics continuously aims to solve is that of concealing information. This is often addressed through various linguistic techniques and strategies. One common method involves employing euphemisms, which are more pleasant or neutral expressions used in place of potentially sensitive or offensive terms. By substituting harsh or direct language with euphemistic alternatives, individuals can communicate sensitive information with more tact and diplomacy. Another approach is through code-switching, where speakers alternate between different languages or dialects to conceal information from those who do not understand a particular code. This practice is frequently observed in multilingual communities or situations where covert communication is necessary. Additionally, the use of jargon or specialized terminology within specific professions or subcultures can serve as a form of concealing information from outsiders who are not privy to the specialized language codes. These linguistic tools and strategies play a crucial role in facilitating effective communication while ensuring the sensitive information remains hidden or subtly conveyed.

One step further from that in terms of complexity are linguistic cryptography and steganography. Linguistic cryptography is, in essence, a highly advanced way of code-switching in order to conceal information from those without special access. This is achieved through converting plain text with a cypher that makes it unreadable to the naked eye. This is often sufficient for sender and receiver of the message, however, to an expert, and even to many talented amateurs, the fact that a cypher has been used is evident. This brings us to a dilemma: a cypher is an affront to human curiosity, so even if no one wished to gain access to the message hidden within in the first place, its coming to light creates a desire for 3rd parties to crack the encoding and gain access.

Steganography is the art, craft and science of covertly relaying confidential information without using cyphers. The aim is to hide the very fact that a confidential message is being relayed. Steganalysis deals with trying to uncover or destroy these confidential messages for the purposes of either gaining unauthorized access to confidential information or disrupting the act of communication between the sender and the recipient [Wayner, 2009, pp. 27-30].

It would be optimal for us to elucidate the commonly used terminology in the field before proceeding. “Stego” means the secret message. A “Container” is the overt message or part of the message that contains the secret message. An attempt to gain unauthorized access to destroy stego is called an “Attack”. “Steganology” is the complex approach that encompasses steganography, steganalysis and their underlying theoretical frameworks, as well as various meta-approaches necessary to improve upon existing methods. Linguistic steganography can be used in written texts [Potapova, 2002] or speech [Potapova, 2010].

It should be emphasized that the very nature of steganography leaves its mark on the principles of steganalysis. While using cryptotechnologies the fact of hiding information is explicit and the analyst can a priori attempt to decode the message [Alferov, Zubov, Kuzmin, 2012], in the case of stego use the algorithm is different. Due to the fact that the steganalyst constantly works in conditions of uncertainty about what text may contain stego and whether it in fact contains it, when signs of stego are detected, the most common attack method is to distort the container or destroy the entire message.

While steganography itself is not a new invention and has been widely used throughout history, it is only recently that researchers started investigations into optimizing existing methods and creating new ones based on experimental data. This coincides with rapid development of certain technologies that might benefit from applying these steganography methods. We will provide

an overview of existing and potential use cases for these methods in virtual reality, digital governance and recreation. While none of these three fields are new or groundbreaking, it appears that they are successfully withstanding the test of time and becoming more commonplace around the world, which makes investigating their interaction with steganography worthwhile.

Material and methods

We have done some prior research in the field of linguistic steganography and steganalysis. When we set out to conduct it, it was quickly discovered that linguistic steganology lacked the necessary terminology, framework and methods to apply empirical analysis and describe the results in a way that would be beneficial for praxis. This is not to say that steganography did not achieve its intended goals, but rather that the approach was less scientific and more craft-like [Van Tilborg (ed.), 2014]. The veracity of this statement applies fully to Russian but may also be applicable to linguistic steganography using other languages. We are fairly confident that some of the framework we created in the course of our research is transferable to steganography using other languages.

We have previously introduced a three-stage steganalysis methodology for Russian written texts that may hypothetically be used for other languages [Dzhunkovskiy, 2018], a classification of container localizations, created the term “trigger-container”, described the framework for using experimental methods to create a prognosis of how efficient different container localizations may be for the purposes of steganography, tested the aforementioned method [Potapova, Dzhunkovskiy, 2020], and created an algorithm based on this data for the purposes of text watermarking inspired by the work of some of our fellow researchers [Kamaruddin et al., 2018].

Having conducted this research, we began to suspect that it may have additional uses in the modern post-pandemic world. We decided to look into VR, digital governance and recreation. All of these fields are heavily digitized, remote and seem to be stable trends which piqued our interest.

As was mentioned prior, none of these fields are new, but they are, at the same time, innovative,

which adds to the possibilities of finding uses for steganography in them.

VR as we understand it nowadays was created in the 1950s, and while it was successfully used for the purposes of training and simulation, consumer-grade VR sets only became viable around 2010 with the release of the Oculus Rift prototype. It is rapidly growing to this day (History...).

Digital governance is another global trend that existed for some time, but has been bolstered by the pandemic. It became evident that digitalization of services (including the services a government provides) goes beyond creating convenience, and can also create an important contingency for scenarios where physical interactions are undesirable, suboptimal or simply dangerous.

Lastly, we elected to analyze how steganography is and may be used for the purposes of recreation. The video game industry has been rapidly growing and its revenue currently surpasses that of every other entertainment industry (Statista). In this context, it appeared to us as a worthwhile avenue of study. Such things as cryptography and artificially created languages have historically been used to great effect in literature and film which makes this investigation not without spiritual precedent.

Results and discussion

1. *Virtual reality*

Virtual reality provides new opportunities for creating unique containers. In our preliminary research, we have already described how unique interaction between the physical and virtual spaces occupied by user creates opportunities of hiding information in physically illegal virtual spaces (inside solid virtual objects, inside the walls, below the floor). While this presents to us a notable example of using VR for what we would have to classify as virtual physical steganography (a real-life equivalent would be using a hidden cache), there are many additional prospects of using VR spaces for the purposes of linguistic steganography proper [Dzhunkovskiy, 2019].

Applications such as VRChat are based on communication. They are in essence VR-versions of social spaces feature-complete with voice chat,

motion controls, in-depth avatar customization, and the ability to create new interactive spaces, e.g., galleries, movie theaters, clubs, music venues, gaming spaces. This provides perfect basis for online socialization, which was especially notable during the pandemic. Such products based on socialization and communication create many opportunities for using linguistic steganography (VRChat).

A considerable advantage of using VR-spaces as a medium for relaying containers with stego is the inherent difficulty of setting up, maintaining and using VR. Additionally, prolonged use may be hazardous, is not recommended, and requires vast user experience and training. This facilitates a situation in which steganalysis becomes inconvenient and taxing on the analyst in addition to being difficult. We posit that using currently existing steganographic methods in VR without many additional alterations may already provide benefits to the security of the confidential information relayed, although this claim clearly requires additional research.

A notable aspect of these VR-spaces is that oral speech is prevalent over text. While written digital texts certainly exist in these spaces, most of the communication is oral using microphones and audio output devices integrated into VR-headsets. It is also possible to emote and gesticulate using hand-tracking controllers, making silent communication using gestures possible. A caveat to this is that only some devices support finger-tracking and currently none track and relay eye movement and facial expressions.

While it is plausible that audio may be covertly recorded by either the application or the VR-set itself for possible future analysis (including steganalysis), it appears dubious that the same would apply to gestures. While hand-tracking controller location data is most likely available to third parties, interpreting this data would prove an arduous task.

This brings us to the conclusion that it would be prudent to create a gesture-based system for linguistic steganography purposes in VR. In essence this would be a continuation of our concept of “trigger-containers” where one particular communication event is meant to hold additional meaning that is known to both the sender and the recipient and is agreed upon beforehand.

Traditional methods of steganography may also be used; however, we highlight the susceptibility of all conversations to being recorded in VR for future analysis without user knowledge or consent.

2. Digital governance

One of the areas of application of steganographic technologies is the field of public administration and, more precisely, digital governance. Let us turn to the analysis carried out by H. Si [Si, 2007].

The authors of the study note that one of the key features of e-government is the transfer of confidential data through computer networks. Certain data must be protected at the same level as matters of national security. Although each digital government has internal networks, none of them can forego using the Internet. Such an attempt would mean, according to the authors, a waste of resources. At the same time, the Internet is an open environment, and therefore the protection of data transmitted through the network is an important issue in the context of digital government.

This point of view is quite consistent with the state of affairs in Russia. E-government is not only becoming an important element of public life in large cities, but also of great importance in a country-wide environment, potentially creating a solution to a number of complex logistical issues. There is no doubt, however, that it is premature to talk about a complete transition to digital governance. Nevertheless, ensuring security in this area is a matter of national importance for any state wishing to develop technology in this field.

It is further noted that all governments interested in information security hire cryptographers and spend a large amount of both resources and time developing specialized information systems and advanced cryptosystems to increase the level of data security.

They further note that cryptography is not suitable for certain purposes. With the increase in computing power and the development of cryptoanalysis techniques, modern cryptosystems cannot and will not remain relevant forever. This is also consistent with our observations, but it should be noted that perhaps the authors are overly critical when deliberating on the topic of

cryptography. We believe that cryptography can become an additional element of protecting confidential information in synthesis with steganography as an additional layer of secondary protection.

The authors emphasize that voting is an important tool for assessing public opinion. Concerns about the effectiveness, accuracy and fairness of traditional paper ballot elections have always existed. Electronic voting systems have been in development for many years to overcome these concerns. However, the possible effect of security breaches in electronic voting systems is much higher than in traditional systems. The use of fingerprint technology may be an important factor in alleviating existing concerns.

We would like to point out that fears of this kind are indeed justified. This means that creation of the most durable steganographic protection systems possible is an issue that requires research.

The authors also mention the use of steganography in anonymous whistleblower systems to enable governments to fight corruption and crime. The common thread between these two examples is that people do not want to disclose their identity, and the government must ensure that anonymous activities are reliable and not malicious.

Some other studies propose the concept of anonymous fingerprints [Pfitzmann, Waidner, 1997]. A third party, namely the registration authority, informs the government of its signature, and the anonymous user registers with the authority through a registration protocol, in which they must verify their identity and receive a certificate from the authority. This certificate is registered in the center, but does not contain publicly retrievable information about the holder.

During voting or notification, the anonymous user and the state interact within the framework of a multilateral protocol: the anonymous user must provide their certificate signed by the center and receive a receipt with a digital fingerprint. The government deduces the digital fingerprint from the anonymous certificate and retains it as proof of conversion, but does not actually have any knowledge of the anonymous user's identity. However, if further verification is needed, the government can extract the certificate identification data from the digital fingerprint and provide it to the registration center as proof of

the relevant identity. This issue was also considered in other studies [Pfitzmann, Sadeghi, 2000].

The flipside of the development of steganographic technologies is the issue of state regulation. The current status quo shows that the state is seeking to legally limit the power of cryptographic systems available to the general public and the market. This policy is explained by the need to prevent terrorist and criminal organization activities. In case of proper development of steganographic technologies, it will be important to develop steganalytical technologies to prevent cases of their use for illegal purposes.

3. Recreation

To consider the uses of steganography in recreation is to be cognizant of two important trends: gamification and recreational use of non-recreational cultural artifacts.

Gamification is one of the modern trends in education technologies. It appears that introducing game elements to the process of acquiring a skill makes the process more enjoyable and easier for the learner.

The second trend can be thus elucidated using the following example: in cultural history, cryptography has been widely used for recreational purposes, e.g. "The Adventure of the Dancing Men", Sir A.C. Doyle's Sherlock Holmes story using a simple substitution cypher as an important plot device. This follows a trend of linguistic achievement used by cultural creators to enhance their works. Another notable example is creators using artificial languages for the purposes of worldbuilding (e.g., J.R.R. Tolkien's Sindarin, M. Okrand's Klingon, P. Frommer's Na'vi, D. Peterson's High Valyrian).

It appears that modern game developers have been using the medium of video games to teach basic steganography skills to users through gameplay. We were able to discover research that creates a solid theoretical (and practical) framework for this in the field of cryptography: Cryptography Professional Rival, a game that employs AI and gamification to teach users basic cryptanalysis methods [Ivanov, Dorostkar, 2021].

Learning in this game starts with teaching the user certain math principles and algorithms and continues with solving cryptographic problems.

The game has three difficulty levels: basic, intermediate and advanced. At the basic level, the players evaluate the basics of cryptography and mathematics, at the intermediate level, they employ algorithms and problem-solving skills, and at the advanced level, they create the tasks themselves, which are evaluated by artificial intelligence.

While we were unable to acquire data in regards to how effective this method is, we have been able to find two clear examples of video game developers making steganography a main gameplay and storytelling element in their products: FEZ and Tunic.

FEZ. In 2013 the game FEZ was created by the Polytron Corporation (FEZ). In it, textual information is presented as stone monoliths with

quasi-meaningless columns of symbols not dissimilar to Tetris figures. Initially, the player has no knowledge that these monoliths contain stego decryption instructions. At the time, these elements are perceived as elements of visual ambiance.

There are two information protection systems in FEZ. One of them allows the user to decipher numerals (Fig. 1).

The other system deals with letters (Fig. 2).

The way in which the user is expected to uncover the protection systems in place is rather creative (Fig. 3).

One of the in-game locations contains a monolith describing every letter of the FEZ alphabet. Next to it, there is a fox jumping over a dog. Most English speakers are meant to recognize this as the pangram “The quick brown

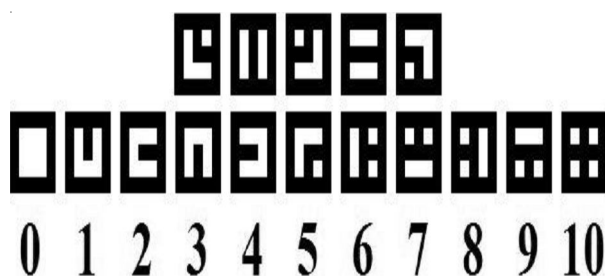

Fig. 1. FEZ numerical system

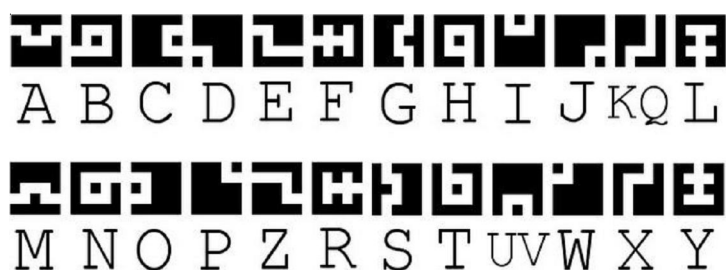

Fig. 2. FEZ alphabet system

Fig. 3. FEZ “Rosetta Stone”

fox jumps over the lazy dog”. By rotating the monolith 90° left, the symbols align with the phrase “The quick brown fox”, granting the user enough data to decipher the rest of the alphabet.

Tunic. A fascinating case of recreational use of steganography can be found in the 2022 game Tunic created by the developer Finji (Tunic). The language used, sometimes referred to as “Trunic”, is a phonetic runic steganographic alphabet.

When analyzing the Trunic language, it is first necessary to consider the alphabet. Trunic is an English-based linguistic artifact. Trunic differs from most other alphabets in two respects. First, it is phonetic. This means that it does not correspond to English letters, but to English sounds. There are 44 phonemes in English, of which 42 are included in the Trunic system. The vowel phonemes [ʌ] and [ɔ:] are not represented. Second, it is runic. Vowels merge with consonants, forming a new symbol for each combination of vowel-consonant and consonant-vowel.

The symbols in Trunic display the hexagon motif that is present throughout the Tunic world. Symbols are formed using 5 of the 6 edges of the hexagon, 6 radial lines from the center of the hexagon to each of its vertices, and a dot/circle mark at the bottom of the symbol. The symbols are oriented so that the vertex of the hexagon is at the top and bottom, and the straight edge of the hexagon is on the left. The edge that should have been on the right side is omitted so that there is no ambiguity between adjacent characters in the word.

The Trunic font is a phonetic font. Edge lines are used to represent vowels, with different combinations representing different vowels. Not all combinations are allowed – there are a total of 18 different vowels in the script. Likewise, radial lines are used to represent consonant sounds. There are 24 different consonants in the alphabet. Where a font represents pairs of voiced and unvoiced consonants (e.g., “g” and “k”, “d” and “t”), the representation of one is the vertically inverted representation of the other.

It should also be noted that the phonemes of the Trunic cipher are given in IPA format. This alphabet is designed to display phonemes, intonation, syllables and word separation.

Since the representations of consonants and vowels do not overlap, characters can represent a consonant, a vowel, or both. When

a character includes both, it is common for the consonant to precede the vowel. However, a small circle can be added at the bottom of the symbol to indicate that the vowel must be perceived.

Individual characters may be displayed in a regular hexagon shape, but in most cases, they are displayed in a hexagonal shape that is about twice as high as it is wide. Regardless of the shape used, the Trunic font is monospaced – all characters are the same width.

When printed, they usually split into top and bottom at a point slightly below the middle of the character. These parts appear above and below a character as a solid horizontal line that spans the width of the character. The top part touches the line, while the bottom part is slightly below the line, creating a visible break in the character. When hand-written, the horizontal line and break are sometimes omitted.

Numbers written in Trunic font can be voiced (similar to writing “two” instead of “2”) or represented by Arabic numerals.

Words are made up of a series of symbols representing the sounds that the word makes when spoken aloud, in order from left to right. Each character slightly overlaps the character before it, so that the left edge of the second character matches where the right edge of the first character should be. As a result, lines from one character often flow smoothly into the lines of the next character. When a horizontal line is displayed, it appears as a solid line through all the characters in the word.

Sentences are written as strings of words with spaces (about half the width of a character) between them. Sentences end with dots, which can be represented as small circles instead of simple dots. Some other punctuation marks are carried over from normal English writing (for example, commas), but punctuation marks that occur in a word (for example, apostrophes denoting possessive or contractive) are always omitted.

Words written in the English alphabet mix freely with words written in the Trunic script, although the two representations never mix within the same word.

When forming a consonant sound, internal ribs are used. No consonant symbol uses a central edge unless the top and bottom edges have an edge to join (see Fig. 4).

Within gameplay, the user has access to an incomplete manual that is written in English and Trunic. Throughout the game, the user acquires more pages of the manual that allows them to solve more secrets. Completing the game is impossible without fully interpreting the Trunic alphabet. At one point, the user will be guided to the epiphany that one of the pages contains a Rosetta stone artifact depicting a graphic equivalency between some items and their names in Trunic (Fig. 5).

This process of language decryption mirrors that previously observed in FEZ and might provide a robust framework for crypto- and steganalysis skill instruction.

Conclusion

We managed to identify a number of linguistic steganography uses outside of traditional covert confidential information relay in VR, digital governance and recreation.

The optimal way to implement linguistic steganography into VR is the use of gestures inside the virtual world. This is made possible by hand tracking technology in the controllers and synergizes well with trigger-container method of linguistic steganography where the stego is agreed upon by the parties beforehand and the gesture acts as the impulse to “perceive” the message in question. On

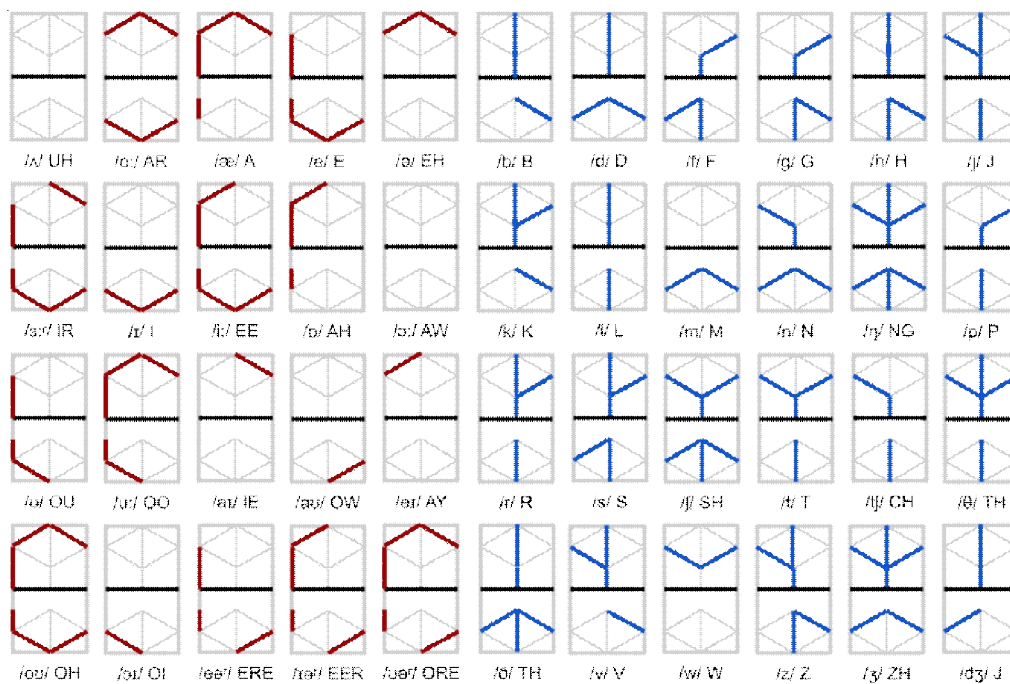

Fig. 4. Trunic phonetic runic alphabet

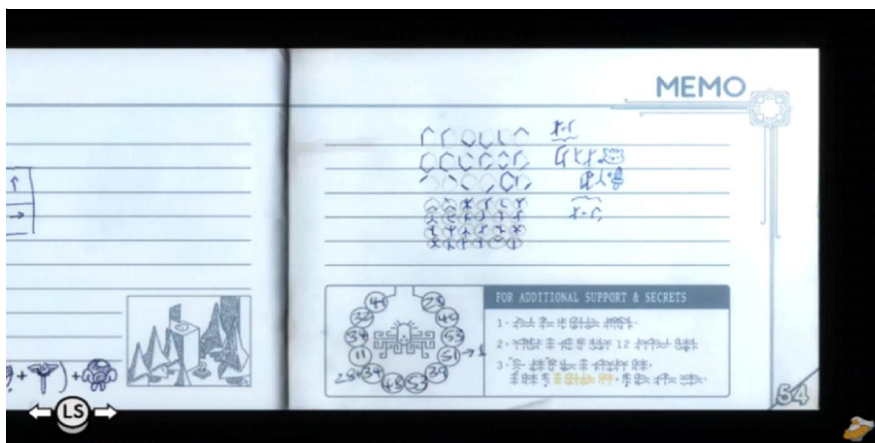

Fig. 5. Trunic Rosetta stone

top of that, VR environments create unique opportunities for digital physical steganography.

It appears that steganography may be crucial to digital governance when considering electronic voting and combating corruption. This is especially noteworthy in the pandemic/post-pandemic contexts where many traditional services become optimal in their remote and digitized forms.

Finally, it appears that there is large potential in using computer games as a tool for teaching users basic steganography and cryptography skills. This aligns well with the current trend of gamification in education and edutainment.

Additional continuous monitoring and analysis is required to determine more avenues of using steganographic technologies for non-traditional purposes. Within the context of applied linguistics and interdisciplinarity, we may discover new productive ways of adapting these technologies for various goals.

REFERENCES

- Alferov A.P., Zubov A. Yu., Kuzmin, A.S., 2012. *Osnovy kriptografii* [Basis of Cryptography]. Moscow, Gelios ARV Publ. 480 p.
- Dzhunkovskiy A.V., 2018. Steganography: Three-Stage Analysis Methodology Applied to Russian Written Texts. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], no. 6 (797), pp. 117-123. DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.26.2.10>
- Dzhunkovskiy A.V., 2019. Prospects of Using VR Technologies as a Steganography Medium. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], no. 7 (823), pp 155-166.
- Ivanov S.G., Dorostkar Z., 2021. Professionalnyy sopernik kriptografii (PSK): model razrabotki igr dlya izucheniya kriptografii [Professional Rival (CPR): A Game Designing Model to Learn Cryptography]. *XXIV Mezhdunarodnaya konferentsiya po myagkim vychisleniyam i izmereniyam* [The 24th International Conference on Soft Computing and Measurements]. Saint Petersburg, State Electrotechnical University "LETI" im. V.I. Ulyanova (Lenina), pp. 312-315.
- Kamaruddin N., Kamsin A., Por L.Y., Rahman H., 2018. Review of Text Watermarking: Theory, Methods, and Applications. *IEEE Access*, no. 6, pp. 8011-8028. DOI: 10.1109/ACCESS.2018.2796585
- Pfitzmann B., Sadeghi A.-R., 2000. Anonymous Fingerprinting with Direct Non-Repudiation. *Proceedings of the 6th International Conference on the Theory and Application of Cryptology and Information Security, December, Kioto*. Berlin, Heidelberg, Springer, pp. 401-414.
- Pfitzmann B., Waidner M., 1997. Anonymous Fingerprinting. Fumy W., eds. *Advances in Cryptology – EUROCRYPT '97. EUROCRYPT 1997. Lecture Notes in Computer Science. Vol. 1233*. Berlin, Heidelberg, Springer. DOI: https://doi.org/10.1007/3-540-69053-0_8
- Potapova R.K., Dzhunkovskiy A.V., 2020. Preliminary Investigation of Potential Steganographic Container Localization. *Lecture Notes in Computer Science*, no. 12335, pp. 389-398. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-60276-5_38
- Potapova R.K., 2002. Lingvisticheskie znaniya i novye tekhnologii [Linguistic Knowledge and New Technologies]. *Akusticheskiy zhurnal* [Acoustic Physics], vol. 48, no. 4, pp. 552-559.
- Potapova R.K., 2010. *Rech: kommunikatsiya, informatsiya, kibernetika* [Speech: Communication, Information, and Cybernetics]. Moscow, URSS Publ. 600 p.
- Si H., 2007. Maintaining Information Security in E-Government Through Steganology. *Encyclopedia of Digital Government*. Uorik, IGI Global, pp. 1180-1184. DOI: 10.4018/978-1-59140-789-8.ch178
- Van Tilborg H., ed., 2014. *Entsiklopediya kriptografii i bezopasnosti* [Encyclopedia of Cryptography and Security]. Berlin, Springer, Science and Business Media. 1416 p.
- Wayner P., 2009. *Disappearing Cryptography: Information Hiding: Steganography and Watermarking*. San-Francisko, Morgan Kaufman Publ. 155 p.

SOURCES

- FEZ – *FEZ osnovnaya stranitsa* [FEZ Homepage]. URL: <https://store.steampowered.com/app/224760/FEZ/>
- History... – History of Virtual Reality: Timeline. *Verdict*. URL: <https://www.verdict.co.uk/history-virtual-reality-timeline>
- Statista – Video Game Industry – Statistics and Facts. *Statista*. URL: <https://www.statista.com/topics/868/video-games/#topicOverview>
- Tunic – *Tunic Homepage*. URL: <https://store.steampowered.com/app/553420/TUNIC/>
- VRChat – *VRChat Homepage*. URL: <https://hello.vrchat.com>

Information About the Author

Andrey V. Dzhunkovskiy, Candidate of Sciences (Philology), Head of the Department of Applied and Experimental Linguistics, Senior Researcher, Experimental Phonetics Laboratory of Forensic Linguistics, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, Bld. 1, 119034 Moscow, Russia, Vetinari01@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3761-8010>

Информация об авторе

Андрей Владимирович Джунковский, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой прикладной и экспериментальной лингвистики, старший научный сотрудник экспериментально-фонетической лаборатории криминалистики по речеведению, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, стр. 1, 119034 г. Москва, Россия, Vetinari01@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3761-8010>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.11>

UDC 81'42:340.6
LBC 81.055.51.5

Submitted: 10.02.2024
Accepted: 09.04.2024

GENRES OF NEW MEDIA IN LINGUISTIC EXPERTISE PRACTICES

Anna M. Plotnikova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The article addresses the debatable points of research into present-day media genres: memes, surveys, comments, social network posts, etc. that become the materials for forensic linguistic expertise. The issue of identifying the object of linguistic expertise of information materials is discussed. The ways the new discursive reality transforms the existing methodological approaches are conceptualized. The brevity of the texts under examination, the dependence on the sociocultural context and the communicative situation, the presence of hypertext determine the complexity of the expert assessment of new media materials. The cases of ambiguous interpretation of brief comments and the peculiarities of defining the subject of speech in them are dealt with in the article. Special attention is paid to the techniques of play on words (pun) and irony as well as the linguistic semiotic analysis of creolized texts. The problem areas of expert research into new media materials included in the space of social communications are characterized. Special attention is paid to the problem of multi-discipline expertise, since the specificity of the material under study and the tasks to be solved determine the involvement of specialists of the socio-humanistic profile (psychologists, sociologists, political scientists, religious scholars, etc.) and necessitate solving the issue of the boundaries of experts' competence. The new discursive reality associated with the involvement of mass audience in the production of media content suggests some changes in approaches to the linguistic expert assessment of the materials under scrutiny.

Key words: forensic linguistic expertise, multi-discipline expertise, media genres, discourse, polycode text.

Citation. Plotnikova A.M. Genres of New Media in Linguistic Expertise Practices. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 3, pp. 134-143. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.11>

УДК 81'42:340.6
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 10.02.2024
Дата принятия статьи: 09.04.2024

ЖАНРЫ НОВЫХ МЕДИА В ПРАКТИКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Анна Михайловна Плотникова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы в сфере исследования современных медижанров: мемов, опросов, комментариев, страниц в социальной сети и др., становящихся материалами судебной лингвистической экспертизы. Обсуждается вопрос определения объекта лингвистической экспертизы информационных материалов, осмысливается, как новая дискурсивная реальность трансформирует существующие методологические подходы. Краткость изучаемых текстов, зависимость от социокультурного контекста и коммуникативной ситуации, наличие гипертекста обуславливают сложность лингвоэкспертной оценки материалов новых медиа. Представлены случаи неоднозначной интерпретации кратких комментариев и особенности установления предмета речи в них. В аспекте лингвистической экспертизы охарактеризованы приемы языковой игры и иронии, обозначены проблемы лингвосемиотического анализа креолизованных текстов. Выявлены проблемные зоны экспертного исследования материалов новых медиа, включенных в пространство социальных коммуникаций. Отдельное внимание уделено проблеме комплексных экспертиз, так как специфика анализируемого материала и решаемых задач определяет привлечение специалистов социогуманитарного профиля (психологов, социологов, политологов, религиоведов и др.) и обуславливает необходимость

решения вопроса о границах компетенции экспертов. Новая дискурсивная реальность, связанная с вовлечением массовой аудитории в производство медиаконтента, предполагает некоторые изменения в подходах к лингвоэкспертной оценке исследуемых материалов.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, комплексная экспертиза, медиажанры, курс, поликодовый текст.

Цитирование. Плотникова А. М. Жанры новых медиа в практике лингвистической экспертизы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 134–143. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.11>

Введение

В последние десятилетия круг речевых правонарушений увеличивается, что обусловлено как факторами, связанными с расширением коммуникативной деятельности человека вследствие развития и распространения социальных сетей и мессенджеров, так и факторами юридического характера. С каждым годом в уголовном и административном законодательствах возникает все больше новелл, в центре которых речевые правонарушения. Е.И. Галяшина отмечает, что «следы речевой деятельности человека, будучи зафиксированными на любом материальном носителе в любой форме (рукописной, печатной, машинописной, электронной, звучащей), широко вовлечены в сферу судопроизводства. Они фигурируют как документы, вещественные доказательства, иные материалы дела, содержащие вербальные доказательства» [Галяшина, 2020, с. 8]. Речевые правонарушения, у которых в основе объективной стороны состава преступления лежит текст, и неречевые правонарушения, в которых речь и продукты речевой деятельности не являются средством совершения правонарушения, но сопровождают правонарушение, в связи с задачами лингвистической экспертизы рассмотрены, например, в монографии В.О. Кузнецова [Кузнецов, 2021].

При сохранении текста как основной единицы лингвоэкспертного анализа и широком представлении о тексте увеличивается круг объектов судебной лингвистической экспертизы. Систематизируя разные определения объекта лингвистической экспертизы, Е.В. Новожилова предлагает иное, отличное от традиционных понимание: «Общий объект судебного речеведения – это речевое или комбинированное произведение на материальном носителе. Объекты можно классифицировать по

двум независимым основаниям: по способу кодирования и передачи значений (письменная речь, статическое изображение, символы, анимированный текст, жестовый объект, динамическое изображение, устная речь, неречевые звуки, тактильный письменный объект) и по виду материального носителя (файлы на предмете-носителе, файлы и необособленные объекты в сети Интернет, объекты на бумаге и на небумажном носителе). Кроме того, объектом судебной экспертизы фонограмм может выступать и записывающее речь устройство» [Новожилова, 2024, с. 123]. В таком делении очевидны внутренние противоречия, поскольку к объектам отнесены и материальные носители (файлы, звукозаписывающее устройство), которые не могут выступать объектами экспертизы, и виды речевой деятельности (устная и письменная речь), и способы восприятия объекта (тактильный письменный объект).

ГОСТ Р 70003–2022 «Судебная лингвистическая экспертиза» называет объектом экспертизы текст, определяя его как «последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [ГОСТ..., с. 1]. Это наиболее общее и, пожалуй, самое бесспорное из множества определений текста, в котором учтены его знаковая природа и базовые текстовые категории связности и цельности.

Вопрос о том, может ли лингвист исследовать невербальные компоненты текста, в течение некоторого времени был дискуссионным, однако в настоящее время в методиках производства судебных лингвистических экспертиз креолизованный (поликодовый) текст выделяется в качестве самостоятельного объекта исследования. А.Н. Баранов, предлагая методику исследования невербальной составляющей, включает в нее семиотический анализ: «Расширение сферы компетенции

лингвистов в связи с исследованием комбинированных текстов, динамических и статичных изображений возможно только на семиотическую составляющую соответствующих феноменов. В этом случае лингвист выступает как специалист по семиотике. Такое расширение вполне правомерно. В то же время понятно, что лингвистический (точнее, семиотический) анализ таких объектов является заведомо неполным. Полное исследование предполагает привлечение представителей других научных дисциплин в зависимости от характера самого объекта – психологов, социологов, политологов, религиоведов, специалистов по культуре, историков и пр.» [Баранов, 2018, с. 31].

В отношении судебной психологической экспертизы по делам о противодействии экстремизму и терроризму используется понятие «информационные материалы» [Кукушкина, Сафонова, Секераж, 2014], которое может быть учтено и при рассмотрении судебной лингвистической экспертизы. В настоящее время оно распространилось и на другие, смежные виды экспертиз, например, экспертизу по делам о реабилитации нацизма, дискредитации специальной военной операции. Это понятие оказывается несколько шире, чем используемое в практике судебной лингвистической экспертизы понятие текста, так как распространяется и на такие материалы, в которых информация организована нелинейно, передается как вербальным, так и невербальным путем. В некотором смысле понятие «информационные материалы», которое не может быть рассмотрено как лингвистический термин, соотносится с лингвистически определяемым понятием дискурса: информационные материалы связаны с общественно-политической ситуацией и не могут быть исследованы без обращения к социокультурному контексту. Например, материалы о публичной дискредитации Вооруженных сил РФ содержат информацию о конкретных фактах, действиях военных в той или иной ситуации, событиях, которые происходили в разное время и связаны с изучаемыми фактами. Вне социокультурного контекста исследовать такие материалы невозможно, они погружены в жизнь (ср. данное Н.Д. Арутюновой определение дискурса как речи, погруженной в жизнь).

Следовательно, в соответствии с выделением в судебной экспертологии общего и специального объекта судебной экспертизы для судебной лингвистической экспертизы общим объектом выступает текст. Это родовой (предметный) объект лингвистической экспертизы, определяющий выделение самого вида экспертизы. Специальным объектом лингвистической экспертизы, необходимым для видовой классификации, является дискурс в экспертизе информационных материалов, предполагающей обращение к социокультурному, политическому контексту. Дискурсивные особенности важны при изучении взаимодействия коммуникантов, наличия у них общих фоновых знаний. По словам Т.Г. Скребцовой, «в дискурсивном анализе социальной стороне коммуникации уделяется больше внимания, чем формально-лингвистической. Коммуниканты – не просто носители языка, но непременно члены определенных социальных групп, представители общественных институтов, носители тех или иных культур, социальных ролей и пр.» [Скребцова, 2020, с. 45]. В комплексной экспертизе, предполагающей участие лингвиста и религиоведа, лингвиста и политолога, лингвиста и социолога, а также при иных возможных вариантах использования специальных знаний, важно учитывать и фактор институциональной принадлежности коммуникантов к какому-либо объединению, группе лиц, связанность с определенной субкультурой.

Дискурсивные факторы оказываются значимыми и при рассмотрении жанров новых медиа, таких как пост в социальной сети, комментарий, демотиватор, мем, стрим (транслируемый в сети диалог, разговор с подписчиками канала) и т. д. Поиск основания для классификации жанров в целом труден, но применительно к интернет-жанрам он осложняется постоянными трансформациями уже существующих жанровых форм и появлением новых, которые плохо встраиваются в какую бы то ни было заранее заданную классификацию. Необходимо иметь в виду и тот факт, что за счет гиперссылок может происходить расширение исходного текста, а репост материала в контексте с какими-то другими материалами способен внести в исходный текст новые смыслы.

В статье представлены результаты обобщения практики лингвистической экспертизы

жанров новых медиа, сложившейся в последние годы. Цель статьи – очертить круг экспертных задач, которые решаются в рамках проведения судебной лингвистической экспертизы новых медиажанров, сформулировать специфику экспертного подхода к таким жанрам с учетом их поликодового характера и особенностей дискурсивной организации, обусловленной социокультурными факторами, вне которых исследование медиажанров оказывается невозможным.

Материал и методы

В качестве материала исследования избраны тексты новых медиажанров, ранее становившиеся объектом лингвистических экспертиз и соответственно попадающие в сферу юридических конфликтов. Тексты использованы исключительно в качестве материала исследования. Мнение авторов статьи не совпадает с мнением авторов высказываний, размещенных в сети Интернет.

Не претендуя на исчерпывающее описание жанровой системы медиа, охарактеризуем некоторые жанры, связанные с интернет-коммуникацией и представляющие интерес для лингвоэкспертной практики. Отметим, что материалом исследования стали текстовые, а не речевые жанры, поэтому в статье не рассматриваются жанрообразующие признаки, параметры речевого жанра, особенности, оформляемые в анкету или паспорт жанра.

При рассмотрении медиажанров использовались традиционные для лингвистической экспертизы семантические методы, позволяющие установить значение слова или выражения, эксплицировать содержание сказанного, характеризовать особенности контекста, а также семантико-прагматические методы, используемые для установления типа речевого акта и особенностей его языкового оформления. В тех случаях, когда исследуемый объект представляет собой поликодовые тексты, используется лингвосомиотический анализ, включающий анализ невербального компонента текста и его взаимодействия с вербальным. Проблемы метаязыка описания невербального компонента относятся к дискуссионным в лингвоэкспертной практике, и основным приемом анализа при исследовании поликодового текста является вер-

бализация невербального компонента, то есть его «перевод» в текстовый вид.

Результаты и обсуждение

Представим опыт лингвоэкспертного анализа некоторых медиажанров.

Мем. К мемам обычно причисляют поликодовые тексты, которые неоднородны по типу взаимодействия вербального и визуального ряда, по источнику возникновения и структуре. М.Р. Бабилова, рассматривая мемы в националистическом дискурсе, отмечает, что они оказываются привлекательными «их формой, идеальной для меткого, метафорического, короткого, но при этом предельно ясного и емкого выражения ценностных ориентиров, политических предпочтений и мировоззрений националистов (что является мощным орудием воздействия на мировосприятие и сознание как отдельных личностей, так и целых групп)» [Бабилова, 2019, с. 72]. Анализируя медиамемы политического характера, И.С. Кузнецов выделяет мемы-агрессоры, мемы-защитники, мемы-аттракторы [Кузнецов, 2022]. Однако в ряде случаев в политическом меме преобладает креативная составляющая, определяющая рассмотрение политического деятеля или события через призму смеховой культуры.

Например, мем, на котором изображено крупным планом антропоморфное существо, в котором черты животного (кота) в верхней части лица соединены с лицом человека (внешне напоминающего Р. Кадырова) в нижней части лица. Несмотря на отсутствие вербальной составляющей, в основе объединения кота и Р. Кадырова лежит прием словообразовательной контаминации, основанный на объединении слов *кот* и *Кадыров*, в результате такой контаминации возникает бленд – слово, образующееся путем склейки двух слов. Подпись к данному фото отсутствует, но сама идея контаминации находит отражение в фотографии. При помощи игрового приема, когда фотография фактически представляет собой склейку двух изображений, аналогичных двум фонетически сходным частям слова (*кот* – *Котыров* – *Кадыров*), формируется значение мема. Комический эффект основан на приеме языковой игры, и хотя не получает вербализа-

ции, закрепляется в графическом образе. Контаминация антропонима *Кадыров* и аппеллятива *кот* в силу семантики слова *кот* и его коннотативного фона в русском языке не направлена на выражение негативного отношения, понижения социального статуса Р. Кадырова, поэтому нет оснований для того, чтобы соотносить значение мема со значением унижительной оценки лица.

Опрос. К известным жанрам, которые оказывались в поле зрения экспертов, можно отнести опросы. Например, они широко обсуждались в медийной повестке в этических координатах в связи с вопросом, размещенным на сайте известной радиостанции, о возможности публикации книги Гитлера. Объектом лингвистической экспертизы по делу о дискредитации ВС РФ был организованный владельцем кафе опрос в социальной сети, в котором он спрашивал подписчиков, указывая на сидящего в кафе человека в футболке с символикой «Z»: *Плюнуть в коктейль?* Безусловно, при сомнительности такого комментария с позиций этики в нем отсутствует какая-либо фактологическая информация о действиях Вооруженных сил РФ.

Комментарий. Сложность экспертного исследования комментария в социальной сети обусловлена, во-первых, его очевидной краткостью, не всегда позволяющей прийти к однозначному положительному или отрицательному выводу. Например, комментарий *Брентон Таррант – герой нашего времени* включен в объемный ряд других комментариев, в которых предметом становится австралийский террорист Брентон Таррант. В комментариях обсуждается личность террориста и сделаны попытки объяснить мотивы его поведения. В интересующем нас комментарии использовано прецедентное выражение *герой нашего времени*, реализующее значение: «о наиболее типичном или передовом представителях своего времени». Контексты указывают на то, что ироническое значение обычно сопровождается заключением этого словосочетания в кавычки. Обращение к Национальному корпусу русского языка (www.ruscorgora.ru) также подтверждает эту закономерность. Словосочетание используется для обозначения либо типичного представителя поколения, либо лучшего пред-

ставителя. Следовательно, обозначая Брентона Таррента героем нашего времени, говорящий считает допустимым его поведение, при этом он необязательно считает Таррента лучшим представителем поколения, какой-либо группы, однако автор высказывания полагает, что поведение Таррента не выходит за пределы нормы, оно приемлемо. Возникает вопрос: можно ли рассматривать такую оценку как содержащую признаки оправдания террористических действий? В силу некоторой неопределенности оценки прецедентного выражения дать категорический положительный вывод затруднительно.

Однако в ряде случаев категорический положительный вывод возможен, даже если комментарий оказывается совсем лаконичным. Например, комментарий является реакцией на фотоизображение, сопровождающееся текстом: *Равнины в концлагере Освенцим, который в 1939 году был присоединен к территории Третьего рейха.* Комментатор пишет: «прекрасное заведение» было. Ничем не мотивированная положительная оценка места, в котором совершались преступления, были убиты и сожжены в камерах тысячи людей, служит признаком демонстрации мнения о том, что совершенные преступления, осужденные Нюрнбергским трибуналом, могут быть оценены иначе, охарактеризованы положительно. Следовательно, в данном тексте содержатся лингвистические признаки оправдания действий, совершенных фашистской Германией в годы Второй мировой войны.

В другом случае комментарий пользователя социальной сети *Почему у нас нет своего Брейвика? Такой человек очистил бы площадь от нежелательных элементов* мотивирован обсуждением в чате празднования Нового года в ледовом городке г. Екатеринбурга. В ходе обсуждения участники инициируют разговор о национальной принадлежности тех, кто пришел праздновать Новый год на площадь. Включаясь в обсуждение этой темы, пользователь социальной сети оставляет комментарий, в котором называет участников празднования *нежелательными элементами*. Прецедентное имя *Брейвик* использовано с целью проведения аналогии между действиями террориста и возможными действиями, которые видятся комментатору

целесообразными. Следовательно, речевая цель, реализуемая в исследуемом комментарии, – информирование о положительном отношении к действиям террориста, убившего множество людей, и приемлемости таких действий для решения задачи уничтожения людей иной национальности.

Приведем еще один пример краткого комментария: *Стать бандеровцем легко! Нужно просто любить свою страну больше, чем бояться чужой.* Текст представляет собой политический лозунг. На принадлежность политическому дискурсу указывает свойственное политической речи противопоставление «свой-чужой», наличие словосочетания *любить страну*, выраженное с помощью безлично-предикативной конструкции модальное значение необходимости, общественно-политическая тематика высказывания в целом, а также написание текста на фоне флага. Лозунговый характер создается емкостью, краткостью, выразительностью высказываний. Они вступают между собой в причинно-следственные отношения. В первом предложении, являющемся риторическим восклицанием, сообщается о том, что легко *стать бандеровцем*. Во втором – объясняется, почему это так, и противопоставляется любовь к своей стране и нелюбовь (ненависть) к чужой стране. Автор высказываний выражает положительное отношение к бандеровцам, говоря о них как о людях, которые любят свою страну. При этом в тексте содержится неявный намек на иных людей, которые больше *боятся чужой* страны, чем любят свою. Этот намек выражен в конструкции с семантикой сравнения: если одни любят страну больше, чем бояться чужой, то соответственно есть иные лица, для которых ситуация имеет противоположный характер.

В исследуемом тексте реализованы следующие речевые цели: 1) информирование читателей о бандеровцах как людях, которых любят свою родину; 2) косвенное побуждение к вступлению в ряды бандеровцев. Это побуждение выражается с помощью риторического восклицания и обоснования данного высказывания патриотизмом бандеровцев; 3) убеждение в том, что любовь к своей родине больше, чем боязнь чужой, – это идеология бандеровцев, которые таким способом

представлены как патриоты. Следовательно, в тексте содержатся лингвистические признаки оправдания идеологии украинской националистической организации, к которой принадлежал Степан Бандера.

В ряде случаев текст вообще не может быть понят вне ситуации, в которой происходит оценка. Так, комментарий *Я против того, чтобы в городах (в любых) что-то взрывалось и гибли люди, но мне кажется, что всех этих Z-военкоров перещелкают свои же, как когда-то всяких мутных «моторол донбасовичей»*. Комментарий относится к убийству Владлена Татарского и должен рассматриваться именно в этом социальном контексте. Для обозначения принадлежности Татарского к политическим пропагандистам использована форма, называемая в лингвистике формой пейоративного множественного числа: *всех этих Z-военкоров*. Посредством компонента *всех этих* выражается значение отчуждения, презрительного отношения к той группе лиц, которая видится автору чуждой. Сущность пейоративного отчуждения заключается в том, что говорящий, отрицательно оценивая тот или иной объект, доводит эту отрицательную оценку до предела тем, что исключает объект из своего ценностного мира и, следовательно, отчуждает его, характеризуя как элемент другой, чуждой и враждебной ему (объективно или субъективно – в силу собственной враждебности) культуры, другого – чуждого мира. Эта же форма пейоративного множественного использована в конструкции *всяких мутных «моторол донбасовичей»*, а выбор глагола «перещелкать» мотивирован пренебрежительным отношением к убийству всех тех, кого автор называет «Z-военкорами».

Страница пользователя социальных сетей. К текстам крупных медиажанров в практике лингвистической экспертизы относится страница пользователя социальных сетей, которая может содержать значительное количество текстов, иногда это серия постов, посвященных одной теме, и в этом случае каждый отдельный пост ориентирован ретроспективно и способен задавать возможные перспективы развития события.

Например, информация о долге, о котором шла речь в других постах, помещена в

иронический контекст: *Алмаз моего измученного сердца, Ольга Юрьевна не ответила на нежнейшую просьбу договориться об отсрочке по долгу в 20 000 000 рублей, которые она когда-то взяла займы и до сих пор почему-то не вернула. Ну что же поделаться. Творческие люди бывают выше низкой житейской суеты. Всю ночь думал, как быть. Под утро придумал.* Здесь ироническое отношение выражено с помощью нескольких приемов: 1) переноса конкретной ситуации отсутствия ответа в плоскость обобщенного суждения, близкого к афоризму; 2) использования мнимого комплимента: автор называет адресата человеком «творческим», поэтому иронизирует по поводу ее невнимания к просьбе. Как указывает О.П. Ермакова, «оценка, выраженная иронией, не заключена в самом материале, используемом для семантической инверсии, она скрыта под маской одобрения, похвалы, либо под маской осуждения. В иронии нет определенности оценки. Как уже отмечалось, одно и то же ироническое высказывание может быть оскорбительно насмешливым и добродушно снисходительным и в своей небуквальности даже шутливо одобрительным» [Ермакова, 2011, с. 31]. Сказанное справедливо для данного материала, в котором автор постоянно балансирует между легкой насмешкой и злой шуткой. При этом, утверждая факт долга, автор сосредоточен над тем, как посмеяться над должником. Это обнаруживается и в следующем посте:

Есть три вещи, на которые можно смотреть бесконечно:

1. *Как Ольга Юрьевна распускает волосы.*

2. *Как Ольга Юрьевна в шестой раз за пять лет переименовывает свою компанию, чтобы избавиться от необходимости выполнять взятые на себя обязательства.*

3. *Как Ольга Юрьевна собирает волосы.*

Прецедентная ситуация, то есть ситуация известная, узнаваемая («три вещи, на которые можно смотреть бесконечно...»), использована в отношении лица, называемого «Ольга Юрьевна». В кольцевой композиции сюжета незначимая с деловой точки зрения прическа Ольги Юрьевны важна лишь как обрамление актуального для автора (актуальность в данном случае определяется на осно-

вании предшествующих фрагментов, где тема долга также была ключевой) сообщения, заключенного во второй пункт. Несмотря на иронический контекст, в который включено высказывание во втором пункте, и использование автором типичной для выражения иронического отношения образа восторженного человека, в нем сообщается, что *Ольга Юрьевна в шестой раз за пять лет переименовывает свою компанию, чтобы избавиться от необходимости выполнять взятые на себя обязательства.*

При исследовании медиажанров чрезвычайно важны рассмотрение текста как единицы интеракции, то есть в связи с другими предшествующими комментариями и в его отношении к исходному тексту, учет социокультурного контекста.

Следует также отметить, что если журналистский текст в традиционных средствах массовой информации написан профессионалом, человеком с достаточно высоким уровнем речевой культуры, кроме того, он проходит все этапы редакторской подготовки, то материалы новых медиа зачастую являются неподготовленными текстами, в которых выражение эмоционального отношения доминирует над фактологическим содержанием. Это особенно заметно при исследовании видеосюжетов, записанных различными общественными деятелями, которые не всегда оказываются способными четко, ясно и точно выразить ту или иную позицию, поэтому квалифицировать произнесенные высказывания как утверждения, соотносить их с имеющимися диагностическими комплексами оказывается крайне затруднительно.

Вопрос о комплексных экспертизах материалов новых медиа

Анализ материалов новых медиа иногда предполагает наличие у экспертов знаний в области политологии, истории, религиоведения, что обусловлено предметной отнесенностью материала, характером вопросов, подлежащих установлению. При назначении комплексных экспертиз по некоторым категориям дел (экстремизму и терроризму, дискредитации СВО, реабилитации нацизма) судебные и следственные органы руководствуют-

ся необходимостью привлечения специалистов разных областей знания. Обобщение судебной практики позволяет прийти к выводу о том, что чаще других назначается комиссия психолого-лингвистическая экспертиза, что легко объясняется наличием сложившихся методологических подходов.

В системе экспертиз, проводимых государственными судебно-экспертными учреждениями, появилась религиоведческая экспертиза, ранее ее отсутствие становилось основанием для оспаривания использования в качестве доказательства по делу религиоведческих исследований. Необходимость учета политического контекста определила возникновение политологической экспертизы, формируется также этиковедческая экспертиза. В связи новыми видами экспертиз остро стоят вопросы границ компетенции экспертов и правил их взаимодействия. Модели интеграции специальных знаний в разных типах комплексных экспертиз представлены в статье Т.Н. Секераж, которая выделяет параллельные и последовательные комплексы психолого-лингвистической экспертизы, а также рассматривает понятие комплекса экспертиз [Секераж, 2021].

Применительно к новым видам комплексности знаний в экспертизах гуманитарного профиля в настоящее время преимущественно преобладает комплекс экспертиз, когда каждый эксперт проводит самостоятельное исследование, а синтезирующая часть отсутствует. Например, эксперт-социолог определяет принадлежность материала к криминальной субкультуре АУЕ *, а эксперт-лингвист выявляет лингвистические признаки пропаганды жестокости и насилия среди несовершеннолетних. Фактически каждый из экспертов мог выполнять самостоятельную экспертизу, так как социолого-лингвистическая экспертиза при такой постановке задач характеризуется нулевой комплексностью, если использовать термины судебной экспертологии, представленные в работе А.И. Усова и соавторов [Усов и др., 2015].

Положение дел в судебно-экспертной практике и практике назначения судами комплексных экспертиз свидетельствует о том,

что назрела необходимость описания всех видов взаимодействия экспертов социальных и гуманитарных специальностей и выработки методических рекомендаций с указанием возможных типов комплексных экспертиз, обоснованием теоретической базы и созданием методик анализа материалов новых медиа.

Заключение

Дискурсивная реальность, определившая появление современных жанров новых медиа, разнообразие возникших в интернет-среде медиаформатов, возросшая роль поликодовых текстов, распространение сетевых коммуникативных практик потребовало некоторых уточнений в определении объекта лингвистической экспертизы. Считая текст общеродовым объектом судебной лингвистической экспертизы, полагаем, что исследование жанров новых медиа с учетом социокультурных, политических, этических факторов, требует расширения видового объекта экспертизы информационных материалов, особенно в тех случаях, когда проводится комплексная экспертиза с участием психологов, религиоведов, политологов и других специалистов. Новые медиа становятся пространством социальной коммуникации, поэтому вполне закономерным видится использование элементов дискурсивного анализа в лингвоэкспертной практике данных материалов.

Жанровый репертуар современной коммуникации, естественно, расширяется и будет расширяться и за счет усложнения форм диалогического взаимодействия, вовлечения массовой аудитории в создание медиаконтента, и под влиянием новых технологических вызовов, в частности, развития технологий искусственного интеллекта. Соответственно перед судебной лингвистической экспертизой встанут задачи создания инструментария для исследования новых медиажанров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабикина М. Р., 2019. Жанровые разновидности интернет-мемов в современном национали-

* Организация включена в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

- ческом дискурсе // Известия Уральского федерального университета. Серия 1, Проблемы образования, науки и культуры. Т. 25, № 2 (186). С. 67–73.
- Баранов А. Н., 2018. Метаязыки описания невербальной составляющей комбинированных текстов для целей лингвистической экспертизы // Коммуникативные исследования. № 3 (17). С. 9–36. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.3.9-36
- Галяшина Е. И., 2020. Судебное речеведение. М. : Норма : ИНФРА-М. 319 с.
- ГОСТ Р 70003–2022. Судебная лингвистическая экспертиза. Термины и определения, 2022. М. : Рос. ин-т стандартизации. 7 с.
- Ермакова О. П., 2011. Ирония и ее роль в жизни языка. М. : Флинта. 201 с.
- Кузнецов В. О., 2021. Судебная лингвистическая экспертиза. М. : РФЦСЭ при Минюсте России. 352 с.
- Кузнецов И. С., 2022. Мемы. Научный взгляд на феномен поп-культуры, захвативший мир. М. : Эксмо. 208 с.
- Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н., 2014. Методика проведения комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М. : РФЦСЭ. 98 с.
- Новожилова Е. В., 2024. Объекты судебного речеведения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 1. С. 118–124.
- Усов А. И., Эдзубов Л. Г., Микляева О. В., Карпухина Е. С., 2015. Проблемы комплексности в теории и практике судебной экспертизы (теоретический анализ). М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России. 131 с.
- Секераж Т. Н., 2021. Модели интеграции психологических и лингвистических знаний в судебных комплексных экспертизах // Теория и практика судебной экспертизы. Т. 16, № 4. С. 72–82. DOI: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-4-72-82>
- Скребцова Т. Г., 2020. Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика. М. : ЯСК. 312 с.
- dlya tseley lingvisticheskoy ekspertizy [Metalanguages for Describing the Non-Verbal Component of Combined Texts for the Purposes of Linguistic Expertise]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], no. 3 (17), pp. 9-36. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.3.9-36.
- Galyashina E.I., 2020. *Sudebnoe rechevedenie* [Forensic Linguistics]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ. 319 p.
- GOST R 70003–2022. *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza. Terminy i opredeleniya* [GOST R 70003–2022. Forensic Linguistic Examination. Terms and Definitions], 2022. Moscow, Ros. in-standartizatsii. 7 p.
- Ermakova O.P., 2011. *Ironiya i eye rol v zhizni yazyka* [Irony and Its Role in the Life of the Language]. Moscow, Flinta Publ. 201 p.
- Kuznetsov V.O., 2021. *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza* [Forensic Linguistic Expertise]. Moscow, RFTsSE pri Minyuste Rossii. 352 p.
- Kuznetsov I.S., 2022. *Memy. Nauchnyy vzglyad na fenomen pop-kultury, zakhvativshiy mir* [Memes. A Scientific Look at the Pop Culture Phenomenon That Has Taken over the World]. Moscow, Eksmo Publ. 208 p.
- Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N., 2014. *Metodika provedeniya kompleksnoy sudebnoy psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy po delam, svyazannym s protivodeystviem ekstremizmu i terrorizmu* [Methodology for Conducting a Comprehensive Forensic Psychological and Linguistic Examination in Cases Related to Countering Extremism and Terrorism]. Moscow, RFTsSE. 98 p.
- Novozhilova E.V., 2024. *Obyekty sudebnogo rechevedeniya* [Objects of Judicial Speech]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of Nizhny Novgorod University Named After N.I. Lobachevsky], no. 1, pp. 118-124.
- Usov A.I., Eedzhubov L.G., Miklyaeva O.V., Karpuhina E.S., 2015. *Problemy kompleksnosti v teorii i praktike sudebnoy ekspertizy (teoreticheskiy analiz)* [Problems of Complexity in the Theory and Practice of Forensic Examination (Theoretical Analysis)]. Moscow, FBU RFTsSE pri Minyuste Rossii. 131 p.
- Sekerazh T.N., 2021. *Modeli integratsii psikhologicheskikh i lingvisticheskikh znaniy v sudebnykh kompleksnykh ekspertizakh* [Models of Integration of Psychological and Linguistic Knowledge in Complex Forensic Examinations]. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy* [Theory and Practice of Forensic Science], vol. 16, no. 4, pp. 72-82. DOI: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-4-72-82>

REFERENCES

Babikova M.R., 2019. *Zhanrovye raznovidnosti internet-memov v sovremennom natsionalisticheskom diskurse* [Genre Varieties of Internet Memes in Modern Nationalist Discourse]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kultury* [Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture], vol. 25, no. 2 (186), pp. 67-73.

Baranov A.N., 2018. *Metayazyki opisaniya neverbalnoy sostavlyayushchey kombinirovannykh tekstov*

Skrebtsova T.G., 2020. *Lingvistika diskursa: struktura, semantika, pragmatika* [Linguistics of

Discourse: Structure, Semantics, Pragmatics]. Moscow, YaSK Publ. 312 p.

Information About the Author

Anna M. Plotnikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics and Text Studies, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Prosp. Lenina, 51, 620083 Yekaterinburg, Russia, annaplotnikova@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6027-2855>

Информация об авторе

Анна Михайловна Плотникова, доктор филологических наук, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, просп. Ленина, 51, 620083 г. Екатеринбург, Россия, annaplotnikova@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6027-2855>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.12>

UDC 81'42:003.074
LBC 81.055.51.3

Submitted: 22.01.2024
Accepted: 09.04.2024

CONFLICT-PRONE TIME FRAME NOMINATIONS IN BUSINESS DISCOURSE: LINGUISTIC EXPERT APPROACH

Galina S. Ivanenko

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The practice of conducting linguistic examinations on documentary disputes reveals the urgency of the issue connected with interpretation of time frames nominations by the parties. Time frame nominations *starting from ... to ..., through ..., from ... to ...,* and similar word combinations have a conflict potential, which is explained by their polyinterpretability. The article is devoted to the description of particular temporal meanings and identification of semantic regularity in the functioning of these word combinations. The research was carried out employing the information from lexicographic sources, the National Corpus of the Russian Language, and the author's practice of linguistic expertise. The lexicographic description of prepositions involved in the formation of temporal structures was analyzed. Turning to the data from the National Corpus of the Russian Language made it possible to identify two opposite types of functionally actual precise meanings of the studied temporal structures: time frame nomination with the right boundary included in it; and the one not included. The regularity and conditions for the formation of these meanings have been established. Significant factors that influence the realization of one of the meanings within the distinguished antinomy include the semantic signs of the structure components: "pointiness" or "extension" of the object that denotes the right boundary of the time frame, as well as the duration or extension of the process within the time frames. The dominant meaning of the model under study was determined: the structure *from ... to ...* and the corresponding semantic model with the right boundary included in the time frame nomination. To demonstrate specific expert situations, cases are presented, in which the subject of dispute was the interpretation of constructions indicating the time frames of legally significant processes. Recommendations are given for eliminating ambiguity in time period nominations in documentary texts.

Key words: linguistic examination, documentary dispute, temporal semantics, polyinterpretability, preposition, prepositional case form.

Citation. Ivanenko G.S. Conflict-Prone Time Frame Nominations in Business Discourse: Linguistic Expert Approach. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 3, pp. 144-155. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.12>

УДК 81'42:003.074
ББК 81.055.51.3

Дата поступления статьи: 22.01.2024
Дата принятия статьи: 09.04.2024

КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБОЗНАЧЕНИЙ ВРЕМЕННЫХ ПЕРИОДОВ В ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ: ЛИНГВОЭКСПЕРТНЫЙ ПОДХОД

Галина Сергеевна Иваненко

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Россия

Аннотация. В практике производства лингвистических экспертиз по документальным спорам актуальным вопросом остается интерпретация сторонами судебного процесса формулировок, указывающих на временные периоды. Конструкции «с ... до ...», «с ... по ...» в модели «обозначение процесса + до / по + указание временной границы» обладают конфликтным потенциалом, причина которого заключается в их полиинтерпретативности. Статья посвящена описанию частных темпоральных значений и установлению семантических закономерностей функционирования этих конструкций. Исследование выполнено на основе

словарных источников, Национального корпуса русского языка и лингвоэкспертной практики автора. Осуществлен анализ лексикографического описания предлогов, участвующих в формировании темпоральной конструкции. С привлечением данных Национального корпуса русского языка выделено два противопоставленных типа функционально актуальных частных значения изучаемых конструкций: период с правой границей, входящей в его течение, и период с правой границей, не входящей в него. Определены закономерности и условия формирования этих значений. К факторам, влияющим на реализацию одного из значений выделенной антиномии, относятся семантические признаки компонентов конструкции: точность или растянутость объекта, указывающего на правую границу периода, и длительность или растянутость процесса, временные границы которого представлены. В речевой практике в качестве доминирующих при обозначении временного периода установлены конструкция «с ... до» и семантическая модель, в которой правая граница входит в течение периода. Для демонстрации конкретных экспертных ситуаций рассмотрены кейсы, в которых предметом спора стали интерпретации конструкций с семантикой временных параметров юридически значимых процессов. Даны рекомендации по устранению двусмысленности указания временного периода в документах.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, документальный спор, темпоральная семантика, полиинтерпретативность, предлог, предложно-падежная форма.

Цитирование. Иваненко Г. С. Конфликтогенный потенциал обозначений временных периодов в деловом дискурсе: лингвоэкспертный подход // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 144–155. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.12>

Введение

Настоящее исследование находится на стыке двух дисциплин: лингвистики и юриспруденции. Анализ содержания лингвистических исследований по документальным спорам показал, что одной из наиболее актуальных является проблема интерпретации номинаций с темпоральным значением: *с ... по ..., с ... до ...*, построенных по модели: «с + обозначение левой границы периода (наличие этой границы вариативно) + обозначение процесса + *до / по* + указание правой временной границы». Темпоральные конструкции, построенные по представленной модели, обладают конфликтным потенциалом и вызывают дискуссию о том, в какой именно момент заканчивается обозначаемый период. Во многих случаях за названной границей следуют правовые последствия: отказ в принятии документов, расторжение контактов, начало действия штрафных санкций. Например, следует ли из зафиксированной в документе формулировки *взятую сумму обязуюсь вернуть до 25 сентября*, что заемщик обязался вернуть взятую сумму 24 сентября, ее возврат 25 сентября является нарушением обязательств и влечет начало действия штрафных санкций?

На настоящий момент уровень готовности лингвистики ответить на запрос юристов следующий: активно изучаются глубинные вопросы отражения темпоральных категорий

в языке [Коршунова, Лагута, 2020; Путилина, 2009; Рыжкович, 2019; Синкевич, 2009; Цыбова, 2019; Шуваева, 2005; Юдина, 2000], исследуются семантика и функционирование предлогов в общем [Шиганова, 2001], темпоральных [Суровцева, 2011; Суровцева, 2012; Ухналева, Моисеева, 2015; Хаперская, 2013] и таксисных [Архипова, 2021] в частности. Однако на уровне практических решений вопрос о значении конкретных конструкций, указывающих на временные промежутки, по-прежнему остается актуальным. При этом в работах по документоведению [Кушнерук, 2007] и лингвистической экспертизе в документальных спорах [Ионова, 2019; Иваненко, 2012, 2021] акцентируется внимание на требованиях официально-делового стиля к однозначности языкового факта.

В заключениях и экспертизах на вопросы о границе обозначенного срока лингвисты нередко дают однозначные, но противоположные ответы: дата, названная в конструкции *до числа X*, входит / не входит в обозначаемый промежуток, что свидетельствует об амфиболичности описываемых языковых конструкций (подробно о них см.: [Эпштейн, 2009]).

Подтверждает конфликтность исследуемых формулировок противоречивость законодательной и правоприменительной практики по обозначенному вопросу. Так, с одной стороны, согласно части 5 ст. 16 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об испол-

нительном производстве», срок, определенный в исполнительном документе календарной датой, оканчивается в день, предшествующий дате, указанной в исполнительном документе; в соответствии с п. 3.3 Регламента предоставления банком России банкам кредитов, обеспеченных залогом (блокировкой) ценных бумаг (Приложение 6 к Положению Банка России от 04.08.2003 № 236-П), обязательства Банка России по предоставлению кредитов приостанавливаются с рабочего дня, предшествующего дню, указанному в уведомлении. С другой стороны, в действующем законодательстве существуют примеры противоположной трактовки спорной конструкции *срок до... включительно*. Так, в ст. 190, 194 ГК РФ, ст. 113 АПК РФ, ст. 107 ГПК РФ ст. 6.1 НК РФ законодатель принимает расширительное толкование исследуемой конструкции. Однако такие пояснения отсутствуют, например, в КоАП РФ, хотя он содержит множество статей, определяющих серьезные наказания за нарушение сроков (см. ст. 10.5, 15.29, 19.5, 19.6, 19.7.1, 19.7.2, 19.7.4, 19.8, 19.9 и др. ст. КоАП РФ). Противоположность трактовок в законодательных актах порождает диссонанс и в другой юридически значимой документации.

Юристы предпринимают попытки интерпретировать значение рассматриваемых конструкций. Получила определенную востребованность версия, согласно которой предлоги *до* и *по* дифференцируются следующим образом: если *по 15 мая*, то 15 мая включается в срок, а если *до 15 мая*, то действия процесса заканчивается 14 мая [Ерш, 2009; Минкина, 2008]. Однако конкретные судебные решения свидетельствуют о том, что такое видение не стало общепринятым (например, постановление ФАС ВСО от 20.02.2008 № А33-7634/07-Ф02-331/08) [Гохлернер, 2010].

Итак, общество требует от лингвистов ответа на вопрос: указывают ли конструкции «с ... по», «с ... до» в модели «с + обозначение левой границы периода (наличие этой границ вариативно) + обозначение процесса + до / по + указание правой временной границы», на процессы, заканчивающиеся до названной правой границы или после нее? Получение ответа на этот вопрос и стало целью настоящего исследования.

Материал и методы

Статья отражает результаты трех последовательных этапов работы: 1) со словарями как с источником систематизированных обобщенных значений компонентов конструкции; 2) с Национальным корпусом русского языка как практическим материалом для анализа частных значений и условий реализации целостной конструкции в контексте; 3) с кейсами – запросами к лингвисту для производства лингвистической экспертизы, отражающими реальные конфликты интерпретаций описываемых языковых конструкций. В ходе исследования применялись лексико-семантический, семантико-синтаксический, контекстуальный анализ.

Результаты и обсуждение

Анализ лексикографических источников

Ответа на искомый вопрос лексикографические источники не дают, но анализ и синтез предлагаемого ими материала в аспекте решаемой задачи позволил выделить типологические группы частных значений предлогов в составе темпоральных конструкций, что является шагом к решению поставленной проблемы.

Левой границей темпоральной конструкции (в тех случаях, когда она фиксируется) является словоформа с предлогом *с*. Словари (БАС, БАСРЯ, БТСРЯ, ОСРЯ, СНПСРЯ) среди ряда значений предлога *с* фиксируют и темпоральное: «Указывает на время, период, срок осуществления какого-л. действия». Приведенные в словарях примеры позволяют выделить различные частные темпоральные значения, выражаемые словоформами с предлогом *с* (контексты приводятся по БТСРЯ):

1) обозначение момента, после которого, не включая его, началось действие: *Не был в деревне с прошлого года; Заплатить взносы с полочки*; 2) обозначение момента, начиная с которого и включая который началось действие; сочетается со второй такой же расширенной границей: *с ... по ..., с ... до ...: Служить в армии с шестидесятих по восьмидесятые годы; Жить в деревне с весны до осени*; 3) обозначение момента, параллель-

но с которым началось и развивается действие: *Вставать с зарей; Выехать с рассветом; Поумнеть с возрастом; Остепениться с годами; Темнеет с каждым часом; Знать кого-л. со школьной скамьи; Рисовать с раннего утра*; 4) обозначение начальной точки периода в сочетании с обозначением второй точки, в некий момент между которыми осуществляется действие, притом неизвестно, в тот, который назван словоформой со значением первой границы, или же тот, который назван словоформой со значением второй: *Приеду с первого на второе января; Ждать кого-л. со дня на день*. Несмотря на полиинтерпретативность конструкций с предлогом *с* в аспекте включения / невключения в обозначаемый промежуток периода, вводимого предлогом, судебных материалов по этому вопросу не выявлено. Следовательно, обозначение левой границы временного периода имеет слабый конфликтный потенциал. Анализ контекстов показал, что аморфность темпорального значения наблюдается в дискурсах неправового характера (*с раннего детства до глубокой старости*), в юридически же значимых текстах реализуется значение 2 (*в отпуске с 1 июля*), не вызывающее разночтений, в связи с чем дальнейшая работа была сосредоточена на изучении языкового оформления правой границы временного промежутка.

Правую границу темпоральной конструкции создает словоформа с предлогами *до* и *по*. Лексикографические источники устанавливают между ними тождество в значениях: «при указании предела, границы распространения действия», «при указании временного предела действия, состояния» (БАС; БТСРЯ).

Сопоставление значений предлогов *с*, *до* и *по* позволяет увидеть гораздо большее типологическое единство значений предлога *до*, по сравнению с предлогами *с* и *по*, которые реализуют широкий спектр значений. Для предлога *по* наиболее продуктивными являются объектные и локусные значения, темпоральные относятся к периферии функциональной зоны: 3 значения из 20 (БАС). Словоформы же с предлогом *до* во всех значениях родительного падежа обозначают границу, до которой доходит называемое действие. Однако в интересующем нас аспекте вхождения /

невхождения обозначенной временной границы в рамки протекающего действия наблюдается, во-первых, синонимия предлогов *по* и *до*: «С ... *по* ... в знач. *от ... до ...*» (БАС), во-вторых, семантическая дихотомия. Словоформа с предлогами *по* и *до*, выражающая темпоральную семантику, может обозначать как границу, входящую во временные рамки всего процесса: *Дожить до ста лет; С 1793 по 1807 год начали появляться комедии и другие драматические опыты Крылова*, так и не входящую в них: *Проспать до обеда; Это был талантливейший инженер-изобретатель, с которым я был дружен с 1886 г. по день смерти в апреле 1938 г.*

Анализ данных

Национального корпуса русского языка

Для изучения проблемы на живом языковом материале обращаемся к НКРЯ. Результаты анализа семантики контекстов с предлогом *до* в значении предела позволил типологизировать их.

Группа 1. Объект с предлогом *до* входит в пределы, обозначаемые конструкцией «от / с чего до чего», указывает на включенную в процесс / состояние вторую границу: *Америка от А до Я; Магнитная гидродинамика: от галактик до проблем металлургии; Век самопознания. Поиски бессознательного в искусстве и науке с начала до наших дней; Пампуш на Твербуле. Краткая история памятника Пушкину: от Достоевского до митинга; В мире дешевет все – от еды до бытового газа; Путеводитель для богатых. В.Н. Шараев. Волга. Путешествие от Москвы до Астрахани; Путеводитель; До чего дошел прогресс; От предчувствия войны до падения династии; От запрета до расцвета; Пространство с человеческим лицом: от Геродота до брендинга территорий; От Кенигсберга до Калининграда; Во всем мне хочется дойти до самой сути...; Дошли до героев; Дошли до «Полюса». «Норникель» обзавелся «золотой ногой»; По пути в Гаагу. «Дело Лазутиной» дошло до гражданского суда. За это спортивные чиновники грозят дисквалифицировать всю Россию; Со среды до субботы – подвиг.*

Употребления с предлогом *по* также реализуют выделенное значение, хотя выявленных примеров существенно меньше: *Учимся с понедельника по пятницу* (включая пятницу), *Великая Отечественная война длилась с 1941 по 1945 г.* (включая 1945), *В России летние каникулы длятся с июня по август* (включая август).

Фразеологизм *до сих пор* имеет в контекстах двоякое значение. В контекстах: *«Асса» forever. Почему главный фильм русского рока до сих пор актуален и любим; «Очень трудная проблема сознания». Наука до сих пор не понимает, как работает наш мозг* он обозначает границу, входящую в процесс: фильм любили и любят, наука не понимала и не понимает. Однако в следующем примере *до сих пор* обозначает границу, находящуюся за пределами осуществляемого процесса: *Мы до сих пор не понимали ценности этого ресурса.* Раньше не понимали, а сейчас, с этих пор, понимаем.

Можно высказать предположение, что вхождение / невхождение финальной временной границы в называемый процесс зависит от времени сказуемого: в предложениях со сказуемым в форме настоящего времени граница сливается с процессом: *до сих пор читаем, до сих пор считаем, до сих пор не осознаем*; в предложениях со сказуемым в форме прошедшего времени возникает контраст между семантикой настоящего «сей поры» и прошедшего времени, оформляющего указание на протекавший ранее и закончившийся к моменту речи процесс: *до сих пор не подсчитывали эффективность, до сих пор не проводили такого грандиозного мероприятия, до сих пор не признавались себе в истинных мотивах.* Такая семантика разрыва процесса и того, что произошло за его границей, реализуется только при несовершенном виде глагола-предиката. Совершенный вид глагола уничтожает границу и представляет процесс длящимся. Ср.: *мы до сих пор не понимали* (сейчас поняли) / *мы до сих пор не поняли* (раньше не понимали и сейчас не понимаем); *учителя до сих пор не принимали всерьез ситуацию* (а сейчас приняли) / *учителя до сих пор не поняли* (раньше не понимали и сейчас не понимают).

Группа 2. Объект с предлогами *до / по* не входит в пределы, обозначаемые темпоральной конструкцией «от / с чего до чего / по что», указывает на вторую границу, не включенную в процесс / состояние: *Мы незаметно дошли до пропасти и оказались на краю; Задача – дойти до моря; До каникул – на всех парах. По сентябрь поработаешь, а уж школа начнется – учиться надо.*

При сплошной выборке из НКРЯ соотношение примеров группы 2 к группе 1 равно 6/1, в то время как по данным словарей это соотношение примерно 1/1, что может быть объяснено демонстрационной функцией подбора иллюстративного материала в лексикографической практике при ином их соотношении в реальной речи. По-видимому, «расширенное» значение исследуемых конструкций (включающее период, обозначенный правой границей) продуктивнее «суженного» (не включающего период, обозначенный правой границей). Существенно также, что второе значение конструкции реализуется в случаях, когда предлог вводит понятие, растянутое в пространстве или времени (пропасть, море, каникулы, год).

Группа 3. Значение конструкции неопределенно, вариативно, для его интерпретации нужен контекст, например: *Французы дошли до Москвы* – дошли до Москвы и вошли в Москву, *Немцы дошли до Москвы, но были остановлены* – дошли до пригородов Москвы, до границ города, но в сам город не вошли.

Параметры объекта, называемого после предлога *до / по*, могут различаться. Если объект «точечный», как минимум в рамках контекста, то речь идет о достижении этой точки: *дошли до Северного полюса.* Если говорящий не имеет в виду, что полюс был покорен, то такое предложение не будет построено. Если объект растянут, то появляется возможность для интерпретации. Ситуацию хорошо иллюстрирует пример с существительным *река*, обозначающим объект с очерченными границами – берегами: *дойти до реки* – остановиться на границе объекта, вводимого предлогом *до*. Временные параметры подобны локусным: они могут быть протяженными (как в приведенном выше примере с наименованием города – не точечного, растянутого объекта *до Москвы*), что и создает возмож-

ность неоднозначного толкования границы: *Такие дела длятся до трех лет*. Аналогичные закономерности наблюдаются в функционировании предлога *по*: *Сессия заочного отделения длится с 05 июня по 04 июля* (04 июля еще сессия); *В детстве мы бегали раздетыми с апреля по октябрь* (октябрь длится, границы процесса размыты, вхождение правой границы во временной промежуток неопределенно).

Группа 4. Объект, вводимый предлогами *до / по*, является границей между двумя состояниями (в нашем материале сочетается с предлогом *после*). В приведенных ниже примерах словоформа с *до* обозначает границу, которая не входит ни в одну из разделяемых ею категорий: *До восьми – инвестор, после восьми – обычный москвич; Единение цвета науки и церкви..., или до Петроградского процесса 1922 г. И после «Академического дела» 1929–1931 гг.; Онлайн-активность олимпийского волонтерского движения «Сочи-2014» до и после игр.*

В строго темпоральных значениях обнаруживается дуальность: правая граница процесса может входить в него: *Артист В. Зельдин прожил до 101 года; Павлик учился в университете до 23 лет; Лекарство рекомендуется принимать до 10 дней*, может не входить: *Встретились они до войны; В тот день...завершил дела до ужина; В Гвинее сухой период продолжается приблизительно с середины октября до начала мая и дождливый – с начала мая по конец октября*, может трактоваться двояко: *Скидки предоставляются детям до 12 лет.*

Проведенное сопоставление частных значений словоформ с предлогом *до* в конструкциях с временным значением привело к выводу о том, что роль темпорального показателя зависит от характера процесса. Если речь идет о разовом событии, поступке, то предлогом *до* обозначается предел, к началу которого событие уже было совершено. Предлог *до* в таких случаях употребляется без пары, то есть обозначена только правая граница, к наступлению которой процесс уже завершился: *Семья вернулась из гостей до наступления темноты*. Если же речь идет о длящемся процессе, то предлог *до* обозначает пограничный момент, который входит в

описываемый период: *Хотелось досидеть в гостях до темноты*. В приведенных примерах противопоставление одномоментного действия (*вернуться*) и длящегося процесса (*досидеть*) совпадает с противопоставлением по невхождению / вхождению пограничного момента в течение этого процесса.

Зависимость дифференциации значения предлога *по* от растянутости / одномоментности действия не наблюдается, хотя сама дуальность проявляется: *Мы не виделись тогда почти все лето: с первых чисел июня по 1 сентября, когда буквально бросились друг другу на шею* (правая граница не включается в период) – *Семья его жила на этом хуторе с 80-х годов XIX века по 1914* (правая граница включается в период).

По результатам анализа употреблений в НКРЯ приходим к выводу о выражении конструкциями с предлогами *до* и *по* двух темпоральных значений: 1) «вторая граница временного промежутка, указывающая последний момент еще протекающего процесса»; 2) «временной предел, к наступлению которого некое разовое действие было осуществлено, событие произошло». При этом для предлога *до* функция фиксатора правой границы временного промежутка является актуальной, а для предлога *по* – непродуктивной, часто разговорной и устаревшей (*встречались по отъезд, с Рождества по Пасху*).

Данные лингвистической экспертизы

В этом разделе анализируются запросы для производства лингвистической экспертизы, отражающие реальные конфликты интерпретаций исследуемых языковых моделей.

Кейс № 1. Предметом рассмотрения стал текст расписки:

Я, (личные данные), в порядке пункта 2 статьи 808 Гражданского кодекса беру в долг деньги в сумме 2000000 (два миллиона) рублей. Указанную сумму обязуюсь вернуть полностью до 21 января (выделено нами. – Г. И.) 2020 г. В случае невозвращения суммы в срок обязуюсь выплатить штрафные в размере 20 % от взятой суммы, плюс пеню 1 % за каждый день просрочки.

Конфликт интерпретаций предсказуем: должник вернул денежные средства 21 января, что было сочтено им как своевременный

возврат, а заимодавцем – как просрочка, требующая вступления в действие штрафных санкций. Допускает ли буквальное прочтение текста выплату средств 21 января не подлежащей штрафным мерам? Считаем, что да. В языковой системе и в реальной практике слово, вводимое предлогом *до*, может обозначать момент, который как входит, так и не входит в границы называемого процесса. Текстовые факторы, препятствующие интерпретации 21 января как допустимого срока выплаты без штрафных санкций, отсутствуют.

Кейс № 2. Спорным стал текст договора:

3.2. Оплата Поклажедателем услуг Хранителя производится ежемесячно **до 10 числа** месяца (выделено нами. – *Г. И.*), следующего за отчетным периодом, путем перечисления денежных средств на расчетный счет Хранителя на основании Отчета о движении товарно-материальных ценностей и Акта выполненных работ, предоставляемых Хранителем.

Поклажедатель интерпретировал пункт договора как допускающий произведение оплаты 10 числа. Вопрос: в контексте представленного договора допускает ли языковое оформление п. 3.2. осуществление оплаты 10 числа месяца, следующего за отчетным периодом? Ответ на этот вопрос опирается на дуальность значения предлога *до* и отсутствие маркеров, требующих вынести пограничную дату за пределы очерченного периода. Реализуется значение длящегося периода, в течение которого сторона должна реализовать свою обязанность. Семантика повторяемости несовершенного вида глагола *производится* и наречия *ежемесячно* поддерживает значение второй границы временного промежутка как включенной в процесс. В контексте представленного договора языковое оформление п. 3.2. допускает осуществление оплаты 10 числа месяца, следующего за отчетным периодом, так как конструкция с предлогом *до* указывает на предельный временной показатель обозначенного допустимого периода оплаты.

Кейс № 3. Судом установлен порядок общения отца с детьми. Приведем фрагмент документа:

...Первые и третьи выходные дни месяца: с **18.00 ч. пятницы до 08.00. часов понедельника** (выделено нами. – *Г. И.*), при этом Никифоров В.Н.

в пятницу забирает дочь Никифорову Анну Вячеславовну из детского дошкольного учреждения, а сына Никифорова Андрея Вячеславовича – по месту жительства матери Никифоровой Л.С., и **не позднее 8.00 часов понедельника возвращает** (выделено нами. – *Г. И.*) малолетнюю Никифорову Анну Вячеславовну в детское дошкольное учреждение, а малолетнего Никифорова Андрея Вячеславовича – по месту жительства матери Никифоровой Л.С.

Отец в один из отведенных для общения дней приехал по месту жительства бывшей жены забирать детей в 18.10. Жена не разрешила мужу забрать детей, аргументируя отказ нарушением режима общения с детьми отцом. Вопрос: следует ли из «Решения об изменении порядка общения с детьми», что отец должен забирать детей на встречу строго в 18.00, а приезд, например, в 18.10 является нарушением графика? Ответ: из представленного «Решения об изменении порядка общения с детьми» не следует однозначно, что отец должен забирать детей на встречу именно и строго в 18.00, а приезд, например, в 18.10 является нарушением графика общения с детьми. Слово *забирает* имеет в документах два значения: 1) сам момент встречи с детьми (момент приезда); 2) весь промежуток общения. На фоне других временных периодов, четко определенных в полном варианте документа: *не позднее 8.00, не позднее 21.00*, – обозначение с 18.00 дано без конкретизации, например *не позднее 18.00*, и вполне закономерно трактуется как отсутствие такой регламентации и допустимость некоторого колебания временной границы, сдвига ее в сторону более позднего времени, поскольку время 18.00 названо в качестве самой ранней границы обозначаемого периода.

Кейс № 4. Конфликт интерпретаций возник между работодателем и сотрудником, принятым на работу с формулировкой: *на испытательный срок с января 2020 по январь 2021 с оплатой 75 % от полной оплаты труда*. Предметом разночтений предсказуемо стал вопрос о вхождении / невхождении правой границы темпоральной конструкции в обозначаемый период: продолжился в течение января 2021 г. период испытательного срока или же завершился к его началу? Формулировка полиинтерпретативна: согласно опи-

санному значению предлога *по*, он синонимичен предлогу *до*. Оба предлога, как показал анализ НКРЯ, употребляются в конструкциях со значением временного предела, входящего и не входящего в обозначаемый период. Отчетливые маркеры для выбора одной из интерпретаций отсутствуют. Фактором, усиливающим позиции «суженного» толкования, является контекст, в котором дважды задействовано наименование месяца *январь*, который начинает и заканчивает календарный год, что устанавливает когнитивную связь с циклом в годовой промежуток. Однако, по всей вероятности, названного фактора недостаточно для категоричного ответа. Следует признать, что текст амфиболичен.

В результате рассмотрения кейсов можно предложить рекомендации по выбору формулировок для оформления юридически значимых границ временных периодов. Следует использовать уточняющие языковые средства, устраняющие амфиболию, выбирая формулировки, исключая конфликт интерпретаций: такое-то действие должно быть выполнено в срок до такого-то числа включительно; выполнить действие до 24.00 10 числа, с 00.00 11 числа обязательства считаются невыполненными. Указание времени в часах и минутах также существенно, поскольку, как показывает анализ конфликта интерпретаций, во многих случаях стороне важен не календарный, а банковский день, и возврат суммы, например, после 18.00 равносителен невозврату в текущий календарный день.

Выводы

Проведенное исследование имеет три вывода:

1. В лингвистическом аспекте исследование привело к пониманию: во-первых, предлоги *до* и *по* синонимичны в темпоральном значении; во-вторых, в конструкции «с ... до / по» они объединены значением предела, до которого распространяется некий процесс; в-третьих, в модели «с + обозначение левой границы периода (наличие этой границы вариативно) + обозначение процесса + *до / по* + указание правой временной границы» вхождение / невхождение в обозначаемый период правой границы зависит от ее «точечности»

или «растянутости» и от характера процесса (одномоментного или длящегося).

2. В лингвоэкспертном аспекте исследование привело к выводу о неоправданности категоричных утверждений о какой-либо одной интерпретации значения темпоральных конструкций «с ... по ...», «с ... до ...». Информацию о единственной, доминирующей или вероятной интерпретации дают не только узкий правый и левый контексты предлога, но и весь объем языковой информации, содержащийся в документе.

3. При составлении документов рекомендуется не оставлять языковые конструкции, обозначающие временной период, без достаточного для моноинтерпретации пояснения.

Проведенное исследование в полной мере не решает проблемы конфликта интерпретаций конструкций со значением временных промежутков, но вносит некоторую конкретизацию в понимание их семантики и, что, на наш взгляд, еще более важно, обосновывает необходимость отказа от прямолинейной и одноплановой трактовки исследуемых единиц, к сожалению, бытующей в лингвоэкспертной практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипова И. В., 2021. Таксисные предлоги русского языка // Гуманитарный научный вестник. № 6. С. 122–127. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/06/Arkipova.pdf>
- Гохлернер Д. И., 2010. Коварные предлоги «до» и «по» // Сайт Палаты адвокатов Нижегородской области. URL: <https://apno.ru/press-tsentr/publikatsii/44964-kovarnye-predlogi-do-i-po>
- Ерш А. В., 2009. Комментарий к Информационному письму ВАС РФ от 11 января 2002 г. № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» // Практика рассмотрения коммерческих споров: анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума ВАС РФ. Вып. 1 / под ред. А. Л. Новоселовой, М. А. Рожковой. М.: Гарант. URL: <https://base.garant.ru/5809972/#text>
- Иваненко Г. С., 2021. Извлечение фактуальной информации текста как основа функциональной грамотности // Русский язык в поликультурном мире: сб. науч. ст. V Междунар. симп., включ. в прогр. Междунар. фестиваля «Великое русское слово» (Симферополь, 8–12 июня 2021 года): в 2 т. Т. 2 / отв. ред.

- Е. Я. Титаренко. Симферополь : Крым. федер. ун-т им. В.И. Вернадского. С. 129–133.
- Иваненко Г. С., 2012. Понятия значения, смысла, понимания, восприятия, интерпретации текста в концепции целевого лингвистического судебного исследования // Мир науки, культуры, образования. № 4 (35). С. 74–78.
- Ионова С. В., 2019. Содержание документа и его толкование как предмет лингвистической экспертизы // Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы : сб. докл. Междунар. науч. конф. (Нижний Новгород, 16–17 мая 2019 года). Н. Новгород : Нац. исслед. Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. С. 167–172.
- Коршунова А. С., Лагута Н. В., 2020. Грамматические средства выражения категории времени в русском языке // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. № 90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grammaticheskie-sredstva-vyrazheniya-kategorii-vremeni-v-russkom-yazyke>
- Кушнерук С. П., 2007. Документная лингвистика : учеб. пособие. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. 245 с.
- Минкина Н., 2008. Особенности испытательного срока // ЭЖ-Юрист, № 25. URL: <https://base.garant.ru/5586562/>
- Путилина Л. В., 2009. Лексические средства выражения категории времени в индивидуальной языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 2 (4). С. 210–212.
- Рыжкович А. Ч., 2019. Семантическая структура категории темпоральности // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». Т. 29. С. 184–189.
- Синкевич Д. А., 2009. Категория темпоральности в лингво-философском освещении // Вестник Челябинского государственного университета. № 7 (188). С. 148–152.
- Суровцева С. И., 2012. Предлог в оформлении темпоральных отношений // Lingua mobilis. № 4 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predlog-v-oformlenii-temporalnyh-otnosheniy>
- Суровцева С. И., 2011. Структурные и семантические свойства лексических и фразеологических темпоральных предлогов современного русского языка. Челябинск : ЧГПУ. 190 с.
- Ухналева Е. А., Моисеева С. А., 2015. Темпоральные предлоги в концепте времени года // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. № 2. С. 58–63.
- Хаперская Ю. В., 2013. Темпоральные производные предлоги современного русского языка: типология и место в структуре предложения // Вестник ВУиТ. № 1 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/temporalnye-proizvodnye-predlogi-sovremennogo-russkogo-yazyka-tipologiya-i-mesto-v-strukture-predlozheniya>
- Цыбова И. А., 2019. Об отображении категории времени в языке // Филологические науки в МГИМО. Т. 18, № 2. С. 41–47. DOI: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2019-2-18-41-47>
- Шиганова Г. А., 2001. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та. 454 с.
- Шуваева Н. В., 2005. Взаимодействие грамматических и лексических средств выражения темпоральности в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов. 203 с.
- Эпштейн М., 2009. О языковой критике. Критика предлога «до». Предлог «допосле». URL: <https://subscribe.ru/archive/linguistics.lexicon/200906/29070544.html>
- Юдина Е. А., 2000. Лексический темпоральный ориентир как элемент языковой картины мира // Романо-германская филология. Вып. 1. С. 93–96.

ИСТОЧНИК

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>

СЛОВАРИ

БАС – Большой академический словарь русского языка. В 27 т. / под ред. Л. И. Балахоновой. М. ; СПб. : Наука. 27 т.

БАСРЯ – Большой академический словарь русского языка. В 30 т. / под ред. К. С. Горбачевича. СПб. : Наука, 2004. 30 т. URL: <http://nshuman.ru/unislov/bastxt.php?ntom=20&np=611>

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.

ОСРЯ – Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы : Около 1200 единиц / В. В. Морковкин [и др.]. 2-е изд. М. : Астрель ; АСТ, 2002. 432 с.

СНПСРЯ – Лепнев М. Г. Словарь непроизводных предлогов современного русского языка. СПб. : Гуманит. акад., 2009. 176 с.

REFERENCES

- Arkhipova I.V., 2021. Taksisnye predlogi russkogo yazyka [Taxic Prepositions of the Russian Language]. *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik* [Humanitarian Scientific Bulletin], no. 6, pp. 122-127. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/06/Arkhipova.pdf>
- Gokhlerner D.I., 2010. Kovarnyye predlogi «do» i «po» [Insidious Prepositions “Before” and “After”]. *Sayt Palaty advokатов Nizhegorodskoy oblasti* [Website of the Chamber of Lawyers of the Nizhny Novgorod Region]. URL: <https://apno.ru/press-tsentr/publikatsii/44964-kovarnyye-predlogi-do-i-po>
- Yorsh A.V., 2009. Kommentariy k Informatsionnomu pismu VAS RF ot 11 yanvarya 2002 g. № 66 «Obzor praktiki razresheniya sporov, svyazannykh s arendoy» [Comment to the Information Letter of the Arbitration Court of the Russian Federation dated January 11, 2002. No. 66 Review of the Practice of Resolving Disputes Related to Rent]. Novoselova A.L., Rozhkova M.A., eds. *Praktika rassmotreniya kommercheskikh sporov: analiz i kommentarii postanovleniy Plenuma i obzorov Prezidiuma VAS RF. Vyp. 1* [The Practice of Considering Commercial Disputes: Analysis and Comments on the Resolutions of the Plenum and Reviews of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. Iss. 1]. Moscow, Garant Publ. URL: <https://base.garant.ru/5809972/#text>
- Ivanenko G.S., 2021. Izvlechenie faktualnoy informatsii teksta kak osnova funktsionalnoy gramotnosti [The Extraction of Factual Information of the Text as the Basis of Functional Literacy]. Titarenko E.Ya., ed. *Russkiy yazyk v polikulturnom mire: sb. nauch. st. V Mezhdunar. simp., vklyuch. v progr. Mezhdunar. festivalya «Velikoe russkoe slovo» (Simferopol, 8–12 iyunya 2021 goda): v 2 t. T. 2* [Russian Russian in a Multicultural World. Collection of Scientific Articles of the 5th International Symposium Included in the Program of the International Festival “The Great Russian Word” (Simferopol, June 8–12, 2021). In 2 Vols. Vol. 2]. Simferopol, Krym. feder. un-t im. V.I. Vernadskogo, pp. 129-133.
- Ivanenko G.S., 2012. Ponyatiya znacheniya, smysla, ponimaniya, vospriyatiya, interpretatsii teksta v kontseptsii tselevogo lingvisticheskogo sudebnogo issledovaniya [The Concepts of Meaning, Significance, Understanding, Perception, Interpretation of the Text in the Concept of Targeted Linguistic Forensic Research]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture, Education], no. 4 (35), pp. 74-78.
- Ionova S.V., 2019. Soderzhanie dokumenta i ego tolkovanie kak predmet lingvisticheskoy ekspertizy [The Content of the Document and Its Interpretation as a Subject of Linguistic Expertise]. *Mezhdunarodnye i natsionalnye tendentsii i perspektivy razvitiya sudebnoy ekspertizy: sb. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. (Nizhny Novgorod, 16–17 maya 2019 g.)* [International and National Trends and Prospects for the Development of Forensic Expertise. Collection of Documents International Scientific Conference (Nizhny Novgorod, May, 16–17, 2019)]. Nizhny Novgorod, Nats. issled. Nizhegor. gos. un-t im. N.I. Lobachevskogo, pp. 167-172.
- Korshunova A.S., Laguta N.V., 2020. Grammaticheskie sredstva vyrazheniya kategorii vremeni v russkom yazyke [Grammatical Means of Expressing the Category of Time in the Russian Language]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities], no. 90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grammaticheskie-sredstva-vyrazheniya-kategorii-vremeni-v-russkom-yazyke>
- Kushneruk S.P., 2007. *Dokumentnaya lingvistika: ucheb. posobie* [Documentary Linguistics. Textbook]. Volgograd, Volgograd. nauch. izd-vo. 245 p.
- Minkina N., 2008. Osobennosti ispytatelnogo sroka [Features of the Probation Period]. *EZh-Yurist* [Economics and Life - Lawyer], no. 25. URL: <https://base.garant.ru/5586562/>
- Putilina L.V., 2009. Leksicheskie sredstva vyrazheniya kategorii vremeni v individualnoy yazykovoy kartine mira [Lexical Means of Expressing the Category of Time in an Individual Linguistic Picture of the World]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], no. 2 (4), pp. 210-212.
- Ryzhkovich A.Ch., 2019. Semanticheskaya struktura kategorii temporalnosti [Semantic Structure of the Category of Temporality]. *Uchenye zapiski UO «VGU im. P.M. Masherova»* [Scientific Notes of the Higher Educational Institution “VSU Named After P.M. Masherov”], vol. 29, pp. 184-189.
- Sinkevich D.A., 2009. Kategoriya temporalnosti v lingvo-filosofskom osveshchenii [The Category

- of Temporality in Linguistic and Philosophical Coverage]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo unstituta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 7 (188), pp. 148-152.
- Surovtseva S.I., 2012. Predlog v oformlenii temporalnykh otnosheniy [A Preposition in the Design of Temporal Relations]. *Lingua mobilis*, no. 4 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predlog-v-oformlenii-temporalnykh-otnosheniy>
- Surovtseva S.I., 2011. *Strukturnye i semanticheskie svoystva leksicheskikh i frazeologicheskikh temporalnykh predlogov sovremennogo russkogo yazyka* [Structural and Semantic Properties of Lexical and Phraseological Temporal Prepositions of the Modern Russian Language]. Chelyabinsk, ChGPU. 190 p.
- Ukhnyalova E.A., Moiseeva S.A., 2015. Temporalnye predlogi v kontsepte vremena goda [Temporal Prepositions in the Concept of Seasons]. *Nauchnyy rezultat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki* [Research Result. Theoretical and Applied Linguistics], no. 2, pp. 58-63.
- Khaperskaya Yu.V., 2013. Temporalnye proizvodnye predlogi sovremennogo russkogo yazyka: tipologiya i mesto v structure predlozheniya [Temporal Derivative Prepositions of the Modern Russian Language: Typology and Place in the Sentence Structure]. *Vestnik VUiT* [Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev], no. 1 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/temporalnye-proizvodnye-predlogi-sovremennogo-russkogo-yazyka-tipologiya-i-mesto-v-structure-predlozheniya>
- Tsybova I.A., 2019. Ob otobrazhenii kategorii vremeni v yazyke [About Displaying the Time Category in the Language]. *Filologicheskie nauki v MGIMO* [Philological Sciences at MGIMO], vol. 18. no. 2, pp. 41-47. DOI: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2019-2-18-41-47>
- Shiganova G.A., 2001. *Sistema leksicheskikh i frazeologicheskikh predlogov v sovremennom russkom yazyke* [The System of Lexical and Phraseological Prepositions in Modern Russian]. Chelyabinsk, Izd-vo Chelyab. gos. ped. un-ta. 454 p.
- Shuvaeva N.V., 2005. *Vzaimodeystvie grammaticheskikh i leksicheskikh sredstv vyrazheniya temporalnosti v sovremennom russkom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [The Interaction of Grammatical and Lexical Means of Expressing Temporality in Modern Russian. Cand. philol. sci. diss.]. Tambov. 203 p.
- Epshteyn M., 2009. *O yazykovoy kritike. Kritika predloga «do». Predlog «doposle»* [About Language Criticism. Criticism of the Preposition “Before”. The Preposition “Beforeafter”]. URL: <https://subscribe.ru/archive/linguistics.lexicon/200906/29070544.html>
- Yudina E.A., 2000. Leksicheskiy temporalnyy orientir kak element yazykovoy kartiny mira [Lexical Temporal Reference Point as an Element of the Linguistic Picture of the World]. *Romano-germanskaya filologiya* [Romano-Germanic Philology], iss. 1, pp. 93-96.

SOURCE

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [The National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru>

DICTIONARIES

- Balakhonova L.I., ed. *Bolshoy akademicheskii slovar russkogo yazyka. V 27 t.* [A Large Academic Dictionary of the Russian Language. In 27 Vols.]. Moscow, Saint Petersburg, Nauka Publ.
- Gorbachevich K.S., ed. *Bolshoy akademicheskii slovar russkogo yazyka. V 30 t.* [The Great Academic Dictionary of the Russian Language. In 30 Vols.]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2004. URL: <http://nskhuman.ru/unislov/bastxt.php?ntom=20&np=611>
- Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [A Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.
- Morkovkin V.V. et al., eds. *Obyasnitelnyy slovar russkogo yazyka: Strukturnye slova: predlogi, soyuzy, chastitsy, mezhdometiya, vvodnye slova, mestoimeniya, chislitelnye, svyazochnye glagoly: Okolo 1200 edinits* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: Structural Words: Prepositions, Conjunctions, Particles, Interjections, Introductory Words, Pronouns, Numerals, Connective Verbs: About 1200 Units]. Moscow, Astrel Publ.; AST Publ., 2002. 432 p.
- Lepnev M.G. *Slovar neproizvodnykh predlogov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of Non-Derivative Prepositions of the Modern Russian Language]. Saint Petersburg, Gumanit. Akad. Publ., 2009. 176 p.

Information About the Author

Galina S. Ivanenko, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Prosp. Lenina, 69, 454080 Chelyabinsk, Russia, gala.april@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1454-5047>

Информация об авторе

Галина Сергеевна Иваненко, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, просп. Ленина, 69, 454080 г. Челябинск, Россия, gala.april@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1454-5047>

www.volsu.ru

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.13>

UDC 81'282(470.45)

LBC 81.025.79(2Рос-4Вор)

Submitted: 21.12.2023

Accepted: 19.03.2024

ETHNOLINGUISTIC BONDS IN THE SPEECH OF THE DON AND UKRAINIAN DIALECTS OF THE VOLGOGRAD REGION¹

Nataliya A. Tupikova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article substantiates a comprehensive approach to defining the concept of ethnolinguistic bonds, characterizes the connection with the subject, the object of research within the framework of the problem posed, which is relevant for the anthropocentric paradigm of scientific knowledge. Taking into consideration the methodological principles developed in cultural-and-linguistic dialectology and ethnolinguistics, on the basis of the analysis carried out upon the facts extracted from the recordings of the Volgograd region inhabitants' speech the author's vision of the extralinguistic and intralinguistic foundations of the concept under consideration is presented; its definition is proposed. The integrative techniques of ethno-linguistic unity fixation are described. They are manifested by the Don and Ukrainian dialects speakers (and their descendants) in the means, which comprise the peculiarities of dialect speakers' lexicon (monolingual and bilingual, monoethnors and biethnors) observed on the territories of mixed residence shared by the Don Cossacks and Ukrainian settlers and their descendants. These lexical bonds are classified. They are shown to reflect indirectly the universally significant realia of the surrounding world (people, objects, phenomena, processes and signs), as well as the traditions, represented in the collective cultural and historical heritage of the Slavic ethnic groups in the material and spiritual spheres of life on the territories of mixed residence. The peculiarities of interdialectal interaction in the formed speech continuum of the poly-Slavic society, who perceive themselves as Russian people, are determined.

Key words: ethnolinguistics, dialect speakers' language, Don dialects of the Volgograd region, Ukrainian dialects of the Volgograd region, ethnolinguistic bonds, lexis, functional semantics.

Citation. Tupikova N.A. Ethnolinguistic Bonds in the Speech of the Don and Ukrainian Dialects of the Volgograd Region. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 3, pp. 156-171. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.13>

УДК 81'282(470.45)

ББК 81.025.79(2Рос-4Вор)

Дата поступления статьи: 21.12.2023

Дата принятия статьи: 19.03.2024

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СКРЕПЫ В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ ДОНСКИХ И УКРАИНСКИХ ГОВОРОВ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Наталья Алексеевна Тупикова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье с позиций комплексного, междисциплинарного подхода обосновано понятие *этнолингвистические скрепы*, охарактеризована его связь с предметом и объектом исследования в рамках поставленной проблемы, которая актуальна для антропоцентрической парадигмы научного знания. С опорой на методологические принципы, выработанные в диалектологии и этнолингвистике, а также на полученные результаты анализа массива фактов, извлеченных из записей речи жителей Волгоградской области, изложено авторское видение экстралингвистических и интралингвистических оснований рассматриваемого понятия, предложена дефиниция обозначающего его термина. Описаны интегративные способы фиксации этноязыкового единства диалектоносителей, реализуемые в речи донских казаков и украинских переселенцев (их потомков) средствами, составляющими специфику лексики диалектоносителей (монолингвов и билингвов, моноэтноров и биэтноров) на территориях смешанного проживания донских казаков и украинских переселенцев (их потомков), хохлацкого меньшинства. Дана классификация этих скреп; показано, что они опосредованно маркируют общезначимые реалии окружающей действительности (лица, предметы, явления, процессы, признаки), сложившиеся традиции, отражая коллективный культурно-исторический опыт славянских этносов в материальной и духовной сферах жизни населения. Определены особенности межъязыкового (междиалектного) взаимодействия в сформировавшемся речевом континууме полиславянского социума, представители которого осознают себя частью русского народа.

Ключевые слова: этнолингвистика, речь диалектоносителей, донские говоры Волгоградской области, украинские говоры Волгоградской области, этнолингвистические скрепы, лексика, функциональная семантика.

Цитирование. Тупикова Н. А. Этнолингвистические скрепы в речи носителей донских и украинских говоров Волгоградской области // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 156–171. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.13>

Введение

Разработка проблем диалектологии с опорой на этнокультурные сведения и достижения современных междисциплинарных исследований способствует все более глубокому осознанию полифункциональной многоаспектности национального русского языка, в котором, с одной стороны, сообщество проявляет себя «на основе единства языка как средства общения» [Филичева, 1985, с. 55], а с другой – реализует коммуникативные возможности «в реальных типах объединений носителей языка и их соотносительности друг с другом в условиях определенной исторически сложившейся языковой ситуации» [Филичева, 1985, с. 55]. Современная диалектная макросистема, существуя в устной форме, не лишена «подвижности и изменчивости ее элементов... из-за развития средств связи, взаимодействия с литературным языком, соседними диалектами и местными языками» [Сороколетов, Кузнецова, 2006, с. 533]. Речь диалектоносителей, для которой характерно совмещение элементов разных страт, изобилует явлениями интегративного порядка, что, можно сказать, прогнозирует использование своеобразных скреп, фиксирующих единое пространство общения. Особенности узуса в полиэтнических регионах, в том числе словоу-

потребление диалектоносителей, требуют специального исследования с учетом того, что в освоении территорий позднего заселения, к которым относится и Волгоградская область, ведущую роль сыграли восточнославянские народы.

Получение новых данных о взаимоотношении славянских диалектов, связи «психологии народа и соответственно его культуры», как пишет Т.И. Вендина, «дает возможность понять то, **что** является важным для языкового сознания человека» [Вендина, 2023, с. 218, 220]. Систематизация во времени и пространстве диагностирующих признаков «диалектной дифференциации Славии» решает задачи как «создания диалектологии народной культуры славян» [Вендина, 2023, с. 219], так и дальнейшего развития этнолингвистики, которая ориентирована на изучение различных сторон повседневных материально-бытовых занятий населения в комплексе с духовной составляющей, анализ диалектной вариативности, описание языка и культуры сообществ, испытавших влияние контактных традиций [Брысина, 2018; Власкина, Архипенко, Власкина, 2009; Харламова, 2009].

Смысловая составляющая речи диалектоносителей, отражая результаты практического освоения материального мира и ценностные приоритеты народа, в первую очередь,

детерминирована целями, лежащими за пределами продуцирования высказываний (экстралингвистические факторы). Однако в конечном счете ее важнейшая роль заключается в формировании непротиворечивой узуальной («физической» и культурной) среды взаимодействия представителей сложившегося континуума (интралингвистические факторы). Вопросы о том, какова истинная картина «языкового сознания человека традиционной духовной культуры славян со всеми ее сложностями и нюансами» [Вендина, 2023, с. 220] и какими средствами она выражается, становятся одними из главных в комплексном изучении народной культуры, народной психологии и народного языка [Березович, 2007; Ильина, 2015; Киклевич, 2020; Королькова, 2020; Крючкова, 2021; Осипова, 2023; Разина, 2018]. На базе новых достижений в данной области возможно заполнение лакун, существующих в разработке проблемы лингвистической реконструкции «портрета славянина». Обоснование понятия *этнолингвистические скрепы*, являющиеся целью нашей работы, вписывается в парадигму научных исследований подобного рода.

Материал и методы

Этнолингвистические скрепы выделяются в процессе анализа способов употребления языковых единиц, зафиксированных в *лексиконе диалектоносителей* (о термине см.: [Тупикова, Стародубцева, 2023, с. 51]), который выступает основой формирования содержательно-смысловых сегментов – тем в речи (текстах) диалектоносителей и семантико-смысловых блоков – микротем, отражающих информацию об отдельных звеньях предметного, духовного мира, практического опыта человека, используется как средство выражения моделей ситуаций и детализации компонентов микроситуаций, обозначающих действия, состояния, отношения, условия, обстоятельства, положение и т. д. кого-, чего-л. [Тупикова, Стародубцева, 2023, с. 52–53]. Лексикон диалектоносителей как объект анализа представляет собой фрагмент *языка региона*, который квалифицируется нами по совокупности следующих признаков: общность территории распространения и исторического развития в течение длительного времени; зак-

репленность в текстах, авторами которых выступают носители славянских диалектов (русского и украинского) в полиэтничном социуме; специфичность используемых узуальных средств (общезначимых, региональных) и индивидуальных способов обозначения реалий действительности в рамках сложившихся разновидностей языка и форм бытования местных говоров [Тупикова, 2008; 2013]. Учитывая влияние тенденций как дивергентного, так и конвергентного свойства, присущих любым процессам развития, следует считать актуальным выделение языковых средств, маркирующих значимые для традиционного уклада жизни носителей говоров факты и реалии, важные для организации повседневной деятельности отдельного человека и целых этнических групп населения, которая обеспечивает гармоничное существование членов коллективного сообщества на основе исторической памяти и сложившихся социально-культурных традиций межэтнического взаимодействия.

Предметом анализа является специфика словоупотребления диалектоносителей при выражении этнолингвистических скреп. В нашем понимании, *диалектоноситель* – носитель обиходно-бытовой речи, которая отражает общие особенности функционирования языка в его устно-разговорной, непринужденной, форме, включает региональные языковые черты, формируемые под влиянием местных говоров, а также объективных факторов социально- и культурно-исторического порядка, определяемых ключевой ролью языка титульной нации, длительным использованием диалектов в полиэтнической среде общения, межъязыковыми (междиалектными) контактами коренных жителей и переселенцев (их потомков), осуществляющих деятельность, связанную с традиционной (материальной и духовной) народной культурой.

Записи речи диалектоносителей – источник материала наблюдения – сделаны в экспедиционных условиях с помощью диалектологических методов собирания материала (интервьюирования различной степени стандартизации [Марченко, 2010]) и представляют собой фиксацию непринужденного разговора с информантами, цель которого – максимально приблизить опрос к неформальной беседе: организовать ее как воспоминание-рассказ

мемуарного характера или побудить собеседника на основе прямого опроса по методу открытого опросника к продуцированию высказываний с актуальной обиходно-бытовой информацией разной тематической направленности. В отличие от анкетирования (метода непрямого опроса информантов) записи такого рода, сделанные диалектологом в процессе непосредственного контакта с носителями говоров, содержат, по мнению специалистов, наиболее достоверные данные, являются, образно говоря, репрезентацией «пульсации языка» (Тимофеев, с. 12) в живых условиях существования. На важность такого источника указывал еще Е.Ф. Карский, подчеркивавший необходимость изучения народной речи: «Конечно, все преимущества за живой речью» [Карский, 1924, с. 10].

Материал, собранный диалектологическими методами, отражает речь носителей говоров – коренных жителей (русских, донских казаков) и переселенцев (украинского / хохлацкого меньшинства, потомков переселенцев), членов русско-украинских семей в пунктах смешанного проживания населения на территориях распространения донских говоров Волгоградской области. Проанализировано более 90 аудиозаписей, разных по продолжительности в зависимости от предложенного спектра вопросов, темы беседы и характера общения информанта с диалектологом (более 5000 минут звучания).

Целенаправленный характер бесед и опрос с элементами анкетирования позволили обеспечить охват разнообразных сфер жизни на всех этапах интервьюирования (от обращения, представления и предварительной, «паспортной», части опроса до сбора основной и уточняющей информации, завершения беседы) и, соответственно, определили разнообразие языкового материала.

В работе представлен междисциплинарный подход к описанию фактов, включающий исследовательские процедуры названных выше диалектологических методов, функционально-семантического анализа, применяемого для тематико-ситуативной сегментации текстов и лексико-семантической характеристики единиц словаря, а также этнолингвистический метод, основанный на внешнем и внутреннем сопоставлении культурно-языковых

явлений, маркированных в речи диалектоносителей «привязкой» к этносу и выраженных в этнокультурном компоненте значения лексем либо на уровне контекста, а также в элементах филологической и энциклопедической информации, вербализующей результаты материальной и духовной деятельности человека.

Результаты и обсуждение

Результаты анализа собранных фактов свидетельствуют о большой значимости сохранившихся в исторической памяти народа представлений, которые объясняются тесным соседством носителей близкородственных славянских языков (донских, то есть русских, и хохлацких, то есть украинских, говоров), и о функциональной активности соответствующих средств в речи диалектоносителей на территориях компактного проживания названных этнических групп населения Волгоградской области.

Обобщенная характеристика материала дает возможность рассматривать историкокультурный «контекст» как экстралингвистический фактор, который является своеобразным «триггером» полиэффекторного механизма продуцирования текстов и определяет действие интралингвистического фактора (о термине «эффектор» см.: [Ильин, 2012, с. 15, 337–338]), обуславливающего использование этнолингвистических скреп, содержание и выражение которых имеет свою специфику.

При всей дискуссионности вопроса о происхождении казаков и времени их расселения в Волго-Донском междуречье общим является мнение о влиянии на этот процесс, прежде всего, славянских этносов – русского и украинского [Рыблова, 2017, с. 91–94; Славянская энциклопедия, 2002, т. 1, с. 372–374; Энциклопедия казачества, 2007, с. 110]. Межэтническое взаимодействие выражается в традиционной культуре (жилище, предметах обихода, одежде, пище, верованиях и др.), в диалектных особенностях речи, где определяющим стал «славянский (и в первую очередь русский) фактор» [Рыблова, 2017, с. 91], он сыграл важную роль в сложении донских казачьих сообществ, казаки сохраняли свой быт, отличающийся от быта украинского [Энциклопедия казачества, 2007, с. 458]. По свидетель-

ству историков, вольные казаки-первопоселенцы, потомки главным образом русских и украинских крестьян, бежали в конце XV в. в низовья Дона, занимали территории по берегам его притоков, а к XVI в., закрепившись в Подонье, интенсивно заселяли городки в верховьях рек Хопер, Бузулук, Медведица и Иловля [Луночкин, 2017, с. 269]; с XVI–XVII вв. их общины по разным причинам стали активно пополняться выходцами с Украины – украинскими и запорожскими казаками, незначительное количество которых встречалось среди донского казачества и ранее [Рыблова, 2017, с. 93; Славянская энциклопедия, 2002, т. 1, с. 372–374]. В XVIII – начале XX в., как считают ученые, вместе с вхождением земель Войска Донского в пределы Российского государства формируется этническая группа казаков в составе русского народа и развивается «их своеобразная традиционная культура» [Рыблова, 2017, с. 92]; донские казаки как этнос выделяются «самобытной традиционной культурой и языковыми отличиями» [Луночкин, 2017, с. 270].

К наиболее крупным в прошлом украинским поселениям на территории современной Волгоградской области относятся те, которые были основаны в XVIII–XIX столетиях выходцами из Полтавской, Харьковской, Черниговской и других губерний [Воробьев, 2000; Маноцков; Супрун, 2010; 2017; Теркулов, 2010]. Они возникали на землях донских казаков или в бывших слободах на притоках Дона (в настоящее время: Большая Ивановка Иловлинского района; Мачеха, Семёновка Киквидзенского района; Сидоры, Михайловка Михайловского района и др.). Имеются данные, что украиноговорящие жители в таких анклавах, пунктах компактного проживания, могли составлять подавляющее большинство. Примером является слобода Сидоры (село Сидоры Михайловского района), основанная Сидором Никифоровичем Себряковым в 1730 г. при освоении территории «пустопорозжего» юрта городка Кобылянского. В слободе в 1897 г. проживало 2 912 чел. (99 %) украинцев – купленные и беглые крестьяне из Слободской Украины (то есть «свободной, незаселенной») (см.: [Славянская энциклопедия, 2002, т. 2, с. 557]), количество русских составляло 23 чел., прочих национальностей – 10 чел. [История – село Сидоры...].

В последние десятилетия, по мнению специалистов, украинское / хохлацкое население Волгоградской области существенно уменьшается и «находится в процессе интенсивной ассимиляции» [Супрун, 2010, с. 121–126; 2017, с. 337], что, прежде всего, сказывается на уровне владения диалектом в среде молодого поколения, которое не всегда позиционирует свою этническую принадлежность. Определенную роль в этом играет отрицательная коннотация, ранее не наблюдаемая при использовании прозвищного самоназвания *хохлы* (чаще с аканьем «хахлы») не украинским населением региона. Этнический ландшафт, как известно, меняется со временем под воздействием трех основных факторов: естественного движения населения, миграции в результате внешних событий, смены этнического самосознания в смешанных браках и тем самым «рассеивания» украинского населения среди других национальностей [Лобанова, 2008, с. 364–365]. В научных работах имеются данные о значительном сокращении за постсоветский период, между переписями (1989 и 2010 гг.), численности украинцев Волгоградской области; кроме того, наметился процесс этнического возрождения: так, впервые официально зафиксирована этническая группа, называющая себя казаками [Лобанова, 2008, с. 366–367; Смирнова, 2017, с. 297].

Наблюдения, обобщенные по результатам проводимого в течение последних пятнадцати лет опроса информантов на территориях бытования донских говоров в пунктах смешанного проживания этносов, свидетельствуют о том, что представители потомков первопоселенцев, или «коренного» украинского / хохлацкого населения (переселенцев из украинских губерний XVIII–XIX вв.), и «недавние» переселенцы, их потомки, в том числе члены русско-украинских семей, билингвы, сохраняют в народной памяти и передают из поколения в поколение семейные «легенды» об освоении «пустопорозжих» земель между Волгой и Доном, в Подонье.

Например, история появления села Большая Ивановка Иловлинского района в источниках излагается так: на заросшие берега реки Бердия в начале XIX в. в поисках плодородной земли приехали с Украины купцы, два брата Иваны Пузановы, и поселились в 20 км друг от

друга: старший брат Иван остался на обжитом месте, а младший облюбовал себе место выше по течению, на притоке Бердейки; впоследствии возникли два села – Большая и Малая Ивановки [Воробьев, 2000; Минх, 1900]. В рассказах опрошенных информантов – коренных жителей – действительные факты переселения переплетаются с предположениями, вымыслами и фантазиями, но почти всегда для этого имеется историко-культурная подоплека. Так, от «коренной» хохлушки мы услышали изложенную выше легенду как историю ее рода, прадедов (здесь и далее используется упрощенная транскрипция):

Наш дет Иван, вот што Иванафку назвали, по нём назвали. <...> А прошлый год, ой прошлый, да нонешний год. Ёт оно висной сабиралась с Ниной, ехала с Бванафки, ну эт зауаварились, зауаварились, она уаварит: «От, дураки, дураки, письма ни аставили». Ты скажи мне, мамка фсё уаварить, а я фсё ни верю: «Нина, да эт наш прадэт ехал, а другой уехал в Малую Иванафку. Там Малой Иванафкай назвали». У энтава было трое дитэй. Фсё мнэ папанька рассказывал. ...ну, он минэ рассказывал: «У нас эта, знаеш, украинцы, украинцы очёнь хорошиэ люди, очён хорошиэ люди». Ёт у нас род! (с. Большая Ивановка).

В документально-краеведческих сочинениях народные предания и подлинные сведения соединяются органично в логике изложения. В частности, известно, что большинство сел получало свои названия по прежнему местонахождению. Так, село Мачеха образовано в память о той Мачехе под Полтавой, в которой жили в середине XVII в. украинские казаки, закрепленные за 2-й сотней Полтавского казачьего полка; в материалах полтавского архива факт переселения нашел образное отражение как сравнение с действиями злой мачехи, которая выгнала своих пасынков, вынужденных уйти в другие земли и обосноваться на новом месте [Администрация...; Маноцков; Стародубцева, Цивилева, 2010]. Жители современной Мачехи по-своему соединили подтвержденные факты и малодостоверные сведения:

[А почему Мачехой село называется?] Я так насколько знаю, украинские пириисленцы, вот каторыи приехали <...> [Откуда приехали?] Ну, я точно ни скажу для Мачихи, но, думаю, шо с Палтаўс-

кай губернии. Вот у нас село за речкай было. Эта Зилёноўка. Так там выхоцы были ис Палтаўской губернии. И ани дажэ ездили, ани большэ паддержывали связь с родиной. <...> Ничево тут не было. И зимля аказалась довольна ниприветливой для первых пириисленцев. Ну, чирназём-та чирназём, но дикая природа, ничиво не было. Нада было и с природой вести борьбу, а то так абжываца. Паэтаму вот и назвали, значит, Мачихай. [И в Полтавской губернии есть Мачеха] Есть и там Мачиха, и Зилёноўка есть там. <...> А вот речка у нас Мачиха. Тут лиуенда друуая. Тут кажут так, шо бул пириисленец, там жыл адин. Раньше на хуторах же. И вин там на хуторе там жыл. И жинка еуо там друуа была. А у йеуо была дочка. И мачиха вот ее или утопыла, или довела до такова састаяния, што она сама утопылась в этой рички. И с той поры значит, и назване этой рички Мачиха (с. Мачеха).

Легенды о первопоселенцах могут быть основаны на народной этимологии:

Они тут приехали ни одни, потому шо одни они нэ можуть. Нахайловка – там 3–4 дома, үдэ я родылась. Посылылись нахально сами соби. Они нахально, и Нахайловкой прозвали. Тоди их диты пидрослы, привизлы нивисток по хуторам, ти развылись там. А Мачиха – она фсэ-таки тут була давно, с Кубани казаки, донские казаки, были тут и рускыи (с. Мачеха).

История компактного поселения украинцев на новой территории часто имеет характер вольной трактовки фактов с элементами достоверной информации:

Мы вапще выхацы с Украины. Палтафская область, Харькфская, мы бальшинство Сидоры – Палтафская область, Кабылякский район. 8 симей приехала. Из васеми симей абразавалась село. <...> Ф Стараселье приехали. Часть людей сначала ф Стараселье жыли, а потом часть людей пирийехали ф Сидоры. Так они и рассилялися, у рек, у лисоф, үде природа бауатая, звирью. <...> [А почему у вас Сидоры и Раздоры называются села?] Эта сазвучие проста. Сидоры – эта Сидар: у ниво Сидар, сын, Сидар (?) Сибрякоф. <...> И па Мидведицэ пасилилися хахляцыйи хутара (с. Сидоры). [Изложено неточно: основал и заселил слободу украинскими первопоселенцами глава семьи, Сидор Себряков, сын которого, Михаил, позже, за военные заслуги получил земли и основал слободу на левом берегу Медведицы, дав свое имя новому поселению (слобода Михаила Себрякова, затем Ново-Михайловка) и со временем переселив туда 50 украинских семей. В 1856 г. переименована в Михайловку. – Н. Т.]

Причины переселения представителей этносов могут излагаться говорящими в прямой связи с известными трагическими страницами истории страны:

Як папа... як их раскулачылы, папу и маму, они пожанылысь, ну, они расказують, боуато они жылы, мноуа скотыны було, и дом боуатый бул, папа жэнився на маме, ходыв на Дурный пруд за ней. И в 30-м году тут кулаченье, не – в 29-м начали кулачить. Йих, ну, мий дедушка и бабушка, и дядь Петя поутикалы в Донбас, а папа з мамою прийихалы сюда в Семёноўку (с. Семёновка).

Исследуемый материал дает основания рассматривать культурно-исторический «контекст» как **экстралингвистический фактор**, который, отражая народную память, способствует фиксации в речи диалектоносителей, осознающих свою идентичность, таких особенностей межъязыкового (междиалектного) контакта групп населения, которые создают мотивационную базу специфического словоупотребления в данном полиэтническом континууме и обуславливают появление этнолингвистических скреп, выступающих способами репрезентации естественного и долговременного взаимодействия славянских этносов на одной территории, в процессе совместной материальной / духовной деятельности.

Содержание и выражение этнолингвистических скреп определяется действием **интралингвистического фактора** – интегративности, объединения в составе высказываний элементов, формирующих семантико-смысловое пространство лексикона, в котором находит закрепление коллективный культурно-исторический опыт представителей донских казаков и украинских переселенцев (их потомков) и который реализуется в единой речевой среде общения носителей говоров.

Первая часть термина *этнолингвистические скрепы*, обозначающего вводимое нами понятие, указывает на способ (*этнолингвистический*) представления содержательной стороны высказывания: соотносительность рассматриваемых явлений с традиционной народной культурой «в ее этнических, региональных и “диалектных” формах» [Толстая, 2007, с. 110] и на главный источник средств выражения этой культуры – язык, требующий соответствующих методов интерпретации и классификации ма-

териала [Толстая, 2013, с. 68–69]. Вторая часть термина (*скрепы*) включает слово, специальное использование которого уже утвердилось в лингвистических работах «в своем обычном значении, связанном с указанием на соединение чего-либо» [Красовская, 2013, с. 17]. Оно вызывает представление о выполняемой функции: будучи термином, принятым в деловой письменности, *скрепа* имеет дефиницию, в которой ключевым является сочетание *на стыке* (то есть на участке, где сходится что-л., пересекается): «Подпись должностного лица на стыках склеенных в столбец листов какого-л. документа» (СРЯ XI–XVII, с. 20). Сема ‘функция’ выходит на первый план при переносном использовании слова *скрепы* в составе рассматриваемого термина: «То, что скрепляет, соединяет, сплачивает» (СУ, т. 4, с. 237). Таким образом, речь идет о выражении в семантико-смысловой структуре терминологического сочетания *этнолингвистическая скрепа* семантических признаков ‘способ’ и ‘функция’.

В процессе анализа этнолингвистических скреп разграничиваются группы информантов:

1) представители малообразованной части населения, в основном старшего поколения (реже недавние переселенцы), которые выступают как носители донского или украинского говоров, обнаруживают в беседах недостаточное знание литературного языка титульной (русской) нации и пользуются в обиходно-бытовой речи, прежде всего, элементами своего диалекта, независимо от предлагаемого направления беседы; при этом говорящие хорошо понимают родственный славянский язык и осознают в некоторых случаях его сходство с родным или отдельные отличия;

2) члены русско-украинских, смешанных семей, потомки «коренных» жителей, речевое поведение которых зависит от возраста, образования, сложившихся правил общения между родителями и детьми, степени утраты связи с диалектной языковой средой (в том числе, в случаях обозримого времени миграции украинцев):

а) некоторые из них (активные билингвы) при изменении ситуации общения, в зависимости от предпочтений родителей, родственников, соседей, собеседников свободно переключаются с русского языка (говора) на украинский (хохлацкий говор);

б) другие (пассивные билингвы) в основном говорят по-русски, иногда с элементами донского говора, но в зависимости от темы беседы охотно переключаются на систему украинского / хохлацкого говора. Те и другие могут свободно объяснять, комментировать употребляемые кем-либо или существующие в практике общения лексические параллели;

3) жители сельских поселений, фактически утратившие связь с диалектной средой в силу образования, профессии, деятельности, семейных и брачных обстоятельств, оценки языковой действительности в координатах «культурное – некультурное», но осознающие этнические корни своих предков, что объясняет их предпочтение общаться с диалектоносителями (в том числе в семейном кругу) на русском языке и способность квалифицировать особенности говора в беседе с диалектологом.

Общая характеристика материала позволяет, с нашей точки зрения, говорить о том, что доминирующим средством реализации этнолингвистических скреп, фиксирующих культурно-языковое единство носителей славянских говоров (донских казаков и украинских переселенцев), выступает лексика обиходно-бытовой речи, сложившейся на русской (общеславянской) основе под влиянием устно-разговорной формы языка титульной нации и в контакте с обособленным, оторванным в своем развитии от материнской «почвы» украинским диалектом, который на территории бытования донских говоров Волгоградской области имеет признаки «разной степени сохранности» [Супрун, 2017, с. 337].

Данную особенность речи можно соотносить с тем фактом, что на современном этапе любой «диалект осложнен, “разбавлен” разного рода иносистемными явлениями» [Крысин, 2008, с. 18], к наиболее типичным сферам его использования относятся «семья и разного рода ситуации непринужденного общения односельчан друг с другом» [Крысин, 2008, с. 18]. Когда мы говорим о реализации этнолингвистических скреп, то имеем в виду определенную специфику словоупотребления представителей славянских этносов в сложившемся речевом пространстве.

Случаи сопряжения постоянных (статусных) и переменных (индивидуальных) призна-

ков этноязыковой характеристики индивидов, выявленные в процессе анализа массива фактов, дают возможность разграничить этнолингвистические скрепы, которые отмечены в текстах, отражающих речь монолингвов и билингвов.

1. Ключевой способ – контаминация этнонимов (их заместителей) в самоназваниях биэтноров, при которой зафиксировано использование стержневых и нестержневых средств идентификации личности, разграниченных в наших работах ранее (см. об этом: [Тупикова, Стародубцева, 2023, с. 54]):

а) окказиональное сочетание в словесном ряду официальных этнонимов либо официального и прозвищного этнонимов, употребляемых для самоидентификации говорящего, дифференцированное или недифференцированное противопоставление официального и прозвищного этнонимов для биэтнической характеристики диалектоносителя (первая и вторая группа информантов):

Украинка я, руская. У миня рэбята спрашывали, када са мной дружыли, чужые рэбята: «А какой ты нации?» <...> я им ўаварила, ўобщэм, **руская с украинским** (с. Большая Ивановка); [*Представьтесь, пожалуйста*] Симён Трафимывич, <...> **русский хахол** (с. Семёновка); Уже навирно **билшэ русскымы** считаемяся, **чим уже хохлами** (с. Семёновка); Я вапще **хахлушка, я не казачка** <...> Но вапще в паспорти у миня была **украинка**. **Ни хахлушка – украинка** (х. Дьяконовский);

б) соединение официального этнонима и прозвищного самоназвания, указывающего на принадлежность билингва к определенному славянскому этносу, этнонима и оттопонимического прилагательного, называющего пункт проживания представителя этноса, отэтнонимического прилагательного и прозвищного этнонима, обобщенных и неопределенных характеристик биэтноров (вторая группа информантов):

[*А по национальности Вы кто?*] А нацыанальнасть... Бох её знаит, хто: мать – **казачка данская**, атец – **украиниц, хахол** вот **мачишанский** (из с. Мачеха. – Н. Т.). Ну а вот я хто? **Митис с двух старон адин** [*Ну и как у вас в паспорте написано?*] А-а, **руская** (х. Калиновский); [*А казачьи корни или украинские?*] Нет, у нас, наверна, **больше украинские** по материнской линии, потому что нас всягда называли **хохлами** *почему-то*. [*А сами себя не относите к*

хохлам?] Нет, я **русский человек** (х. Завязка). [*А в паспортe какая национальность у всех была?*] **Русский, русский. Хохол** – это не национальность. **Украинец** тут нет, писали всем, что **русский** (с. Сидоры);

в) включение этнонимов (официального / прозвищного) или их заместителей (оттопони-мических прилагательных, наречий образа действия и др. средств, выполняющих роль этномаркеров) в мотивирующий контекст речи монолингвального диалектоносителя, имеющего биэтничные корни или способного включаться в билингвальную ситуацию общения (вторая и третья группа информантов):

[*А в магазин пойдете, на каком языке будете говорить?*] Если продавец **хахлушка**, то и **па-хахлячи** (с. Сидоры); [*А по национальности Вы кто?*] Ну, написана **русский**, а так все **радитили**, все **разуавари-вали на украинском языке** (с. Сидоры); **Мать**, чит-вёртая систра, **хахлы** были. И атец, **атец русский** был, па-хахлачому ни разуаваривал. Вот я у хахлов сколько вот живу, а **па-хахлячи** я ни **разуавариваю** (х. Песчановка); Ну, у нас же какая-то **смесь**. Вроде бы и **по-украински**, и не **по-украински**. Называицца «**хахлы**» (с. Мачеха); Я **чистая казачка**. У вас (то есть в хохлацком селе. – Н. Т.) пражыла 50 лет. Никто мне ни тронул, ничиво. И паю вашим уоласам. Вот песни я **паю па-хахлячи**. Но **уаварю па-казачьи** (с. Сидоры).

2. Реализацией этнолингвистических скреп является «переключение» языкового кода, фиксируемое в многообразных сегментах высказываний – темах, микротемах, ситуациях, микроситуациях, раскрывающих материальную и духовную стороны жизни полиэтнического сообщества:

а) противопоставление единиц разнородных лексических подсистем славянских языков (говоров) и/или средств русской разговорной речи при почти полном «переключении» языкового кода в речи билингов, представителей двойственной, биэтничной идентичности, чаще в семейном общении (вторая группа информантов).

Ср. использование разных кодов для изложения одной и той же ситуации в рассказе информанта-биэтнора:

Значить, жылы, дык так: **батькови** отвечали **на русским языке**, а **матэри** отвечали **на украинском языке**. <...> Ну, если **ссора** яка-нибудь **произойдэ**, или **лаютяся**, то обязательно она по-своему, а вин по-своему. <...> И никауда друу друуу ни усту-

пали. Ни она никауда ни зауговорила **па-русски**, а он **па-хахлячи** ни зауговорил. Мы **отцу** отвечали **по-русски**, а **маме** отвечали **па-хахлячи**. И мама заставляла **уаварить «Вы»**. Если я на мать скажу: «Ну ты чё меня ни пускаиш на танцы?» – ана тауда на ниделю запретит, потому шо «Вы». «Ты **чё** миня **тычиш**, ты чё “**Ты**”?»). А он уаварит: «Ну, ты, значить, совсем чужая, што они тибя на “**Вы**” **называють!**» (с. Мачеха);

б) точечное «переключение» кода в словесной ткани родного говора при немотивированном употреблении монолингвом отдельного инославянского элемента, маркирующем процессы межъязыкового (междиалектного) взаимодействия в полиэтнической среде общения (первая группа информантов):

Ткалы з конопэль. Коноплі сиялы. Плоскинь бралы, на Бузулуке мочили. Возылы. А потом на тырныцю их тэрла. А потом ногамы йих мяли, а потом прялы. Станок був ткацкий. И ткалы. **Вотолы** ткалы, полотно ткалы, все ткалы. Ленту на той наткаиш и потом сшиваеш и получаеца **вотула**, получаеца **столешница** (с. Семёновка).

Приведенный контекст содержательно раскрывает фрагмент выделяемой в текстах темы «Исконные трудовые занятия в традиционном быту, хозяйстве. Ремесло. Ручное мастерство» на основе микротемы ‘этапы и процессы производства изделий / продуктов ручного труда в традиционном быту, хозяйстве’, в которой, наряду с ярко представленными равноуровневыми чертами украинского / хохлацкого говора, в том числе украинизмами *коноплі (конопель)* – «конопля», *пласкинь* – «мужская особь конопли», *тёрница* – «мялка, трепалка для обработки конопли» (Авдеева, т. 1, с. 173; т. 2, с. 111, 228), наблюдается использование лексики донского говора: *ватола / вотола* – «толстая и грубая ткань из льна или конопли» (СГДВО, с. 67), этимологически восходящего к старорусскому диалектному *ватола / вотола / вотула* (Фасмер, т. 1, с. 358), и *столешник(-ца)* – «скатерть из дешевого материала» (СГДВО, с. 570), зафиксированного в современном диалектном употреблении;

в) ситуативное соединение лексических параллелей (эквивалентов или аналогов), выраженных средствами разных славянских языков (диалектов) в контексте (все группы информантов):

Мяуэньки пирожочки на чисту ситцеву **тряпочку** или на **рушничок** складайтэ, они пидходят. Тодди **оли** нальвайтэ, **подсолнечноу масла**, в сковоридку и берить ти пирожочки, яки пэрви слэпылы, и кидайтэ их, и до румяноу цвета (с. Мачеха); Саша патходит, я уварю: «Саш, ну, вот, **лук** пачистила, ищё какую-та **цыбулю** нада» (ст. Тепикинская); Сопствинна, у нас разницы мижду Мачихой и Семёнафкай **па увару, па мове** нет никакой (с. Мачеха);

г) комбинированное пересечение лексики междиалектной и языка титульной нации, выступающего общезначимым элементом речи представителей разных этносов, междиалектной лексики и средств, составляющих специфику отдельного славянского языка (диалекта), которое используются для выражения различных ситуаций материальной и духовной жизни населения (первая и вторая группы информантов):

[А чому вы кажете украинцы, украинцы, а в соседнем сели кажут хохлы. То як?] Ну, **хохлы!** **Це ж по-культурному пишеться украинцы**, а бильш пидходым до кубанских **казакив**, як они **балакають** (с. Мачеха); Я з нею 25 уодив прожыла. В одной **хати**. **Хата** её була маленькая така, **двухкомнатна**, там **флиуелёк** стоял (с. Семеновка); **Урупки** такие, ис кирпича **вылажывались** (с. Завязка); Они **кажутъ**: «**Шукайте!**», **заховали** же невесту. Ну, **тоди** выводят. <...> **Посватали**, а потом **вечарына** собирается, молода ходе, приулашае по **слободи** дивчат (с. Семеновка); Свикрофь мне сварила **суп**, ни **суп**, ну, он называица **капусняк** па-украински (ст. Тепикинская).

Зафиксированная в контексте лексика разных частей речи (в украинской и донской огласовке) принадлежит к разным пластам и функциональным разновидностям: кроме общеславянской и общеупотребительной, представлены междиалектные (межъязыковые) единицы разной функциональной значимости: *вечерина / вечорина, грубка, казак / козак, суп, хата; балакать / балакати, казать / казати, шукать / шукати, (за)ховать / ховати; тоды / тоді*; лексика, соотносимая с подсистемой одного языка (говора): донского – *флигелёк, хохол*; украинского – *слобода, це, капусняк* (Авдеева, т. 1, с. 24, 54, 104, 151; т. 2, с. 205, 232, 252, 259, 298; СГДВО, с. 32, 74, 123, 229, 230, 591, 621, 624, 629, 633, 678; УРС, с. 30, 229, 241, 566, 579, 599, 604, 608, 628).

3. Этнолингвистические скрепы могут реализоваться на основе семантизация лексики в речи диалектоносителей (см.: [Тупикова, Стародубцева, 2022]).

Чаще это наблюдается в высказываниях второй группы информантов, которые являются потомками «коренных» жителей, рожденных в смешанных русско-украинских семьях, не утратили связи с основой родного языка (диалекта) и обладают способностью переключаются на систему донского или хохлацкого говора:

а) сопоставление на основе синонимичности внутриязыковых и эквивалентности межъязыковых (междиалектных) параллелей (вторая и третья группы информантов):

Свитанок – это **свитан**, это **ранок, рассвет, утро** (с. Сидоры); А то **дежá** – то **ночвы** у нас назывались (с. Семёновка); у хохлов **чаплэйка**, а у нас (казак. – Н. Т.) **цапальник** (с. Семёновка).

В контексте использованы внутриязыковые неполные синонимы (литературный и диалектный) и межъязыковые неполные эквиваленты: укр. лит. *світання, світанок, світан*, укр. диал. *ранок*, рус. лит. *рассвет, утро*; междиалектные полные эквиваленты: дон. диал. *дежá, цапальник / чапальник*, укр. диал. *ночви, чаплійка* (Авдеева, т. 2, с. 47, 165, 272; СГДВО, с. 136, 639, 645; СУ, т. 3, с. 1252; т. 4, с. 1023; УРС, с. 523);

б) гетерогенное использование русизмов и украинизмов, межъязыковых (междиалектных) параллелей разной функциональной значимости (литературной, разговорной диалектной лексики) как языковых переменных одного сложного кода, средств эквивалентной и/или дефинитивно-описательной семантизации с элементами энциклопедической информации и «наивного» метатекстового толкования, отражающего практический опыт говорящего (все группы информантов):

Ўот уси ж ваши уоршки, чи **чаплийки**, яки сковоридку берутъ, **дэржатели** по-русски сейчас, а то **чаплійка** була. Якой мы блянци ж пэклы (с. Мачеха); Ну, шо **мамку** звали, она звала свою **бабу «нэнька»**, вот **матерь**, а папку она звала «**тато**» (с. Мачеха); **Капусту** люблю, девочки, змывайтэ водою <...> а еще лучше кипятком обдалы ей. Мы её называем **зилье, капусту** (с. Мачеха); ...**столешиник**, ну щас **скатерть, настильнык** (с. Семеновка); Печу,

я всё печу. <...> з хвасулею пичу, и с **тыквою** пичу, ну, с **уарбузами**, у нас по-хохлячи **уарбузы** (с. Семеновка); А **хыжыны** теперь же нэ вмае у мэнэ. Тож раньшы называлося **хыжына**. Як была **старая хата**, то называлась она **схыжына** была, ну или **кимнатка**. А в тый **хыжыне** стояло зэрно (с. Семеновка); А, **зыпка** была, диривяная **зыпка**, к потолку прыбывалы кольцо, на верёўке вешали <...> Па-хахлячи эт называлася **колыска** (х. Дьяконовский); [*А сина у вас где?*] А вон в **сараяе**. **Половни** называэця. **Сарай** только для сена. Да, для сена, **половэнь** называэця (с. Семеновка);

в) совмещение общих и частных, родовых, признаков, заключенных в значениях межъязыковых (междialeктных) параллелей, которые отражают различные этноязыковые коды носителей говоров, как средство пояснения контекстуального смысла слова-соответствия:

Диты вырослы **удачни**, як мы кажэм, **уарны** люды, отзывчивы, настоящи, пособляють ўсым (с. Мачеха).

Оценочное прилагательного *удачный*, толкуемое в русском языке как «вполне соответствующий требованиям» и используемое с украинской огласовкой флексии, выражает частную оценку в дифференциальном признаке ‘прагматическая, утилитарная оценка’ и выступает средством конкретизации контекстуального смысла украинского соответствия *гарний*, употребляемого в общеоценочном значении «хороший» (Авдеева, т. 1, с. 88; СУ, т. 4, с. 893; УРС, с. 106).

С точки зрения полевой функционально-семантической организации лексикона диалектоносителей, ранее рассмотренной в наших работах [Тупикова, 2013, с. 39–41], этнолингвистические скрепы могут быть представлены ядерными, приядерными, периферийными конститuentами названной структуры, что требует в перспективе дополнительной характеристики по признакам специализированности, регулярности употребления лексических средств, выступающих в функции этномаркеров.

Заключение

Проанализированные источники и языковые факты, зафиксировавшие словоупотребление диалектоносителей – представителей

этнически неоднородного континуума на территории бытования донских говоров Волгоградской области, позволили охарактеризовать факторы, способствующие формированию интегративных явлений в речи диалектоносителей и обуславливающие специфику речевого взаимодействия двух этнических групп населения – донских казаков и украинского / хохлацкого меньшинства, осознающего себя частью русского народа, отделяющего себя от нации украинцев по территориальному и этнокультурному признакам.

Особенности, наблюдаемые в речи разных групп информантов – сельских жителей обследованных населенных пунктов, носителей донского и/или украинского / хохлацкого говоров, биэтноров – членов смешанных русско-украинских семей, монолингвов и билингвов, предложено определять с помощью терминологического сочетания «этнолингвистические скрепы». В данном исследовании *этнолингвистические скрепы* – интегративные способы фиксации этноязыкового единства диалектоносителей, реализуемые в речи донских казаков и украинских переселенцев (их потомков) лексическими средствами, которые опосредованно маркируют общезначимые реалии окружающей действительности, отражая коллективный культурно-исторический опыт славянских этносов в сфере материальной и духовной деятельности на территории смешанного проживания населения.

Внеязыковые факторы создают предпосылки появления этнолингвистических скреп в речи диалектоносителей. Внутриязыковые процессы, связанные с контекстуальной реализацией системных связей лексических единиц – этимологически и/или функционально однородных либо неоднородных элементов подсистем родственных славянских языков (говоров), направлены на реализацию интегративных способов выражения значений, соединяющих в высказывании разную этнокультурную информацию о реалиях окружающей действительности (лицах, предметах, процессах, признаках) в неразделимое целое, что отражает непротиворечивую среду общения носителей донского и украинского / хохлацкого говоров в сложившемся речевом континууме.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-01215, <https://rscf.ru/project/23-28-01215/> («Этнолингвистическое исследование лексикона диалектоносителей на территориях бытования донских говоров Волгоградской области в пунктах смешанного проживания русских и украинцев»).

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project no. 23-28-01215, <https://rscf.ru/project/23-28-01215/> («Ethnolinguistic study of the lexicon of dialect speakers in the territories of the Don dialects of the Volgograd region in the places of mixed residence of Russians and Ukrainians»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Администрация Киквидзенского муниципального района Волгоградской области. URL: <https://gakikv.ru/pages/o-raione.html>
- Березович Е. Л., 2007. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. М. : Индрик. 600 с.
- Брыкина Е. В., 2018. Этнокультурный потенциал диалектного словаря // Вестник Костромского государственного университета. № 3. С. 164–167.
- Вендина Т. И., 2023. Онтология лингвистической карты. СПб. : Нестор-История. 452 с.
- Власкина Т. Ю., Архипенко Н. А., Власкина Н. А., 2009. Этнолингвистический словарь Дона: разработка концепции и создание базы данных // Проблемы истории, филологии, культуры. № 2 (24). С. 467–471.
- Воробьев А. В., 2000. Поселения Волгоградской области. Волгоград : Станица-2. 240 с.
- Ильин Д. Ю., 2012. Топонимическая лексика в текстах региональных газет конца XIX – начала XXI века: динамические процессы. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 408 с.
- Ильина Е. Н., 2015. Диалектная языковая личность в фокусе лингвистических проблем // Вестник Череповецкого государственного университета. № 2. С. 75–79.
- История – село Сидоры. Михайловский район. Волгоградская область. URL: <https://uistoka.ru/s-sidory/istoriya>
- Карский Е. Ф., 1924. Русская диалектология. Л. : Книгоизд-во «Сеятель» Е.В. Высоцкого. 172 с.
- Киклевич А. К., 2020. Культурная лингвистика – этнолингвистика – лингвокультурология: польский и русский опыт исследований // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 2 (март). С. 3–10. DOI: 10.20339/PhS.2-20.003
- Королькова М. Д., 2020. Материалы к словарю ремесленной лексики русских говоров (Присурское Поволжье) / ред. С. А. Мызников, Н. Л. Сухачёв. СПб. : ИЛИ РАН. 296 с.
- Красовская Н. А., 2013. Организация и функционирование диалектных антропоцентрических глаголов (на материале тульских говоров) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Курск. 43 с.
- Крысин Л. П., 2008. Введение. Активные процессы в русском языке конца XX – начала XXI века // Современный русский язык : Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М. : Яз. слав. культур. С. 13–29.
- Крючкова О. Ю., 2021. О возможностях корпусного изучения картины мира носителей традиционной народной культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. Т. 21, вып. 2. С. 126–130. DOI: 10.18500/1817-7115-2021-21-2-126-130
- Лобанова Н. А., 2008. Этнодемографические особенности населения Волгоградской области // Вопросы краеведения. Волгоград : Изд-во ВолГУ. Вып. 11. С. 364–367.
- Луночкин А. В., 2017. Русские Волгоградской области // Этнографическая энциклопедия Волгоградской области / гл. ред. М. А. Рыблова. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 269–270.
- Маноцков Г. И. Старинные поселения по Бузулуку. URL: <https://volgokray.narod.ru/history/buzuluk.html> URL: <http://ukrvolga.seun.ru/poseleniya.html>
- Марченко Т. В., 2010. Особливості інтерв'ю при збиранні діалектного матеріалу // Анклавістика : збірник наукових праць. Горлівка : Вид-во ГДПШМ. С. 12–18.
- Минх Н. А., 1900. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. Южные уезды: Камышинский и Царицынский. Саратов : Тип. губерн. земства. 556 с.
- Осипова К. В., 2023. Севернорусская лексика пищи и питания в этнолингвистическом аспекте : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург. 633 с.
- Разина А. С., 2018. Этнолингвистические, этнодиалектные и лингвокультурологические словари как новый этап лексикографии // Вопросы лексикографии. № 14. С. 50–67. DOI: 10.17223/22274200/14/3
- Рыблова М. А., 2017. Донские казаки // Этнографическая энциклопедия Волгоградской области / гл. ред. М. А. Рыблова. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 91–94.
- Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия, 2002 : в 2 т. / авт.-сост. В. В. Богуславский. М. : Олма-Пресс. Т. 1. 784 с. ; Т. 2. 816 с.
- Смирнова В. А., 2017. Современные этнические процессы в Волгоградской области // Эт-

- нографическая энциклопедия Волгоградской области / гл. ред. М. А. Рыблова. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 297–298.
- Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д., 2006. Историзм как определяющий принцип «Словаря русских народных говоров» // Грани русистики: Филологические этюды : сб. ст., посвящ. 70-летию проф. В.В. Колесова. СПб. : Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, С. 532–541.
- Стародубцева Н. А., Цивилева А. В., 2010. Возникновение украинских поселений на территории современной Волгоградской области в контексте истории колонизации Нижнего Поволжья // Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 11–12 нояб. 2009 г.). Киев ; Москва ; Уфа : Изд-во Уфим. фил. МГУ им. М.А. Шолохова. С. 119–121.
- Супрун В. И., 2010. Коренное украинское население Поволжья и Подонья: от появления до перехода в статус скрытого меньшинства // Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 11–12 нояб. 2009 г.). Киев ; Москва ; Уфа : Изд-во Уфим. филиала МГУ им. М.А. Шолохова. С. 121–126.
- Супрун В. И., 2017. Украинцы Волгоградской области // Этнографическая энциклопедия Волгоградской области / гл. ред. М. А. Рыблова. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 335–337.
- Теркулов В. И., 2010. Методологія анклавних досліджень // Анклавістика: збірник наукових праць. Горлівка : Вид-во ГДПШМ. С. 5–12.
- Толстая С. М., 2007. Толстовские чтения в Институте славяноведения // Славяноведение. № 2. С. 110–119.
- Толстая С. М., 2013. Постулаты московской этнолингвистики // Толстые Н. И. и С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М. : Ин-т славяноведения РАН. С. 67–82.
- Тупикова Н. А., 2008. Язык региона как объект научного исследования: задачи и перспективы // Теоретические и лингводидактические проблемы исследования русского и других славянских языков : сб. науч. тр. / отв. ред. Н. А. Тупикова. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 185–197.
- Тупикова Н. А., 2013. Основные подходы к структурированию лексикона диалектоносителей в пунктах смешанного проживания населения // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. № 4. С. 36–42.
- Тупикова Н. А., Стародубцева Н. А., 2022. Способы семантизации диалектной лексики в региональной художественной прозе и устной речи диалектоносителей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 21, № 4. С. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.1>
- Тупикова Н. А., Стародубцева Н. А., 2023. Лексикон диалектоносителей в этнолингвистическом аспекте: проблемы, задачи, методы исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 4. С. 48–61. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.4>
- Филичева Н. И., 1985. Языковая общность как лингвистическое понятие // Вопросы языкознания. № 6. С. 55–62.
- Харламова М. А., 2009. Этническая самоидентификация и ее показатели в диалектном тексте // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Т. 151, кн. 3. С. 281–287.
- Энциклопедия казачества, 2007 / сост. Г. В. Губарев ; ред.-изд. А. И. Скрылов. М. : Вече. 544 с.

СЛОВАРИ

- Авдеева* – Авдеева М. Т. Словарь украинских говоров Воронежской области : в 2 т. Воронеж : Изд.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та. Т. 1. 2008. 228 с. ; Т. 2. 2012. 307 с.
- СДГВО* – Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брыкина, В. И. Супрун ; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград : Издатель, 2011. 704 с.
- СРЯ XI–XVII* – Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Г. А. Богатова. М. : Наука, 2000. Вып. 25. 275 с.
- СУ* – Толковый словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов. Т. 3. 1939. 1424 с. ; Т. 4. 1940. 1503 с.
- Тимофеев* – Тимофеев В. П., Тимофеева О. В. Диалектный словарь личности : около 11500 слов. Изд. 2-е, доп. Шадринск : Шадрин. Дом Печати, 2010. 595 с.
- УРС* – Украинско-русский и русско-украинский словарь. Харьков : Див, 2004. 576 с.
- Фасмер* – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. 3-е изд., стер. СПб. : Азбука : Терра, 1996. Т. 1. 576 с. ; Т. 2. 672 с. ; Т. 3. 832 с. ; Т. 4. 864 с.

REFERENCES

- Administratsiya Kikvidzenskogo munitsipalnogo rayona Volgogradskoy oblasti* [Administration of the Kikvidzensky Municipal District of the

- Volgograd Region]. URL: <https://rakiv.ru/pages/o-raione.html>
- Berezovich E.L., 2007. *Yazyk i traditsionnaya kultura. Etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and Traditional Culture. Ethnolinguistic Studies]. Moscow, Indrik Publ. 600 p.
- Brysina E.V., 2018. Etnokulturnyy potentsial dialektного slovarya [The Ethnocultural Potential of the Dialect Dictionary]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], no. 3, pp. 164-167.
- Vendina T.I., 2023. *Ontologiya lingvisticheskoy karty* [Ontology of Linguistic Map]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 452 p.
- Vlaskina T.Yu., Arkhipenko N.A., Vlaskina N.A., 2009. Etnolingvisticheskiy slovar Dona: razrabotka kontseptsii i sozдание bazy dannykh [Ethnolinguistic Dictionary of the Don Region: Concept and Database Development]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Problems of History, Philology, Culture], no. 2 (24), pp. 467-471.
- Vorobyev A.V. *Poseleniya Volgogradskoy oblasti* [Settlements of the Volgograd Region]. Volgograd, Stanica-2 Publ. 240 p.
- Ilyin D.Yu., 2012. *Toponimicheskaya leksika v tekstakh regionalnykh gazet kontsa XIX – nachala XXI veka: dinamicheskie protsessy* [Toponymic Vocabulary in the Texts of Regional Newspapers of the Late 19th– Early 21st Century: Dynamic Processes]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 408 p.
- Ilyina E.N., 2015. Dialektnaya yazykovaya lichnost v fokuse lingvisticheskikh problem [Dialectal Linguistic Personality in the Focus of Linguistic Problems]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], no. 2, pp. 75-79.
- Istoriya – selo Sidory. Mikhaylovskiy rayon. Volgogradskaya oblast* [History The Village of Sidory. Mikhailovsky District. Volgograd Region]. URL: <https://uistoka.ru/s-sidory/istoriya>
- Karskiy E.F., 1924. *Russkaya dialektologiya* [Russian Dialectology]. Leningrad, Knigoizd-vo «Seyatel» E.V. Vysotskogo. 172 p.
- Kiklevich A.K., 2020. Kulturnaya lingvistika – etnolingvistika – lingvo-kulturologiya: polskiy i russkiy opyt issledovaniy [Culturallinguistics – Ethnolinguistics – Linguoculturology. Polish and Russian Research Experience]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], no. 2 (March), pp. 3-10. DOI: 10.20339/PhS.2-20.003
- Korolkova M.D., 2020. *Materialy k slovaryu remeslennoy leksiki russkikh govorov (Prisurskoe Povolzhye)* [Materials for the Dictionary of Craft Vocabulary of Russian Dialects (Sura Volga Region)]. Saint Petersburg, ILI RAN Publ. 296 p.
- Krasovskaya N.A., 2013. *Organizatsiya i funktsionirovanie dialektnykh antropotsentricheskikh glagolov (na materiale tul'skikh govorov): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Organization and Functioning of Dialect Anthropocentric Verbs (Based on the Material of Tula Dialects). Dr. philol. sci. abs. diss.]. Kursk. 43 p.
- Krysin L.P., 2008. Vvedenie. Aktivnye protsessy v russkom yazyke kontsa XX – nachala XXI veka [Introduction. Active Processes in the Russian Language of the Late Twentieth – Early Twenty-First Century]. *Sovremennyy russkiy yazyk: Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* [Modern Russian Language. Active Processes at the Turn of the 20th – 21st Centuries]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ., pp. 13-29.
- Kryuchkova O.Yu., 2021. O vozmozhnostyakh korpusnogo izucheniya kartiny mira nositeley traditsionnoy narodnoy kultury [On the Possibilities of Corpus-Based Study of the Worldview of Traditional Folk Culture Carriers]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of the Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism], vol. 21, iss. 2, pp. 126-130. DOI: 10.18500/1817-7115-2021-21-2-126-130
- Lobanova N.A., 2008. Etnodemograficheskie osobennosti naseleniya Volgogradskoy oblasti [Ethnodemographic Features of the Population of the Volgograd Region]. *Voprosy kraevedeniya* [Questions of Local History]. Volgograd, Izd-vo VolGU, iss. 11, pp. 364-367.
- Lunochkin A.V., 2017. Russkie Volgogradskoy oblasti [Russians of the Volgograd Region]. Ryblova M.A., ed. *Etnograficheskaya entsiklopediya Volgogradskoy oblasti* [Ethnographic Encyclopedia of the Volgograd Region]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 269-270.
- Manotskov G.I. *Starinnye poseleniya po Buzuluku* [Ancient Settlements in Buzuluk]. URL: <https://volgokray.narod.ru/history/buzuluk.html>
- Marchenko T.V., 2010. Osoblivosti intervyyu pri zbiranni dialektного materialu [Peculiarities of Interviews When Collecting Dialect Material]. *Anklavistika: zbirnik naukovykh prac* [Anklavistika: Collection of Scientific Papers]. Gorlovka, Vid-vo GGPIIM, pp. 12-18.
- Minkh N.A., 1900. *Istoriko-geograficheskii slovar Saratovskoy gubernii. T. 1. Yuzhnye uezdy: Kamyshinsky i Tsaritsynsky* [Historical and Geographical Dictionary of Saratov Province.

- Southern Counties. Kamyshinskiy and Tsaritsynskiy]. Saratov, Tip. gubern. zemstva. 556 p.
- Osipova K.V., 2023. *Severnorusskaya leksika pishchi i pitaniya v etnolingvisticheskom aspekte: dis. ... d-ra filol. nauk* [Northern Russian Vocabulary of Food and Nutrition in the Ethnolinguistic Aspect. Dr. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg. 633 p.
- Razina A.S., 2018. Etnolingvisticheskie, etnodialektnye i lingvokulturologicheskie slovari kak novyy etap leksikografii [Ethnolinguistic, Ethnodialectal and Linguacultural Dictionaries as a New Stage of Lexicography]. *Voprosy leksikografii* [Russian Journal of Lexicography], no. 14, pp. 50-67. DOI: 10.17223/22274200/14/3
- Ryblova M.A., 2017. Donskie kazaki [Don Cossacks]. *Etnograficheskaya entsiklopediya Volgogradskoy oblasti* [Ethnographic Encyclopedia of the Volgograd Region]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 91-94.
- Boguslavsky V.V., ed., 2002. *Slavyanskaya entsiklopediya. Kievskaya Rus – Moskoviya: v 2 t.* [The Slavic Encyclopedia. Kievan Rus – Muscovy. In 2 Vols.]. Moscow, Olma-Press Publ., vol. 1. 784 p.; vol. 2. 816 p.
- Smirnova V.A., 2017. Sovremennyye etnicheskiye protsessy v Volgogradskoy oblasti [Modern Ethnic Processes in the Volgograd Region]. Ryblova M.A., ed. *Etnograficheskaya entsiklopediya Volgogradskoy oblasti* [Ethnographic Encyclopedia of the Volgograd Region]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 297-298.
- Sorokoletov F.P., Kuznetsova O.D., 2006. Istorizm kak opredelyayushchiy printsip «Slovyara russkikh narodnykh govorov» [Historicism as the Defining Principle of the “Dictionary Russian Folk Dialects”]. *Grani rusistiki: Filologicheskiye etyudy: sb. st., posvjashh. 70-letiyu prof. V.V. Kolesova* [Facets of Russian Studies: Philological Studies. Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Professor V.V. Kolesov]. Saint Petersburg, Filol. fak. S.-Peterb. gos. un-ta, pp. 532-541.
- Starodubtseva N.A., Tsvileva A.V., 2010. Vozniknovenie ukrainskikh poseleniy na territorii sovremennoy Volgogradskoy oblasti v kontekste istorii kolonizatsii Nizhnego Povolzhya [The Emergence of Ukrainian Settlements in the Territory of the Modern Volgograd Region in the Context of the History of Colonization of the Lower Volga Region]. *Ukrainistika v Rossii: istoriya, sostoyanie, tendentsii razvitiya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Moskva, 11–12 noyab. 2009 g.)* [Ukrainian Studies in Russia: History, State, Development Trends. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, Nov. 11–12, 2009)]. Kiev, Moscow, Ufa, Izd-vo Ufim. fil. MGGU im. M.A. Sholokhova, pp. 119-121.
- Suprun V.I., 2010. Korennoe ukrainskoe naselenie Povolzhya i Podonya: ot poyavleniya do perekhoda v status skrytogo menshinstva [The Indigenous Ukrainian Population of the Volga Region and the Don Region: From Emergence to Transition to the Status of a Hidden Minority]. *Ukrainistika v Rossii: istoriya, sostoyanie, tendentsii razvitiya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Moskva, 11–12 noyab. 2009 g.)* [Ukrainian Studies in Russia: History, State, Development Trends. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, Nov. 11–12, 2009)]. Kiev, Moscow, Ufa, Izd-vo Ufim. filiala MGGU im. M.A. Sholokhova, pp. 121-126.
- Suprun V.I., 2017. Ukraintsy Volgogradskoy oblasti [Ukrainians of the Volgograd Region]. Ryblova M.A., ed. *Etnograficheskaya entsiklopediya Volgogradskoy oblasti* [Ethnographic Encyclopedia of the Volgograd Region]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 335-337.
- Terkulov V.I., 2010. Metodologiya anklavnykh doslidzhen [Enclave Research Methodology]. *Anklavistika: zbirnik naukovykh prac* [Anklavistika: Collection of Scientific Papers]. Gorlovka, Vid-vo GDPIIM, pp. 5-12.
- Tolstaya S.M., 2007. Tolstovskie chteniya v Institute slavyanovedeniya [Tolstoy’s Readings at the Institute of Slavic Studies]. *Slavyanovedenie* [Slavic Studies], no. 2, pp. 110-119.
- Tolstaya S.M., 2013. Postulaty moskovskoy etnolingvistiki [Postulates of Moscow Ethnolinguistics]. Tolstoy N.I., Tolstaya S.M. *Slavyanskaya etnolingvistika: voprosy teorii* [Slavic Ethnolinguistics: Questions of Theory]. Moscow, In-t slavyanovedeniya RAN, pp. 67-82.
- Tupikova N.A., 2008. Yazyk regiona kak obyekt nauchnogo issledovaniya: zadachi i perspektivy [The Language of the Region as an Object of Scientific Research: Tasks and Prospects]. *Teoreticheskiye i lingvodidakticheskiye problemy issledovaniya russkogo i drugikh slavyanskikh yazykov: sb. nauch. tr.* [Theoretical and Linguodidactic Problems of the Study of Russian and Other Slavic Languages. Collection of Scientific Works]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 185-197.
- Tupikova N.A., 2013. *Osnovnyye podkhody k strukturirovaniyu leksikona dialektonositeley v punktakh smeshannogo prozhivaniya naseleniya* [The Main Approaches to Structuring

- the Lexicon of Dialect Speakers in Mixed-Population Settlements]. *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of the Southern Federal University. Philological Sciences], no. 4, pp. 36-42.
- Tupikova N.A., Starodubtseva N.A., 2022. Sposoby semantizatsii dialektnoy leksiki v regionalnoy khudozhestvennoy proze i ustnoy rechi dialektonositeley [Methods of Dialect Vocabulary Semantization in Regional Fiction and Converse of Dialect Speakers]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 4, pp. 5-19. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.1>
- Tupikova N.A., Starodubtseva N.A., 2023. Leksikon dialektonositeley v etnolingvisticheskom aspekte: problemy, zadachi, metody issledovaniya [Lexicon of Dialect Speakers in the Ethnolinguistic Aspect: Problems, Methods, Research Objectives]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 4, pp. 48-61. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.4>
- Filicheva N.I., 1985. Yazykovaya obshchnost kak lingvisticheskoe ponyatie [Linguistic Community as a Linguistic Concept]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of Linguistics], no. 6, pp. 55-62.
- Kharlamova M.A., 2009. Etnicheskaya samoidentifikatsiya i ee pokazateli v dialektnom tekste [Ethnic Self-Identification and Its Indicators in the Dialect Text]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Scientific Notes of Kazan State University. Humanities], vol. 151, book 3, pp. 281-287.
- Gubarev G.V., Skrylov A.I., eds., 2007. *Entsiklopediya kazachestva* [Encyclopedia of the Cossacks]. Moscow, Veche Publ. 544 p.

DICTIONARIES

- Avdeeva M.T. *Slovar ukrainskikh govorov Voronezhskoy oblasti: v 2 t.* [Dictionary of Ukrainian Dialects of the Voronezh Region. In 2 Vols.]. Voronezh, Izd.-poligraf. tsentr Voronezh. gos. un-ta, vol. 1, 2008. 228 p.; vol. 2, 2012. 307 p.
- Kudryashova R.I., Brysina E.V., Suprun V.I., eds. *Slovar donskikh govorov Volgogradskoy oblasti* [Dictionary of Don Dialects of Volgograd Region]. Volgograd, Izdatel Publ., 2011. 704 p.
- Bogatova G.A., ed. *Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2000, iss. 25. 275 p.
- Volin B.M., Ushchakov D.N., eds. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., vol. 3, 1939. 1424 p.; vol. 4, 1940. 1503 p.
- Timofeev V.P., Timofeeva O.V. *Dialektnyy slovar lichnosti: okolo 11500 slov* [Dialect Dictionary of Personality. About 11,500 Words]. Shadrinsk, Shadrin. Dom Pechati, 2010. 595 p.
- Ukrainsko-russkiy i russko-ukrainskiy slovar* [Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian Dictionary]. Kharkov, Div Publ., 2004. 576 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskyy slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., Terra Publ., 1996, vol. 1. 576 p.; vol. 2. 672 p.; vol. 3. 832 p.; vol. 4. 864 p.

Information About the Author

Nataliya A. Tupikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russia, na_tupikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9217-8441>

Информация об авторе

Наталья Алексеевна Тупикова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, na_tupikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9217-8441>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.14>

UDC 811.111'42:32
LBC 81.432.1-51

Submitted: 07.09.2023
Accepted: 19.03.2024

DELEGITIMISING POTENTIAL OF THE “FRIEND-FOE” AXIOLOGICAL OPPOSITION (EXEMPLIFIED BY ENGLISH-LANGUAGE POLITICAL INTERNET COMMENTS)

Natalia V. Melnik

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Olga V. Mityakina

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Abstract. The article considers the axiological opposition “friend-foe” on the material of non-professional political discourse. English-language comments to the posts of Bill de Blasio, Mayor of New York City, and Sadiq Aman Khan, Mayor of London, published in 2016–2021 in social networks are analyzed in the linguapersonological aspect. The speech techniques of expressing the “friend-foe” binary used in discrediting the current government by users of social networks are revealed. The authors of the comments use various means of verbal aggression to undermine the legitimacy of the authorities. At the lexical level, invective and pejorative units are used. At the grammatical level, the users have recourses to imperative constructions and the superlative degree of adjectives with negative evaluation. Internet users’ comments to politicians’ posts in social networks are shown to form the image of a political actor on the basis of the dominants ‘deviant behaviour’, ‘bad manager’, ‘foe, not their own’, which are determinants in discrediting the authorities. Delegitimising characteristics-determinants used in American and British non-professional political discourse are revealed to be similar due to the general unification and globalization trends. When writing a negative response, the universal institutional characteristics of a politician come to the fore. The unique individual and personal characteristics of mayors are also found to be important in creating a more voluminous image of an illegitimate leader.

Key words: Internet comment, non-professional political discourse, delegitimation, “friend-foe”, semantic invariant.

Citation. Melnik N.V., Mityakina O.V. Delegitimising Potential of the “Friend-Foe” Axiological Opposition (Exemplified by English-Language Political Internet Comments). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 3, pp. 172-185. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.14>

ДЕЛЕГИТИМИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЕВ)

Наталья Владимировна Мельник

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

Ольга Викторовна Митякина

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению аксиологической оппозиции «свой-чужой» на материале непрофессионального политического дискурса: англоязычных комментариев в социальных сетях к постам мэра Нью-Йорка Билла де Блазио и мэра Лондона Садика Хана за период 2016–2021 годов. Выделены речевые приемы выражения бинара «чужой», ориентируемые на дискредитацию действующей власти пользователями социальных сетей. Установлено, что авторы комментариев используют различные лексические и грамматические средства вербальной агрессии для подрыва легитимности власти: инвективные и пейоративные единицы, императивные конструкции, прилагательные в превосходной степени, эксплицирующие негативную оценку. Показано, что комментарии интернет-пользователей к постам политиков в социальных сетях формируют образ политического актора на основе доминант ‘девиантное поведение’, ‘плохой управленец’, ‘не свой’, которые становятся определяющими при дискредитации власти. Выявлено, что в американском и британском непрофессиональном политическом дискурсе применяются схожие делегитимирующие характеристики-детерминанты. Подтверждено, что при написании негативного отклика актуализируются универсальные институциональные характеристики политика, указание на уникальные индивидуально-личностные свойства мэров выступает дополнительным средством создания более объемного образа нелегитимного лидера.

Ключевые слова: интернет-комментарий, непрофессиональный политический дискурс, делегитимация, «свой-чужой», семантический инвариант.

Цитирование. Мельник Н. В., Митякина О. В. Делегитимирующий потенциал аксиологической оппозиции «свой-чужой» (на материале англоязычных политических интернет-комментариев) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 172–185. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.14>

Введение

В статье представлены результаты сопоставительного изучения реализации оппозиции «свой-чужой» в политических непрофессиональных интернет-комментариях англоязычных пользователей социальных сетей. Исследование лексико-семантической репрезентации данной аксиологической оппозиции как средства делегитимации власти в контексте политических комментариев пользователей социальных сетей следует признать актуальным в современной научной парадигме, поскольку оно позволяет глубже понять механизмы формирования общественного мнения и влияние социальных медиа на политический дискурс.

Изучение оппозиции «свой-чужой» сквозь призму интернет-лингвистики дает возможность установить, каким образом условия интернет-коммуникации сказываются на формировании коллективного и индивидуального сознания и на выборе носителем языка языковых средств, реализующих оппозицию в рамках стратегии подрыва легитимности действующей власти как одного из наиболее актуальных механизмов проявления негативного отношения к политическому актору.

Цифровизация общественной сферы оказывает значительное влияние на активность населения в интернет-пространстве. Д. Кан и Б. Бойер отмечают, что пользователи социальных сетей с большим количеством подписчиков обладают высоким уровнем

нем политической активности [Kahne, Bowyer, 2018, p. 470]. Люди, ранее не имевшие доступа к публичной коммуникации, могут выражать свое мнение на Web-платформах, а политические акторы могут обращаться к аудитории, которая больше, чем у традиционных СМИ [Digitalisierung..., 2021, S. 5]. Такие коммуникационные возможности выводят политический дискурс за территориальные, институциональные границы, расширяя каналы политического взаимодействия его участников (подробно об этом см.: [Castells, 2013, p. 42–44]).

В этой связи представляется важным исследовать языковые средства реализации оппозиции «свой-чужой», используемые при дискредитации действующей власти пользователями социальных сетей. Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач: выявить языковые средства, репрезентирующие оппозицию «свой-чужой» в непрофессиональных политических интернет-комментариях; определить семантические компоненты исследуемых языковых средств, реализующие оппозицию «свой-чужой»; выделить семантические доминанты оппозиции «свой-чужой», являющиеся значимыми при дискредитации власти; провести сопоставительный анализ полученных результатов для установления общих маркеров, позволяющих распознать истинные намерения авторов интернет-комментариев.

Материал и методы

В основе деления на «своих» и «чужих» лежит дихотомия, отражающая деление мира на «таких как мы» и «других». Термин «дихотомия» в лингвистике используется для обозначения факта разделения чего-либо целого на две взаимосвязанные части, одна из которых определяется как отрицание другой. Близким термину «дихотомия» является термин «бинарная оппозиция», обозначающий осмысляемое не только как членение единого на две одновременно со- и противопоставленные части, но и указывающее на конфронтацию этих частей [Писарь, 2016, с. 16].

Бинары, характеризующие оппозицию «свой-чужой», раскрывают суть оппозиции, помогают усилить ее значение. Например,

бинары «родной» и «иностранной» включают в себя вторичные бинары: такой, где родился, говорящий на родном языке, принадлежащий, свойственный другой стране, заграничный. «Вторичный бинар» – это конкретизирующий семантический признак, субординативный по отношению к бинару. Синонимами к терминам «бинар» и «вторичный бинар» выступают термины «семантический признак», «сема», «компонент значения», «семантический инвариант». При этом термины «бинар» и «вторичный бинар» имеют более широкое значение, где «бинар» – это семантический признак в рамках семантической оппозиции.

Противопоставление «свой-чужой» было впервые описано в культурологическом аспекте как неотъемлемая часть языковой картины мира человека. Данная оппозиция имеет место в социальной жизнедеятельности: семейном, этническом, политическом взаимодействии. Нельзя понять свой мир, не познав чужой. Противоречие между двумя мирами приводит к «истине» [Kiyosu, 2019, p. 8]. При этом под «своим» миром подразумевается мир, в котором можно уловить и выделить отличительные черты, освоить и принять их. По словам А.Б. Пеньковского, «чужой» мир относится к неведомому [Пеньковский, 2004, с. 8], а значит, такой мир непонятен и сложен для осмысления. Наши предки воспринимали чужое как нечто нечеловеческое, звериное, принадлежащее богам, относящееся к смерти [Байбурин, 1993, с. 221]. Отсюда в отношении «чужого» мира появляется установка – «не знаю и знать не хочу», чужое представляется враждебным, и на этой почве вырастает резко отрицательная оценка ко всему, что входит в сферу чужого [Пеньковский, 2004, с. 12]. Поэтому человек склонен видеть в чужом нечто деструктивное, противостоящее своему, враждебное. Такая модель представления мира предполагает субъективность оценок, эмоциональный фон, стремление к достижению максимальных выгод из договорных обязательств и т. п. [Байбурин, 1993, с. 184]. Принцип «свои» – «чужие» разделяет семьи, отличает «свой народ» от «не своего», «другого», «чужого» [Степанов, 2004, с. 126]. То, что хорошо – это добро, а то, что плохо – зло. Отсюда «свой» значит хороший, добрый, а «чужой» – злой, плохой. Вслед за О.С. Иссерс, мы счи-

таем, что каждая культура имеет свое понимание добра и зла, хорошего и плохого [Иссерс, 2021, с. 115]. Категории добра и зла формируют важную часть языковой картины мира. «При этом соотношение универсальных и этноспецифических компонентов картины мира в каждом языке уникально» [Альмяшова, Монастырская, 2016, с. 3]. Деление языковой картины мира на две противоположные составляющие основано на существовании двух миров – мира «своих» и мира «чужих».

Оппозиция «свой-чужой» в политическом дискурсе может эксплицироваться как противопоставление различных социокультурных ценностей: это может быть материальный и образовательный статус, этническая принадлежность и даже состояние здоровья. Ю.С. Степанов отмечает, что оппозиция «свой-чужой» генерируется объективным и субъективным сознанием, а следовательно, является отражением точки зрения определенного объединения людей [Степанов, 2004, с. 127] и идентифицируется, прежде всего, через выбор слова [Суздальцева, 2017, с. 20].

Е.И. Шейгал выделяет три составляющих в содержании политической коммуникации: 1) формулировку и разъяснение политической позиции; 2) поиск и сплочение сторонников; 3) борьбу с противником. По ее мнению, эта триада проецируется на базовую семиотическую оппозицию политического дискурса «свой-чужой»: идентификация агентов политики (кто есть кто? где свои и где чужие?), сплочение «своих», борьба против «чужих» и за «своих» [Шейгал, 2000, с. 150].

Мы переносим постулаты семиотики, касающиеся указанной оппозиции, в сферу семантики. Это предполагает выделение ситуативных семантических компонентов (подробно см.: [Betti, Igaab, 2021, p. 6]) или сем «свой» и «чужой» в значениях лексем, репрезентирующих данную оппозицию. Актуализация семантических компонентов («свой» – «хороший, добрый» и «чужой» – «плохой, злой») имеет универсальные и специфические языковые способы выражения. Универсальные языковые способы реализации оппозиции мы связываем с институциональными чертами политического актора, а специфические – с его индивидуально-личностными характеристиками.

По мнению Е.В. Кишиной, социологизированная сущность познающего субъекта мотивирует категоризацию по принципу «свое – чужое» как с позиций индивидуализированного Я, так и с позиции социальной группы [Кишина, 2011, с. 176]. Л.П. Крысин считает, что «полезно и нужно изучать под социальным углом зрения макропроцессы, происходящие в современных языках и обществах» [Крысин, 2021, с. 257] и подчеркивает важность изучения процессов меньшего масштаба, имеющих место в социальных группах. Одной из таких групп может стать, например, сообщество непрофессиональных интернет-комментаторов. Мы согласны с тем, что без такого исследования невозможно правильно судить о многих сторонах речевого поведения человека и его социальной роли. Кроме того, по мнению Л.П. Крысина, свойства индивида как «производителя» определенных высказываний обнаруживаются, прежде всего, в пределах подобных групп (а не в обществе в целом) [Крысин, 2021, с. 263].

В статье проводится анализ делегитимирующих интернет-комментариев пользователей сети Интернет, которые являются языковым выражением микропроцессов, протекающих в современном обществе. Различные микропроцессы формируют общую тенденцию, иными словами – макропроцесс. Микропроцессы, связанные с проявлением общественного недовольства и несогласия становятся причиной такого макропроцесса, как делегитимация власти. Мы относим ее к макропроцессам, происходящим в обществе, поскольку снижение уровня легитимности может привести к серьезным изменениям в политической, экономической и социальной сферах. В новейшем политологическом словаре под делегитимацией понимается «утрата доверия к власти, политическому лидеру, институту или политической системе в целом» [Погорелый, Фесенко, Филиппов, 2010].

Исследование выполнено в лингвоперсоналогическом аспекте, имеющем текстоцентрическую направленность, так как анализируются свойств языковой личности адресата. в тексте интернет-комментариев. «Антропотекст, – как отмечает Голев, – есть отражение в тексте особого качества языковой способности его автора или адресата» [Голев,

2007, с. 41]. Оппозиция «свой-чужой» как лингвоперсоналогическая категория отражает индивидуальные особенности мышления индивида в том, как он делит общество на своих и чужих и как он выражает это в своей речевой деятельности.

В нашем исследовании оппозиция «свой-чужой» рассматривается с позиций политической лингвистики: устанавливаются институциональные характеристики личности политика, которые являются доминантными.

Релевантен также лингвоаксиологический аспект исследования, поскольку оппозиция «свой-чужой» тесно связана с оценкой. По мнению В.И. Карасика, «аксиологический способ подачи информации о политике становится для СМИ все более традиционным, а транслируемые ценности активно актуализируются в комментариях [Карасик, 2019, с. 8]. Ценностные характеристики и оценочность относятся к важным составляющими бытия человека и общества. Аксиологическая составляющая оппозиции в комментариях отражает отношение авторов к политику и соотносится с такими понятиями, как идентичность, принадлежность к определенной социальной группе или культуре. Данная категория связана с доверием к политическому актору, ценностями, которые он репрезентирует, а также оценкой его успешности или неуспешности как политика в интернет-сообществе. Авторская оценка в текстах интернет-пользователей наиболее ярко выражает аксиологическое осмысление комментируемых событий. Презрительная, неодобрительная оценка по отношению к объекту номинации реализуется экспрессивными средствами языка. Н.Ф. Алефиренко пишет, что оценка – это форма существования ценностей, а так как все люди индивидуальны, то оценка всегда субъективна [Алефиренко, 2005, с. 167]. Размещение интернет-комментариев в Сети без фильтрации устраняет барьеры для участия в коммуникации и приводит к возрастающей вербальной агрессии, ведущей к делегитимации власти. Основанием для написания непрофессиональных делегитимирующих интернет-

комментариев является конфронтация политического актора («чужой») и рядового пользователя («свой»).

Материалом исследования являются политические интернет-комментарии англоязычных пользователей сети Интернет в социальных сетях Twitter, Instagram*, Facebook в период с 2016 по 2021 г. к постам мэра Нью-Йорка Билла де Блазио и мэра Лондона Сади́ка Хана. Билл де Блазио, член Демократической партии, возглавлял администрацию города Нью-Йорка с 1 января 2014 г. по 31 декабря 2021 года. Садик Хан – британский политик-лейборист пакистанского происхождения, представитель социал-демократического крыла партии – занимает пост мэра Лондона с 9 мая 2016 года.

Социальные платформы популярны среди интернет-пользователей в связи с тем, что они представляют оптимальную площадку для размещения разного контента, в том числе политического, и их интерфейс удобен для комментаторов. В статье рассматриваются непрофессиональные политические комментарии к наиболее резонансным общественно-политическим, экономическим событиям, отраженным в постах политиков, поскольку именно в непрофессиональном политическом дискурсе наиболее полно раскрывается обыденное сознание рядовых носителей языка.

Проанализировано 11 050 интернет-комментариев, за единицу анализа принимается фрагмент текста комментария, в котором реализована оппозиция «свой-чужой». Критериями отбора примеров бинара «чужой» данной оппозиции стали следующие семантические доминанты в структуре значений анализируемых языковых единиц: ‘девиантное поведение’, ‘плохой управленец’, ‘не свой’.

Данные доминанты были выделены с помощью метода словарных дефиниций и метода компонентного анализа. Метод словарных дефиниций позволил установить значение слов, употребленных в контексте комментируемого события. При изучении лексических значений использованы толковые сло-

* Instagram и Facebook принадлежат компании Meta Platforms, Inc., включенной в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. Деятельность данной организации запрещена на территории Российской Федерации.

вари современного английского языка Merriam-Webster и Cambridge Dictionary, содержащие информацию о компонентном составе значения слова и о возможностях его применения. Для раскрытия семантики слов был применен компонентный анализ. Предел членения значения лексем на семы обусловлен задачами исследования.

С помощью контекстного анализа были интерпретированы семантические признаки значения слова, реализуемые в контексте интернет-комментариев. Контент-анализ позволил эксплицитировать намерения авторов комментариев посредством изучения массива текстов с применением онлайн-сервиса Miratext. При помощи данного сервиса были выделены общие и частные оценочные лексемы, определяющие профессиональные черты политиков США и Великобритании. Для актуализации полученных в ходе работы данных использован онлайн-проект GSGen.RU.

Сопоставительный метод применялся для сравнения языковых средств воплощения оппозиции «свой-чужой» в американских и британских интернет-комментариях.

Выбор методов исследования оппозиции «свой-чужой» был определен индуктивным подходом, обобщающим и конкретизирующим результаты анализа полученного эмпирического материала.

Результаты и обсуждение

При исследовании непрофессиональных политических интернет-комментариев американских и британских пользователей выявлена пейоративная и инвективная оценочная лексика, репрезентирующая вербальную агрессию и ведущая к делегитимации власти.

Данные виды лексики отражают два типа человеческого мышления, один из которых основан на эмоциональности, или чувственном восприятии, второй – на рациональности. Эмоциональность, в данном случае, репрезентируется посредством пейоративной лексики, это, прежде всего, оскорбление. Рациональный тип мышления реализуется посредством инвективной лексики, это критика и обвинение, поскольку любая критика и обвинение предполагают наличие объективных критериев.

Результаты анализа интернет-комментариев к постам политиков показывают, что причинами делегитимации является несоответствие ценностей и интересов народа и действующей власти, незащищенность рядовых граждан, ухудшение криминальной обстановки, и, как следствие, демонстрация негативного отношения к политику.

Для исследования интерес представляют лексические единицы с отрицательной коннотацией, реализующие оппозицию «свой-чужой». В рамках определенных языковых условий аксиологическая оппозиция «свой-чужой» имеет субъективно-оценочную семантику, представленную эксплицитными / имплицитными языковыми способами выражения.

При анализе комментариев американских и британских пользователей выделены общие для обоих политиков негативные оценочные лексемы, характеризующие их институциональные черты в рамках оппозиции «свой-чужой». Результаты представлены в виде графика, составленного на основе комментариев (см. рис. 1).

На графике представлены оценочные лексемы, частотные в комментариях пользователей. Наибольшее число вхождений имеют номинации *mayor* (мэр) и *worst* (худший). В контексте анализируемых комментариев лексема *mayor* (мэр) имеет негативную коннотацию, так как речь идет о коррупции, неспособности эффективно управлять городом и обеспечивать благополучие граждан. В комментариях неоднократно встречается требование комментаторов к политикам уйти в отставку – *go away / resign*. Глагол в повелительном наклонении *stop* (прекращать) также имплицитно требует прекращения полномочий политика.

Коммуникативно-речевые особенности интернет-комментаторов позволяют выделить институциональные и индивидуальные особенности личности политика. На основе рисунка 2 была создана круговая диаграмма, в которой представлены лексемы, визуализирующие как институциональные, так и индивидуальные общие и частные для обоих политиков характеристики. Институциональные характеристики доминируют в непрофессиональном политическом дискурсе комментаторов.

В центре диаграммы находятся общие лексемы, характеризующие статус политиков. Ком-

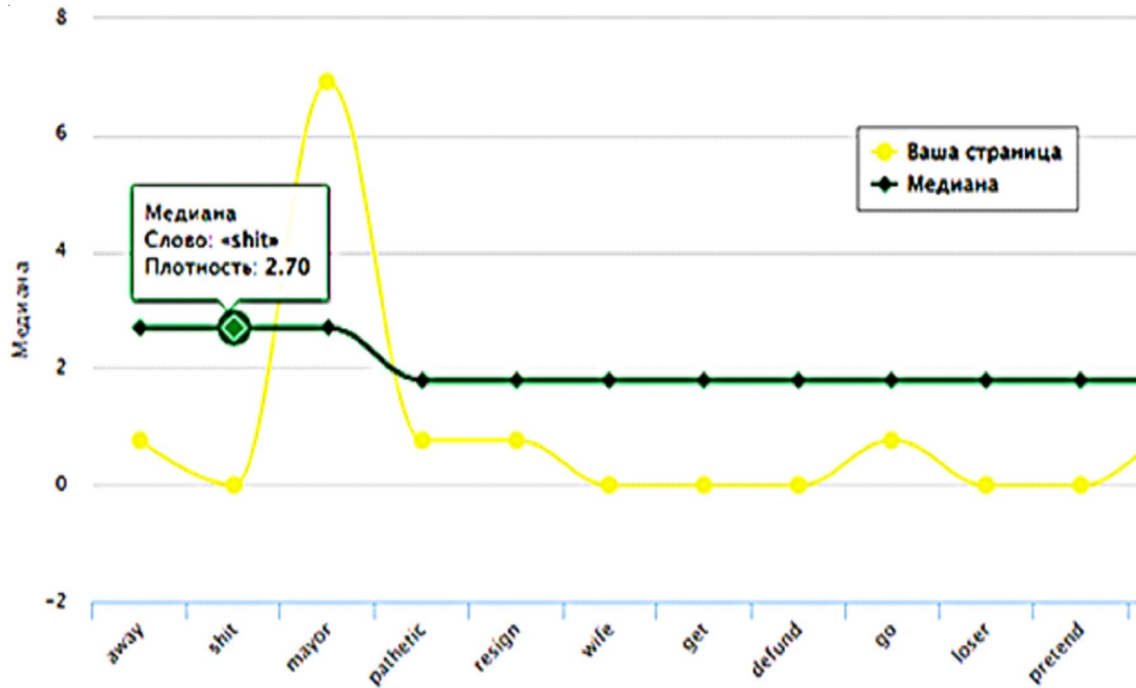

Рис. 1. Негативные оценочные лексемы, характеризующие институциональные черты политиков
 Fig. 1. Negative evaluative lexemes that characterize institutional traits of politicians

Примечание. Рисунок составлен с помощью онлайн-сервиса работы с текстом Miratext.
 Note. The graph was compiled using the Miratext online word processing service.

Рис. 2. Лексемы-репрезентанты институциональных и индивидуальных характеристик политиков
 Fig. 2. Lexemes-representatives of institutional and individual characteristics of politicians

Примечание. Диаграмма составлена с помощью онлайн-сервиса работы с текстом Miratext.
 Note. Chart made with Miratext online word processing service.

ментаторы обращаются к представителю власти, используя должностную номинацию. Это свидетельствует о том, что в центре их внимания находится институциональная личность политика: *You're a terrible mayor!* (Вы ужасный мэр!) (Здесь и далее перевод с английского наш. Пунктуация авторов комментариев сохранена. – Н. М., О. М.). Оценочная лексика *worst* (худший),

go away (убирайся), *resign* (уйди в отставку), находящаяся в поле лексемы *mayor* (мэр), указывает на то, что наиболее сильными являются институциональные характеристики политика как представителя профессиональной сферы коммуникации. На периферии круга находятся лексемы, характеризующие индивидуально-личностные черты политиков, отражающие их персональные

свойства: *steal money* (красть деньги), *useless* (беспольный), *crime* (преступный), *clown* (клоун), *foreigner* (иностранец) и др.

В результате анализ интернет-комментариев в рамках оппозиции «свой-чужой» определены «языковые предпочтения авторов» [Мельник, Савельева, 2017, с. 198] и доминанты, которые становятся определяющими при дискредитации власти, и далее, при ее делегитимации: ‘девиантное поведение’, ‘не свой’, ‘плохой управленец’ (рис. 3).

Девиантное поведение. В психологическом словаре находим следующее определение: «Девиантное поведение – это действия, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе (социальной группе) моральным и правовым нормам [Мещеряков, Зинченко, 2008].

Подтвердим наличие доминанты ‘девиантное поведение’ примером из комментариев американских и британских пользователей.

Комментарии к постам мэра Нью-Йорка Билла де Блазио:

(1) **You & your crooked wife** (Вы и ваша нечестная жена);

(2) You dont support the police u **lying SOB** (Ты не поддерживаешь полицию, лживый болван);

(3) 20 years later we have bigger enemy, **domestic terrorist!!!!** (20 лет спустя у нас появился более серьезный враг – внутренний террорист!!!!).

Комментарии к постам мэра Лондона Садики Хана:

(4) Why does this man always sound so **insincere**? (Почему слова этого человека всегда такие неискренные?);

(5) He was a **lawyer for terrorists**, enough said, too many people are **blind to what’s going on** (Достаточно сказать, что он был адвокатом террористов. Слишком много людей не видят того, что происходит);

(6) You are nothing but a **Parasite** You **disgusting** piece of ..., You have turn London into a hole With all your **criminal foreigners with all your Knife crimes, With all your muggings** (Ты просто паразит, отвратительный кусок..., Ты превратил Лондон в дыру со всеми своими преступными иностранцами, со всеми своими преступлениями, со всеми своими грабителями).

В примерах (1)–(3) американские комментаторы называют мэра Нью-Йорка *terrorist* (террористом), *crooked* (нечестным), *corrupt* (продажным), *disgusting* (отвратительным), *worst mayor* (худшим мэром), *idiot* (идиотом), *liar* (лжецом). Британские комментаторы (4)–(6) дают подобную характеристику мэру Лондона: *lawyer for terrorist* (адвокат террористов), *moron* (глупец), *parasite* (паразит), *disgusting* (отвратительный, жалкий человек), *criminal* (преступник), *liar* (лжец). Данные примеры относим в тематическую группу доминанты ‘девиантное поведение’.

Автор комментария (1) не считает нормой поведение мэра Нью-Йорка и его жены и создает образ политика, действия которого выходят за пределы общепринятых правил. В данном примере доминанта ‘девиантное поведение’ представлена лексемой *crooked*, основное значение которой – «нечестный». Посредством компонентного анализа установлен следующий набор смысловых компонентов данной лексемы: ‘tending to cheat’ – «to take from someone deceitfully» (отнимать посредством обмана) или ‘deceive’ (мошенничать, жульничать; сознательно вводить в заблуждение)

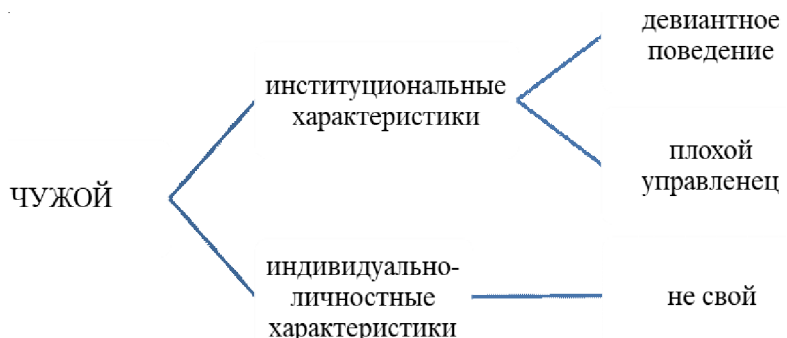

Рис. 3. Доминанты бинара «чужой»
Fig. 3. Dominants of the “foe” binary

(Cambridge Dictionary; Merriam-Webster). Все они реализуют сему 'намеренное действие'. В примере (2) комментатор обвиняет политика во лжи: *lying* – «an untrue statement purposely made to deceive» (ложное утверждение, намеренно сделанное с целью ввести в заблуждение). Ложь не является нормой поведения в обществе. Политик, прибегающий ко лжи, сознательно искажает истину, то есть его поведение можно считать девиантным.

В примере (4) комментатор использует в отношении мэра Лондона уничижительное слово *insincere* (лицемерный). В словаре современного английского языка *insincere* фиксируется в значении «pretended or false» (поведение, прикрывающее неискренность, злонамеренность притворным чистосердечием, добродетелью).

В примере (3) американский политик назван *domestic terrorist* (местным террористом), а в примере (5) комментатор считает мэра Лондона *a lawyer for terrorists* (адвокатом террористов). Лексическое значение слова *terrorist* состоит из компонентов 'threat' (устрашение), 'violence' (насилие), 'elimination' (уничтожение). Комментаторы создают образ политиков, которые представляют угрозу для населения и защищают тех, кто совершает действия, направленные на устрашение и насилие.

В примере (6) комментатор считает поведение мэра Лондона не соответствующим нормам и называет политика *parasite* (тунеядцем) – «useless person who is supported by the generosity or efforts of others» (беспольный человек, которого поддерживают щедрость или усилия других людей). В этом же комментарии автор наделяет политика эпитетом *criminal* (преступный), соотносящимся по значению с существительным *crime* (преступление) – «a bad, immoral, or dishonorable act» (опасное действие, нарушающее закон и подлежащее уголовной ответственности). Комментатор подозревает мэра города и его ближний круг в нарушении закона.

Плохой управленец. Доминанта 'плохой управленец' включает такие компоненты как 'destroyer' (разрушитель), 'resign' (отставка), 'go away' (убирайтесь), 'worst' (худший) и т. п. Лексема *destroyer* имеет значение «a person who damages or ruins» (человек, который наносит ущерб или разрушает). *Go away* и *resign* име-

ют схожие значения – «leave a place, give up a job or position» (увольнение с (государственной) службы, сложение полномочий). Одно из значений лексемы *worst* формулируется как «the most bad person» (самый плохой человек) (Cambridge Dictionary).

Комментарии к постам мэра Нью-Йорка Билла де Блазио:

(7) Since 2013 **we've been stuck with the worst mayor** in NYC history. **Because of you the city has turned back into a shithole** (мы застряли в 2013 году с худшим мэром в истории Нью-Йорка. Из-за вас город превратился в дыру);

(8) **Get fucked Billy** (Пошел ты, Билли);

(9) BasedRighteous: Your policies are **complete garbage**, you're **a terrible mayor! Resign and leave America NOW!** (Ваша политика – полный отстой, вы ужасный мэр! Уходите в отставку и уезжайте из Америки СЕЙЧАС ЖЕ!);

(10) You are **useless** and in 109 days you will be **unemployed** (Вы бесполезны и через 109 дней станете безработным).

Комментарии к постам мэра Лондона Садики Хана:

(11) You **completely destroyed London** since you become the mayor **you're the worst mayor of London** (Вы полностью разрушили Лондон с тех пор, как стали мэром, вы – худший мэр Лондона);

(12) Khan your **not fit for purpose as Mayor of London** (Хан не соответствует своему предназначению на посту мэра Лондона);

(13) **Go away Sadiq, how long til you are out..** (Уходи, Садик, сколько тебе еще осталось..);

(14) It's a fantastic deal. In fact, it's nearly as good as deal we already had! **Let's forget the millions it has cost us in the last four years and the fact that we have upset all our continental friends and turned the UK into a pariah state and hastened the breakup of the Union** (Это фантастическая сделка. На самом деле, она почти так же хороша, как и та, что у нас уже была! Давайте забудем о миллионах, которые она стоила нам за последние четыре года, и о том, что мы расстроили всех наших континентальных друзей, превратили Великобританию в государственно-изгой и ускорили распад Союза).

В приведенных фрагментах комментариев авторы, оценивая институциональную деятельность мэров, используют лексемы *worst*, *go away*, *resign*, имеющие отрицательную коннотацию, называют политиков худшими и требуют их отставки. По мнению интернет-

комментаторов, политики недобросовестно выполняют свои должностные обязанности, что приводит к деструктивным последствиям и социальным конфликтам.

В примере (7) комментатор обосновывает свое негативное отношение к мэру при помощи лексемы *stuck* (застрывать, останавливаться в развитии), обвиняя его в стагнации и падении уровня жизни населения города. Словосочетание с отрицательным значением *turned back into a shithole* (превратился в дыру) характеризует деструктивные действия политика.

Автор комментария (8) использует сниженную лексику, выходящую за рамки литературной нормы, выражает неуважение политике и имплицитно требует уйти в отставку.

В примере (9) пользователь Сети оценивает политический курс мэра как плохой, низкокачественный, используя жаргонную лексику *garbage* (отстой). Автор комментария употребляет эпитет *terrible* (ужасный), применительно к институциональной номинации политика и требует отставки.

Автор отклика (10) считает, что политик не приносит пользы на своем посту, не достигает ожидаемых от него результатов и прогнозирует его отставку. Такая интерпретация содержания комментария возможна благодаря некорневым морфемам / аффиксам *-less* и *in-*, имеющим отрицательное значение.

Комментатор в примере (11) открыто называет политика разрушителем и худшим мэром Лондона.

В примере (12) автор комментария использует фамильярное обращение к мэру, что говорит о неуважении к политике, и напрямую заявляет о его несоответствии занимаемой должности.

Требование уйти в отставку в комментарии британца (13) выражено более мягко, по сравнению с американскими комментариями. Оценка автора передается через вопросительную конструкцию *how long till you are out* (как долго еще ждать Вашей отставки).

В комментарии (14) автор подозревает политика в необоснованной трате бюджетных средств *Let's forget the millions it has cost us in the last four years* и упрекает мэра в том, что он способствует скорейшему выходу Британии из Евросоюза *hastened the breakup of the Union*, что отразится, по его мнению, на

экономике страны и превратит ее в страну-аутсайдер (*a pariah state*).

Не свой. Приведем фрагменты комментариев, содержащие семантические признаки доминанты 'не свой'. В примерах она представлена имплицитно – конвергенцией лексических и стилистических речевых приемов: эмпатических конструкций, инверсии, лексических и синтаксических повторов, метафор. Сочетание этих средств отражает эмоциональное состояние авторов комментариев при написании отклика. Комментаторы отчуждают политика, навешивают ярлык иностранца, при этом они не пытаются выяснить объективные свойства личности политика, а выражают оценку субъективно, эмоционально.

Комментарии к постам мэра Нью-Йорка Билла де Блазио:

(15) Too bad you **stomp on the American spirit** that was displayed after 9/11! That I can say without much doubt that **you hate American exceptionalism, The Constitution, and the freedom it stands for** (Очень плохо, что вы попираете американский дух, который проявился после 11 сентября! Я могу с уверенностью сказать, что вы ненавидите американскую исключительность, Конституцию и свободу, которую она отстаивает);

(16) You are **hated by** all your workers (Вас ненавидят все, кто на Вас работает).

Комментарии к постам мэра Лондона Садики Хана:

(17) You've brought the migrants together, you **criminal foreigner** (Ты собрал мигрантов вместе, ты, преступный иностранец);

(18) **#NotMyMayor** (#НеМойМэр).

Для американских комментаторов политик не свой (15)–(16), так как он пренебрегает ценностями американского народа: *you stomp on the American spirit* (вы попираете американский дух); *you hate American exceptionalism, The Constitution, and the freedom it stands for* (вы ненавидите американскую исключительность, Конституцию и свободу, которую она отстаивает); *You are hated by all your workers* (Вас ненавидят все, кто на Вас работает). Именно поэтому мэр Нью-Йорка исключается из круга своих, в глазах комментаторов он предстает предателем, политиком, которого ненавидят.

В комментариях британских пользователей (17)–(18) к характеристикам, выявленным в американских откликах, добавляется компонент «иностранец» (*you criminal foreigner*) и устанавливается дистанция между политиком и комментатором при помощи хэштега, содержащего отрицание *not*.

Обобщим результаты, основываясь на статистических данных онлайн-сервиса GSen.Ru.

При помощи одного из инструментов сервиса (Стемминг текста online) было подсчитано общее количество слов исследуемых интернет-комментариев. Оно составило 26 685. В соответствии с задачами работы был произведен подсчет только знаменательных частей речи с учетом негативной коннотации лексем (за исключением местоимений) были отобраны соответствующие лексемы в количестве 4096 (100 %). При составлении учтены лексемы, характеризующие как индивидуально-личностные (*break law, kill, waste, suck, abuse, hate; idiot, loser, crook, shit, clown, violence, moron, scandal, liar, cruelty, murder, rat, crap, hitler, ass, thief, muppet; bloody, dumb, crazy, duff, stupid, angry, disgusting, clueless, terrible, horrible, criminal, illegal, ashamed, disgraceful, expensive, sick* и т. д.), так и институциональные (*mayor, city / NewYork / London blasio / bill / deboso / Khan / Sadiq, policy, crisis, protect / support, unemployment, deal, zero, poor, protesters / dems, corruption, management / administration, disaster, threat, utter mess, Khun, foreigner, rasist, distance, inequality, pariah; down / slope, worst* и т. д.) черты политиков.

Данные, представленные в таблице, подтверждают, что в дискурсе интернет-комментаторов превалируют институциональные характеристики политика, актуализируемые дифференциальными семантическими инвариантами: девиантное поведение, плохой управленец, не свой.

Частота употребления лексем в делегитимирующем контексте интернет-комментариев

Frequency of lexemes use in the delegitimising context of Internet comments

Индивидуально-личностные характеристики		Институциональные характеристики	
Количество лексем		Количество лексем	
Абсолютное выражение	%	Абсолютное выражение	%
442	11	3654	89

Заключение

Результаты проведенного анализа аксиологической оппозиции «свой-чужой» на материале непрофессиональных интернет-комментариях англоязычных пользователей сети Интернет позволил сформулировать следующие выводы.

Контент-анализ интернет-комментариев к постам мэров Нью-Йорка и Лондона позволил установить, что тексты комментариев реализуют делегитимирующую интенцию авторов. Для делегитимации власти авторы комментариев используют инструменты вербальной агрессии, на лексическом уровне представлены инвективными и пейоративными единицами, на грамматическом уровне – императивными конструкциями и превосходной степенью прилагательного с низкой степенью оценки.

Семантические компоненты аксиологической оппозиции «свой-чужой» реализуются лексемами с отрицательной коннотацией: *criminal* (преступник), *idiot* (идиот), *liar* (лжец), *destroyer* (разрушитель), *resign* (отставка), *worst* (худший), *foreigner* (иностранец) и т. п. К семантическим доминантам в структуре значений анализируемых лексем мы относим следующие семантические инварианты: ‘девиантное поведение’, ‘плохой управленец’, ‘не свой’, определяющие сущность оппозиции «свой-чужой». Данные компоненты соотносятся с конкретными политиками в интернет-комментариях. Мы трактуем анализируемый материал как функциональное средство делегитимации власти, проявляющееся в комбинации смыслов, содержащихся в интернет-комментариях.

Сопоставительный анализ полученных результатов показал, что существенных различий в американском и британском непрофессиональном политическом дискурсе не наблюдается. Комментаторы делегитимируют дей-

ствия политика, дискредитируя их профессиональные и индивидуально-личностные качества. Обращаясь к институциональным характеристикам политиков, авторы комментариев выделяют схожие по значению атрибутивные наименования, при этом институциональные характеристики являются доминирующими. Таким образом, считаем возможным рассматривать оппозицию «свой-чужой» как семантическую универсалию в непрофессиональном политическом дискурсе американских и британских интернет-комментаторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алефиренко Н. Ф., 2005. Спорные проблемы семантики. М. : Гнозис. 326 с.
- Альмяшова Л. В., Монастырская Е. А., 2016. Современные лингвистические исследования: языковая актуализация картины мира. Кемерово : КемТИПП. 106 с.
- Байбурун А. К., 1993. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб. : Наука. 253 с.
- Голев Н. Д., 2004. Лингвоперсоналогическая вариативность языка // Известия АлтГУ. № 4. С. 41–45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopersonologicheskaya-variativnost-yazyka>
- Иссерс О. С., 2021. Речевое воздействие. М. : ФЛИНТА. 240 с.
- Карасик В. И., 2019. Ценности как культурно значимые ориентиры поведения // Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике : материалы Междунар. науч. конф. (Тяньцзинь, 16 нояб. 2018 г.). Волгоград : ПринТерра-Дизайн. С. 3–11.
- Кишина Е. В., 2011. Семантическая оппозиция «свой – чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // Вестник КемГУ. № 4 (48). С. 174–179.
- Крысин Л. П., 2021. Очерки по социолингвистике. М. : ФЛИНТА. 360 с.
- Мельник Н. В., Савельева И. В., 2017. Лингвоперсоналогические стратегии восприятия текста (на материале интернет-комментариев к политическим статьям) // Вестник КемГУ. № 4. С. 197–201. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-4-197-204
- Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П., 2008. Большой психологический словарь. М. : АСТ ; СПб. : Прайм-Еврознак. 632 с.
- Пеньковский А. Б., 2004. Очерки по русской семантике. М. : Яз. слав. культуры. 261 с.
- Писарь Н. В., 2016. К вопросу об определении понятия «дихотомия» в лингвистике // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. № 3. С. 12–18.
- Погорелый Д. Е., Фесенко В. Ю., Филиппов К. Ф., 2010. Новейший политологический словарь. Ростов н/Д : Феникс. 318 с. URL: <https://politike.ru/slovari/politologicheskii-slovar-spravochnik.html>
- Степанов Ю. С., 2004. Константы: словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М. : Акад. Проект, 2004. 992 с.
- Суздальцева В.Н., 2017. Образ власти в современных российских СМИ: вербальный аспект. М. : Фак. журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. 252 с.
- Шейгал Е. И., 2000. Семиотика политического дискурса. М. ; Волгоград : Перемена. 368 с.
- Betti M. J., Igaab Z. K., 2021. Semantics in Linguistics. 23 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.31950.79688
- Castells M., 2013. Communication Power. Oxford : Oxford University Press. 564 p.
- Digitalisierung und Demokratie, 2021 / hrsg. von H. Steinicke, E. Witt. Köthen : Druckhaus Köthen GmbH & Co. 74 S.
- Kahne J., Bowyer B., 2018. The Political Significance of Social Media Activity and Social Networks // Political Communication. Vol. 35, iss. 3. P. 470–493. DOI: 10.1080/10584609.2018.1426662
- Kiyosu M., 2019. A Preliminary Inquiry into Binary Oppositions in International Relations and How to Go Beyond Them : The Influences of Binary Opposition Approach to the Discipline of International Relations : BA Thesis. Kyoto. 34 p.

ИСТОЧНИКИ

- Comments on the New York City Mayor B. de Blasio post. November 16, 2016. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1179317628828851&id=175360322557925
- Comments on the New York City Mayor B. de Blasio post. May 3, 2020. URL: <https://twitter.com/NYCMayor/status/1324347429290942464>
- Comments on the New York City Mayor B. de Blasio post. May 6, 2020. URL: <https://www.facebook.com/22085921165/posts/pfbid0GzdtKUQdf1Mxp nGjZLedfnkvtiYEr igjQmKTCPhZyDJcLQZm222E8NZdiTwPTarpl/>
- Comments on the London Mayor S. Khan post. July 31, 2020. URL: <https://www.facebook.com/sadiqforlondon/videos/290931008880459>
- Comments on the London Mayor S. Khan post. March 20, 2021. URL: www.facebook.com/sadiqforlondon/posts/288722982610473

СЛОВАРИ

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>

Merriam-Webster: America's Most Trusted Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/>

REFERENCES

- Alefrenko N.F., 2005. *Spornye problemy semantiki* [Semantic Controversies]. Moscow, Gnozis Publ. 326 p.
- Almyashova L.V., Monastyrskaya E.A., 2016. *Sovremennye lingvisticheskie issledovaniya: yazykovaya aktualizatsiya kartiny mira* [Modern Linguistic Research: Linguistic Actualisation of the World Picture]. Kemerovo, KemTIPP Publ. 106 p.
- Bayburin A.K., 1993. *Ritual v traditsionnoy kulture. Strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavyanskikh obryadov* [Ritual in Traditional Culture. Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rituals]. Saint Petersburg, Nauka Publ. 253 p.
- Golev N.D., 2004. Lingvopersonologicheskaya variativnost yazyka [Linguopersonological Variation of Language]. *Izvestiya AltGU* [Izvestiya of Altai State University], no. 4, pp. 41-45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopersonologicheskaya-variativnost-yazyka>
- Issers O.S., 2021. *Rechevoe vozdeystvie* [Speech Impact]. Moscow, Flinta Publ. 240 p.
- Karasik V.I., 2019. Tsennosti kak kulturno znachimye orientiry povedeniya [Values as Culturally Significant Reference Points of Behavior]. *Lingvokulturnye tsennosti v yazykovom soznanii i kommunikativnoy praktike: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Tyantszin, 16 noyab. 2018 g.)* [Linguocultural Values in Linguistic Consciousness and Communicative Practice. Proceedings of the International Scientific Conference (Tianjin, November 16, 2018)]. Volgograd, PrinTerra-Dizayn Publ., pp. 3-11.
- Kishina E.V., 2011. Semanticheskaya oppozitsiya «svoe – chuzhoy» kak realizatsiya ideologomanipulyativnogo potentsiala politicheskikh diskursov [Semantic Opposition “Friend-Foe” as a Realisation of Ideological-Manipulative Potential of Political Discourses]. *Vestnik KemGU* [Bulletin of Kemerovo State University], no. 4 (48), pp. 174-179.
- Krysin L.P., 2021. *Ocherki po sotsiolingvistike* [Essays on Sociolinguistics]. Moscow, FLINTA Publ. 360 p.
- Melnik N.V., Savelyeva I.V., 2017. Lingvopersonologicheskie strategii vospriyatiya teksta (na materiale internet-kommentariyev k politicheskim statyam) [Linguopersonological Strategies of Text Perception (On the Material of Internet Comments to Political Articles)]. *Vestnik KemGU* [Bulletin of Kemerovo State University], no. 4, pp. 197-201. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-4-197-204
- Meshcheryakov B.G., Zinchenko V.P., 2008. *Bolshoy psikhologicheskii slovar* [Big Psychological Dictionary]. Moscow, AST Publ.; Saint Petersburg, Prime-Euroznak Publ. 632 p.
- Penkovskiy A.B., 2004. *Ocherki po russkoy semantike* [Essays on Russian Semantics]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 261 p.
- Pisar N.V., 2016. K voprosu ob opredelenii ponyatiya «dikhotomiya» v lingvistike [To the Question of the Definition of the Concept of “Dichotomy” in Linguistics]. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya* [Vestnik (Bulletin) of I. Kant Baltic Federal University], no. 3, pp. 12-18.
- Pogorelyy D.E., Fesenko V.Yu., Filippov K.F., 2010. *Noveyshiye politologicheskii slovar* [The Newest Political Science Dictionary]. Rostov-on-Don, Phenix Publ. 318 p. URL: <https://politike.ru/slovari/politologicheskii-slovar-spravochnik.html>
- Stepanov Yu.S., 2004. *Konstanty: slovar russkoy kultury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Acad. Proekt Publ., 2004. 992 p.
- Suzdaltseva V.N., 2017. *Obraz vlasti v sovremennykh rossiyskikh SMI: verbalnyy aspekt* [The Image of Power in Modern Russian Mass Media: Verbal Aspect]. Moscow, Fak. zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova. 252 p.
- Sheygal E.I., 2000. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Moscow, Volgograd, Peremena Publ. 368 p.
- Betti M.J., Igaab Z.K., 2021. *Semantics in Linguistics*. 23 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.31950.79688
- Castells M., 2013. *Communication Power*. Oxford, Oxford University Press. 564 p.
- Steinicke H., Witt E., Hrsg., 2021. Digitalisierung und Demokratie. Köthen, Druckhaus Köthen GmbH & Co. 74 S.
- Kahne J., Bowyer B., 2018. The Political Significance of Social Media Activity and Social Networks. *Political Communication*, vol. 35, iss. 3, pp. 470-493. DOI: 10.1080/10584609.2018.1426662
- Kiyosu M., 2019. *A Preliminary Inquiry into Binary Oppositions in International Relations and How to Go Beyond Them: The Influences of Binary Opposition Approach to the Discipline of International Relations. BA Thesis*. Kyoto. 34 p.

SOURCES

Comments on the New York City Mayor B. de Blasio Post. November 16, 2016. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1179317628828851&id=175360322557925

Comments on the New York City Mayor B. de Blasio Post. May 3, 2020. URL: <https://twitter.com/NYCMayor/status/1324347429290942464>

Comments on the New York City Mayor B. de Blasio Post. May 6, 2020. URL: <https://www.facebook.com/22085921165/posts/pfbid0GzdtKUQdf1MxpnGjZLedfnkvtiYERigjQmKTCPhZyDJcLQZm222E8NZdiTwPTarpl/>

Comments on the London Mayor S. Khan Post. July 31, 2020. URL: <https://www.facebook.com/sadiqforlondon/videos/290931008880459>

Comments on the London Mayor S. Khan Post. March 20, 2021. URL: www.facebook.com/sadiqforlondon/posts/288722982610473

DICTIONARIES

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>

Merriam-Webster: America's Most Trusted Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/>

Information About the Authors

Natalia V. Melnik, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University, Krasnaya St, 6, 650000 Kemerovo, Russia, saikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9390-5842>

Olga V. Mityakina, Postgraduate Student, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Kemerovo State University, Krasnaya St, 6, 650000 Kemerovo, Russia, olgamityakina72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8855-8524>

Информация об авторах

Наталья Владимировна Мельник, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики, Кемеровский государственный университет, ул. Красная, 6, 650000 г. Кемерово, Россия, saikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9390-5842>

Ольга Викторовна Митякина, аспирант, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Кемеровский государственный университет, ул. Красная, 6, 650000 г. Кемерово, Россия, olgamityakina72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8855-8524>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.15>

UDC 81'1:008
LBC 81.006.3

Submitted: 16.12.2023
Accepted: 19.03.2024

PRAGMATIC NATURE OF IDENTITY AS A LINGUACULTURAL CATEGORY

Grigory V. Tokarev

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

Abstract. The article focuses on the phenomenon of identity from the pragmatic point of view. The process of communication is proved to reveal and form the subject's affiliation with a particular community. Identity is viewed as the result of the process of communication, which consists in searching for an answer to the question of *who I am*. It is objectified in a dialogue that generates a situation of significance for the subjects of culture involved in it, thus actualizing their integral and differential attributes, which are taken into account in the course of identification. The study shows that two types of communication are used in the process of identity formation: external, according to the *I – ONE* model, and internal, according to the *I – I* model. The realization of the first model consists in the fact that a linguacultural community delivers information about itself to other cultural subjects by means of emblems and brands. This method of information transfer is connected with the formation of an opinion about oneself in the minds of other subjects of culture. The internal model of communication relates to the transmission of information to oneself. This type of communication may be considered in diachronic and synchronous aspects. Major means used in auto-communication are etalons, symbols, measures, amulets. Linguaculture, while implementing both models, can generate or borrow new principles, values, symbolary for their expression, which results in transformation of identity. The article determines the significant aspects in describing the pragmatic essence of identity, including the subjects of culture perceptions of oneself and the other, the content of goal-setting, the cultural code, and the message. The cultural code is embodied in the symbolary of identity and the texts in which it is realized. It reflects the image and way of thinking, self-perception of the subjects of culture. Natural language is proved to be the main means of identity objectification.

Key words: language, culture, communication, dialogue, identity, subject of culture, symbolary of linguaculture.

Citation. Tokarev G.V. Pragmatic Nature of Identity as a Linguacultural Category. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 3, pp. 186-194. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.15>

УДК 81'1:008
ББК 81.006.3

Дата поступления статьи: 16.12.2023
Дата принятия статьи: 19.03.2024

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

Григорий Валериевич Токарев

Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению феномена идентичности в прагматическом аспекте. Установлено, что в процессе коммуникации обнаруживается и формируется принадлежность субъекта к тому или иному сообществу. Идентичность представляет собой результат коммуникации, заключающейся в поиске ответа на вопрос, кто я. Она объективирована в диалоге, порождающем ситуацию значимости участвующих в

нем субъектов культуры, актуализирующем их интегральные и дифференциальные признаки, которые учтены в ходе идентификации. Выявлено, что в процессе формирования идентичности используются два вида коммуникации: внешний (модель Я – ОН) и внутренний (модель Я – Я). Реализуя внешнюю модель, лингвокультурная общность передает информацию о себе другим субъектам культуры посредством эмблем и брендов. Данный способ передачи информации предполагает формирование мнения о себе в сознании иных субъектов культуры. Внутренняя модель коммуникации связана с передачей информации самому себе и может быть рассмотрена в диахроническом и синхроническом аспектах. Ведущими средствами автокоммуникации выступают эталоны, символы, меры, обереги. Лингвокультура, реализуя обе модели, может генерировать или заимствовать новые принципы, ценности, симболярий для их выражения, что приводит к трансформации идентичности. Определено, что при описании прагматической сущности идентичности значимы представления субъекта культуры о себе, о другом, содержание целеустановок, культурный код, сообщение. Культурный код воплощается в симболярии идентичности и текстах, отражая образ и способ мышления, самоощущение субъекта культуры. Показано, что естественный язык – главное средство объективации идентичности.

Ключевые слова: язык, культура, коммуникация, диалог, идентичность, субъект культуры, симболярий лингвокультуры.

Цитирование. Токарев Г. В. Прагматическая природа идентичности как лингвокультурологической категории // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 186–194. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.15>

Введение

Антропоцентрический характер лингвистики конца XX в. стимулировал появление синкретичных направлений, одним из которых является лингвокультурология, призванная изучать особенности интеракции языка и культуры [Телия, 1996, с. 216]. Развитие этой области знания было связано как с генерированием собственного понятийного аппарата, так и его заимствованием из других наук. Одним из базовых междисциплинарных понятий в теоретическом аппарате лингвокультурологии стала идентичность. Интересно, что оно не вошло в поле зрения многих лингвокультурологических школ, несмотря на то, что воплощает суть диалога языка и культуры. Лингвокультурологическую интерпретацию данного понятия находим в трудах В.И. Карасика. По мнению исследователя, идентичность «представляет собой осознание своей принадлежности к той или иной группе социума и вытекающие отсюда установки мировосприятия и коммуникативного поведения» [Карасик, 2020, с. 285]. Как следует из приведенной цитаты, В.И. Карасик трактует идентичность как феномен ментального и знакового измерения культуры. М.А. Лаппо определяет идентичность как процесс, в котором действуют разнонаправленные тенденции: с одной стороны – выделиться, с другой – примкнуть к своим [Лаппо, 2013, с. 14]. Акцентируя внимание на процессуальном аспекте идентичности,

точнее было бы использовать два понятия: идентификация и идентичность. Понятием культурной идентификации оперирует в своих трудах В.В. Красных, толкуя его как «процесс и результат установления культурной принадлежности» [Красных, 2016, с. 132]. Как видим, в предложенной дефиниции исследователь объединяет процессуальный и результативный аспекты. В нашем понимании термин идентификация указывает на категоризацию признаков в семиотической матрице «свой vs. чужой», идентичность – на результат этого процесса. Культурная идентичность – это объективированная система представлений, связанных с самоопределением того или иного субъекта культуры. Идентичность – это не только знания субъекта о самом себе, но и воплощающие их знаки. Из этого тезиса следует, что идентичность, как и культура, имеет два измерения: ментальное и знаковое. В предложенном нами определении идентичности важное место занимает категория субъекта культуры. К.М. Хоруженко объясняет ее как «носителя предметно-практической деятельности и познания... источник активности, направленный на объект» [Хоруженко, 1997, с. 469]. Понятие субъекта культуры включает как отдельную личность, так и социумы, «я-идентичность» и «мы-идентичность» (о терминах см.: [Ассман, 2004, с. 140]), которые могут быть определены по разным признакам: этническому, национальному и др. Субъект культуры генерирует культурные смыслы или

использует приемлемые для себя знания, которые были порождены другими субъектами, осуществляет принятые в данном культурном сообществе культурные практики. Представления, формирующие ментальное пространство идентичности, или тезаурус [Телия, 1999, с. 20], включают систему ценностей, норм, запретов, эталонов, стандартов и имеют стереотипный характер. Данные знания объективируются совокупностью знаковых средств, включенных в культурный код и символарий идентичности. Главным средством идентификации субъекта культуры является естественный язык, поскольку он служит его саморефлексии и стремлению отличаться от других субъектов. Человек, как правило, идентифицирует себя в разных аспектах, на основании чего можно говорить о возрастной, гендерной, профессиональной, конфессиональной, национальной, территориальной и др. видах идентичности личности [Кон, 1984, с. 28–29]. Субъект культуры вбирает в себя одновременно несколько типов идентичности. Она представляет собой стабильную структуру, отражающую архетипы человечества в целом и отдельного народа.

Изучение лингвокультурологических категорий осуществлялось прежде всего в когнитивно-семантическом аспекте. Полагаем, что расширению представлений об идентичности как лингвокультурологической категории будет способствовать ее рассмотрение в координатах прагматики, что соответствует ее природе, предполагающей передачу информации. Как заметил В.В. Воробьев, «сегодня настало время коммуникативной лингвокультурологии – авангардного научного направления» [Воробьев, 2024, с. 18]. Итак, целью настоящего исследования является описание идентичности как лингвокультурного феномена в прагматическом аспекте.

Материал и методы

Материалом исследования стали разнообразные культурно маркированные знаки русского языка, в том числе выполняющие роль символов, эталонов, оберегов, брендов, эмблем. Выбор единиц обусловлен их семантико-прагматическими особенностями, воплощенными в способности вербализатора выс-

тупать средством идентичности. Анализу были подвергнуты лингвокультурные единицы общенародной и региональной (тульской) культуры, коррелирующие с разными культурными стратами.

Для достижения поставленной в работе цели применялись методы описания и семантико-прагматического анализа. Интерпретации подвергнуты отдельные компоненты единицы, а также ее культурно-коммуникативное назначение.

Результаты и обсуждение

Отправной точкой нашего исследования является тезис о том, что в основе идентичности лежит процесс коммуникации. Х. Куссе заявляет: «Культура – это коммуникация...» [Куссе, 2022, с. 53]. По законам существования знаковых систем, свойства целого могут быть экстраполированы на частное. Отсюда идентичность – составляющую системы культуры – можно рассматривать как коммуникативный процесс. В.В. Красных дает многоаспектное определение коммуникации: «процесс взаимодействия (с целью воздействия), в котором принадлежность человека тому или иному сообществу, с одной стороны, формируется, с другой – проявляется; это канал, среда и “средство-способ” бытия и трансляции культуры и лингвокультуры; канал, среда и инструмент формирования, проявления и реализации личности; инструмент формирования, сохранения, изменения сообщества» [Красных, 2016, с. 131]. Для рассмотрения идентичности как коммуникативного феномена в приведенной дефиниции важно, что в процессе коммуникации объективируется и формируется принадлежность субъекта к тому или иному сообществу, то есть осуществляется его идентификация с ним. Процесс коммуникации составляет онтологическую основу идентичности, заключающуюся в поиске ответа на вопрос, кто я. Идентичность проявляет себя в диалоге, форме коммуникации, предполагающей говорящего (в широком понимании этого слова) и слушающего, себя и другого. Данные элементы диалога порождают ситуацию значимости участвующих в нем субъектов культуры, выделяют в них интегральные и дифференциальные признаки, кото-

рые будут учтены в ходе идентификации. Н.Д. Арутюнова отмечала, что человек «может означать, только если Другой способен воспринимать. <...> Благодаря существованию Другого человек способен вынести суждение о себе самом как об объекте. <...> Другой открывает мне меня» [Арутюнова, 1999, с. 647].

Для рассмотрения идентичности в прагматическом аспекте обратимся к модели коммуникации, предложенной Р. Якобсоном и доработанной Ю.М. Лотманом. Лотман говорил о двух видах коммуникации: внешней, предполагающей передачу информации от одного субъекта другому (модель Я → Он), и внутренней, автокоммуникации, связанной с передачей информации самому себе. Исследователь писал: «В системе “Я-ОН” переменными оказываются обрамляющие элементы модели... а постоянными – код и сообщение. Сообщение и содержащаяся в нем информация константны, меняется только носитель информации. В системе “Я-Я” он остается тем же, но сообщение в процессе коммуникации переформулируется и приобретает новый смысл» [Лотман, 2000, с. 165]. Оба вида коммуникации воплощают природу идентичности.

Реализация внешней модели заключается в том, что лингвокультурная общность передает информацию о себе другим субъектам культуры. В качестве основных культурно ориентированных средств данного процесса выступают эмблемы, бренды. Данные знаки, которые мы рассматриваем как разновидности лингвокультурных единиц, служат самопрезентации той или иной культуры, играют роль ее своеобразных меток [Токарев, 2023, с. 36]. Так, номинации Тулы *самоварная / пряничная / оружейная столица* выступают в роли эмблем и сообщают другим субъектам культуры, что Тула – главный город в России по производству соответствующей продукции. Миссией данных лингвокультурных знаков является выделение Тулы из других административных центров России, обеспечение ее узнаваемости. Номинации *тульский сахар, белевская пастила, филимоновская игрушка* и др. выполняют функцию брендов, миссия которых заключается в презентации объектов, свойственных данному региону. Внешний способ передачи информации обусловлен определением места говорящего в коммуникатив-

ном пространстве, формированием мнения о себе в сознании иных субъектов культуры.

Внутренняя модель коммуникации заключается в передаче информации самому себе. Характеризуя автокоммуникацию, Ю.М. Лотман писал: «В процессе такой автокоммуникации происходит переформирование самой личности, с чем связан весьма широкий круг культурных функций от необходимого человеку в определенных типах культуры ощущения своего отдельного бытия до самопознания и аутопсихотерапии» [Лотман, 2000, с. 172]. Для данного вида коммуникации актуальна хронологическая характеристика, при которой процесс обмена информацией может быть рассмотрен в диахроническом и синхроническом аспектах. В первом случае знания передаются от поколения к поколению одной лингвокультурной группы. Такая коммуникация обеспечивает стабильность ментальных структур, формирующих идентичность сообщества, следование сложившимся ценностям и архетипам. Передача информации происходит прежде всего посредством массива прецедентных текстов культуры. Так, представления о туляке как мастеровом человеке транслируются в сказе «Левша» Н.С. Лескова, очерках «Нравы Растеряевой улицы» Г.И. Успенского, в «Легендах о мастере Тычке» И. Панькина и других прецедентных текстах. Во втором случае автокоммуникация осуществляется в актуальном времени и служит укреплению сформированных автостереотипов. Данный вид коммуникации актуализирует регулятивную функцию идентичности, обеспечивая нормативность культуры. Ведущими средствами, используемыми в регуляции жизнедеятельности своих, выступают эталоны, символы, меры, обереги [Токарев, 2023, с. 36]. Например, символы выражают принципы, значимые и понятные данному субъекту культуры. Грабли символизируют ошибку, возмездие за беспечность, самоуверенность, невнимательность (*стать на одни и те же грабли*), каравай – богатство (*заработанный ломоть лучше краденого каравай*), березовая каша – наказание (*здать березовой каши*). Символы и обереги воплощают линии поведения, актуальные для определенного лингвокультурного сообщества. Так, в сообществе русских людей нежелательно хвастаться своими успеха-

ми, рассказывать о благополучии, поэтому принято использовать обереги, помогающие уйти от прямого ответа на вопрос: *как дела: дела идут, контора пишет; как в Польше: у кого телега, тот и пан; делов, как дров; как сажка бела; дела у прокурора* [Бондаренко, 2013, с. 128–130]. Приведенные выше лингвокультурные единицы включены в актуальный прагматический симболярный, которым пользуются свои в обыденной жизни. Они являются средствами кода культуры.

К.М. Хоруженко в числе существенных признаков идентичности называет устойчивость [Хоруженко, 1997, с. 161], что подтверждается стабильностью ее симболярия и тезауруса. Однако культура, реализуя обе рассмотренные модели, может импортировать новые принципы, ценности, генерировать или заимствовать иной симболярный для их выражения, то есть искать новую идентичность. В этом случае происходит ее трансформация. Так, в начале XX в. в русской культуре меняются идеологемы, актуализируется новый симболярный, что находит отражение в процессах антропонимизации, топонимизации, неологизации. Поиск иной идентичности воплощается в популяризации новых имен собственных: *Тракторина, Вилена, Даздраперма* и т. д., в переименовании географических объектов: так, в Туле, как и других городах Советской России, появились другие названия старых улиц – *Коммунаров, Ленина, Энгельса, Маркса, Либкнехта* и др. Поиск новой идентичности осуществлялся в период пандемии COVID-19. «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» включает около 3 500 слов, которые отражают когнитивный поиск субъекта культуры в новых условиях, тактики самосмысления [Словарь русского языка коронавирусной эпохи, 2021]: *безмасочник, бесперчаточник, гречник* ‘о том, кто в период пандемии поддается панике и закупает впрок товары первой необходимости и продукты длительного хранения’, *зум-русалка* ‘об участнике сеанса видео-конференц-связи (обычно с использованием сервиса Zoom), сочетающем в одежде элементы разных стилей: официального – для видимой на экране части, неофициального – для невидимой на экране части’. Степень такой культурной реновации, как показывает история, может быть разной, но

не абсолютной, поскольку культурная память бережно хранит аксиологию предыдущих культурных парадигм. Приведенные примеры подтверждают, что естественный язык является основным средством объективации процессов самоидентификации.

В коммуникативном аспекте процесс идентификации может быть представлен как комплекс содержательных составляющих [Пеше, 1999, с. 322]. Применительно к объекту нашего исследования актуальны следующие их виды:

1) представления субъекта культуры о себе. Они содержат информацию, отвечающую на вопросы: кто я таков? что я хочу, чтобы знали обо мне? Данный блок формируют автостереотипы, то есть устойчивые знания субъекта о себе;

2) представления субъекта о другом субъекте культуры (кто он таков, чтобы я ему передавал информацию о себе? что он уже может знать обо мне?);

3) целеустановки (зачем я это сообщаю другому? что я хочу, чтобы он знал?);

4) культурный код (система принципов, способов и средств передачи информации);

5) содержание сообщения.

Остановимся на каждой содержательной составляющей.

Представления о себе объективируются разнообразными средствами, среди которых особое место занимают эталоны лингвокультуры – единицы, воплощающие автостереотипы, стандартные мнения о собственных свойствах и качествах [Токарев, 2021, с. 17]. Среди эталонов можно выделить единицы, выражающие представления о внешнем виде человека, его физиологических особенностях (зрение, слух, рост, вес), социальной оценке, психологических способностях: *осетр* ‘важное лицо, персона, особа’, *квашня* ‘медлительный, малоподвижный человек’, *колтак* ‘проstack, недалекий, недогадливый человек’. Попытки обобщить автостереотипы можно найти в специальных словарях. Так, В.Г. Крысько в «Этнопсихологическом словаре» воссоздает стереотипный портрет русского человека, в котором исследователь выделяет следующие черты: человеколюбие и терпимость, высокая гражданская солидарность, готовность прийти на помощь, общительность, доб-

рожелательность, храбрость, мужество, неприхотливость и старательность, трудолюбие, гостеприимство, леность, несобранность, прожектерство, неумение, а иногда и нежелания доводить начатое дело до конца [Крысько]. Т.В. Углова подчеркивает связь автостереотипов с национальной концептосферой: «...этнический автостереотип является проявлением национального самосознания» [Углова, 2017, с. 62]. Тем самым эталоны – результат сапопостижения, самоанализа, самохарактеризации. В.В. Ильюшкин, говоря о схематичном содержании автостереотипов, считает, что они всегда формируют положительных образ субъекта культуры: «Автостереотипы – это характеристики собственной этнической группы, осознающиеся в виде специфических образов, мнений, суждений, оценок, относимых к своей общности, ее представителям, имеющие тенденцию, прежде всего к благоприятной оценке. При этом формируется упрощенный образ своего народа, щедро наделенного умом, трудолюбием храбростью, миролюбием и так далее» [Ильюшкин, 2015, с. 27]. С этим утверждением нельзя полностью согласиться. Так, эталоны выражают не только положительную, но и отрицательную оценочность: *столб* ‘недалекий, тупой и бесчувственный человек’, *кукушка* ‘женщина, бросившая детей’, *обсенок в поле* ‘человек второго сорта’ и др. Как следует из примеров, в объективации автостереотипов огромную роль играет образное основание, отражающее культурный опыт лингвокультурной группы.

Эталоны можно отнести к единицам преимущественно «внутреннего пользования» культуры (за исключением заимствованных, интернациональных единиц), поскольку они создаются внутри нее и нужны в первую очередь «своим» для самопрезентации. «Чужие» могут допустить ошибочную их интерпретацию. Так, заяц и медведь в русской культуре объективируют иные эталоны, нежели в немецкой и т. п. Особую группу представляют прецедентные имена, введенные в культурный фокус повседневным, литературным, общественно-политическим дискурсами. Более четко идентифицирующая миссия данных средств просматривается в региональных культурах. Так, фамилии Белоусова, Гумилевской, Дрейера, Смиловича – выдающихся тульских врачей – стали пре-

цедентными в локальной субкультуре и служат выражению представлений об эталоне интеллигента, преданного своему делу. Представителями иных региональных субкультур эти имена не прочитываются как знаковые. Непонимание культурных смыслов также воплощает коммуникативную природу идентичности в ее дефектном, неуспешном варианте. Многообразие знаний аспектуализируется в виде типажей той или иной лингвокультуры [Аксиологическая лингвистика..., 2005]. Так, в недрах тульской культуры был сформирован типаж рабочего Тульского оружейного завода – казюка, считавшего себя хозяином города. Механизмом функционирования культуры является постоянная идентификация знания, его сканирование на наличие признаков своего, аспектуализация в разных семиотических образованиях. Представления о себе воплощаются в публицистических, философско-этических текстах, в которых осуществляется попытка унификации представлений о национальном характере, например труд Д.С. Лихачева «Заметки о русском», Н.О. Лосского «Характер русского народа», А.Н. Толстого «Русский характер» и др. Знания о себе формируют тезаурус, таксоны которого выступают в роли пресуппозиций коммуникативных практик.

Характеризуя представления субъекта о другом субъекте культуры, следует отметить, что они оценочны. Несмотря на то, что многие историки, филологи, культурологи отмечают такие черты характера русского человека, как толерантность, открытость иным культурам, добрососедство и подобные, многие эталонные номинации чужого включают в состав семем пейоративные семы, что обусловлено исторической памятью, восприятием своего образа жизни как правильного. При этом субъект русской лингвокультурной общности демонстрирует доброжелательность и желание гармонично сосуществовать. В качестве подтверждающего этот тезис примера можно привести стихотворение А. Блока «Скифы»:

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно – старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем – братья!

Основной целеустановкой идентификации становится объяснение собеседнику, кем яв-

ляется адресант, в чем его особенности. Данная целеустановка определяет содержание информации.

Базой идентичности выступает культурный код. В нашем понимании он играет роль «принципа образования, использования и интерпретации знаков различных языков культуры, извлеченных из текстов» [Токарев, 2021, с. 53]. Он включает систему знаний о мире, принципы и способы их категоризации и алгоритмы интерпретации. Культурный код находит свое выражение в симболярии [Телия, 1999, с. 21] идентичности и текстах, в которых она воплощается. Он отражает образ и способ мышления, самоощущения субъекта культуры.

Заключение

Итак, идентичность может быть рассмотрена как лингвокультурологическая категория в координатах прагматики. В основе данного явления лежит процесс коммуникации, включающий, с одной стороны, самопостижение субъекта культуры, с другой – передачу информации о себе другим субъектам культуры. Данный процесс может протекать по модели внешней или внутренней коммуникации. Каждый из заданных процессов использует приемлемые лингвокультурные средства. Внешняя коммуникация – эмблемы, бренды, внутренняя – эталоны, символы, обереги. Идентичность имеет преимущественно стабильный характер, что объясняется приверженностью ее носителя одному культурному коду и тезаурусу. Однако оба вида коммуникации допускают трансформацию, в ходе которой лингвокультура меняет идеологию, использует новый симболярный, ищет иную идентичность. Процесс идентификации может быть представлен в виде составляющих, среди которых можно выделить представления субъекта о себе, о другом, цели коммуникации, культурный код и содержание сообщения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксиологическая лингвистика. Лингвокультурные типы : сб. науч. тр., 2005 / под ред. В. И. Карасика. Волгоград : Парадигма. 310 с.
- Арутюнова Н. Д., 1999. Язык и мир человека. М. : Яз. рус. культуры. 896 с.
- Ассман Я., 2004. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Яз. слав. культуры. 368 с.
- Бондаренко В. Т., 2013. Ответные реплики в русской диалогической речи. Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 339 с.
- Воробьев В. В., 2024. Коммуникативная лингвокультурология – авангардное направление в XXI веке // Лингвокультурологические чтения : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., провед. в рамках I Междунар. лингвокультурол. форума «Лингвокультурология и коммуникативная реальность XXI века: новые вызовы – новое осмысление» (Москва, РУДН, 19–20 октября 2023 г.) / под ред. В. В. Воробьева, М. Л. Новиковой, Д. С. Скнарева. М. : РУДН. С. 17–22.
- Ильющкин В. В., 2015. Автостереотипы как проявление национальных и этнических стереотипов // Academy. № 1 (1). С. 27–28.
- Карасик В. И., 2020. Языковые картины бытия. М. : Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. 468 с.
- Кон И. С., 1984. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М. : Политиздат. 336 с.
- Красных В. В., 2016. Словарь и грамматика лингвокультуры. М. : Гнозис. 496 с.
- Крысько В. Г. Этнопсихологический словарь. URL: <http://cult-lib.ru>
- Куссе Х., 2022. Культуроведческая лингвистика. М. : Гнозис. 536 с.
- Лаппо М. А., 2013. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. Новосибирск : Изд-во НГПУ. 180 с.
- Лотман Ю. М., 2000. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб. 704 с.
- Пеше М., 1999. Контент-анализ и теория дискурса // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М. : Прогресс. С. 302–336.
- Словарь русского языка коронавирусной эпохи, 2021. СПб. : ИЛИ РАН. 550 с.
- Телия В. Н., 1996. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Яз. рус. культуры. 287 с.
- Телия В. Н., 1999. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М. : Яз. рус. культуры. С. 13–24.
- Токарев Г. В., 2021. Лингвокультурный симболярный: квазисимволы. Тула : ТППО. 114 с.
- Токарев Г. В., 2023. Проблемы изучения симболярной региональной идентичности. Тула : ТППО. 168 с.
- Углова Т. В., 2017. Этнический автостереотип как проявление национального самосознания

// Вестник Новгородского государственного университета. № 1 (99). С. 61–64.

Хоруженко К. М., 1997. Культурология : энцикл. слов. Ростов н/Д : Феникс. 640 с.

REFERENCES

- Karasik V.I., ed., 2005. *Aksiologicheskaya lingvistika. Lingvokulturnye tipazhi: sb. nauch. tr.* [Axiological Linguistics. Linguistic and Cultural Types. Collection of Scientific Works]. Volgograd, Paradigma Publ. 310 p.
- Arutyunova N.D., 1999. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ. 896 p.
- Assman Ya., 2004. *Kulturnaya pamyat. Pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokikh kulturakh drevnosti* [Cultural Memory. Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 368 p.
- Bondarenko V.T., 2013. *Otvetye repliki v russkoy dialogicheskoy rechi* [Retaliatory Remarks in Russian Dialogical Speech]. Tula, Izd-vo TGPU im. L.N. Tolstogo. 339 p.
- Vorobyov V.V., 2024. Kommunikativnaya lingvokulturologiya – avangardnoe napravlenie v XXI veke [Communicative Linguoculturology as an Avant-Garde Trend in the 21st Century]. Vorobyov V.V., Novikova M.L., Sknareva D.S., eds. *Lingvokulturologicheskie chteniya: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., proved. v ramkakh I Mezhdunar. lingvokulturolog. foruma «Lingvokulturologiya i kommunikativnaya realnost XXI veka: novye vyzovy – novoe osmyslenie» (Moskva, RUDN, 19–20 oktyabrya 2023 g.)* [Linguistic and Cultural Readings. Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference Held Within the Framework of the 1st International Linguistic and Cultural Forum “Linguoculturology and Communicative Reality of the 21st Century: New Challenges – New Understanding” (Moscow, RUDN, October 19–20, 2023)]. Moscow, RUDN, pp. 17-22.
- Ilyushkin V.V., 2015. Avtostereotipy kak proyavlenie natsionalnykh i etnicheskikh stereotipov [Autostereotypes as a Manifestation of National and Ethnic Stereotypes]. *Academy*, no. 1 (1), pp. 27-28.
- Karasik V.I., 2020. *Yazykovye kartiny bytiya* [Pagan Paintings of Being]. Moscow, In-t rus. yaz. im. A.S. Pushkina Publ. 468 p.
- Kon I.S., 1984. *V poiskakh sebya. Lichnost i eyo samosoznanie* [In Search of Myself. Personality and Its Self-Awareness]. Moscow, Politizdat. 336 p.
- Krasnykh V.V., 2016. *Slovar i grammatika lingvokultury* [Dictionary and Grammar of Linguoculture]. Moscow, Gnozis Publ. 496 p.
- Krysko V.G. *Etnopsikhologicheskii slovar* [Ethnopsychological Dictionary]. URL: <http://cult-lib.ru>
- Kusse H., 2022. *Kulturovedcheskaya lingvistika* [Cultural Linguistics]. Moscow, Gnozis Publ. 536 p.
- Lappo M.A., 2013. *Samoidentifikatsiya: semantika, pragmatika, yazykovye resursy* [Self-Identification: Semantics, Pragmatics, and Language Resources]. Novosibirsk, Izd-vo NGPU. 180 p.
- Lotman Yu.M., 2000. *Semiosfera* [The Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ. 704 p.
- Peshyo M., 1999. Kontent-analiz i teoriya diskursa [Content Analysis and Discourse Theory]. *Kvadratura smysla. Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [The Quadrature of Meaning. The French School of Discourse Analysis]. Moscow, Progress Publ., pp. 302-336.
- Slovar russkogo yazyka koronavirusnoy epokhi* [Dictionary of the Russian Language of the Coronavirus Era], 2021. Saint Petersburg, ILI RAN. 550 p.
- Teliya V.N., 1996. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskiy aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ. 287 p.
- Teliya V.N., 1999. Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kultury [The Primary Tasks and Methodological Problems of the Study of the Phraseological Composition of Language in the Context of Culture]. *Frazeologiya v kontekste kultury* [Phraseology in the Context of Culture]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ., pp. 13-24.
- Tokarev G.V., 2021. *Lingvokulturnyy simbolariy: kvazisimvoly* [Linguistic and Cultural Symbolary: Quasi-Symbols]. Tula, TPPO Publ. 114 p.
- Tokarev G.V., 2023. *Problemy izucheniya simbolariya regionalnoy identichnosti* [Problems of Studying the Symbolary of Regional Identity]. Tula, TPPO Publ. 168 p.
- Uglova T.V., 2017. Etnicheskii avtostereotip kak proyavlenie natsionalnogo samosoznaniya [Ethnic Autostereotype as a Manifestation of National Identity]. *Vestnik Novgorodskogo*

gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University], no. 1 (99), pp. 61-64.

Khoruzhenko K.M., 1997. *Kulturologiya: entsikl. slov.* [Cultural Studies. Encyclopedic Dictionary]. Rostov-on-Don, Feniks Publ. 640 p.

Information About the Author

Grigory V. Tokarev, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Document Studies and Stylistics of the Russian Language, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Prosp. Lenina, 125, 300026 Tula, Russia, grig72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Информация об авторе

Григорий Валериевич Токарев, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, просп. Ленина, 125, 300026 г. Тула, Россия, grig72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.16>

UDC 811.161.1'367
LBC 81.411.2-22

Submitted: 30.11.2023
Accepted: 19.03.2024

**APPOSITIVE COMBINATIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE:
CONCEPT SCOPE AND SYNTACTIC CHARACTERISTICS**

Elena G. Sidorova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The concept of syntactic connection is fundamental for presenting the syntactic structure of any language. Linguists have described in detail the dichotomy of coordination and subordination, both from the point of view of the semantic relationships between the components of syntactic units and of the use of linguistic means to connect these components. Nevertheless, some syntactic structures have not yet received a comprehensive grammatical description. The article is devoted to the analysis of constructions with nouns being in appositive relations, as their combinations are interpreted inconsistently in modern scientific and educational literature. It has been established that the units in appositive constructions are connected on the basis of logical subordination, which appears in two variants: if the equal case ending agreement for both nouns is required in the entire paradigm, the linkage is characterized as agreement (without distributing it into complete and incomplete), if the case ending in entire paradigm is absent, it is viewed as a case (nominal) adjunction. The dependent component in parallel-case combinations of common nouns is considered to be the one that represents another name or an additional, including evaluative, attribute to the same referent that is named by the word being defined. In appositive combinations of a proper name and a common noun, the dependent component is noted to be the one expressed by a proper name of any type. The syntactic function of the dependent components in appositive phrases is suggested to be characterized without employing the concept of apposition, thus treating them as coordinated or uncoordinated attributes.

Key words: syntactic connection, subordination, agreement, adjunction, apposition, appositive relations.

Citation. Sidorova E.G. Appositive Combinations in the Russian Language: Concept Scope and Syntactic Characteristics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 3, pp. 195-207. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.16>

УДК 811.161.1'367
ББК 81.411.2-22

Дата поступления статьи: 30.11.2023
Дата принятия статьи: 19.03.2024

**АППОЗИТИВНЫЕ СОЧЕТАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ОБЪЕМ ПОНЯТИЯ И СИНТАКСИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**

Елена Геннадьевна Сидорова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Понятие синтаксической связи является основополагающим для изучения синтаксического строя любого языка. Лингвистами подробно описана дихотомия сочинения и подчинения как в плане выражаемых с их помощью смысловых отношений между компонентами синтаксических единиц, так и в плане использования языковых средств для осуществления связи этих компонентов. Тем не менее отдель-

ные структуры до сих пор не получили исчерпывающей грамматической характеристики. Статья посвящена анализу сочетаний существительных в конструкции с приложением, трактующихся в современной научной и учебной литературе непоследовательно. Установлено, что аппозитивные сочетания соединяются на основе подчинения, выступающего в двух разновидностях: при наличии уподобления в падеже обоих существительных во всей парадигме связь квалифицируется как согласование (без деления на полное и неполное), а при отсутствии уподобления в падеже во всей парадигме – как падежное (именное) примыкание. Предложено считать зависимым компонентом в параллельнопадежных сочетаниях нарицательных существительных тот, который представляет собой инонаименование либо дополнительный, в том числе оценочный, признак того же референта, который назван определяемым словом. В аппозитивных сочетаниях имени собственного и нарицательного зависимым компонентом признается тот, который выражен именем собственным любого типа. Синтаксическую функцию зависимых компонентов аппозитивных словосочетаний предложено рассматривать без опоры на понятие приложения – как согласованные или несогласованные определения.

Ключевые слова: синтаксическая связь, подчинение, согласование, примыкание, приложение, аппозитивные отношения.

Цитирование. Сидорова Е. Г. Аппозитивные сочетания в русском языке: объем понятия и синтаксическая характеристика // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 195–207. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.16>

Введение

Русский синтаксис стал объектом постоянного изучения отечественными лингвистами, начиная с выхода «Российской грамматики» М.В. Ломоносова, однако до сих пор нельзя утверждать, что синтаксическая система русского языка описана полностью. Недостаточно охарактеризованы и существующие виды соединения компонентов синтаксических единиц, хотя синтаксическая связь является, по словам А.Е. Кибрика, «фундаментальным понятием, лежащим в основе всякого описания синтаксических структур высказываний» [Кибрик, 1977, с. 161]. Современные ученые, характеризуя сочинение и подчинение, говорят о существовании «синтаксических связей, не укладывающихся в “прокрустово ложе” традиционной типологии» [Патроева, 2008, с. 119].

Одним из наиболее дискуссионных вопросов в синтаксисе русского языка можно назвать квалификацию связи двух существительных в конструкции с приложением. Современные исследования обозначенных конструкций [Золтнер, 2021; 2022; Ким, 2018; 2023; Рыженко, 2015 и др.] показывают, что «лингвистам так и не удалось прийти к “единому знаменателю” в отношении как терминологии, предлагавшейся для наименования ставших предметом дискуссии связей, так и их характера и средств выражения» [Патроева, 2008, с. 118–119].

На основе анализа различных точек зрения представим авторское видение как объема самого понятия «аппозитивное сочетание», так и синтаксических характеристик сочетаний, компоненты которых находятся в аппозитивных (однопорядковых) отношениях.

Материал и методы

Объектом данной статьи избраны сочетания существительных в конструкции с приложением, находящиеся друг с другом в аппозитивных отношениях, когда оба компонента соотносятся с одним и тем же референтом, а предметом – статус таких сочетаний, определяемый в современной научной и учебной литературе. Установление специфики указанных структур предполагает анализ дефиниций термина «приложение», характеристики способов синтаксической связи компонентов таких словосочетаний и их функции в предложении.

Исследование проводилось с использованием общенаучных методов анализа и синтеза, а также специализированного метода логико-синтаксического анализа.

Результаты и обсуждение

Традиционно приложение в научной и учебной литературе трактуется как «определение, выраженное именем существительным, стоящим в том же падеже, что и опре-

деляемое слово» [Валгина, 2000, с. 119] (аналогичные трактовки см.: [Ломов, 2007, с. 267; Максимов, Одеков, 1999, с. 204]). Однако такие формулировки сужают рассматриваемое понятие и не позволяют корректно квалифицировать сочетания типа *с броненосца «Потемкин», у Владимира Красное Солнышко, в романе «Идиот», на озере Байкал*. Таким образом возникает противоречие между дефиницией и речевым материалом, что проявляется, например, в «Словаре-справочнике по грамматике русского языка», составленном В.И. Максимовым и Р.В. Одековым. Несмотря на признание обязательной согласованности приложения и определяемого слова, закрепленной в дефиниции, авторы тем не менее констатируют отсутствие согласования компонентов, если приложение – название художественного произведения, предприятия и т. п., заключенное в кавычки [Максимов, Одеков, 1999, с. 204].

Для того чтобы избежать логического противоречия, связанного с квалификацией приложения через понятие **согласованного** определения, а затем признать возможность отсутствия согласования между существительными в конструкции с приложением, Е.С. Скобликова оба этих случая грамматической связи рассматривает как реализацию определительных отношений, поскольку, по ее мнению: «Определение-существительное, которое или согласуется в падеже с определяемым словом, или употребляется в форме именительного падежа – независимо от того, в каком падеже стоит определяемое слово: *врач-терапевт, у врача-терапевта, к врачу-терапевту; газета “Труд”, из газеты “Труд”, по газете “Труд”, в газете “Труд”* и т. д.» [Скобликова, 2006, с. 217].

Г.И. Кустова, пытаясь избежать противоречий с наличием / отсутствием согласования между компонентами рассматриваемых сочетаний, с одной стороны, и стремясь сократить объем самой дефиниции, с другой стороны, предлагает такую формулировку: «Приложение – это определение, выраженное существительным или субстантивным словосочетанием» [Кустова, Мишина, Федосеев, 2007, с. 78]. Однако единственный дифференциальный признак приложения – морфологическая представленность – не позволяет от-

граничить его от субстантивных определений, например: *Маша купила юбку в клетку; Игра в волейбол нравилась нам с детства; Бабушка подарила бусы из янтаря*.

Обращает на себя внимание дефиниция приложения, представленная М.С. Михайловой во 2-м издании энциклопедии «Русский язык» и «Краткой русской грамматике»: «Приложение – вид согласования, при котором в роли определяемого и определяющего выступают существительные» [Михайлова, 1997, с. 378] (эта же точка зрения отражена и в «Краткой русской грамматике» [Краткая русская грамматика, 2002, с. 400]). Здесь отсутствует соотнесенность приложения с каким-либо членом предложения, оно характеризуется как тип синтаксической связи между двумя существительными, а не понятие определяющего компонента словосочетания. Полагаем, что отождествление синтаксической функции (приложение) и вида синтаксической связи (согласование) вряд ли целесообразно ввиду их неоднородности. Кроме того, в самой словарной статье, посвященной приложению, приводятся многочисленные примеры отсутствия согласования между определяемым и определяющим существительными (*врач по фамилии Иванов, к деревне Белкино, у театра «Юность»* и др.).

В учебнике «Синтаксис современного русского языка» представлена точка зрения В.П. Казакова на приложение как разновидность определения, «которое, характеризуя предмет, дает ему другое название и утверждает наличие у него какого-либо дополнительного признака» [Казаков, 2013, с. 122]. Данная дефиниция также отражает только один дифференциальный признак приложения – его семантику, при этом в ней не содержится указания ни на способ его выражения, ни на вид синтаксической связи с определяемым существительным.

Несколько подробнее, чем В.П. Казаков, раскрывает сущность приложения М.А. Шелякин, по мнению которого, «приложение – особый вид определения: оно выражается существительными и характеризует предмет, давая ему уточняющие или дополнительные названия» [Шелякин, 2000, с. 287]. Однако и в этом случае оказывается невозможным разграничение приложений и несогласованных

определений (*Игра в волейбол нравилась нам с детства*), поскольку выделенная словоформа является именем существительным и характеризует предмет (*игра*), давая ему уточняющее название.

П.А. Лекант не разделяет традиционную точку зрения: «значение приложения трудно подвести под понятие признака, даже если в роли приложения употребляется существительное с экспрессивно-качественным, характеризующим содержанием» [Лекант, 2004, с. 186]. Ученый предлагает иную формулировку: «второстепенный член приложение включает в себе второе наименование предмета, обозначенного определяемым существительным: *студент-филолог*» [Лекант, 2004, с. 185], именно поэтому параграф, посвященный приложению, представлен в цитируемом учебном пособии в одном ряду с определением, дополнением и обстоятельством. На наш взгляд, признаковость приложения, сближающая его с традиционным определением (согласованным или несогласованным), очевидна в сочетаниях типа *город-герой, красавец мужчина, женщина-космонавт, чудо-мастер, очки-велосипед, в газете «Маяк», на озере Байкал*.

О.А. Крылова предлагает полипризнаковую дефиницию, в которой, во-первых, устанавливает синтаксический статус приложения (второстепенный член предложения, разновидность определения); во-вторых, называет его морфологическую основу (имя существительное); в-третьих, указывает тип синтаксических отношений, возникающих между двумя существительными (аппозитивные отношения); в-четвертых, формулирует семантические признаки приложения (характеристика по национальности, возрасту, роду занятий и т. д.) [Крылова, 2001, с. 629]. Однако при всей полипризнаковости этой дефиниции в ней отсутствует указание на вид связи, на основе которого соединяются существительные, возможность совпадения или несовпадения их падежных форм, хотя в качестве примеров представлены только параллельно-падежные формы существительных, что не предполагает учета случаев типа *на озере Байкал, в журнале «Работница»*, несмотря на то что аппозитивные отношения по-прежнему устанавливаются. Полагаем, что ча-

стные семантические характеристики, открытый список которых дан в определении, целесообразно в него не включать.

Итак, существуют очевидные трудности и противоречия, связанные с определением объема понятия приложения. По нашему мнению, решить данную задачу можно лишь после подробного анализа соответствующих конструкций.

Среди ученых нет единодушия и в определении типа синтаксической связи существительных в конструкции с приложением. Как мы уже отмечали, М.С. Михайлова во 2-м издании энциклопедии «Русский язык» и «Краткой русской грамматике» изначально трактует приложение через понятие синтаксической связи, отождествляя приложение с согласованием. При этом согласование представлено как связь, при которой «в качестве главного слова выступает существительное, а в качестве зависимого – прилагательное (собственно прилагательное, причастие, местоимение-прилагательное, числительное), уподобляющееся существительному в формах рода, числа и падежа: *новый дом, открытая книга, читающий мальчик, наше село, такой порядок, первый ученик, один день*» [Краткая русская грамматика, 2002, с. 396]. В приведенной дефиниции согласования отсутствует указание на возможность выражения зависимого компонента существительным, уподобленным в формах рода, числа и падежа определяемому существительному, нет и соответствующего примера сочетания. Тем не менее подобные конструкции характеризуются как «особый вид согласования, при котором в качестве зависимого слова с определительным значением выступает существительное» [Краткая русская грамматика, 2002, с. 396]. Специфику согласования авторы «Краткой русской грамматики» видят в том, что «согласуемой формой при приложении является падеж; формы рода и числа в согласовании не участвуют: они могут совпадать (*гриб боровик, белка дуплянка, чудо-дерево, думы-тучи*) или не совпадать (*гриб сыроежка, белка ходок, чудо-богатырь, очки-велосипед*)» [Краткая русская грамматика, 2002, с. 400]. Важно, что ученые рассматривают также и случаи отсутствия согласования между существитель-

ными, если приложение: 1) постпозитивный топоним; 2) антропоним, который присоединяется посредством оборотов типа *по имени, по фамилии, по кличке*; 3) наименование газеты, журнала, учреждения, культурного или спортивного мероприятия и т. п. Несклоняемость приложений объясняется сближением синтаксической связи в подобных сочетаниях с примыканием, а это приводит авторов «Краткой русской грамматики» к признанию, что «все эти случаи по существу выходят за рамки приложения» [Краткая русская грамматика, 2002, с. 401].

В 3-м издании энциклопедии «Русский язык» М.С. Михайлова скорректировала дефиницию приложения, опираясь уже не на тип синтаксической связи, а на синтаксическую функцию: «Приложение – разновидность согласованного определения, выраженная существительным или субстантивным словосочетанием» [Михайлова, 2020, с. 548]. Однако такой подход представляется неоправданно суженным, поскольку не позволяет адекватно охарактеризовать выделенные компоненты в сочетаниях типа *из газеты «Известия», у Владимира Красное Солнышко, у озера Ладога, со студентом по фамилии Обухов, к собаке по кличке Джульбарс*, которые вряд ли могут быть квалифицированы в качестве согласованных определений.

Непоследовательно устанавливается вид синтаксической связи в конструкциях с приложением в «Словаре-справочнике по грамматике русского языка» В.И. Максимова и Р.В. Одекова. В словарной статье «Приложение» составители справочника рассматривают случаи как согласования двух существительных, так и полного его отсутствия, а в статье «Согласование» сочетаниями *старуха-мать, женщина-космонавт, город Санкт-Петербург, река Нева* [Максимов, Одеков, 1999, с. 204] иллюстрируют случаи полного согласования, а сочетаниями *писатель под псевдонимом Горький, на станции Котлас* – неполного согласования между компонентами [Максимов, Одеков, 1999, с. 268].

Е.Н. Ширяев, характеризуя связь в сочетании *юноша-студент* как согласование, говорит о том, что в нем невозможно на грамматической основе определить главное и за-

висимое слово. По мнению ученого, такую связь следует называть «взаимосогласованием», причем оно, как и согласование, может быть полным или неполным. В качестве примера, в котором существительные соединяются на основе неполного согласования, дано сочетание *город Москва*. Аргументом в пользу такой квалификации синтаксической связи двух существительных ученый считает отсутствие их уподобления в роде [Ширяев, 1997, с. 521]. Отметим, что синтаксическая связь в сочетаниях типа *станция под названием «Зима», собака по кличке Тяпа, на озере Байкал, у кинотеатра «Юность»* в словарной статье, посвященной согласованию, не квалифицируется даже как взаимосогласование.

Авторы «Русской грамматики» описывают сочетания существительного с приложением в рамках согласования. Однако отличие от традиционного подхода, представленного в проанализированных выше источниках, состоит в специфической трактовке самого согласования. Понимание согласования как «вида подчинительной связи, которая выражается уподоблением формы зависимого слова форме главенствующего слова в роде, числе и падеже, либо в числе и падеже, либо только в падеже, и означает отношения собственно определительные» [Русская грамматика, 1980, т. 2, с. 20], позволяет лингвистически корректно квалифицировать связь в сочетаниях *юноша-студент, река Волга, женщина-космонавт, очки-велосипед*, где компоненты словосочетаний *юноша-студент, река Волга* согласуются в роде, числе и падеже, *женщина-космонавт* – в числе и падеже, а *очки-велосипед* – только в падеже, при этом во всех случаях между существительными устанавливаются собственно определительные (атрибутивные) отношения. Это становится возможным потому, что, во-первых, в определении отсутствует указание на морфологическую природу зависимого компонента (см., например: [Казаков, 2013]); во-вторых, из трех заявленных грамматических категорий, необходимых для процесса согласования, обязательной является только категория падежа. Ранее нами уже высказывалась мысль о том, что «при таком подходе не только исчерпывающе представлена иерархия грамматических

категорий, участвующих в согласовании, но и оказывается неактуальным довольно распространенное в научной и учебной литературе деление согласования на полное и неполное» [Сидорова, 2023, с. 224]. Соглашаясь с подобной трактовкой согласования, позволим себе усомниться в целесообразности включения в раздел, посвященный характеристике этого вида подчинительной связи, таких сочетаний, как *на озере Байкал, у издательства «Знание», в магазине «Поэзия»* и др., поскольку в них отсутствует уподобление компонентов в падеже.

Ю.А. Рыженко дает очень близкое к трактовке «Русской грамматики» определение: «Согласование – это вид подчинительной связи, при которой зависимый компонент уподобляется главному в одноименных грамматических категориях рода, числа, падежа: *холодная осень, смеющийся ребенок*; или числа и падежа: *кленовые листья, решенные задачи*; или падежа: *с пятью рублями, пяти рублей»* [Рыженко, 2015, с. 64]. Однако при этом ученый не отказывается от деления согласования на полное и неполное, что приводит к утверждению о том, что посредством согласования соединяются «два существительных, одно из которых является приложением» [Рыженко, 2015, с. 65], при этом среди примеров даны не только параллельнопадежные сочетания *летчик-испытатель, красавица зима*, но и сочетания *с женщиной по имени Варвара, вулкан Этна*, в которых компоненты не уподобляются в падеже. В случае неполного согласования «зависимое слово уподобляется главному только в некоторых грамматических категориях» [Рыженко, 2015, с. 65]. В результате ученый квалифицирует синтаксическую связь между компонентами в сочетании *с мужчиной по имени Николай* как неполное согласование на основании совпадения грамматических категорий рода и числа, а в сочетании *на озере Байкал* – числа, хотя это противоречит иерархии дифференциальных признаков согласования, отраженных в его дефиниции.

В.А. Белошапкина рассматривает связь существительных в конструкции с приложением двояко. По ее мнению, согласованием можно признать связь существительных в тех случаях, когда они соединены «во всем объе-

ме своих форм... *красавица-зорька, инженер-строитель, колхоз-гигант»* [Синтаксис, 1999, с. 632]. Случаи связи определяемого с «не согласованной с ним формой зависимого существительного» (*на озере Байкал, к станции «Университет»*) лингвист относит к примыканию, мотивируя такую позицию тем, что «форма зависимого существительного в этих словосочетаниях сама по себе не служит для выражения связи, т.е. ведет себя как неизменяемая. Связь выражается специфическим для примыкания способом: контактным постпозитивным расположением примыкающего компонента, вхождением его в одну синтагму с определяемым словом, соотношением значений главного и зависимого компонентов словосочетания» [Синтаксис, 1999, с. 645]. В целом соглашаясь с логикой учебного, тем не менее считаем не вполне оправданным включение разнопадежных конструкций типа *до станции Сарепта, из села Ольховка* в один ряд со словосочетаниями типа *оказаться рядом, стараться исправить, идти прихрамывая*. Во всех случаях «классического» примыкания зависимый компонент не только не обладает категорией падежа, но и вообще является неизменяемым, тогда как приложения при абсолютном их употреблении в большинстве случаев склоняются. Вероятно, синтаксическую связь двух существительных, находящихся в аппозитивных отношениях и не согласующихся в падеже, можно характеризовать как падежное (именное) примыкание.

Представляет интерес трактовка синтаксической связи в конструкциях с приложением, изложенная Р.М. Гайсиной. В рамках присловных подчинительных связей она, как и многие другие ученые, выделяет управление, согласование (полное / неполное) и примыкание. Рассматривая приложение в качестве особого типа определения, исследователь квалифицирует синтаксическую связь в сочетаниях *женщину-космонавта, с красавицей-женой, у ученого-лингвиста* как полное согласование. Трактовка же неполного согласования коренным образом отличается от рассмотренных выше концепций. По Гайсиной, оно возникает в подчинительной связи «со вторым опорным словом – преимущественно с глаголом, который и диктует ему

иную падежную форму, не совпадающую с падежной формой опорного имени: *Я никогда не видел отца расстроенным*, где *расстроенным* согласуется в ед.ч., м.р. со словом *отца*, а форму Т.п. приобретает под влиянием управляющего глагола *видел* (каким?)» [Гайсина, 2001, с. 35–36]. По нашему мнению, в данном случае речь идет уже не о присловных подчинительных связях, возникающих между компонентами словосочетаний, а о специфических синтаксических связях, возникающих в предложении. Сочетания типа *за озером Байкал, около деревни Пески* представлены только в Примечании. Синтаксическая связь при этом квалифицируется как падежное (именное) примыкание. Таким образом, при характеристике подчинительных связей констатируется, что компоненты конструкций с приложением связываются на основе полного согласования либо падежного (именного) примыкания, а при описании приложения как второстепенного члена предложения Р. М. Гайсина признает, что компоненты подобных сочетаний соединяются на основе «аппозитивной связи» [Гайсина, 2001, с. 249], которая не получает никакой характеристики в анализируемом учебном пособии.

Понятие «аппозитивная связь» нередко трактуют как инонаименование. По мнению П.А. Леканта, «говорить о согласовании приложения с определяемым словом нет оснований» [Лекант, 2004, с. 186], связь существительного с приложением «не является подчинительной (это аппозиция – “наложение”). Значение приложения – это характеристика предмета через его параллельное наименование» [Лекант, 2010, с. 256]. О.Б. Сиротинина, предлагая термин «вариативная связь аппозитивных словоформ», также трактует ее как «особый вид синтаксической связи, отличающийся от подчинения» [Сиротинина, 2003, с. 14]. А.М. Ломов специфику данной связи видит в невозможности ее сближения «ни с согласованием, ни с подчинительной связью вообще: элементы словесного блока здесь формально не зависят друг от друга, а тождество их форм объясняется... отнесенностью номинаций к одной и той же реалии (референту). Последняя особенность, в свою очередь, исключает возможность отождествления аппозитивной связи с сочинительной: при сочинении со-

членяемые слова обычно называют разные реалии: *мать и дочь, брат и сестра*» [Ломов, 2007, с. 18].

Позволим себе не согласиться с позицией ученых, рассматривающих связь существительных в конструкциях с приложением как особый вид синтаксической связи. Если невозможность отнесения связи конструкций с приложением к сочинительной представляется вполне очевидной, ввиду специфических аппозитивных отношений, всегда устанавливающихся между определяемым словом и приложением, то ее выведение из поля подчинения вызывает вопросы. Во-первых, трактовка приложения в качестве второстепенного члена предложения предполагает его грамматически зависимую позицию. Во-вторых, при описании соответствующих конструкций ученые оперируют понятиями «приложение» и «определяемое слово», также ставящими компоненты в неравноправные, субординативные отношения. В-третьих, в случаях несовпадения падежа (*на озере Байкал, у парня по прозвищу Атаман, в кинотеатре «Юность»*) синтаксическая подчиненность, зависимость приложения легко устанавливается. В-четвертых, падежный параллелизм в сочетаниях (*город-герой – города-героя, город Волгоград – города Волгограда, немец-скрипач – немца-скрипача, женщина-космонавт – женщины-космонавта*), когда при изменении падежной формы определяемого существительного вслед за ним изменяется и падежная форма приложения, – показатель именно согласования, а не другого вида подчинительной связи.

По нашему мнению, грамматическая связь между существительными в конструкции с приложением является подчинительной, и в зависимости от наличия / отсутствия падежного параллелизма компонентов подобных сочетаний ее следует трактовать либо как согласование (*город-герой, завод-гигант, женщина-космонавт*), либо как падежное (именное) примыкание (*на озере Байкал, в программе «Здоровье», с девушкой по имени Оля*).

Семантика приложения и способы установления главного и зависимого компонента в словосочетании также квалифицируются в лингвистической литературе неоднозначно.

Н.С. Валгина отмечает, что приложения характеризуют предмет, обозначенный определяемым словом, по национальности, возрасту, роду деятельности, социальной принадлежности и т. д. [Валгина, 2000, с. 120]. М.С. Михайлова в качестве отдельной семантической разновидности выделяет приложения, которые позволяют выразить «экспрессивную оценку предмета или лица (“*молодец-удалец*”, “*проказница-мартышка*”)» [Михайлова, 2020, с. 548]. П.А. Лекант специфику семантики приложения объясняет возможностью сочетания в нем предметно-номинативного плана с элементами характеристики, оценки, уточнения по отношению к определяемому слову [Лекант, 2004, с. 187].

Еще одной дискуссионной темой, связанной с функционированием конструкций с приложением, следует признать квалификацию приложения в параллельнопадежных аппозитивных сочетаниях. И.Е. Ким говорит о том, что «согласование для лингвистов, в том числе синтаксистов, выглядит довольно очевидной связью с понятным механизмом. Однако в этой связи обнаруживается важный момент, который кажется на первый взгляд очевидным, но по сути таковым не является и требует специального обсуждения: какое слово считать зависимым в паре слов, связанных синтаксической связью и имеющих одинаковые формы падежа и/или числа и/или рода?» [Ким, 2018, с. 10]. Соглашаемся с П.А. Лекантом, признающим приложением в сочетаниях нарицательных существительных компонент, который «обладает качественно-оценочным значением или относится к определяемому как вид к роду» [Лекант, 2004, с. 187].

Значительно сложнее дело обстоит с сочетаниями, образованными нарицательными и собственными существительными. По мнению В.И. Максимова и Р.В. Одекова, «если сочетается собственное имя и нарицательное, то приложением признается обычно последнее: *профессор Сергеев; мой знакомый Коля*» [Максимов, Одеков, 1999, с. 204]. Однако в рамках этой же словарной статьи они приводят примеры, в которых «в роли приложения выступает название литературного произведения, органа печати, предприятия и т. п., ставящееся в кавычки: *в романе М. Шолохова “Они сражались за*

Родину», о газете “*Невское время*”, из акционерного общества “*Самсон*”» [Максимов, Одеков, 1999, с. 204]. Вряд ли наличие либо отсутствие кавычек у имени собственного может служить показателем грамматической или семантической зависимости существительного. Кроме того, данные сочетания являются разнопадежными, а значит, грамматическая зависимость выделенных имен собственных от определяемых имен нарицательных, трактуемая нами как падежное (именное) примыкание, не требует введения каких-либо дополнительных критериев для разграничения главного и зависимого компонентов словосочетания.

По мнению ряда исследователей, значимым признаком в сочетаниях имен собственного и нарицательного может служить частная разновидность проприатива (антропоним, топоним, эргоним). Н.С. Валгина утверждает: «При сочетании имени существительного собственного (имени лица) и нарицательного обычно приложением выступает имя нарицательное» [Валгина, 2000, с. 120]. Однако в таком случае возникает логическое противоречие в трактовке рассматриваемых сочетаний, поскольку далее Н.С. Валгина признает, что «**приложение** (выделено нами. – Е. С.) может присоединяться к определяемому слову при помощи... *по имени, по прозванию, по фамилии, по кличке, под названием и подобных*» [Валгина, 2000, с. 121]. При таком подходе в сочетании *доктор Груздев* приложением будет словоформа *доктор*, а в сочетании *доктор по фамилии Груздев – по фамилии Груздев*.

Другие же типы онимов, представляющих собой «названия, употребленные в переносном смысле (на письме заключенные в кавычки), всегда являются приложениями и стоят в форме именительного падежа, независимо от падежной формы определяемого слова» [Валгина, 2000, с. 121]. В таком случае остается вопрос: что считать приложением в конструкциях типа *город Волгоград, озеро Байкал, пес Шарик, кот Васька*, в которых оним, с одной стороны, не называет имя лица, а с другой – не заключается в кавычки?

П.А. Лекант, в целом поддерживая точку зрения Н.С. Валгиной, предлагает следующее решение: «Личные имена людей явля-

ются основными наименованиями, они играют роль определяемого члена; нарицательные имена дают характеристику лица по полу, возрасту, профессии, роду занятий, социальному положению и т. д. и являются приложениями... Другие собственные имена (названия городов, рек, кораблей, газет и т. д., клички животных) в сочетании с нарицательными выполняют функции приложения и выражают уточнение, пояснение, выделение» [Лекант, 2004, с. 187]. Как видим, клички животных отнесены к приложениям наряду с другими проприативами, называющими неодушевленные предметы.

В соответствии с точкой зрения, отраженной в «Русской грамматике», квалифицируется в качестве приложения имя собственное, служащее наименованием «городов, деревень, гор, рек, озер, пристаней, станций, газет, гостиниц, магазинов, учреждений, разных устройств» [Русская грамматика, 1980, т. 2, с. 58]. Подобный подход к сочетаниям типа *город Волгоград, река Ока, издательство «Просвещение», шоу «Голос»* в целом не вызывает противоречий в научной среде, тогда как утверждение того, что «к приложениям относятся все определения – названия лица собственным именем: *девочка Оля, мальчик Петя, тетя Катя, дядя Ваня, собака Шарик»* [Русская грамматика, 1980, т. 2, с. 59], прямо противоположно выше приведенным взглядам П.А. Леканта, Н.С. Валгиной, В.И. Максимова и Р.В. Одекова.

Г.И. Кустова, как и авторы «Русской грамматики», считает, что при соединении личного имени и нарицательного существительного, называющего возраст, национальность, социальный статус и т. п., «приложением является имя собственное» [Кустова, Мишина, Федосеев, 2007, с. 80]. Она пишет: «Приложения, как и другие определения, нужны для конкретизации, уточнения основного названия предмета – определяемого существительного, для дополнительной характеристики обозначенного этим существительным предмета. Именно такую функцию выполняют собственные имена, стоящие после нарицательных существительных. Кроме того, собственное имя может присоединяться с помощью оборотов *по имени, по прозвищу, по фамилии: Последним подошел мальчик по имени Петя»* [Кустова, Мишина, Федосеев, 2007, с. 80].

М.С. Михайлова в 3-м издании энциклопедии «Русский язык» вопрос о соотношении определяемого и определяющего компонентов в сочетаниях собственных и нарицательных имен решает однозначно. По ее мнению, «имена, фамилии, прозвища, клички, географические названия, собственные имена предметов, выступающие в роли определения, всегда являются приложением» [Михайлова, 2020, с. 548].

Следствием очевидной дискуссионности характеристики конструкций существительного с приложением можно считать высказываемые некоторыми лингвистами мысли о единой функции обоих компонентов подобных словосочетаний. Так, Е.С. Скобликова констатирует: «Полное наименование предмета предполагает одновременное употребление нарицательного и собственного имени, которые одно без другого часто информативно недостаточны. Например: *в городе Николаеве, на полуострове Таймыр, для журнала «Новый мир»*» [Скобликова, 2006, с. 220]. Еще более категоричен А.М. Ломов, по мнению которого, подобные сочетания существительных «выполняют единую функцию в предложении – либо второстепенного члена: *Мы увидели старика крестьянина*, либо главного: *Старик крестьянин медленно подошел к нам* и что, следовательно, всякая необходимость в выделении приложения как особой разновидности определения отпадает» [Ломов, 2007, с. 268]. Как видим, квалификация приложения в отечественной русистике до сих пор дискуссионна.

Заключение

Результаты проведенного анализа трактовок конструкций существительного с приложением, представленных в современной научной и учебной литературе, позволяют нам прийти к следующим выводам.

Синтаксические отношения в сочетаниях типа *город-герой, город Волгоград, озеро Байкал, красавец мужчина, шоу «Голос», студент-отличник, женщина-космонавт, ягода малина, профессор Иванов, кот Васька, писатель по фамилии Паустовский, пес по кличке Рыжик* являются аппозитивными, то есть такими, когда оба компонента отно-

сятся к одному референту, и могут рассматриваться как разновидность определительных (в широком понимании) отношений.

Компоненты анализируемых конструкций соединяются на основе подчинительной связи, выступающей в двух разновидностях. При наличии уподобления в падеже обоих существительных во всей их парадигме (*город-герой, город Волгоград, красавец мужчина, студент-отличник, женщина-космонавт, ягода малина, профессор Иванов, кот Васька*) синтаксическая связь может быть охарактеризована как согласование; при отсутствии уподобления в падеже обоих существительных во всей их парадигме (*озеро Байкал, шоу «Голос», писатель по фамилии Паустовский, пес по кличке Рыжик*) синтаксическая связь может быть охарактеризована как падежное (именное) примыкание.

В сочетаниях двух нарицательных существительных зависимым компонентом анализируемых словосочетаний (по традиции именуемым приложением) будет являться тот, который дает другое название или указывает на наличие какого-либо дополнительного признака, в том числе имеющего экспрессивную оценку (*город-герой, красавец мужчина, студент-отличник, женщина-космонавт, ягода малина*).

При сочетании имени собственного любого типа и имени нарицательного (за исключением случаев обособления) зависимым компонентом будет являться тот, который выражен именем собственным, поскольку проприатив по своей природе призван давать вторичное название, дополнительную характеристику, выводя конкретный предмет (в широком понимании) из ряда подобных ему (*город Волгоград, озеро Байкал, шоу «Голос», профессор Иванов, кот Васька, писатель по фамилии Паустовский, пес по кличке Рыжик*).

Выделение приложения как разновидности определения либо самостоятельного второстепенного члена предложения, по нашему мнению, избыточно. Соответствующие словоформы с учетом их семантики и грамматической представленности целесообразно рассматривать в качестве согласованных или несогласованных определений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Валгина Н. С., 2000. Синтаксис современного русского языка. М. : Агар. 416 с.
- Гайсина Р. М., 2001. Синтаксис современного русского языка : Теория, Схемы и образцы анализа. Упражнения : в 2 ч. Уфа : Изд-во Башк. ун-та. Ч. 1. 282 с.
- Золтнер О. В., 2021. Синтаксический статус приложения в отечественной науке: из истории изучения вопроса // Гуманитарный научный вестник. № 12. С. 212–219. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.5827494>
- Золтнер О. В., 2022. Трактовка приложения как второстепенного члена предложения в школьных учебниках и пособиях // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. № 4 (37). С. 83–87. DOI: 10.36809/2309-9380-2022-37-83-87
- Казakov В. П., 2013. Двусоставные предложения // Синтаксис современного русского языка / Г. Н. Акимова [и др.]; под ред. С. В. Вяткиной. СПб. : Филол. фак. СПбГУ. С. 100–127.
- Кибрик А. Е., 1977. Опыт структурного описания арчинского языка. В 3 т. Т. 2. Таксономическая грамматика. М. : МГУ. 346 с.
- Ким И. Е., 2023. Согласование в русском языке: морфологическая, синтаксическая и семантическая сущность // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. № 2 (7). С. 9–24. DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-9-24
- Ким И. Е., 2018. Тенденция к разрушению русской падежной системы и предсказуемость синтаксической связи в теории синтаксиса В.А. Белошапковой // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 51. С. 9–24. DOI: 10.17223/19986645/51/
- Краткая русская грамматика, 2002 / В. Н. Белоусов [и др.]; под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. М. : Наука. 726 с.
- Крылова О. А., 2001. Общее понятие о предложении // Современный русский язык : Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / под общ. ред. Л. А. Новикова. СПб. : Лань. С. 609–690.
- Кустова Г. И., Мишина К. И., Федосеев В. А., 2007. Простое предложение // Синтаксис современного русского языка. М. : Академия. С. 54–165.
- Лекант П. А., 2010. Синтаксис // Современный русский язык : слов.-справ. / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант; под ред. П. А. Леканта. М. : Просвещение. С. 211–279.
- Лекант П. А., 2004. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М. : Высш. шк. 247 с.

- Ломов А. М., 2007. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. М. : АСТ : Восток – Запад. 416 с.
- Максимов В. И., Одеков Р. В., 1999. Словарь-справочник по грамматике русского языка. М. : Гардарики. 368 с.
- Михайлова М. С., 1997. Приложение // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд. М. : Большая Рос. энцикл. : Дрофа. С. 378–380.
- Михайлова М. С., 2020. Приложение // Русский язык : Энциклопедия / под общ. ред. А. М. Молдована. 3-е изд. М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА. С. 548–549.
- Патроева Н. В., 2008. Проблемы типологии синтаксических связей // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Филология. № 1. С. 118–121.
- Русская грамматика. В 2 т. Т. 2, 1980 / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука. 709 с.
- Рыженко Ю. А., 2015. О видах синтаксической связи в современном русском языке // Современная парадигма гуманитарных исследований: проблемы филологии и культурологии : сб. науч. ст. / сост.: Л. П. Гогина, С. Г. Григоренко, С. В. Овсянникова. М. : Перо. С. 61–70.
- Сидорова Е. Г., 2023. Может ли согласование быть неполным? // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации : сб. материалов III Всерос. науч.-практ. онлайн-конф. (30 марта 2023 г.) / под ред. О. Ю. Ивановой. Орел : ОГУ им. И.С. Тургенева. С. 222–226.
- Синтаксис, 1999 // Современный русский язык / В. А. Белошапкина [и др.]. М. : Азбуковник. С. 606–868.
- Сиротинина О. Б., 2003. Лекции по синтаксису русского языка. М. : Едиториал УРСС. 144 с.
- Скобликова Е. С., 2006. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс). М. : Флинта : Наука. 320 с.
- Шелякин М. А., 2000. Справочник по русской грамматике. М. : Рус. яз. 355 с.
- Ширяев Е. Н., 1997. Согласование // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд. М. : Большая Рос. энцикл. : Дрофа. С. 520–521.
- and Samples of Analysis. Exercises. In 2 Pt.]. Ufa, Izd-vo Bashk. un-ta, pt. 1. 282 p.
- Zoltner O.V., 2021. Sintaksicheskiy status prilozheniya v otechestvennoy nauke: iz istorii izucheniya voprosa [Syntactic Status of Application in Domestic Science: From the History of the Study of the Issue]. *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik* [Humanitarian Scientific Bulletin], no. 12, pp. 212–219. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.5827494>
- Zoltner O.V., 2022. Traktovka prilozheniya kak vtorostepennogo chlena predlozheniya v shkolnykh uchebnikakh i posobiyakh [Interpretation of the Appositive as the Subordinate Part of a Sentence in School Textbooks and Manuals]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research], no. 4 (37), pp. 83–87. DOI: 10.36809/2309-9380-2022-37-83-87
- Kazakov V.P., 2013. Dvusostavnye predlozheniya [Two-Part Sentences]. Akimova G.N. et al. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [Modern Russian: Syntax]. Saint Petersburg, Filol. fak. SPbGU, pp. 100–127.
- Kibrik A.E., 1977. *Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo yazyka. V 3 t. T. 2. Taksonomicheskaya grammatika* [Experience of Structural Description of the Archin Language. In 3 Vols. Vol. 2. Taxonomic Grammar]. Moscow, MGU. 346 p.
- Kim I.E., 2023. Soglasovanie v russkom yazyke: morfologicheskaya, sintaksicheskaya i semanticheskaya sushchnost [Morphological, Syntactic and Semantic Nature of Agreement in Russian]. *VERBA. Severo-Zapadnyy lingvisticheskiy zhurnal* [North-West Linguistic Journal], no. 2 (7), pp. 9–24. DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-9-24
- Kim I.E., 2018. Tendentsiya k razrusheniyu russkoy padezhnoy sistemy i predskazuemost sintaksicheskoy svyazi v teorii sintaksisa V.A. Beloshapkovoy [The Tendency Towards the Destruction of the Russian Case System and the Predictability of Syntactic Connections in the Theory of Syntax V.A. Beloshapkova]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Review of Tomsk State University. Philology], no. 51, pp. 9–24. DOI: 10.17223/19986645/51/2
- Belousov V.N. et al., 2002. *Kratkaya russkaya grammatika* [Brief Russian Grammar]. Moscow, Nauka Publ. 726 p.
- Krylova O.A., 2001. Obshchee ponyatie o predlozhenii [General Concept of a Proposal]. Novikov L.A.,

REFERENCES

- Valgina N.S., 2000. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [Syntax of Modern Russian Language]. Moscow, Agar Publ. 416 p.
- Gaysina R.M., 2001. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka: Teoriya, Skhemy i obratzny analiza. Uprazhneniya: v 2 ch.* [Syntax of the Modern Russian Language: Theory, Schemes

- ed. *Sovremennyy russkiy yazyk: Fonetika. Leksikologiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya. Sintaksis* [Modern Russian Language: Phonetics. Lexicology. Word Formation. Morphology. Syntax]. Saint Petersburg, Lan Publ., pp. 609-690.
- Kustova G.I., Mishina K.I., Fedoseev V.A., 2007. *Prostoe predlozhenie* [Simple Sentence]. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [Syntax of Modern Russian Language]. Moscow, Akademiya Publ., pp. 54-165.
- Lekant P.A., 2010. *Sintaksis* [Syntax]. Kasatkin L.L., Klobukov E.V., Lekant P.A. *Sovremennyy russkiy yazyk: slov.-sprav.* [Modern Russian. Dictionary-Reference Book]. Moscow, Prosveshchenie Publ., pp. 211-279.
- Lekant P.A., 2004. *Sintaksis prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Syntax of a Simple Sentence in Modern Russian]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 247 p.
- Lomov A.M., 2007. *Slovar-spravochnik po sintaksisu sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary-Reference Book on the Syntax of the Modern Russian Language]. Moscow, AST, Vostok – Zapad Publ. 416 p.
- Maksimov V.I., Odekov R.V., 1999. *Slovar-spravochnik po grammatike russkogo yazyka* [Dictionary-reference Book on Russian Grammar]. Moscow, Gardariki Publ. 368 p.
- Mikhaylova M.S., 1997. Prilozhenie [Apposition]. Karaulov Yu.N., ed. *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [Russian Language. Encyclopedia]. Moscow, Bolshaya Ros. entsikl. Publ., Drofa Publ., pp. 378-380.
- Mikhaylova M.S., 2020. Prilozhenie [Apposition]. Moldovan A.M., ed. *Russkiy yazyk: Entsiklopediya* [Russian Language: Encyclopedia]. Moscow, AST-PRESS SHKOLA Publ., pp. 548-549.
- Patroeva N.V., 2008. Problemy tipologii sintaksicheskikh svyazey [Problems of the Typology of Syntactic Connections]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Scientific Notes of Petrozavodsk State University. Philology], no. 1, pp. 118-121.
- Shvedova N.Yu., ed., 1980. *Russkaya grammatika. V 2 t. T. 2* [Russian Grammar. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, Nauka Publ. 709 p.
- Ryzhenko Yu.A., 2015. O vidakh sintaksicheskoy svyazi v sovremennom russkom yazyke [On the Types of Syntactic Connections in Modern Russian Language]. Gogina L.P., Grigorenko S.G., Ovsyannikova S.V., eds. *Sovremennaya paradigma gumanitarnykh issledovaniy: problemy filologii i kulturologii: sb. nauch. st.* [The Modern Paradigm of Humanitarian Research. Problems of Philology and Cultural Studies. Collection of Scientific Articles]. Moscow, Pero Publ., pp. 61-70.
- Sidorova E.G., 2023. *Mozhet li soglasovanie byt nepolnym?* [Can Agreement Be Incomplete?]. Ivanova O.Yu., ed. *Aktualnye voprosy lingvistiki i lingvodidaktiki v kontekste mezhkulturnoy kommunikatsii: sb. materialov III Vseros. nauch.-prakt. onlayn-konf. (30 marta 2023 g.)* [Topical Issues of Linguistics and Linguodidactics in the Context of Intercultural Communication: Collection of Materials from the All-Russian Scientific and Practical Online Conference]. Orel, OGU im. I.S. Turgeneva Publ., pp. 222-226.
- Sintaksis [Syntax], 1999. Beloshapkova V.A. et al. *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian]. Moscow, Azbukovnik Publ., pp. 606-868.
- Sirotnina O.B., 2003. *Lektsii po sintaksisu russkogo yazyka* [Lectures on the Syntax of the Russian Language]. Moscow, Editorial URSS Publ. 144 p.
- Skoblikova E.S., 2006. *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis prostogo predlozheniya (teoreticheskiy kurs)* [Modern Russian: Simple Sentence Syntax: Theoretical Course]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 320 p.
- Shelyakin M.A., 2000. *Spravochnik po russkoy grammatike* [Handbook of Russian Grammar]. Moscow, Rus. yaz. Publ. 355 p.
- Shiryaev E.N., 1997. Soglasovanie [Agreement]. Karaulov Yu.N., ed. *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [Russian Language. Encyclopedia]. Moscow, Bolshaya Ros. entsikl. Publ., Drofa Publ., pp. 520-521.

Information About the Author

Elena G. Sidorova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, eg_sidorova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7705-1311>

Информация об авторе

Елена Геннадьевна Сидорова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, eg_sidorova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7705-1311>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» состоит в содействии развитию лингвистики посредством создания платформы для научной коммуникации представителей международного профессионального сообщества, открывающей широкому кругу читателей свободный доступ к достижениям национальных лингвистических школ и направлений.

Редакционная политика журнала направлена на решение следующих задач:

- комплексное представление достижений современной лингвистики посредством публикации результатов оригинальных исследований в области теории языка, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики, истории и современного состояния языков разных групп и семей; объединения в рамках одного номера статей схожей проблематики, авторы которых принадлежат разным научным школам, актуализируют традиционные и реализуют современные направления лингвистики, апробируют новые методы и концепции изучения языков, их функционирования в разных сферах (в том числе в интернет-коммуникации) и в разные периоды развития;

- поддержка исследований междисциплинарного характера в области компьютерной лингвистики, юридической лингвистики, социолингвистики, гендерной лингвистики, переводоведения, теолингвистики и др.;

- расширение международной аудитории журнала посредством привлечения к сотрудничеству зарубежных авторов, публикации на русском и английском языках научных обзоров современных теоретических и экспериментальных исследований, выполненных российскими и зарубежными учеными;

- повышение интереса зарубежных специалистов к российским исследованиям посредством перевода на английский язык русскоязычных статей, посвященных изучению славянских языков, в частности русского, и межкультурной коммуникации;

- поддержка интернациональных научных коллективов, объединенных сравнительно-сопоставительным изучением языков в рамках конкретных тем.

В качестве критериев отбора статей учитываются: обращение авторов к новым языковым явлениям и новым источникам, знание и использование авторами новейших отечественных и иностранных публикаций по теме исследования, научная объективность и качественный анализ фактов с применением соответствующих современному уровню развития методологии и методов научного исследования, дискуссионность. Поддерживая развитие научного взаимодействия, редакция приветствует статьи, написанные в соавторстве российскими и зарубежными исследователями в рамках международных проектов.

The mission of the *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* is to promote the development of linguistics by providing a platform for scientific communication between Russian linguists and the international scholarly community. The journal gives open access to the achievements of national schools of linguistics to a broad readership.

The editorial policy of the Journal is aimed at achieving the objectives set:

- comprehensive presentation of the achievements of modern linguistics through publishing the results of original research in language theory, applied and comparative linguistics, history, and the current state of languages of different groups and families; bringing together in a single issue articles on similar research topics conducted by authors belonging to different schools of thought, publishing manuscripts using traditional and contemporary trends in linguistics, and applying new methods, research designs, and concepts to investigate linguistic phenomena and functions of languages in different discourse domains (including Internet communication) in synchronic and diachronic perspectives;

- supporting interdisciplinary research in the fields of computational linguistics, legal linguistics, sociolinguistics, gender linguistics, translation studies, theolinguistics, etc.;

- expanding the journal's international readership by publishing high-quality manuscripts by foreign authors and reviews of current theoretical and experimental research carried out by Russian and foreign scientists in Russian and English;

- enhancing interest in Russian studies on behalf of foreign professional linguists by translating into English Russian-language articles on the issues of Slavic languages, in particular Russian, and intercultural communication;

- supporting international research projects dedicated to the comparative study of languages within the framework of specific topics.

The criteria for selecting the articles to be published are the following: the authors' appeal to new linguistic phenomena and new sources, the authors' familiarity with latest publications on the research topic carried out by domestic and foreign scholars and application of their results, scientific objectivity and thorough analysis of facts using the methods of scientific research that correspond to the current level of methodology development, and actual discussion potential. The Editorial Board promotes the development of scientific cooperation and welcomes the articles written in co-authorship by Russian and foreign researchers in the framework of international projects.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редакционная коллегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

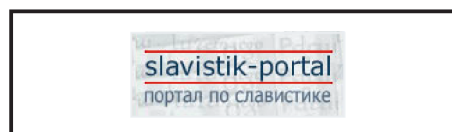
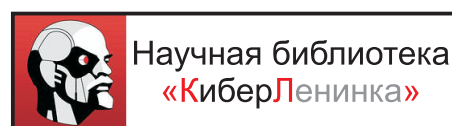
The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

ISSN 1998-9911

9 771998 991007